СЛѢДЫ КОРНЕЙ-ОСНОВЪ

ВЪ

СЛАВЯНСКИХЪ ЯЗЫКАХЪ.

А. Л. ПОГОДИНЪ

ПРОФЕССОРЪ ВАРШАВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ВАРШАВА.

ТИПОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

Краковское Предмѣстье, № 3.

1903.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ виду нѣкоторой сложности плана этой книги я считаю нелишнимъ изложить въ нѣсколькихъ словахъ процессъ мысли, приведшій меня къ его выработкѣ. Встрѣчая въ специальной литературѣ указанія на корневыя основы (Wurzelnomina, Wurzelstämme) и споры относительно того, что такое корень и основа, и можно-ли приписывать корнямъ нѣкогда самостоятельное существованіе, я считалъ необходимымъ исходить въ разрѣшеніи указанныхъ вопросовъ изъ общихъ положеній, а такими я считалъ принципы формообразованія какъ въ индоевропейскихъ языкахъ, гдѣ и указывались корневыя основы, такъ и въ финно-угорскихъ, которыя, принадлежа къ числу т. наз. агглютинирующихъ языковъ, могли представить ясный матеріалъ для выясненія отношеній основы къ корню. При изученіи этихъ принциповъ въ указанныхъ лингвистическихъ семьяхъ я пришелъ къ убѣжденію, что установленіе т. наз. агглютинирующей группы языковъ вызывается не столько наблюденіемъ надъ дѣйствительностью, сколько общими соображеніями метафизическаго характера; другими словами, что это вопросъ литературной исторіи языкознанія. Какъ таковой, онъ требовалъ разсмотрѣнія его въ отдѣльной главѣ, посвященной исторіи вопроса и необходимой для обзора тѣхъ психологическихъ принциповъ, которые дѣйствуютъ въ образованіи формъ различ-

ныхъ языковъ. По моему убѣжденію, эти принципы вездѣ одинаковы и дѣйствуютъ въ одномъ и томъ же языкѣ во всѣ періоды его развитія, при чемъ только измѣняется по звуковымъ законамъ матеріальный составъ языка. Вообще говоря, основа слова все разростается по мѣрѣ развитія языка, благодаря нарощенію суффиксовъ, присоединенію префиксовъ и т. д., пока не начинается обратное движеніе въ пользу сокращенія словъ, которое подчиняется собственнымъ законамъ и мало считается съ морфологическимъ составомъ словъ. На основаніи перваго принципа мы въ правѣ исходить въ языкахъ т. наз. синтетическихъ изъ того зерна, того неразложимаго далѣе атома слова, который называемъ корнемъ. Наука находитъ довольно большое число корневыхъ основъ какъ въ отдѣльныхъ (старыхъ) индо-европейскихъ языкахъ, такъ и въ возстановляемомъ праязыкѣ; судьба этихъ элементовъ въ славянскихъ языкахъ меня уже давно интересовала, и въ предлагаемой на судъ читателей книгѣ я сдѣлалъ попытку освятить этотъ темный и въ сущности еще никѣмъ почти не затронутый вопросъ, для чего пришлось привлечь къ разсмотрѣнію не мало матеріала изъ славянскихъ діалектовъ и литературныхъ языковъ. Одинаковое вниманіе я обратилъ и на балтійскіе языки, по преимуществу литовскій и латышскій.

Читателя, нѣсколько знакомаго съ моими прежними работами, можетъ быть, удивитъ, что я говорю теперь нерѣдко о славяно-литовской эпохѣ, которую прежде считалъ, какъ и проф. Бодуэнъ-де-Куртенэ, „ученой фикціей“ (см. Журн. Мин. Нар. Просв. 1903. № 4. Отд. 2, стр. 330). Однако внимательное изученіе морфологическихъ явленій славянскихъ языковъ, которое я началъ въ прошломъ году, убѣдило меня въ томъ, что значительное сходство ихъ, ограниченное притомъ балтійскими и славянскими языками (иногда еще и германскими), указываетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ на

эпоху, когда славянскіе и балтійскіе языки еще не выдѣлились изъ одного общаго имъ праязыка. Сюда относится напр. образованіе сравнительной степени съ суф. -ēs, которое находимъ въ литовскомъ языкѣ, а изъ славянскихъ въ русскомъ, сербскомъ, словинскомъ, моравскомъ (Bartoš. Dial. II. 237: hlubočéší, dobřéší), польскомъ (scedressy въ Kaz. Swięt. Prace Fil. III. 713, nawerneszemu, nÿneszÿm, napowisesszy въ Риторикѣ 1428 г. Prace Fil. I. 483. 489 и др.) и лужицкихъ. Далѣе, окончаніе Gen. Sing. основъ на *-o*, восходящее къ *ā; Dat. Sing., воспользовавшійся старой формой Instr. Sing., и т. под. принадлежатъ также славяно-литовской эпохѣ. Если, съ другой стороны, литовскій языкъ представляетъ явленія, сходныя съ особенностями иныхъ индоевропейскихъ языковъ (напр., въ области законовъ ударенія проф. Явнисъ отмѣчаетъ сходство съ греческимъ), то и это еще не говоритъ противъ предположенія указаннаго праязыка. Изученіе судьбы корневыхъ основъ и сложныхъ словъ точно также постоянно переноситъ насъ на славяно-литовскую почву.

Заканчивая и выпуская въ свѣтъ свою работу, считаю долгомъ выразить искреннюю признательность Совѣту Императорскаго Варшавскаго Университета, назначившему средства на напечатаніе этой книги, а также всѣмъ лицамъ, помогшимъ мнѣ доставать нужныя мнѣ книги, что при условіяхъ работы въ провинціальномъ городѣ особенно цѣнно, а именно: профессорамъ Е. Ѳ. Карскому, В. А. Погорѣлову, А. И. Смирнову, И. П. Филевичу и В. А. Францеву въ Варшавѣ, Ч. Зибрту, К. Зубатому и І. Поливкѣ въ Прагѣ, А. И. Соболевскому въ С.-Петербургѣ, а также К. Кадлецу въ Прагѣ за сообщеніе мнѣ библіографическихъ свѣдѣній о чешской жупѣ. Тѣмъ не менѣе, кое-что изъ тѣхъ книгъ, которыя мнѣ были очень нужны, я все-таки не могъ достать. Въ заключеніе я долженъ извиниться въ томъ, что при всемъ моемъ стараніи избѣгнуть опечатокъ ихъ вкралось въ

книгу довольно много: въ этомъ повинно мое слабое зрѣніе, не позволяющее мнѣ разбирать въ слѣпой корректурѣ сходныхъ буквъ. Списокъ замѣченныхъ опечатокъ приложенъ въ концѣ.

Что касается указателей, то я счелъ нужнымъ приложить указатели индоевропейскихъ словъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ книгѣ, и фамилій авторовъ цитируемыхъ сочиненій. Предметный же указатель я постарался замѣнить подробнымъ оглавленіемъ, такъ какъ очень трудно составить подобный указатель къ книгѣ такого содержанія, какъ эта. На бытовое содержаніе разсматриваемыхъ словъ я обращалъ большое вниманіе, и я думаю, что историкъ праславянской культуры найдетъ здѣсь коечто по части быта (напр., о погребеніи—стр. 223, объ одеждѣ, о скотоводческомъ бытѣ, о молотьбѣ, о жупѣ и др.; ср. также подъ словомъ берлога). Вопросамъ культурныхъ связей славянства съ сосѣдями я старался также, поскольку это было возможно, удѣлить соотвѣтствующее мѣсто (ср. подъ словами: гуна, куца и т. д.).

Въ концѣ книги приложенъ небольшой списокъ дополненій тѣмъ матеріаломъ, который случайно не попалъ на свое мѣсто въ изложеніи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

АГГЛЮТИНАЦІЯ.

Ученіе объ агглютинаціи, какъ объ особой ступени эволюціи языковъ, было установлено въ началѣ 19 вѣка; родоначальникомъ его надо считать, кажется, Вильгельма фонъ Гумбольдта [1]), который въ 1822 году въ своей знаменитой статьѣ [2]) о происхожденіи грамматическихъ формъ намѣтилъ основныя черты развитія языковъ. Съ удивительной проницательностью и на основаніи очень широкаго знакомства съ языками культурныхъ и дикихъ народовъ Гумбольдтъ старался опредѣлить мѣсто агглютивныхъ образованій среди другихъ грамматическихъ и указать на связь между агглютинаціей и флексіей. Какъ исходный пунктъ при классификаціи языковъ по „физіологическому различію въ ихъ строѣ", основателемъ которой Поттъ [3]), по моему, вполнѣ справедливо, признавалъ В. Гумбольдта, названная статья послѣдняго заслуживаетъ ближай-

[1]) Классификація братьевъ Шлегелей носила слишкомъ общій характеръ. См. Steinthal. Charakteristik. Стр. 4—7.

[2]) „Ueber das Entstehen der grammatischen Formen und ihren Einfluss auf die Ideenentwicklung (Abhandlungen der hist.-philol. Klasse der Königl. Akad. d. Wissenschaften zu Berlin. Aus den Jahren 1822 und 1823. Berlin 1825, стр. 401—430). Ср. изложеніе и разборъ этой статьи у Потта въ книгѣ „Wilhelm von Humboldt und die Sprachwissenschaft". Berlin 1876, стр. 297—365.

[3]) „Введеніе въ общее языкознаніе" (рус. перев.). С.-Петерб. 1885, стр. 76. Ср. также „Wilh. von Humboldt und die Sprachwiss." Стр. 320—322.

шаго разсмотрѣнія. Если, какъ я постараюсь показать, самъ Гумбольдтъ первоначально и не думалъ о классификаціи, приписанной ему, то все-же эта классификація была извлечена изъ его пониманія происхожденія грамматическихъ формъ, и потому косвеннымъ образомъ должна быть связана съ его именемъ.

Основнымъ тезисомъ, на которомъ построено все теоретическое зданіе романтической философіи языка, служитъ для Гумбольдта убѣжденіе въ тѣсной связи между мышленіемъ и развитіемъ грамматическихъ формъ. „Преобладающая сила мышленія сообщаетъ языку формальность (Formalität), а преобладающая въ немъ формальность возвышаетъ силу мышленія"— таковъ былъ принципъ Гумбольдта, который утверждалъ, что „острота мышленія возрастаетъ, когда логическимъ отношеніямъ точно соотвѣтствуютъ и грамматическія, и умъ (der Geist) все сильнѣе втягивается въ формальное и вмѣстѣ съ тѣмъ чистое мышленіе, когда языкъ привыкаетъ проводить рѣзкую грань между грамматическими формами". Но такъ какъ и языки дикарей, особенно американскихъ, обладаютъ значительнымъ разнообразіемъ чрезвычайно сложныхъ грамматическихъ образованій, то Гумбольдту приходится, для устраненія противорѣчія между его положеніемъ и этимъ фактомъ, признать, что эти образованія не настоящія грамматическія формы. Послѣднія могутъ принадлежать только „высокообразованнымъ языкамъ" (die hochgebildeten Sprachen), хотя „всѣ грамматическія отношенія можно передать въ выраженіяхъ почти каждаго языка", и Гумбольдтъ замѣчаетъ между этими понятіями тонкую, но весьма существенную разницу. „Слова и грамматическія отношенія двѣ вещи, совершенно различныя въ представленіи. Первыя являются настоящими предметами въ языкѣ, вторыя лишь соединеніями ихъ, но языкъ становится возможнымъ лишь благодаря ихъ совокупности. Грамматическія отношенія могутъ быть присоединены мысленно (hinzugedacht), если даже они не всегда имѣютъ въ языкѣ знаки, и строй языка можетъ быть такого рода, что неясность и недоразумѣнія избѣгаются при этомъ, по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени. Поскольку однако грамматическія отношенія имѣютъ опре-

дѣленное выраженіе, въ употребленіи такого языка существуетъ грамматика собственно безъ грамматическихъ формъ". Между тѣмъ послѣднія совершенно необходимы для развитія стройной рѣчи, безъ которой Гумбольдтъ не представляетъ себѣ развитой культуры. Языки китайцевъ и египтянъ лишены грамматическихъ образованій, и „въ срединномъ царствѣ или на черныхъ берегахъ Нила былобы тщетно искать благороднаго и тонкаго благоуханія истинной культуры" (слова Потта).

Въ чемъ же, однако, заключается разница между грамматическими формами нашихъ флексивныхъ языковъ и ихъ „аналогами", живущими въ языкахъ болѣе грубыхъ (die roheren Sprahen)? По мнѣнію Гумбольдта, она заключается въ томъ, что первыя какъ будто отлиты въ одну форму, тогда какъ въ послѣднихъ элементы лишь прицѣплены другъ къ другу. „Тѣсное срощеніе цѣлаго приводитъ въ забвеніе значеніе частей, а крѣпкое соединеніе ихъ подъ однимъ акцентомъ измѣняетъ ихъ самостоятельное удареніе, зачастую и ихъ звуковой составъ; такимъ образомъ, достигается единство всей формы, которую часто уже не можетъ разложить и кропотливый грамматикъ, достигается обозначеніе опредѣленнаго грамматическаго отношенія". И съ точки зрѣнія говорящаго лица между настоящими (ächt) грамматическими формами и ихъ „аналогами" чувствуется живое различіе: пока послѣдніе состоятъ изъ болѣе или менѣе раздѣлимыхъ элементовъ, „говорящій не столько пользуется уже существующими формами, сколько всякій разъ образуетъ для себя новую". Однако — и это очень важно для выясненія точки зрѣнія Гумбольдта на классификацію языковъ — „выше стоящіе языки съ болѣе искусственной организаціей начали также съ грубаго и простого строя, и еще носятъ на себѣ явственные слѣды его"; „въ большинствѣ самыхъ развитыхъ языковъ еще и теперь можно распознать соединеніе элементовъ, которыя связаны здѣсь ничуть не иначе, чѣмъ въ болѣе грубыхъ языкахъ; и *такой способъ возникновенія и настоящихъ грамматическихъ формъ путемъ присоединенія значущихъ слоговъ (путемъ агглютинаціи) долженъ считаться почти всеобщимъ*" (стр. 411). Къ этимъ зна-

менательнымъ выраженіямъ, показывающимъ, какъ вѣрно понималъ Гумбольдтъ отношеніе агглютинаціи къ флексіи, присоединяю еще слѣдующее: „чѣмъ дальше языкъ удаляется отъ своего начала, тѣмъ болѣе онъ при прочихъ равныхъ условіяхъ пріобрѣтаетъ въ области формы. Уже одно долгое употребленіе крѣпко сплавляетъ элементы словосочетаній (Wortstellungen), стираетъ у нихъ отдѣльные звуки и дѣлаетъ ихъ прежнюю самостоятельную форму неузнаваемой. Я не могу отдѣлаться отъ убѣжденія, что *въ концѣ концовъ всѣ языки исходили, главнымъ образомъ, изъ агглютинаціи*" (418).

Я думаю, что изъ вышеприведенныхъ извлеченій изъ статьи Гумбольдта совершенно ясно, что въ его представленіяхъ вовсе не существовало разъ на всегда опредѣленное раздѣленіе языковъ по ихъ неизмѣннымъ „физіологическимъ" свойствамъ, и если этотъ замѣчательный мыслитель говоритъ, что съ точки зрѣнія грамматической эволюціи различія языковъ оказываются лишь ея ступенями (401 стр.), что по отношенію къ ней всѣ языки дѣлятся на два класса (427 стр.), то онъ имѣетъ въ виду прежде всего психическое развитіе народовъ, говорящихъ на этихъ языкахъ, и рѣшительно чуждъ взгляду, по которому языкъ одного типа не можетъ перейти въ другой. Особенно отчетливо это сказывается въ его выводахъ относительно возникновенія грамматическихъ формъ. Они сведены къ слѣдующему ряду положеній:

„Языкъ обозначаетъ первоначально предметы и предоставляетъ пониманію слушателя мысленное присоединеніе формъ, связующихъ рѣчь.

Однако онъ пытается облегчить такое мысленное присоединеніе съ помощью сопоставленія словъ и съ помощью названій предметовъ и вещей, названій, указывающихъ на отношеніе и форму.

Такимъ образомъ на низшей ступени грамматическое обозначеніе совершается путемъ формулъ (Redensarten), фразъ, предложеній.

Это средство подвергается извѣстному упорядоченію, словосопоставленіе становится постояннымъ, упомянутыя слова те-

ряютъ мало по малу свое независимое употребленіе, свое вещественное значеніе, свой первоначальный звуковой составъ.

Такимъ образомъ на второй ступени грамматическое обозначеніе совершается при помощи постоянныхъ словосопоставленій и словъ, колеблющихся между формальнымъ и вещественнымъ значеніемъ.

Словосопоставленія пріобрѣтаютъ единство, слова съ формальнымъ значеніемъ присоединяются къ нимъ и становятся аффиксами. Но соединеніе еще не постоянно, скрѣпы еще видны, цѣлое является аггрегатомъ, а не единицей.

Такъ на третьей ступени грамматическое обозначеніе совершается при помощи аналоговъ формъ.

Наконецъ формальность вступаетъ въ свои права. Слово становится единицей, модифицированной въ своихъ грамматическихъ отношеніяхъ лишь измѣняющимися звуками флексіи; каждое слово принадлежитъ извѣстной части рѣчи и обладаетъ не только лексикальной, но и формальной индивидуальностью; слова съ формальнымъ значеніемъ уже не имѣютъ никакого лишняго, побочнаго значенія, но служатъ только выраженіями отношеній.

Такимъ образомъ, на высшей ступени грамматическое обозначеніе совершается при помощи настоящихъ формъ, при помощи флексіи и чисто грамматическихъ словъ".

Отсюда видно, что, создавая свою теорію развитія грамматическихъ формъ, Гумбольдтъ говорилъ вовсе не о языкахъ изолирующихъ, агглютинирующихъ или флексирующихъ и совершенно обособленныхъ другъ отъ друга своимъ строемъ, но лишь о стадіяхъ грамматической эволюціи. „Такъ какъ здѣсь идетъ рѣчь о постепенномъ возникновеніи грамматики", замѣчаетъ онъ въ началѣ своей статьи: „то различія языковъ, разсматриваемыя съ этой стороны, являются ступенями въ этой эволюціи". Дальнѣйшее замѣчаніе Гумбольдта еще яснѣе показываетъ, какъ нужно смотрѣть на указанный процессъ. „Языкъ, взятый во всемъ своемъ объемѣ, сводится, какъ къ своему окончательному центру, къ человѣчеству вообще, и если мы спросимъ: до какой степени совершенства человѣкъ въ

дѣйствительности довелъ языкъ, то у насъ будетъ прочный пунктъ, который позволитъ намъ опредѣлить другіе, настолько же прочные пункты. Такимъ образомъ сказывается непрерывное развитіе языковой способности (Sprachvermögen), и притомъ оно проявляется въ вѣрныхъ признакахъ, и въ этомъ смыслѣ можно съ полнымъ правомъ говорить о томъ, что языки въ своихъ различіяхъ образуютъ ступени (von stufenartider Verschiedenheit unter den Sprachen)".

Мнѣ кажется, что изъ всѣхъ многочисленныхъ извлеченій изъ статьи Гумбольдта можно сдѣлать тотъ выводъ, что въ его пониманіи языкъ, какъ одно цѣлое, стремится въ своемъ развитіи къ идеальному совершенству грамматическихъ формъ; одни языки ближе къ нему, другіе дальше, но точной границы между языками провести нельзя. Въ языкахъ, гдѣ мѣсто „настоящихъ" грамматическихъ формъ занимаютъ по большей части ихъ „аналоги", есть однако образованія, которыхъ никакъ не отличишь отъ флексивныхъ, и съ другой стороны въ нашихъ „высокообразованныхъ" языкахъ не мало слѣдовъ первобытнаго словосочетанія. Такимъ образомъ, рѣчь идетъ лишь объ образованіяхъ, которыя уживаются рядомъ въ одномъ языкѣ, но одни представляютъ прогрессивный, а другіе консервативный элементъ. Конечно, влеченіе къ схематизму не могло удержать Гумбольдта отъ перенесенія особенностей грамматическаго строя на самые языки, но все же его пониманіе классификаціи языковъ гораздо болѣе тонко, чѣмъ ему приписываетъ Поттъ.

Особенно нерѣшительно Гумбольдтъ отзывается объ агглютинаціи въ ея отношеніи къ флексіи. По его мнѣнію, въ языкахъ перваго типа каждый самъ для себя образуетъ форму изъ раздѣлимыхъ элементовъ, въ языкахъ флексирующихъ говорящій пользуется уже готовой формой. Однако врядъ-ли подъ этимъ положеніемъ могъ бы подписаться самъ Поттъ! Вѣдь всѣ формальныя новообразованія въ области суффиксовъ, склоненія и спряженія основаны именно на томъ, что элементы формы чувствуются нами, какъ раздѣльные, и мы ихъ переносимъ со слова на слово. Вообще, агглютивный элементъ всег-

да присутствуетъ въ языкѣ, при самомъ высшемъ развитіи флексіи онъ живетъ рядомъ съ нею, нисколько не противорѣча флексивнымъ образованіямъ. Агглютинирующіе языки въ чистомъ видѣ совершенно фикція, потому что раздѣльность элементовъ, составляющихъ слово, неминуемое условіе всякой флексіи (рыб-а, рыб-ѣ, рыб-ою), а отсутствіе всякаго срощенія между этими элементами, которое считается такимъ характернымъ явленіемъ въ языкахъ этого типа, опять—таки едва-ли не теоретическое построеніе, никогда не встрѣчающееся на практикѣ. Во всякомъ случаѣ, если флексирующіе языки вышли изъ агглютивнаго состоянія, то всѣ формальныя новообразованія въ нихъ совершаются первоначально опять-таки по способу агглютинаціи. Вотъ почему дѣленіе языковъ на флексирующіе и агглютинирующіе, какъ мнѣ кажется, совершенно не выдерживаетъ критики съ точки зрѣнія реальнаго пониманія лингвистическихъ фактовъ.

Да и самъ Гумбольдтъ чувствовалъ, что въ его разсужденіяхъ объ агглютинаціи кое-что построено довольно шатко, и въ своей послѣдней книгѣ „Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwickelung des Menschengeschlechts" (Berlin, 1836, какъ 1-ый томъ сочиненія о языкѣ Кави) онъ посвятилъ цѣлый параграфъ (§ 14, стр. 132—144) выясненію взаимныхъ отношеній между флексіей и агглютинаціей. Однако здѣсь гораздо болѣе искусственнаго и страннаго съ точки зрѣнія современной лингвистики, чѣмъ въ вышеразобранномъ разсужденіи. Такъ какъ между агглютивными и флексивными образованіями границы то и дѣло стираются, то Гумбольдту приходится искать принципіальной противоположности между ними. Кажется, я не ошибусь въ своемъ пониманіи его взгляда на этотъ вопросъ, если скажу, что въ концѣ концовъ дѣло сводится къ тому, что флексирующіе языки обладаютъ влеченіемъ въ флексіи, котораго не испытываютъ агглютинирующіе [1]). Въ суффик-

[1]) Вотъ одно изъ характерныхъ мѣстъ (стр. 141—142): „Первоначальная самостоятельность значенія суффиксовъ никоимъ образомъ не препятствуетъ чистотѣ настоящей флексіи. Образованныя

сахъ индо-европейскихъ языковъ Гумбольдтъ констатируетъ сильную струю символики (примѣрами ея служатъ для него *s* въ мѣстоименіи 3 лица, *m* въ среднемъ родѣ и т. д.). Однако „не только само по себѣ символическое и лишь указывающее, но и дѣйствительно значущее теряетъ эту послѣднюю природу свою тамъ, гдѣ этого требуетъ нужда языка, благодаря своей роли въ цѣломъ (образованіи)" (стр. 140). Иначе говоря: тамъ, гдѣ языкъ „требуетъ" превращенія агглютивнаго элемента во флексивный, это превращеніе и происходитъ, или еще другими словами языкъ съ „духомъ флексіи", покоряясь „внутреннему чувству флексіи", и создаетъ для себя эту послѣднюю.

Какъ ни пытался однако Гумбольдтъ низвести агглютинацію на то положеніе, какое она должна была занимать въ системѣ его теоретическихъ построеній, она все продолжала смущать философа своимъ упорнымъ нежеланіемъ улечься въ отведенныя ей рамки, и Гумбольдтъ съ нѣсколько комическимъ негодованіемъ обзываетъ ее двуполымъ существомъ. „Между отсутствіемъ всякаго указанія на категоріи словъ, которое обнаруживается въ китайскомъ языкѣ", замѣчаетъ онъ: „и настоящей флексіей не можетъ быть никакого третьяго звена, согласимаго съ истинной организаціей языка. Единственнымъ мыслимымъ является здѣсь сложеніе, употребляющееся въ каче-

---

такими флексивными слогами (Beugungssylben) слова являются такими же опредѣленными, какъ и тамъ, гдѣ существуетъ внутреннее измѣненіе, но только простыми, въ различныя формы отлитыми понятіями, и потому хорошо выполняютъ цѣль флексіи. Однако это значеніе требуетъ, во всякомъ случаѣ, весьма значительной силы внутренняго чувства флексіи (des inneren Flexionssinnes) и рѣшительнаго господства духа надъ звуками (Lautherrshaft des Geistes), которое должно одолѣть это значеніе, превративъ грамматическое образованіе во флексію (die bei ihr die Ausartung der grammatischen Bildung in Zusammensetzung zu überwinden hat). Языкъ, который, подобно санскриту, пользуется такими первоначально значущими флексивными слогами, обнаруживаетъ этимъ самымъ увѣренность, которую онъ полагаетъ на мощи оживляющаго его духа". Въ другомъ мѣстѣ (стр. 143) Гумбольдтъ говоритъ о „das flectirende Bestreben des inneren Sinnes".

ствѣ флексіи, иначе говоря — задуманная, но не довершенная флексія, болѣе или менѣе механическое сцѣпленіе, а не чисто органическое нарощеніе (Anbildung). Это не всегда легко распознаваемое двуполое существо (Zwitterwesen) въ послѣднее время назвали агглютинаціей. Такой видъ сцѣпленія побочныхъ опредѣляющихъ понятій (von bestimmenden Nebenbegriffen) возникаетъ, съ одной стороны, изъ слабости внутренняго организирующаго чувства рѣчи (Sprachsinn) или изъ пренебреженія истиннымъ направленіемъ его, а съ другой стороны все-таки обнаруживаетъ стремленіе какъ создать для категорій понятій и фонетическое соотвѣтствіе, такъ и поступать при этомъ не совершенно тожественно съ дѣйствительнымъ обозначеніемъ понятій. Такимъ образомъ, подобный языкъ не отказывается вовсе отъ грамматическихъ указаній, но вмѣстѣ съ тѣмъ не доканчиваетъ своей работы въ этомъ направленіи, а искажаетъ (verfälscht) ее въ самомъ ея существѣ.

Поэтому наружно, а *до извѣстной степени и дѣйствительно*, онъ можетъ обладать множествомъ грамматическихъ формъ и все-таки никогда не достигнуть, въ дѣйствительности, выраженія истиннаго понятія такой формы. Впрочемъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ онъ можетъ содержать и дѣйствительную флексію, состоящую во внутреннемъ измѣненіи словъ, и *время можетъ превратить его первоначально настоящія составныя образованія кажущимся образомъ во флексіи*, такъ что становится трудно, отчасти и невозможно, дать всякому отдѣльному случаю правильную оцѣнку. Но, что позволяетъ дать правильное сужденіе о цѣломъ, заключается въ совокупности всѣхъ относящихся сюда случаевъ. Изъ общаго изученія ихъ сейчасъ же обнаруживается, насколько сильно или слабо флексивное стремленіе внутренняго чувства господствуетъ надъ строеніемъ языковъ. Въ этомъ только и можетъ заключаться различіе. Ибо такъ наз. агглютинирующіе языки отличаются отъ флексирующихъ *не по своему роду* (der Gattung nach), какъ языки, отрицающіе всякія (грамматическія) указанія при помощи флексіи, *но только по степени, въ какой ихъ*

неясное стремленіе къ послѣдней болѣе или менѣе приводитъ къ неудачѣ" (стр. 142—143).

Я думаю, что въ приведенномъ отрывкѣ, гдѣ Гумбольдтъ суммировалъ свои взгляды на флексію и агглютинацію, мы натыкаемся на основное противорѣчіе. Агглютинирующіе языки (здѣсь они уже появляются, тогда какъ въ 1822 году объ этомъ не было еще и рѣчи) могутъ имѣть *дѣйствительную* флексію, а между тѣмъ ихъ неясное стремленіе (ihr dunkles Bestreben) къ ней всегда приводитъ къ неудачѣ (misslingt). Какъ же образуются такія дѣйствительныя флексивныя образованія, разъ время безсильно превратить въ нихъ составныя формы агглютинаціи, которыя лишь наружнымъ образомъ принимаютъ видъ флексивныхъ? И наконецъ если между агглютивными и флексивными языками лежитъ непроходимая пропасть, которую время не въ силахъ стереть, то не значитъ-ли это, что языкамъ флексивнымъ *предопредѣлено* самымъ „духомъ языка" быть флексивными? Тогда ни о какой языковой эволюціи не можетъ быть и рѣчи, и наукѣ приходится сложить оружіе и преклониться передъ предопредѣленіемъ, раздѣлившимъ языки *разъ на всегда* на изолирующіе, агглютинирующіе и флексирующіе. Тѣмъ болѣе поражаетъ слѣдующее замѣчаніе Гумбольдта: „по моимъ изслѣдованіямъ нѣтъ ни одного вполнѣ агглютинирующаго языка, и въ отдѣльныхъ случаяхъ часто нельзя рѣшить, какое участіе въ кажущемся суффиксѣ принимаетъ духъ флексіи (der Flexionssinn)" (стр. 144).

Изъ вышеизложеннаго, мнѣ кажется, можно сдѣлать тотъ выводъ, что яснаго понятія объ агглютинирующихъ и флексирующихъ языкахъ Гумбольдтъ не достигъ, да и не могъ достигнуть, потому что онъ хотѣлъ доказать несуществующее въ природѣ; всѣ его указанія на то, что во флексирующихъ языкахъ замѣтны слѣды агглютинаціи, а въ агглютинирующихъ попадаются часто флексивныя образованія, приводятъ къ убѣжденію, что разница между первыми и вторыми чисто кажущаяся, что всякое морфологическое образованіе состоитъ изъ элементовъ, которые этимологически правильно или неправильно чувствуются раздѣльными, и что только въ языкахъ, гдѣ

звуковой составъ отличается подвижностью, эти элементы могутъ болѣе сливаться другъ съ другомъ, чѣмъ въ другихъ языкахъ. Еще въ 1822 году Гумбольдтъ утверждалъ, что флексирующіе языки вышли изъ агглютивнаго состоянія, а въ 1836 году онъ уже призналъ время безсильнымъ въ этомъ процессѣ, а отъ этого запутался въ противорѣчіяхъ, которыя сдѣлали невозможнымъ изученіе языковой эволюціи.

Какъ бы то ни было, классификація языковъ по физіологическому различію въ ихъ строѣ была достигнута, и Поттъ формулировалъ взгляды Гумбольдта слѣдующимъ образомъ [1]: „агглютинирующіе, связующіе языки, въ которыхъ вещество и форма прилѣпляются другъ къ другу *почти всегда* [2]) внѣшнимъ образомъ. Таковы, напр., такъ наз. татарскіе или уралоалтайскіе языки. Собственно флексивные, въ которыхъ происходитъ тѣсное соединеніе вещества и формы, такъ что оба соединяются въ одно неразрывное цѣлое. Сюда относится не болѣе двухъ семействъ, заключающихъ, однако, въ себѣ образованные (культурные) народы земли, самымъ счастливымъ образомъ одаренные". Схема Гумбольдта-Потта легла въ основаніе очень многихъ трудовъ послѣдующаго времени; въ нѣсколько измѣненномъ, утонченномъ видѣ она стала достояніемъ и современной науки. Поэтому, я думаю, будетъ нелишнимъ и не безинтереснымъ сдѣлать вкратцѣ обзоръ этого вопроса въ современной ученой литературѣ. Работъ стараго времени я касаться почти не буду, за исключеніемъ трудовъ Штейнталя и Шлейхера, составившихъ эпоху въ разработкѣ теоретическихъ основъ языкознанія. Эти сочиненія перечислены Поттомъ въ его книгѣ о Гумбольдтѣ (стр. 320—322 и 402—421),

---

[1]) Введеніе въ общее языкознаніе (рус. пер.) стр. 77. Раньше въ 1848 году въ Jahrbücher der freien deutschen Akademie.

[2]) Это „почти всегда" совершенно разрушаетъ всю схему. Дѣленіе логически невѣрно, если признакъ дѣленія допускаетъ исключенія въ одной изъ группъ. Ср. напр. такое дѣленіе: человѣчество раздѣляется на чернокожихъ, желтыхъ, бѣлыхъ и т. д. людей; среди чернокожихъ большинство чернокожихъ (но попадаются и бѣлые, и желтые) и т. п.

въ его „Введеніи въ общее языкознаніе" и въ другихъ работахъ общаго характера. Только мимоходомъ я коснусь классификаціи Макса Мюллера и Овелака, какъ ученыхъ, значительно содѣйствовавшихъ популяризаціи языкознанія въ Германіи, Англіи и Франціи, и затѣмъ перейду къ ученымъ новѣйшаго времени. Итакъ, останавливаюсь сначала на Штейнталѣ. Прежде всего, мнѣ приходится съ сожалѣніемъ отмѣтить, что первое изданіе его книги „Die Classification der Sprachen, dargestellt, als die Entwickelung der Sprachidee" (Berlin. 1850) было мнѣ недоступно. Я могъ воспользоваться только вторымъ переработаннымъ изданіемъ этого сочиненія, вышедшимъ подъ названіемъ „Charakteristik der hauptsächlichsten Typen des Sprachbaues" въ 1860 году. Эта переработка, какъ замѣчаетъ самъ Штейнталь, коснулась многихъ существенныхъ сторонъ классификаціи языковъ; Поттъ, сильно полемизировавшій съ Штейнталемъ по вопросу о пониманіи Гумбольдта, называетъ эту книгу гораздо болѣе зрѣлой, чѣмъ первое изъ указанныхъ сочиненій.

Книга Штейнталя начинается съ критическаго разбора классификаціи Потта и умозрѣній Гумбольдта на природу языка. Въ первой онъ отмѣчаетъ полную несостоятельность принципа и справедливо задаетъ рядъ вопросовъ, на которые отвѣтить Поттъ былъ, повидимому, не въ состояніи, потому что его возраженія въ указанной книгѣ о Гумбольдтѣ и въ Введеніи въ языкознаніе далеко не убѣдительны. Что такое „внутреннее проникновеніе вещества и формы", спрашиваетъ Штейнталь. Какъ такъ въ τί-θη-μι, въ λόγο-s форма проникаетъ вещество? Какъ „слились здѣсь воедино" вещество и форма? Не „сцѣплены" ли они, наоборотъ, „почти только внѣшнимъ образомъ другъ съ другомъ"? Задаетъ Штейнталь и еще болѣе существенные вопросы: напр., почему это, разъ флексивныя формы возникли тоже изъ агглютивныхъ, въ такъ наз. агглютинирующихъ языкахъ не совершилось болѣе тѣсное соединеніе элементовъ? Минуя еще рядъ недоумѣній, которыя возбуждаютъ въ каждомъ мыслящемъ читателѣ классификаціи братьевъ Шлегелей и Потта-Гумбольдта, перейдемъ къ очень важному

замѣчанію Штейнталя, которое подрываетъ самые корни этой знаменитой классификаціи. „Это дѣленіе на три или четыре группы", замѣчаетъ онъ (стр. 12): „покоится на основаніи, которое не допускаетъ никакого точного измѣренія, и цѣнность котораго остается совершенно неопредѣленной. Что въ томъ, тѣснѣе или свободнѣе совершается соединеніе грамматическихъ слоговъ съ корнями? и что такое эти тѣсно или свободно? Безъ дальнихъ словъ предполагается, что тѣсное соединеніе стоитъ выше. Но нѣкоторымъ кажется, что у свободныхъ агглютинирующихъ языковъ есть именно то преимущество, что въ нихъ все отчетливѣе, понятнѣе, аналитичнѣе; и все въ высшей степени правильно, такъ что нѣтъ никакихъ исключеній!" И далѣе Штейнталь въ полушутливомъ тонѣ начинаетъ перечислять всѣ преимущества агглютинирующихъ языковъ. Этому отношенію между „веществомъ" и „формой" онъ посвящаетъ нѣсколько блестящихъ страницъ и кончаетъ вопросомъ: „когда нѣмецъ говоритъ: ich werde lieben, чтоже, онъ меньше, чѣмъ римлянинъ съ его amabo связываетъ субъектъ съ дѣятельностью и эту послѣднюю съ будущимъ? Если смотрѣть на языкъ въ себѣ, какъ на извѣстный духовный продуктъ, то онъ всегда будетъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ полнѣе и опредѣленнѣе все обозначаетъ. Но не только средства, которыми онъ пользуется, будутъ совершенно равноправными, но и самъ онъ постоянно, совершенный или несовершенный, будетъ имѣть одинъ и тотъ же результатъ" (стр. 19).

Очеркъ, посвященный В. Гумбольдту (стр. 20—70), очень интересенъ. Штейнталь подвергаетъ критической оцѣнкѣ теоретическія построенія философа-языковѣда, чрезвычайно мѣтко обнаруживаетъ въ нихъ тьму противорѣчій, неясностей, мистицизма. Основнымъ выводомъ изъ этого обзора является заключеніе, что Гумбольдтъ, крайне спутанно представлявшій себѣ отношеніе между рѣчью и мыслью, не могъ потому самому понять и сущность, объемъ и значеніе различія языковъ; главнымъ заблужденіемъ его было исканіе *степеней* въ разнообразіи языковъ (die Gradunterschiede der Sprachen. 68 стр.). Вслѣдъ затѣмъ Штейнталь характеризуетъ свою собственную

точку зрѣнія. Гумбольдтъ, по его мнѣнію, разрушилъ всѣ опоры прежняго языкознанія, показавъ, что особенности каждаго изъ языковъ настолько велики, что ни одна изъ теоретически предположенныхъ общихъ формъ рѣчи не выдерживаетъ критики. Но самъ онъ не понималъ того, что сдѣлалъ, и онъ не выпутался изъ противорѣчія между теоретическими соображеніями и тѣми фактами, которые ему давало тонкое пониманіе отдѣльныхъ языковъ. Такимъ образомъ, Штейнталь, рѣшивъ покончить съ тѣми противорѣчіями, которыя помѣшали Гумбольдту придти къ ясности взглядовъ, считаетъ продолженіемъ его пути индивидуальное изслѣдованіе языковъ. „А это станетъ возможнымъ лишь въ томъ случаѣ", замѣчаетъ онъ (стр. 74): „если въ существѣ языка, которое Гумбольдтъ понималъ въ формѣ субстанціи, мы будемъ видѣть просто психическій процессъ".

Эта точка зрѣнія опредѣлила и остальные выводы Штейнталя, прежде всего его взгляды на формальные и безформенные (если такъ можно перевести нѣм. formlose) языки. Если, какъ мы увидимъ ниже, Штейнталь въ концѣ концовъ пришелъ, въ сущности, къ тому же пониманію агглютинаціи, какое мы отмѣтили уже у его знаменитаго предшественника, то путь къ этой конечной цѣли имъ былъ выбранъ иной. Попытаемся изложить принципы Штейнталя, поскольку они касаются интересующаго насъ вопроса.

Языкъ не тожественъ съ мышленіемъ, но есть лишь извѣстная форма этого послѣдняго; другими словами, языкъ — это мышленіе въ опредѣленіи самосозерцанія, представленія (Denken in der Bestimmung der Selbstanschauung, стр. 103). Именно, вслѣдствіе этого, онъ служитъ одновременно и формой, и выраженіемъ мышленія; но какъ всякая дѣятельность совершается въ извѣстныхъ формахъ, которыя и составляютъ жизнь ея, такъ въ формахъ нуждается и языкъ, дѣятельность способности представленій (die Thätigkeit des Vorstellens). Но между формами другихъ видовъ духовной дѣятельности и этими существуетъ принципіальная разница: при размышленіи, фантазированіи, созерцаніи и не нужно, и иногда не возможно со-

знавать тѣ формы, въ которыхъ совершается эта дѣятельность". Иное дѣло—рѣчь, которая является субъективной дѣятельностью духа, обращенной имъ на самого себя, чистымъ духовнымъ созданіемъ формъ (Formen). Отсюда дѣлаются самые существенные выводы: „если народъ представляетъ себѣ свои умозрѣнія неясно, т. е. безформенно (formlos), то и въ процессѣ его самопредставленія, въ его рѣчи, будетъ мало или вовсе не будетъ формъ. Въ этихъ умозрѣніяхъ, взятыхъ въ логико-метафизическомъ смыслѣ, могутъ быть любыя формы; но если тѣ или другія формы не входятъ въ представленія, то онѣ не существуютъ и въ языкѣ. Языкъ лишь постольку и лишь въ такомъ видѣ формированъ, какъ и поскольку онъ формируетъ себя самъ, т. е. представляетъ формы или содержаніе въ формахъ" (стр. 103). На чемъ же основано различіе языковъ, спрашиваетъ Штейнталь. Въ концѣ концовъ оно сводится къ различію тѣхъ формъ, въ которыхъ народы представляютъ свои умозрѣнія, къ разницѣ между сознаніями различныхъ духовъ народовъ (das Bewustsein der verschiedenen Volksgeister).

Установленная точка зрѣнія позволяетъ освѣтить и задачи дѣленія языковъ, которое должно быть основано на степени, въ какой различныя лингвистическія семьи осуществили идею языка (die Sprachidee); однако та лѣстница, которую придумалъ Гумбольдтъ, совершенно не мыслима, потому что въ природѣ никогда эволюція не принимаетъ направленія прямой линіи; „духъ обращается во всѣ стороны, идетъ впередъ, назадъ, въ сторону". Языковая идея—безконечный организмъ, который живетъ цѣликомъ въ каждомъ членѣ, и его расчлененіе нельзя представить въ видѣ подымающейся или опускающейся линіи; это дерево съ множествомъ вѣтвей, изъ которыхъ иныя всячески переплелись, но дерево, у котораго въ концѣ концовъ все-таки одна вершина. Такъ и въ дѣленіи языковъ Штейнталь (стр. 106) отчетливо различаетъ лѣстницу ихъ развитія, но точное разграниченіе ступеней въ отдѣльныхъ случаяхъ онъ считаетъ невозможнымъ. Поэтому въ послѣдующихъ главахъ своей книги онъ представилъ рядъ типовъ языковаго строенія, признанныхъ имъ за основные,

Однако вопросы классификаціи языковъ настолько занимали Штейнталя, что онъ вернулся къ нимъ въ послѣдней главѣ своей книги (стр. 312 и дал.). Здѣсь многое, едва затронутое въ предшествующихъ разсужденіяхъ, получило болѣе детальное развитіе и опредѣленіе. Впрочемъ, я долженъ признаться, что и здѣсь разсужденія Штейнталя мнѣ представляются порядочной метафизикой, неуступающей по своей неясности той, въ которой онъ самъ упрекалъ Гумбольдта; и здѣсь языкъ оказывается воплощеніемъ извѣстнаго „понятія"; греческій языкъ воплощаетъ одно, бирманскій другое и т. д. Но всякое дѣленіе языковъ по степенямъ совершенства воплощенія понятія будетъ произвольнымъ, субъективнымъ, ибо каждая изъ степеней вполнѣ воплощаетъ свое понятіе; поэтому за объективный критерій дѣленія нужно принять другой принципъ, именно это самое „понятіе" (313 — 314). Но теперь возникаетъ другой вопросъ: какъ же опредѣлять относительную высоту этихъ „понятій„? „Понятіе есть цѣль, а цѣль нужда, а нужда продуктъ способности или, лучше, не что иное, какъ еще внутренняя, еще невыраженная способность, одаренность или сила. Но чѣмъ выше способность, чѣмъ больше или чѣмъ болѣе мощны и цѣнны силы, тѣмъ значительнѣе потребность, тѣмъ выше цѣль, тѣмъ совершеннѣе созданіе. Поэтому, тѣ вещи, въ производствѣ которыхъ мы открываемъ больше силъ или силы болѣе могучія и благородныя, чьи формы разнообразнѣе или искусственнѣе, чьи движенія вслѣдствіе этого болѣе живы, а дѣятельность выше и напряженнѣе, чья непосредственная работа стоитъ въ болѣе близкомъ отношеніи къ высшему существу,— эти вещи мы считаемъ болѣе высокими. Намъ кажется, что здѣсь мы пользуемся критеріемъ объективнымъ" (314). Насколько этотъ критерій примѣнимъ къ классификаціи языковъ, что въ нихъ считать „болѣе разнообразными или искусственными формами" и т. д., это такіе вопросы, отъ правильной постановки которыхъ зависитъ трезвость и ясность всей теоріи. Къ сожалѣнію, и здѣсь Штейнталь плаваетъ въ морѣ самыхъ отвлеченныхъ представленій, которыя совсѣмъ оторваны отъ почвы живой дѣйствительности языковъ. Установивъ въ пред-

шествующемъ, что относительная высота языка состоитъ въ относительномъ развитіи его формальной стороны, при чемъ— не совсѣмъ ясно, почему—подъ формой рѣчи подразумѣваются лишь грамматическія формы, онъ принимаетъ за критерій классификаціи (316 стр.) „внутреннюю форму рѣчи“ (die innere Sprachform), а эту послѣднюю признаетъ „своеобразной системой грамматическихъ категорій языка“, какъ будто лишь въ нихъ сказывается форма, въ которой выражается дѣятельность рѣчи (живость и образность рѣчи обойдены вниманіемъ). Между тѣмъ принципы, изложенные Штейнталемъ, примѣняются прежде всего къ дѣленію въ предѣлахъ одного и того же языка: такъ, мы можемъ сказать, что языкъ Пушкина выше языка необразованнаго и неталантливаго человѣка потому, что у перваго „формы“ разнообразнѣе и искусственнѣе, психическая дѣятельность, выражающаяся въ нихъ, живѣе и т. д., но подъ формами здѣсь, конечно, нельзя подразумѣвать грамматическихъ формъ, которыя, наоборотъ, пожалуй, богаче у послѣдняго; онъ скажетъ и ишо́лъ, и мѣсто́въ, тогда какъ Пушкинъ связанъ традиціей литературной рѣчи. Поэтому, мнѣ представляется, что Штейнталь, перейдя отъ своего перваго критерія ко второму, сдѣлалъ логически неправильное уравненіе ихъ. Во всякомъ случаѣ онъ не привелъ никакихъ доказательствъ въ пользу возможности отожествить ихъ. Однако послѣдуемъ за нимъ далѣе.

„Чѣмъ выше и чище духъ народа схватилъ сущность формы“, говоритъ онъ: „тѣмъ высшую ступень займетъ его языкъ, ибо тѣмъ болѣе онъ приближается къ категоріямъ понятія. Формальное въ содержаніи не ускользаетъ совершенно ни отъ одного народа (formelles andem Inhalte kann keinem Volke gänzlich entgangen sein); но различная, противоположная природа формы и содержанія и ихъ взаимоотношеніе воспринимаются не вездѣ. Формальное представляется, какъ вещество, рядомъ съ содержаніемъ, такъ что это послѣднее представляется безформеннымъ, а потому и самое представленіе, языкъ, становится безформеннымъ. Здѣсь формальное и содержаніе представляются одинаково равноправнымъ, стоя-

щимъ рядомъ, означающимъ нѣчто изъ языка (von der Sprache zu bezeichnender) веществомъ,—и потому оба элемента во многихъ языкахъ выражаются одинаково. какъ вещество языка, при чемъ формальный моментъ отъ матеріальнаго не отличается особенностями въ разработкѣ. Слѣдовательно, подобные языки имѣютъ только вещественные элементы. Они выражаютъ формальныя опредѣленія содержанія, какъ вещество, т. е. выражаютъ форму съ помощью вещественныхъ словъ, а потому они—безформенны". (стр. 37). Все это высказано очень замысловато, но, если распутать хитрое сплетеніе словъ, то едва-ли въ концѣ концовъ передъ нами не старая мысль Гумбольдта: языки безъ флексіи и съ суффиксами, происшедшими изъ конкретныхъ словъ, не имѣютъ настоящихъ грамматическихъ формъ. Но почему же выше тѣ языки, въ которыхъ онѣ есть? Развѣ процессъ привнесенія грамматическихъ отношеній въ рѣчь безъ внѣшняго ихъ выраженія даетъ въ психологическомъ смыслѣ не то же самое, что самое точное выраженіе этихъ отношеній съ помощью различныхъ предлоговъ, префиксовъ и окончаній. Приходится ли современному англичанину или нѣмцу употреблять какое-нибудь усиліе для созданія и пониманія длинныхъ сложныхъ словъ или цѣлыхъ предложеній, лишенныхъ всякой флексіи? Я думаю, что въ разсужденіяхъ Штейнталя присутствіе чисто „діалектическихъ" пріемовъ даетъ себя чувствовать весьма сильно.

Такимъ образомъ, и Штейнталь приходитъ неизбѣжнымъ образомъ къ дѣленію грамматическихъ формъ на настоящія и ненастоящія; къ числу послѣднихъ относятся всѣ формы безформенныхъ языковъ; другими словами: такъ какъ въ безформенныхъ (formlose) языкахъ грамматическихъ формъ нѣтъ, то всѣ грамматическія формы ихъ оказываются не настоящими, а только кажущимися. Выводъ, какъ видно, не особенно содержательный, и разсужденіе не особенно доказательное. А между тѣмъ, какъ иначе понять слова Штейнталя: „если ограничиться отдѣльной формой языка, то никакъ не рѣшишь, имѣешь-ли передъ собой настоящую форму или агломератъ.

Рѣшающимъ моментомъ въ опредѣленіи каждаго отдѣльнаго случая является общій принципъ языка. Если языкъ принципіально безформенъ, то онъ не обладаетъ ни одной настоящей формой. Ибо если бы въ душѣ народа, говорящаго на безформенномъ языкѣ, представилась хоть одна единственная настоящая форма, то она не сверкнула бы, подобно молніи въ темную ночь, и не оставила бы позади себя тотъ же мракъ; нѣтъ, она вызвала бы цѣлый пожаръ, въ которомъ расплавилось бы все мышленіе (Denkweise) народа" (стр. 319).

Такъ какъ т. наз. агглютинирующіе языки принадлежатъ къ числу безформенныхъ, то остается только доказать, почему агглютинація не способна вызывать къ жизни настоящія грамматическія формы. Однако теоретическія соображенія у Штейнталя такъ же, какъ у Гумбольдта, настолько расходятся съ практикой, что имъ обоимъ приходится опровергать на слѣдующей страницѣ то, что было категорически установлено на предыдущей. Для вопроса, разсматриваемаго мною теперь, не лишено значенія, что именно опредѣленіе агглютинаціи является камнемъ преткновенія для обоихъ лингвистовъ. Вотъ что мы читаемъ на стр. 319. „Здѣсь (т. е. въ безформенныхъ языкахъ) нужно, какъ на ближайшій внѣшній признакъ, обратить вниманіе на самый видъ словъ. Ибо здѣсь конкретное слово, долженствующее выразить грамматическую форму, имѣетъ слишкомъ большой вѣсъ благодаря своему собственному значенію, чтобы духъ, перебравшись черезъ него, могъ позволить языку слить его съ конкретнымъ словомъ, которое должно опредѣлить. Значенія обоихъ словъ стоятъ одинаково живо передъ нимъ, такъ какъ они возбуждаются въ немъ съ помощью одинаковыхъ средствъ и кажутся ему явленіями одинаковой природы и сущности. Поэтому духъ не можетъ слить ихъ энергично въ единство, въ которомъ къ вещественному элементу присоединяется относящійся къ нему формальный, но лишь слабо связываетъ ихъ другъ съ другомъ, какъ два одинаково важные элемента. Поэтому, и въ звуковомъ отношеніи эти два слова не сплавляются въ неразрывное цѣлое, но стоятъ въ отношеніи сопоставленія, часто даже самостоя-

тельно, другъ около друга. Того, что раздѣляетъ духъ, не соединятъ уста. А это сопоставленіе, основанное на слабой духовной связи обоихъ элементовъ, есть сущность того формообразованія, которое я вмѣстѣ съ Гумбольдтомъ называю агглютинаціей или присоединеніемъ. Языкамъ, которые даже и не сопоставляютъ, я приписываю приставленіе (Beisetzung) или съ Гумбольдтомъ изоляцію". Рядомъ съ этимъ какимъ-то диссонансомъ звучитъ то, что Штейнталь говоритъ на стр. 323: „мы должны признать, что, если даже истинное значеніе и собственная сущность формы основывается на психологической природѣ ея, однако какъ нароценіе (Anbildung) можетъ встрѣчаться даже въ языкахъ, которымъ чужды настоящія формы, напр. въ финскихъ; такъ и въ языкахъ съ чистымъ принципомъ можетъ жить простое присоединеніе, какъ въ египетскомъ. Поэтому совершенно правильно, когда говорятъ: приставленіе, соединеніе и нароценіе отличаются другъ отъ друга болѣе слабой и тѣсной связью звуковыхъ элементовъ".

Итакъ, агглютивные языки относятся къ числу безформенныхъ потому, что въ нихъ нѣтъ настоящихъ формъ. Однако, настоящія формы встрѣчаются въ нихъ, т. е. въ безформенныхъ языкахъ встрѣчаются формы, а слѣдовательно безформенные языки не безформенны, какъ съ другой стороны форменные языки бываютъ безформенными. Изъ всѣхъ этихъ хитрыхъ „силлогизмовъ" вытекаетъ едва-ли не одинъ выводъ, именно: что дѣленіе языковъ на форменные и безформенные чисто теоретическое построеніе, которое разлетается, какъ мыльный пузырь, едва къ нему прикоснется вѣяніе жизни. И въ этомъ смыслѣ интересно взглянуть, какъ трудно Штейнталю раздѣлаться съ финскими языками, которые никакъ не подчиняются установленной схемѣ. Именно, схема заявляетъ, что принципы строенія языковъ не измѣняются въ историческое время жизни народовъ: агглюцинація не переходитъ во флексію, изоляція въ агглюцинацію. Но въ финскомъ языкѣ, повидимому, совершилось нѣчто именно въ этомъ родѣ, и Штейнталю приходится недоумѣвать, не могутъ—ли указанные переходы происходить въ доисторическую эпоху жизни языка и

народа (стр. 324). При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что вообще финскіе языки не укладываются на прокрустово ложе теоріи: морфологически они приближаются къ высокообразованнымъ языкамъ, а „физіологически" лишь немного возвышаются надъ другими языками того же класса: такъ по мнѣнію Штейнталя, у нихъ нѣтъ настоящаго Nominativus и Accusativus (стр. 329). Тѣмъ не менѣе, морфологическая сторона этихъ агглютинаціонныхъ, т. е. безформенныхъ языковъ оказывается такъ высоко развитой, что Штейнталь высказываетъ предположеніе, будто на грамматику финскихъ языковъ оказали вліяніе индоевропейскіе (стр. 329). Это мнѣніе, однако, ровно ничѣмъ здѣсь не подтверждается, и даже не поднимается вопросъ о самой возможности подобнаго вліянія.

Изученіе классификаціи Штейнталя привело меня къ убѣжденію, что, ратуя противъ теорій Гумбольдта, этотъ ученый, весьма мало освободился отъ его вліянія; онъ остался ему вѣренъ даже въ терминологіи (ср. терминъ: „физіологическій" по отношенію къ строю языка), и хотя „психологическая" классификація выдвинула впередъ нѣкоторые языки, которымъ Гумбольдтъ отвелъ самыя послѣднія мѣста (этой чести удостоился, напримѣръ, китайскій языкъ), однако по существу пониманіе изоляціи, агглютинаціи, флексіи нисколько не сдѣлалось глубже или тоньше; не удалось Штейнталю избѣгнуть и внутреннихъ противорѣчій, такъ что въ результатѣ все опредѣленіе агглютинаціи свелось къ тому, что въ языкахъ этого типа нѣтъ различенія между „веществомъ" и „формой", что чисто формальные элементы въ нихъ отсутствуютъ, что сцѣпленіе конкретныхъ словъ остается внѣшнимъ. Это пониманіе не находитъ себѣ подтвержденія ни въ томъ образцѣ урало-алтайскихъ языковъ, который Штейнталь подвергъ подробному разсмотрѣнію (якутскій языкъ), ни въ финскихъ языкахъ, которые ему же пришлось искусственнымъ способомъ выдѣлить въ отдѣльную группу. Прибавлю еще, что, если я не ошибаюсь, этотъ лингвистъ первый пустилъ въ оборотъ ученіе, что въ агглютинаціонныхъ языкахъ глагольная основа не отличается отъ именной (стр. 324—326). Это мнѣніе,

ошибочность котораго я постараюсь показать дальше, до сихъ поръ курсируетъ въ наукѣ и находитъ себѣ горячихъ приверженцевъ (напр., Винклера).

Послѣ всего вышеизложеннаго, я думаю, я имѣю право сказать, что теорія агглютинаціонныхъ образованій, какъ она была выставлена Гумбольдтомъ, Поттомъ и Штейнталемъ, строилась на предвзятыхъ основахъ, не выдерживаетъ критики и не можетъ имѣть обязательнаго значенія для современной науки. Посмотримъ, какъ разработали ее послѣдующіе и, особенно, современные ученые.

Переходимъ къ Шлейхеру. Какъ уже мною разъ было указано [1]), Шлейхеръ былъ и знатокомъ, и большимъ любителемъ одной изъ естественныхъ наукъ, ботаники. Естественно, что и методъ естествознанія отражался на его пониманіи того процесса эволюціи, который онъ наблюдалъ въ области развитія языковъ. Не введя ничего существенно новаго въ теоретическія построенія В. Гумбольдта, онъ внесъ въ нихъ больше опредѣленности, а главное сдѣлалъ ихъ удобопонятнѣе. При разсмотрѣніи этой стороны ученой дѣятельности Шлейхера, сила котораго заключалась, конечно, не въ теоретическомъ изученіи языка вообще, но въ систематизаціи явленій индоевропейскихъ языковъ, я остановлюсь прежде всего на его книгѣ: „Sprachvergleichende Untersuchungen“, первая часть которой „Zur vergleichenden Spraehengeschichte“ вышла въ 1848 году, а вторая „Die Sprachen Europas in systematischer Uebersicht“ въ 1850. Въ началѣ первой части (стр. 1—33) Шлейхеръ подробно формулируетъ свои воззрѣнія на языкъ и процессъ его развитія.

Исходнымъ пунктомъ для всѣхъ его послѣдующихъ разсужденій въ этой области является убѣжденіе, что по существу человѣкъ вездѣ остается тѣмъ же самымъ, что тѣ принципы, которые находятъ себѣ примѣненіе въ его исторіи, должны регулировать и исторію человѣческой рѣчи. „То, что

---

[1]) Ср. напр. Дельбрюка „Einleitung in das Sprachstudium“ 3 изд. 1893, стр. 44.

сказывается во всякой исторіи, именно потому, что составляетъ сущность исторіи, есть послѣдовательное выступленіе моментовъ, которые вмѣстѣ взятые составляютъ понятіе того, что имѣетъ исторически развиться. То, что при систематическомъ разсмотрѣніи является рядомъ другъ съ другомъ, въ исторіи выступаетъ одно за другимъ; что тамъ оказывается моментомъ, здѣсь періодъ. Отсюда, естественно, система служитъ изображеніемъ существующаго, исторія возникающаго, но бытіе предполагаетъ возникновеніе; то, что есть, возникло, и въ понятіи возникновенія лежитъ непосредственно понятіе преемственности. Ни одинъ періодъ въ историческомъ развитіи не уничтожается послѣдующимъ, ибо послѣдующій привноситъ только нѣчто новое къ уже существующему, отчего прежнее, разумѣется, болѣе или менѣе измѣняется: во всякой высшей ступени развитія заключаются, какъ уже пройденные, всѣ прежніе моменты. Но, если наступающіе одинъ за другимъ моменты продолжаютъ существовать, то они сейчасъ вступаютъ въ сношеніе существованія рядомъ: тождество исторіи и системы получается само собой". (стр. 4—5). Эти принципы подтверждаются систематическимъ изученіемъ жизни, главными явленіями которой служатъ минеральные, растительные и животные организмы, и „если мы превратимъ сосуществованіе системы въ послѣдовательность исторіи, то мы получимъ три главные отдѣла, изъ которыхъ каждый характеризуется однимъ изъ вышеназванныхъ моментовъ. Если мы спросимъ, въ какомъ порядкѣ выступаютъ эти моменты, эти части системы въ историческомъ развитіи, то мы можемъ только изслѣдовать, какимъ образомъ одинъ изъ моментовъ даже заключаетъ въ себѣ, предполагаетъ другой, чтобы найти правильную послѣдовательность. Мы видимъ,—чтобы не оставлять выбраннаго примѣра,—какъ растеніе предполагаетъ въ качествѣ пройденнаго момента минералъ, а животное растеніе, и потому въ историческомъ развитіи мы съ полнымъ правомъ поставимъ минеральный организмъ, кристализацію, на первую ступень, растеніе на вторую, а животное на третью; предположеніе, которое только подтверждается ископаемыми

остатками прежнихъ періодовъ развитія нашей планеты. Совершенно то же отношеніе системы и исторіи обнаруживается и въ чисто духовной области“ (5). Примѣняя этотъ взглядъ къ систематизаціи языковъ, Шлейхеръ задаетъ вопросъ, въ чемъ заключаются главныя части системы языковъ, иначе говоря: главные моменты понятія языка?

Такъ, Шлейхеръ переходитъ къ дѣленію языковъ, которое онъ, по собственному признанію, заимствуетъ изъ разсмотрѣннаго нами выше введенія В. Гумбольдта въ грамматику языка Кави. Сущность языка заключается въ томъ, замѣчаетъ прежде всего Шлейхеръ, какъ относятся другъ къ другу значеніе и отношеніе (Beziehung), потому что языкъ характеризуется способомъ, которымъ онъ выражаетъ въ звукахъ значеніе и отношеніе. При этомъ, какъ совершенно справедливо подчеркиваетъ этотъ ученый, „звуковое выраженіе отношенія,—но никогда не самое отношеніе—можетъ совершенно мыслимымъ образомъ отсутствовать, и звукъ можетъ быть поставленъ въ соотношеніе при помощи опредѣленнаго мѣста въ предложеніи, ударенія (въ смыслѣ односложныхъ языковъ) и т. д.“ (7).

На первомъ мѣстѣ стоятъ т. наз. изолирующіе языки, которые Шлейхеръ приравниваетъ къ кристалу; агглютинирующіе языки онъ уподобляетъ растенію. Переходы отъ одной стадіи развитія къ другой очень постепенны: такъ, „между сопоставленіемъ двухъ значущихъ звуковыхъ элементовъ и агглютинаціей первоначально значившаго звукового элемента, низведеннаго на уровень элемента, указывающаго лишь на отношеніе, большой разницы нѣтъ, и тѣмъ не менѣе эти два вида образованія находятся въ рѣзкомъ противорѣчіи другъ другу. Агглютинирующихъ языковъ существуетъ множество, и между ними легко установить подотдѣлы. Во всѣхъ этихъ языкахъ слово раздѣляется на части, которыя отличны между собой, но это расчлененіе первоначально является только соединеніемъ нѣсколькихъ индивидуальныхъ словъ (значущихъ звуковыхъ элементовъ), „для которыхъ цѣлый индивидуумъ служитъ скорѣе только почвой, нежели субъектив-

нымъ единствомъ членовъ“ (Гегель); и эти слова примѣнимы къ подобнымъ языковымъ образованіямъ такъ же, какъ къ организму растенія, которое философъ характеризуетъ вышеприведенными словами (9—10). Въ указанномъ классѣ языковъ встрѣчаются однако явленія, принадлежащія по своему типу къ высшей, флексивной стадіи развитія языка и составляющія переходныя звенья между агглютивной и флексивной его ступенями. На послѣдней „оба элемента (значеніе и отношеніе) находятъ себѣ звуковое выраженіе, однако они такъ тѣсно связаны, что образуютъ единое слово, причемъ и духовно (geistig) значеніе и отношеніе проникаютъ другъ друга“ (10). Переходовъ къ этой высшей стадіи не мало. „Такими переходными формами являются языки, въ которыхъ рядомъ съ однимъ принципомъ тамъ и самъ выступаетъ другой: напр., въ нѣкоторыхъ агглютинирующихъ языкахъ попадаются флексивныя (flexionsartige) образованія“ (11).

Все дальнѣйшее изложеніе Шлейхера является развитіемъ тѣхъ же идей, не внося въ нихъ ничего новаго. Нѣсколько разъ подчеркивается, что „языки съ высшей организаціей показываютъ весьма ясно самымъ своимъ строеніемъ, что они заключаютъ въ себѣ пройденные моменты“ (23); при этомъ оказывается однако, что между языками лежитъ непроходимая пропасть: „односложные языки могутъ еще цѣлыя тысячелѣтія продолжать свое развитіе, они все-таки никогда не будутъ настоящими флексивными языками, а эти послѣдніе, какъ бы ни старались, никогда не достигнутъ настоящей односложности, именно потому, что творческій духъ вылетѣлъ изъ языка (eben weil der schaffende Geist aus der Sprache heraus ist)“ (19). Такъ мы переходимъ въ область мистики. Современное языкознаніе учитъ, что творческій духъ никогда не покинетъ языка; изслѣдованіе искусственныхъ языковъ, развитія естественныхъ показываетъ, что образованія по аналогіи, превращенія значущихъ элементовъ въ незначущіе и т. д., составляютъ живые признаки постояннаго присутствія творческаго начала въ языкѣ.

Точка зрѣнія Шлейхера легко проникла въ ученый оби-

ходъ благодаря прежде всего тому, что развитіе языковъ было подведено подъ общую схему эволюціи, и что между эволюціей языковъ и природы была проведена послѣдовательная параллель. Но мнѣ кажется, не трудно показать, что основанія такой параллели положены ошибочно, что съ точки зрѣнія естествознанія, будемъ-ли мы стоять на почвѣ механическаго толкованія явленій природы, или взглянемъ на нихъ глазами неовитализма, взгляды Шлейхера не выдерживаютъ критики. Прежде всего въ нихъ поражаетъ внутреннее противорѣчіе: подобно Гумбольдту, Шлейхеръ раздѣляетъ грамматическія формы на настоящія и кажущіяся, хотя прямо этого онъ не говоритъ [1]). Но такъ какъ это непосредственно вытекаетъ изъ всѣхъ его разсужденій, то, я думаю, мы въ правѣ и ему приписать Гумбольдтовское дѣленіе языковъ на формальные и безформенные. Къ числу послѣднихъ слѣдуетъ отнести агглютинирующій и изолирующій типы языковъ, къ первымъ флексирующій. Такимъ образомъ—и это, повторяю, вовсе ненавязанный Шлейхеру выводъ—языки первыхъ двухъ типовъ должны быть помѣщены въ одну группу, флексивные языки въ другую. Но Шлейхеръ сравниваетъ языки перваго типа (изолирующіе) съ минералами, т. е. съ природой неорганической, а языки двухъ другихъ типовъ (агглютинирующіе и флексирующіе) съ растеніями и животными, т. е. съ природой органической. Но такъ какъ принципъ, заставляющій Шлейхера уподобить изолирующіе языки продуктамъ неорганической природы, заключается въ отсутствіи у нихъ настоящихъ грамматическихъ формъ, то онъ долженъ быть распространенъ и на агглютинирующіе языки, а значитъ, и они должны быть уподоблены продуктамъ неорганической природы, а вовсе не растеніямъ, какъ это дѣлаетъ Шлейхеръ. Это первое возраженіе, которое напрашивается при ближай-

[1]) Но вотъ типическое мѣсто: „Zusammensetzung ist die Verbindung von zwei fertigen Worten zu einer Worteinheit, Flexion aber ausser der Veränderung der Wurzelselbst, das Verschmelzen von Bedeutungs—und Beziehungslauten“ (стр. 24).

шемъ разсмотрѣніи его пресловутой теоріи естественной классификаціи языковъ. Второе находится въ тѣснѣйшей связи съ первымъ и сводится къ тому, что Шлейхеръ ужъ слишкомъ просто понималъ эволюцію природы. Шлейхеръ говоритъ, что растеніе подразумѣваетъ въ качествѣ пройденнаго (aufgehobenes) момента минералъ, а животное—растеніе. Правда-ли это? Если я не ошибаюсь, естествоиспытатель не признáетъ ни перваго, ни второго положенія. Уже въ 1848 году, когда появилась книга Фехнера: „Nanna oder über das Seelenleben der Pflanzen", было провозглашено положеніе, которое акад. Фаминцынъ [1]) признаетъ вполнѣ обоснованнымъ и новѣйшими научными данными. Оно утверждаетъ, что животные и растительные организмы произошли путемъ эволюціи изъ одной и той же группы простѣйшихъ, которымъ какъ Фехнеръ, такъ и Фаминцынъ и др. приписываютъ зачатки психической жизни. Въ этомъ смыслѣ говорить, что животное представляетъ дальнѣйшую стадію въ эволюціи органической природы сравнительно съ растеніемъ, конечно, нельзя, но такъ же невозможно, повидимому, минералъ признавать низшей стадіей въ этой эволюціи, невозможно именно потому, что въ системѣ минераловъ найти звенья, приближающія неорганическую природу къ органической, или минералъ вообще къ простѣйшимъ органическимъ тѣламъ, изъ которыхъ (согласно предыдущему) развились животные и растительные организмы, нѣтъ возможности. Самая схема эволюціи, предложенная Шлейхеромъ, грѣшитъ и неясностью, и неполнотой: отъ неорганическаго тѣла возможнымъ переходомъ была бы только живая клѣтка.

Я думаю, что не требуется обстоятельно доказывать всю произвольность Шлейхеровыхъ уподобленій различныхъ типовъ языковъ явленіямъ неорганической природы. Дѣйствительно, что общаго между минераломъ и изолирующимъ языкомъ? Что считать въ языкѣ живой клѣткой? Подъ изолирующимъ типомъ языка Шлейхеръ подразумѣваетъ механическое соединеніе

[1]) А. Фаминцынъ. „Современное естествознаніе и психологія". С.-Пб. 1898, стр. 198.

отдѣльныхъ словъ; изъ нихъ, какъ изъ отдѣльныхъ кирпичей строится зданіе, слагается предложеніе. Минералъ [1]) обладаетъ, какъ своимъ основнымъ признакомъ, гомогенностью, которая заключается въ томъ, что на всемъ своемъ протяженіи тѣло обладаетъ одинаковыми физическими и химическими свойствами. Отъ камней минералъ, представляющій собой элементъ или химическое соединеніе, отличается тѣмъ, что первые состоятъ изъ соединенія (механическаго) различныхъ минеральныхъ породъ и гомогенностью не обладаютъ. Отсюда ясно, что сравненіе Шлейхера изолирующихъ языковъ съ минералами было, по меньшей мѣрѣ, произвольнымъ, ибо между ними коренное различіе (изолирующее образованіе—соединеніе механическое, минералъ—химическое); ужъ лучше было бы говорить о сходствѣ этого типа съ камнями. Такъ же мало, если не меньше еще, говорятъ другія сравненія Шлейхера: агглютинація и растеніе не похожи другъ на друга рѣшительно ничѣмъ хотя бы уже потому, что въ растеніи постоянно совершаются сложные химическіе процессы, тогда какъ агглютивнымъ образованіямъ приписывается простота механическаго соединенія элементовъ.

Невѣрна параллель между эволюціями естественноисторической и лингвистической и въ другихъ отношеніяхъ. Во флексирующихъ языкахъ, говоритъ Шлейхеръ, можно явственно различить слѣды прежнихъ стадій развитія ихъ, агглютинаціи и даже изоляціи. Но можно-ли сказать, что въ животномъ организмѣ заключаются слѣды растительнаго (по схемѣ этого ученаго), а въ растеніи слѣды „минеральной“ стадіи развитія природы? Далѣе, мы видимъ, какъ на глазахъ исторіи отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ агглюцинація переходитъ во флексію: частицы, служащія лишь для указанія отношеній или усиленія значенія (напр., мѣстоименія), входятъ въ середину слова или сами начинаютъ склоняться; получаются такія формы, какъ τοῖσδεσσι (у Гомера), τῶνδεων

---

[1]) Meyers Konversations-Lexikon. 5 изд. т. XII, стр. 343.

(у Алкея), серб. тӥзӣх, тӥзијем, тӥзӣма, инд.-евр. *toi-mi (Instr-Sing. отъ мѣстоим. to-, откуда слав. тѣмь, др.-сѣв. þeim, др.-англ. ðǽm) [1]); наконецъ, общеизвѣстна исторія суффиксовъ изъ значущихъ словъ, обычная въ индо-европейскихъ языкахъ. Однимъ словомъ, на глазахъ исторіи словообразованія одного типа переходятъ въ отдѣльныхъ, индивидуальныхъ случаяхъ въ образованія другого типа. Отрицать это невозможно, а допустивъ это положеніе, мы тѣмъ самымъ должны опять и еще разъ отказаться отъ аналогій Шлейхера. Дѣйствительно, въ мірѣ органической жизни (не говоря уже о противоположности между живой клѣткой и мертвымъ тѣломъ) «всѣ доводы, приводимые въ пользу теоріи эволюціи, косвеннаго характера; между тѣмъ не имѣется ни изъ животнаго, ни изъ растительнаго царства ни *одного* непосредственнаго наблюденія надъ превращеніемъ низшей формы въ высшую. Даже у простѣйшихъ организмовъ ничего подобнаго наблюдать не удалось. Неопровержимо, напротивъ того, что всѣ имѣющіяся на лицо надежнѣйшія изслѣдованія и касательно простѣйшихъ организмовъ приводятъ къ отрицательному результату: всѣ организмы, безъ исключенія, представляются замкнутыми въ опредѣленномъ циклѣ развитія. Всѣ усилія заставить организмъ выйти изъ этого круга и перейти въ форму болѣе высокой организаціи пока остаются тщетными. Однимъ словомъ, процессъ эволюціи является въ высшей степени вѣроятнымъ; способъ же эволюціи остается и до настоящаго времени не выясненнымъ, и поэтому всякія высказываемыя относительно хода эволюціи предположенія являются

---

[1]) *i* между основой и окончаніемъ здѣсь то же, что въ гот. sái, лит. saĩ (въ tasaĩ, anassai); въ сравненіи съ формой *sou (sou для муж. рода, откуда др.-перс. hauv, гр. οὗτος) и sā-u (для женск., откуда авст. hāu, санскр. asáu, гр. αὕτη) мы видимъ, что *-i-* и *-u-* частицы со значеніемъ здѣсь и тамъ. Ср. у латинскихъ и христіанскихъ писателей обычныя сочетанія hic ipse, is ipse, iste ille для усиленія значенія, къ чему восходитъ и итал. desso (изъ id ipsum) См. *Meyer Lübke*. Einführung. стр. 93.

проблематичными“ [1]). Какъ далеко это отъ спокойной увѣренности Шлейхера.

Почти въ томъ же смыслѣ высказывается и знаменитый естествоиспытатель, сотрудникъ и отчасти предшественникъ Ч. Дарвина, Уоллесъ. «Нѣтъ сомнѣнія, „говоритъ онъ“: что на болѣе раннихъ стадіяхъ органическаго развитія числовыя варіаціи были болѣе часты и значительны, чѣмъ это мы видимъ теперь среди низшихъ формъ жизни, но въ очень ранній періодъ геологической исторіи главныя числовыя отношенія существенныхъ частей высшихъ организмовъ сдѣлались болѣе или менѣе постоянными и неподвижными, и во многихъ случаяхъ остались неизмѣненными во все значительное продолженіе геологическихъ періодовъ. Четыре члена позвоночныхъ уже установились (were already established) у рыбъ Девонскаго періода, какъ четыре крыла и шесть ногъ настоящихъ насѣкомыхъ у таракановъ и архаическихъ прямокрылыхъ Каменноугольнаго, и почти всѣ послѣдующія измѣненія исходили изъ модификацій этихъ первыхъ типовъ“ [2]).

До сихъ поръ, я старался показать, что въ томъ сравненіи естественноисторической и лингвистической эволюцій, которое на первый взглядъ представляется такимъ блестящимъ и убѣдительнымъ, на самомъ дѣлѣ, пробѣловъ очень много: Шлейхеръ не избѣгъ внутреннихъ противорѣчій въ классификаціи языковъ, онъ неправильно взглянулъ на эволюцію природы, онъ произвольно сравнилъ типы языковъ съ типами органической и неорганической природы. Теперь мнѣ хотѣлось бы показать, что даже, признавъ аналогію Шлейхера основательной, мы должны придти не къ тѣмъ выводамъ, какіе сдѣлалъ онъ.

Съ точки зрѣнія витализма, т. е. „такого воззрѣнія на жизненные процессы, по которому послѣдніе происходятъ по

---

[1]) *Фаминцынъ.* Совр. естествозн. и психол. стр. 91—92.

[2]) *Wallace.* Studies scientific and social. London 1900. т. I, 361—362 (въ статьѣ: „The Method of Organic Evolution“, написанной въ 1895 году).

своеобразнымъ, лишь имъ однимъ свойственнымъ законамъ“ [1]), между живой и мертвой матеріей лежитъ непроходимая пропасть. Другой представитель неовитализма, ботаникъ Рейнке сводитъ эту разницу къ различію между органической природой, въ созданіи которой участвовали разумныя силы, одаренныя стремленіемъ къ цѣлесообразности, и неорганической, созданной изъ слѣпой и безцѣльной матеріи по закону энергіи [2]). Какъ бы представители названнаго направленія ни формулировали свои взгляды, ясно, что растительные и животные организмы будутъ отнесены ими къ одной группѣ, которой противопоставляется въ качествѣ субстанціи, отдѣленной отъ органическаго міра пропастью ничѣмъ неизгладимой, мертвая матерія (или неорганическій міръ). Такой противоположности между языками Шлейхеръ, конечно, не признаетъ.

Но онъ, безъ всякаго сомнѣнія, не былъ виталистомъ, а потому я остановлюсь на матеріалистическомъ пониманіи природы, которое видитъ въ ней единство. Прибѣгну и здѣсь къ словамъ компетентныхъ судей. „Анализъ органическаго міра“, говоритъ Гексли [3]): „какъ животныхъ, такъ и растеній показываетъ, что и тѣ, и другія состоятъ изъ однихъ и тѣхъ же элементовъ, къ которымъ возможно ихъ свести. Мы видѣли, что растеніе пріобрѣтаетъ образующіе его субстанцію матеріалы съ помощью особой комбинаціи веществъ, которыя всѣ сплошь принадлежатъ неорганическому міру; что, далѣе, животное постоянно пользуется для своего питанія содержащими азотъ частями растенія и возвращаетъ ихъ неорганическому міру съ помощью того, что мы называемъ его смертью; что, наконецъ, когда животное умираетъ, составныя части его тѣла разлагаются и возвращаются въ неорганическій міръ, откуда они были взяты въ началѣ. Такимъ образомъ мы

---

[1]) По опредѣленію д-ра Дриша. Ср. *Огневъ*. Витализмъ въ современномъ естествознаніи. Москва. 1900, стр. 44.

[2]) См. *E. Haeckel*. Die Welträthsel. 9 изд. 1899, стр. 274—275.

[3]) *Huxley*. Ueber unsere Kenntniss von den Ursachen der Erscheinungen in der organischen Natur. 1896, стр. 24—25.

видѣли въ травинкѣ и въ лошади тѣ же самые элементы, на различный ладъ скомбинированные и распредѣленные. Мы открыли постоянный кругооборотъ, въ которомъ растеніе принимаетъ въ себя элементы неорганической природы и обрабатываетъ ихъ на кормъ животному міру, въ то время какъ животное заимствуетъ изъ растенія матеріалъ для своего сохраненія и въ продолженіе своей жизни отдаетъ продукты, которые непосредственно возвращаются въ неорганическій міръ“ и т. д. Чрезвычайно наглядно иллюстрируется эта мысль рисункомъ, который Гексли прилагаетъ на стр. 11 своей книги, и который показываетъ, какъ элементы неорганическаго міра входятъ въ органическій и изъ него возвращаются обратно.

Итакъ, единство элементовъ міра—вотъ принципъ, на которомъ можетъ быть построена та эволюція органическаго и неорганическаго міровъ, которую предлагаетъ Шлейхеръ. Минералъ, растеніе и животное состоятъ изъ тѣхъ же элементовъ, только въ разныхъ химическихъ соединеніяхъ; между языкомъ изолирующимъ (китайскимъ) и флексирующимъ (латинскимъ) различіе не только въ строеніи (т. е. *механическомъ* соединеніи элементовъ), но и въ самыхъ элементахъ (разность звукового состава языковъ). Шлейхеръ своей аналогіей изъ естественноисторической эволюціи могъ сдѣлать нагляднѣе процессъ развитія *только того же самаго языка,* а не языковъ вообще. Если бы въ исторіи развитія того же самаго языка одни и тѣ же элементы (корни) вступали въ различныя соединенія (изоляція, агглютинація, флексія), то параллель эволюціи природы еще съ грѣхомъ пополамъ годилась бы въ качествѣ примѣра; но передъ нами совсѣмъ разные языки, состоящіе изъ совсѣмъ разныхъ элементовъ, и сравненіе Шлейхера *логически* невѣрно. При этомъ предположеніе, которое могло бы оправдать до извѣстной степени это сравненіе, именно что въ каждомъ изъ языковъ вслѣдъ за эпохой изоляціи должны наступить эпохи агглютинаціи и флексіи, устраняется категорическимъ заявленіемъ этого ученаго, что „односложные языки могутъ развиваться еще тысячелѣтіями

и все-таки никогда не сдѣлаются настоящими флексивными языками“ [1]).

Предыдущее изложеніе, надѣюсь, показало съ достаточной убѣдительностью, что вся теорія лингвистической эволюціи, которую Шлейхеръ думалъ прикрѣпить къ землѣ сравненіемъ съ развитіемъ природы, виситъ въ воздухѣ; она ровно ничѣмъ не доказана, кромѣ внутренней необходимости и аналогіи флексивныхъ языковъ, въ которыхъ попадаются агглютивныя образованія, и я полагаю, что единственный выводъ, который можно сдѣлать изъ всѣхъ сопоставленій Шлейхера, заключается въ томъ, что есть различные морфологическіе типы, которые преобладаютъ въ отдѣльныхъ языкахъ, и что въ индоевропейской семьѣ языковъ наблюдается сосуществованіе нѣсколькихъ типовъ, при чемъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ агглютивное образованіе можетъ превратиться во флексивное. Въ концѣ концовъ, Шлейхеръ, какъ и его предшественники, вовсе не даетъ яснаго представленія о томъ, что же именно такое агглютинація и флексія, и гдѣ во флексирующихъ языкахъ кончается одинъ типъ и начинается другой [2]). Игра словами досталась Шлейхеру отъ его предшественниковъ, и онъ, къ

---

[1]) Болѣе опредѣленности во 2-омъ томѣ „Лингвистическихъ изслѣдованій“, вышедшемъ въ 1850 году. Здѣсь Шлейхеръ рѣшительно утверждаетъ, что флексирующіе языки прошли черезъ три стадіи развитія, которыя наука можетъ выяснить. Тѣмъ не менѣе, аналогія естественной эволюціи является и въ этомъ случаѣ только притянутой. Выходило бы, что всякій отдѣльный животный видъ развился изъ растительнаго (корова изъ травы) и т. д.

[2]) Ср. напр. характеристику трехъ типовъ во 2-омъ томѣ „Linguistische Untersuchungen“ 1850 г. (стр. 9): „Begegneten wir in der ersten Sprachklasse der differenzlosen Identität von Bedeutung und Beziehung, dem reinen Ansich der Beziehung, war das zweite die Differenzirung in Beziehungs und Bedeutungslaute, das Heraustreten der Beziehung in ein gesondertes lautliches Dasein für sich, so schliesst sich in der dritten Sprachklasse jene Differenz wieder zur Einheit zusammen aber *zu einer unendlich höheren Einheit*, weil sie, aus der Differenz erwachsen, diese zu ihrer Voraussetzung hat und als aufgehoben in sich befasst“.

сожалѣнію, не устранилъ ее изъ языкознанія, оставаясь и впослѣдствіи вѣренъ убѣжденію, что языки проходятъ черезъ стадіи развитія, и что „о древнѣйшихъ періодахъ жизни, о образованіи языка свидѣтельствуетъ намъ его *строеніе*, разсматриваніе котораго въ языкахъ высшей организаціи значительно уясняется сравненіемъ съ простѣйшими организмами языковъ“ [1]).

Морфологическая классификація Гумбольдта, Шлейхера, Штейнталя и другихъ нѣмецкихъ филологовъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ сдѣлалась догматомъ языкознанія и переходила изъ учебника въ учебникъ, почти не измѣняясь даже въ мелочахъ, не говоря уже о принципіальномъ различіи языковъ. Ее мы находимъ и у такихъ авторитетныхъ писателей, какъ Максъ Мюллеръ [2]) и Овелакъ [3]). Поэтому, думаю, я имѣю право, оставивъ въ сторонѣ промежуточную литературу, прямо обратиться къ тому, какъ стоитъ въ современной наукѣ вопросъ, поставленный прежними поколѣніями лингвистовъ. Если я не ошибаюсь, эру въ литературѣ разсматриваемаго вопроса составило появленіе извѣстной книги Г. Пауля [4]), гдѣ объ изолирующихъ и агглютинирующихъ

---

[1]) „Краткій очеркъ доисторической жизни сѣверо-восточнаго отдѣла индо-германскихъ языковъ“. (Приложеніе къ VIII-му тому Записокъ Имп. Акад. Наукъ. № 2). С.-Петерб. 1865.

[2]) *Max Müller*. Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache. Leipzig, 1863, т. I, стр. 241.

[3]) *Ab. Hovelacque*. La linguistique. 4 изд. Paris, 1888 (первое изданіе 1875 г.). До чего мало и Овелакъ отдаетъ себѣ отчетъ въ отношеніи агглютинаціи къ флексіи, показываетъ хотя бы слѣд. мѣсто изъ его книги (стр. 206, курсивъ мой): „dans tous les mots d'une langue à flexion, la racine n'est pas nécessairement modifiée; *elle demeure parfois telle quelle comme dans la période d'agglutination*, mais elle peut être modifiée“.

[4]) *Hermann Paul*. Principien der spracheschichte. 1883 (2 изд. 1886, 3 изд. 1901 г.). Замѣчательные „Очерки науки о языкѣ“ *Крушевскаго* не могли оказать значительнаго вліянія на разработку вопросовъ языкознанія на Западѣ уже вслѣдствіе того, что были написаны по-русски хотя потомъ и появился ихъ нѣмецкій переводъ.

языкахъ не было и рѣчи. Напротивъ, за точку отправленія во всѣхъ разсужденіяхъ о развитіи языка и основныхъ законахъ, управляющихъ его жизнью, здѣсь были приняты тѣ процессы, которые совершаются на нашихъ глазахъ, отчасти познаются самонаблюденіемъ. Вслѣдствіе этого многіе взгляды на образованіе грамматическихъ формъ, которые по традиціи предавались однимъ ученымъ за другимъ, оказались устарѣлыми, и самое различіе между „настоящими" и „кажущимися" формами стало непонятнымъ. Г. Пауль установилъ, что нормальный способъ возникновенія всей формальной стороны языка—сложеніе (Composition, стр. 274, изд. 2), что производные суффиксы и префиксы постоянно возникаютъ по одному способу, который заключается въ томъ, что „одинъ членъ сложенія теряетъ ощутительную связь съ первоначально тожественнымъ простымъ словомъ" (стр. 294). Наконецъ, видная роль въ развитіи грамматики была отведена и аналогія. „Хотя основы словообразованія и флексіи", замѣчаетъ Пауль (297 стр.): „полагаются всегда срощеніемъ первоначально самостоятельныхъ элементовъ, однако, разъ эти основы уже существуютъ, онѣ сейчасъ же должны служить образцомъ для аналогичныхъ образованій".

Эта точка зрѣнія, которая раздѣляется и учениками Пауля, т. наз. неограмматиками, въ сущности, совершенно устраняетъ морфологическую классификацію языковъ. Такъ, одинъ изъ представителей этого направленія, Дельбрюкъ [1]) послѣ продолжительнаго изслѣдованія индоевропейскихъ грамматическихъ формъ пришелъ къ выводу, что „принципъ агглютинаціи есть единственный, который позволяетъ намъ понятнымъ образомъ объяснить формы" (стр. 111 изд. 3). Въ томъ же смыслѣ высказывался въ 1885 году и другой неограмматикъ, Бругманъ, который принципіально считалъ возможнымъ ото-

---

[1]) *B. Delbrück.* Einleitung in das Sprachstudium (1 изд. 1880, 2 изд. 1884, 3 изд. 1893, 4 изд. 1902). Ср. его же брошюру „Die neueste sprachforschung" Leipzig, 1885, стр. 48—49.

жествлять личныя окончанія глаголовъ съ основами личныхъ мѣстоименій [1]).

Въ томъ же 1885 году, когда представители нѣмецкаго языкознанія окончательно порывали съ прежними понятіями объ отношеніяхъ агглютинаціи къ флексіи, въ Англіи вышелъ двухтомный трудъ Байрна [2]), одно изъ тѣхъ довольно обычныхъ въ англійской наукѣ сочиненій, которыя, остановившись на одной идеѣ, доводятъ ея развитіе до крайностей. Названный ученый исходитъ изъ предположенія, что между живостью мышленія народа и структурой его языка существуетъ неразрывная связь, и такимъ образомъ каждое явленіе каждаго изъ языковъ ему удается объяснить, возведя его къ связи представленій въ сознаніи говорящаго лица. При этомъ однако факты языка разсматриваются не въ исторіи его и толкуются почти всегда такъ произвольно, что для болѣе объективнаго читателя метафизическія разсужденія Байрна не имѣютъ никакого значенія обязательныхъ логическихъ выводовъ. Но, чтобы мое утвержденіе не казалось голословнымъ, я считаю необходимымъ посвятить нѣсколько страницъ его „Общимъ принципамъ строенія языка", тѣмъ болѣе, что у Байрна оказались горячіе единомышленники, распространяющіе его ученіе въ рефератахъ и т. п.

Первыя главы I книги посвящены общимъ психологическимъ законамъ, которые важно знать для пониманія структуры языка. Въ 1-ой главѣ идетъ рѣчь о возбудимости умственной дѣятельности, во 2-ой о суммѣ умственной силы (Amount of mental power). Такъ какъ говоря объ агглютинирующихъ и флексирующихъ языкъ, Байрнъ (т. II, стр. 278—279, 2 изд.) ссылается на одинъ изъ параграфовъ этой главы, то я приведу его въ дословномъ переводѣ. „Чѣмъ выше умственная сила, тѣмъ болѣе мысли будетъ содержать

---

[1]) *K. Brugmann.* Zum heutigen Stand der Sprachwissenschaft. Strassbnrg. 1885, стр. 119.

[2]) *Iames Byrne.* General principles of the structure of language. 2 тома. London (1 изд. 1885, 2 изд. 1892).

каждый умственный актъ", замѣчаетъ Байрнъ (I. 24—25): „И тѣ умственные акты, которые бываютъ тусклыми (obscure), когда умственная сила мала, входятъ въ сознаніе болѣе, когда она значительнѣе. Ибо во всякой мысли, выраженной въ языкѣ, заключаются, кромѣ мысли сейчасъ выраженной, такія мысли, которыя были выражены раньше, и такія, которыя еще будутъ выражены, и такія, которыя дополняются, не будучи выраженными. Всѣ онѣ въ сознаніи остаются менѣе ясными, чѣмъ та мысль, которая только что нашла себѣ выраженіе; но, когда умственная сила больше, онѣ становятся яснѣе и оказываютъ болѣе значительное вліяніе на мысль, которая сейчасъ была выражена. Прибавочная (additional) умственная энергія усиливаетъ мысль о цѣломъ, которое говорящій старается выразить, и о части, какъ о составномъ элементѣ его, такъ что часть, которая сейчасъ была выражена, будетъ мыслиться болѣе энергично въ отношеніи къ цѣлому, въ которомъ у нея есть свое собственное мѣсто и функція. Въ отношеніи каждой части къ цѣлому умъ созерцаетъ часть и цѣлое, какъ простые объекты, и вслѣдствіе этого придаетъ больше единства каждой части и цѣлому. А такъ какъ это умственный актъ, прибавочный къ мысли о части самой по себѣ, то это даетъ единство этой мысли, какъ бы она ни была образована. Мыслятся ли ея элементы всѣ вмѣстѣ или въ послѣдовательности и, въ послѣднемъ случаѣ, останавливается ли умъ или переходитъ отъ первыхъ элементовъ, прибавляя послѣдующіе,—во всякомъ случаѣ, мысль о части, какъ о составномъ элементѣ цѣлаго, сплавитъ его элементы, соединивъ ихъ болѣе тѣсно, чѣмъ это случилось бы иначе. Такое объединеніе элементовъ въ одной идеѣ является само по себѣ разложеніемъ умственной энергіи въ отношеніи къ полнотѣ отдѣльной мысли. И благодаря (being due) представленію о цѣломъ въ отношеніи къ части, оно обнаруживаетъ изобиліе энергіи въ мысли о цѣломъ вмѣстѣ съ частью: такъ что въ объединеніи элементовъ умственная сила найдетъ себѣ выраженіе въ языкѣ". Это головоломное разсужденіе весьма мало примѣнимо къ флексіи; такимъ же образомъ и на основаніи того

же самаго психическаго процесса совершается объединеніе агглютивныхъ образованій или такихъ сложныхъ словъ, какъ китайскія названія добродѣтели или счастья[1]). Умственная энергія—первоисточникъ *всѣхъ* грамматическихъ образованій, по мнѣнію Байрна, и между жизнью и характеромъ народа и его языкомъ существуетъ самая тѣсная связь. Исходя изъ этого принципа, Байрнъ съ крайней тщательностью прослѣживаетъ самыя разнообразныя языковыя явленія. Приведу нѣсколько образчиковъ его разсужденій. „Если самообладаніе (selfdirection) расы не имѣетъ особеннаго значенія въ его жизни, потому ли, что воля, хотя бы сильная и дѣятельная, не можетъ контролировать его внѣшнія условія, или потому, что дѣйствіе, хотя бы порожденное волей, мало руководится въ своемъ совершеніи волевыми актами, а болѣе руководствуется привычкой или подражаніемъ, или потому, что дѣйствіе порождается не столько волей, сколько удовольствіемъ или желаніемъ, или внушеніемъ традиціи или давленіемъ обстоятельствъ; во всякомъ случаѣ, мысль о лицѣ (of self), какъ управителѣ и осуществителѣ жизни, будетъ обозначена мало, а мысль о субъектѣ, отличномъ отъ глагола, какъ объ исполнителѣ дѣйствія, будетъ соразмѣрно съ этимъ слаба, и именительный падежъ, какъ таковой, т. е. его отличительный элементъ, получитъ слабое выраженіе въ языкѣ" (27). Для объясненія послѣдовательности частей рѣчи въ предложеніи Байрнъ прибѣгаетъ къ тому же методу. Такъ, оказывается, что „мало вдумчивая раса имѣетъ склонность мыслить субъектъ, если и отлично отъ глагола, не въ общей идеѣ его, то все же ограниченнымъ и опредѣленнымъ комбинаціей съ глаголомъ. Мысль о субъектѣ въ его естественномъ

---

[1]) Добродѣтель (čun hiaó tsiet ni)=вѣрность (къ государю)+почтеніе (къ родителямъ и родственникамъ)+умѣренность+законная дѣятельность. Такой же процессъ объединенія частей и въ словѣ счастье. См. Misteli. 180–181. Сюда же должны быть отнесены и образованія по типу инкорпораціи, каковы, напр., литов. pamirodik (покажи мнѣ) у Ширвида. Punkty kazań *73*, 33 или латыш. ësamandomajàs (подумалось мнѣ). Latwju dainas. № 1085, вар. 5.

положенiи передъ глаголомъ, и потому не ограниченномъ имъ, находится въ опасности; а мысль о субъектѣ, заключающемся въ глаголѣ, уже вмѣстѣ съ нимъ представляющемся уму и предшествующемъ субъекту въ рѣчи, будетъ стремиться найти себѣ выраженiе вмѣстѣ этого; такимъ, образомъ, въ языкѣ такой расы именительный падежъ будетъ стремиться слѣдовать за глаголомъ". (28).

Подобныя разсужденiя составляютъ теоретическое вступленiе въ изученiе принциповъ строенiя языковъ. Далѣе идетъ изслѣдованiе психики разныхъ племенъ со стороны ихъ умственной возбудимости или живости ихъ мысли, которая, какъ доказывалъ Байрнъ раньше, имѣетъ непосредственное отношенiе къ созданiю формъ ихъ рѣчи. На основанiи нѣсколькихъ словъ какого-нибудь путешественника опредѣляется умственная энергiя того или другого народа: такъ напр., финскимъ племенамъ вообще приписывается слабая умственная возбудимость на основанiи словъ Причарда объ эстонцахъ и финляндцахъ, при чемъ о послѣднихъ сказано только то, что они серьезны, на видъ мрачны и медлительны, и что между ними происходитъ мало ссоръ. Весь этотъ непродуманный и непровѣренный матерiалъ, собранный какъ попало, имѣетъ, конечно, весьма малую доказательную силу.

Какъ ни громадна на видъ книга Байрна, она не такъ мудрена, какъ это кажется. Большая часть ея (т. I, стр. 87—510 и т. II, стр. 1—278) занята очерками грамматикъ различныхъ языковъ, не представляющими ничего оригинальнаго. Послѣдняя часть книги (II. 278—386) посвящена синтезу и выводамъ. Не трудно показать на основанiи этихъ обобщенiй, что каждый изъ языковъ представляетъ массу явленiй, изъ которыхъ одни указываютъ на сильную интенсивность его мышленiя, другiя на слабую, такъ что въ области одного и того же языка рядъ противорѣчивыхъ явленiй. При этомъ Байрнъ, конечно, ни мало не задумывается надъ исторiей языковъ, надъ процессами исключительно лингвистическаго характера, не вытекающими изъ психики народа и т. п. Далѣе кардинальный вопросъ, который ему неминуемо слѣдовало

разрѣшить, остается даже не поднятымъ: именно, если близко родственные индоевропейскіе языки (напр., литовскій и славянскій) представляютъ явленія различныя, то находитъ-ли этотъ фактъ отраженіе себѣ въ умственной возбудимости соотвѣтствующихъ народовъ; скажу болѣе, какъ согласить съ теоріей Байрна, по которой между мышленіемъ и языкомъ неразрывная связь, расчлененіе языка на діалекты. Неужели у москвича и новгородца разница въ психикѣ такъ громадна, чтобы она могла создать столь значительныя діалектическія измѣненія, какія мы находимъ между акающимъ и окающимъ говорами великорусскаго языка? Далѣе, какъ объяснить существованіе разныхъ способовъ выраженія въ рѣчи даже одного и того же лица?

Не выяснивъ этихъ и множества еще болѣе сложныхъ вопросовъ, Байрнъ наполнилъ свою книгу положеніями, которыя вызываютъ большое недоумѣніе. Такъ, онъ смѣло сопоставляетъ языкъ готтентотскій со славянскимъ и литовскимъ на основаніи того, что въ образованіи прошедшаго времени въ этихъ языкахъ находитъ какое-то сходство, указывающее на „номадическій характеръ" ихъ (II. 304). „Такъ какъ индоевропейцы обладаютъ болѣе развитымъ, чѣмъ сироарабы, чувствомъ личной силы въ направленіи своей жизни, то и въ личномъ мѣстоименіи у нихъ больше чувства внутренней личности" (II. 361). Оставляя въ сторонѣ грамматическое обозначеніе рода, независимое отъ психическаго, Байрнъ приходитъ къ выводу, что „родъ тѣмъ болѣе имѣетъ тенденцію различаться на мужской и женскій, чѣмъ болѣе управляется силами природы раса" (II. 365), и въ видѣ иллюстраціи этого весьма спорнаго положенія онъ приводитъ самыя неожиданныя комбинаціи племенъ, дѣлая рѣшительно ничѣмъ не подтверждаемыя допущенія. Было бы скучно приводить здѣсь всѣ выкладки автора, но вотъ, напр., оказывается, что сильная тевтонская раса болѣе подчинила себѣ природу, чѣмъ греки и римляне, и потому имѣетъ склонность къ среднему роду, а новокельтскій, литовскій и романскіе языки совсѣмъ потеряли его, какъ и соотвѣтствующіе народы стараются приспо-

собиться и приладиться къ окружающему міру, „но славянскій языкъ, подобно тевтонскому, стремится къ употребленію средняго рода“.

Подобныхъ категорическихъ, совсѣмъ необоснованныхъ, неясныхъ и неотчетливыхъ заявленій въ книгѣ Байрна сотни: на каждой страницѣ послѣдней части мы находимъ ихъ разсыпанными какъ бы изъ рога изобилія; но такъ какъ и приведенныя замѣчанія, я надѣюсь, достаточно показали полную неподготовленность названнаго ученаго къ рѣшенію лингвистическихъ вопросовъ, и такъ какъ, далѣе, онъ не далъ себѣ труда ближе остановиться на опредѣленіи агглютинаціи въ ея отношеніи къ флексіи, повторивъ только слова Макса Мюллера, и приведя вышеуказанныя психологическія основанія флексивныхъ образованій,—то, я думаю, читатель позволитъ мнѣ покинуть трудъ Байрна, какъ вещь совсѣмъ ненаучную, и перейти къ обзору послѣдующей литературы, посвященной вопросу о грамматическихъ типахъ языковъ.

Я остановлюсь немного только на брошюрѣ горячаго поклонника Байрна, графа Шуленбурга [1]), который повторяетъ давно извѣстныя старыя истины о бо́льшей культурности народностей, говорящихъ флексивными языками, сравнительно съ народами, языки которыхъ представляютъ другіе морфологическіе типы. „Культурный процессъ народовъ“, говоритъ онъ (стр. 8): „основывается на ихъ душевной силѣ (Geisteskraft). Чѣмъ она выше, тѣмъ больше мысли будетъ заключать въ себѣ каждый психическій актъ, и тѣмъ яснѣе эти акты проникнутъ въ сознаніе. Всякая мысль, которую выражаетъ рѣчь, содержитъ implicite прежде высказанныя, имѣющія быть высказанными послѣ и невысказанныя, но дополняющія мысли. Чѣмъ больше душевная сила, тѣмъ яснѣе доходятъ до сознанія эти побочныя мысли, и тѣмъ большее вліяніе онѣ оказываютъ на мысли, которыя сейчасъ должны быть высказаны;

---

[1]) *Alb. Graf von der Schulenburg.* Ueber die Verschiedenheiten des menschlichen Sprachbaues. Eine studie über das werk des Iames Byrne“ Principles of the Structure of Language“. Leipzig. 1895.

въ цѣломъ рѣчи присутствуетъ часть, въ каждой части цѣлое; оба суть органическія единицы, но взаимно обусловливаютъ другъ друга; вещественные и формальные элементы органически сплавляются въ словѣ,—строеніе языка оказывается не изолирующимъ или агглютинирующимъ, но флексирующимъ".

Изъ приведенной цитаты видно, что гр. Шуленбергъ въ сущности не пошелъ дальше Байрна, но я посвящу нѣсколько словъ предубѣжденію этого и другихъ ученыхъ того же направленія, будто бы въ такъ наз. агглютинирующихъ языкахъ мысль выражается менѣе отчетливо, чѣмъ въ флексирующихъ. Всякому, кому приходилось читать тексты на какомъ-нибудь финскомъ языкѣ, вѣроятно, бросалось въ глаза, съ какой легкостью этотъ языкъ передаетъ сложныя идеи, и съ другой стороны кому не помнятся тѣ трудности, съ которыми выражаетъ свои мысли какой-нибудь древній флексирующій языкъ. Такъ какъ все указанное предубѣжденіе покоится на слишкомъ очевидно фальшивыхъ основахъ, то я приведу всего нѣсколько примѣровъ перваго и второго рода. Въ своемъ описаніи путешествія къ остякамъ финскій писатель Карьялайненъ употребляетъ, напр., такой оборотъ: rannasta päästyämme alkoi taivas valjeta, что значитъ: „когда мы отчалили отъ берега, небо начало проясняться". Здѣсь выраженіе: „когда мы отчалили" передано черезъ одно слово päästyämme, которое разлагается на päästyä и mme (мы, нашъ, вообще частица, указывающая на 1 лицо мѣстоим. множ. числа); въ томъ же сочиненіи мы находимъ черезъ двѣ страницы фразу: tervehdyslaukaus ilmoitli, että olimme kylään saapumaisillamme[1]) (привѣтственный выстрѣлъ показалъ, что *мы приближаемся* къ деревнѣ); здѣсь saapumaisillamme съ той же частицей -mme, о которой мы сейчасъ говорили, разлагается на слѣдующія части: saa-pu-mais-illa-mme (при нашемъ приближеніи). Такимъ образомъ, въ обоихъ случаяхъ однимъ словомъ (отглагольнымъ существительнымъ, причастной формой) передается мысль, которую на нашемъ языкѣ прихо-

---

[1]) Journal de la société Finno-Ougrienne. XVII. 7. 9.

дится выразить цѣлой фразой. Образованія мордовскаго (какъ и другихъ финскихъ языковъ) такъ же просты: напр., въ сказкѣ мы находимъ оборотъ sin tet af muvịht[1]) (ихъ тебѣ не найти; буквально: они тебѣ не будутъ найдены); здѣсь: muvịht отъ корня mu (muyan)—находить представляетъ страд. залогъ съ признакомъ *f*, который между двумя гласными переходитъ въ *v;* окончаніе -ịht то же, что и въ дѣйств. степени. Выраженіе sembä lomań kälhnendi (ibd. 97), т. е. языкамъ всѣхъ людей, буквально значитъ: *весь человѣкъ языкамъ* [2]).

Рядомъ съ этой простотой и ясностью передачи мыслей въ агглютинирующихъ языкахъ будетъ нелишнимъ привести два примѣра того, какъ путается иной разъ и флексирующій языкъ, когда ему приходится выражать отвлеченную мысль. Беру образчикъ изъ исторической книги Авесты (Vendidad. II. 11)[3]): aēva p̄riṣva ahmāt masyēhīm yap̄a para ahmāt as, что значитъ: *на одну треть больше, чѣмъ прежде*. Если попытаться передать это предложеніе дословно, то получится слѣдующее: „*одною третью отъ того* (Abl. ahmāt) *больше, какъ прежде отъ того было*". Или еще (Vendidad. III. 32): icta mip̄nāt daēva aipijaiñti umāne aiṇhāi gundayāi (здѣсь да останется въ домѣ, изъ котораго выгнаны даевы, для этого колоса). Выраженіе: *изъ котораго выгнаны даэвы* буквально слѣдовало бы перевести: *выгнанномъ даевы*, гдѣ daēva Nom. Pl.

Приведенные мною примѣры вовсе не имѣютъ въ виду показать превосходство одного типа образованій надъ другимъ въ смыслѣ точности передачи мыслей: напротивъ, я убѣжденъ, что въ этомъ отношеніи всѣ языки міра стоятъ на совершенно той же степени. То, что не выражено грамматически, при-

---

1) *Ahlquist*. Versuch einer Mokscha-Mordwinischen Grammatik nebst Texten und Wörterverzeichniss. Spb. 1861, стр. 131.

2) Есть не мало поклонниковъ агглютинаціи. См. о нихъ *Iespersen*. Progress in language. 16.

3) По изданію Гельднера.

вносится мыслью, какъ это справедливо указывали еще лингвисты сороковыхъ годовъ, и, какъ подчеркиваетъ Габелентцъ [1]), чистѣйшій типъ изолирующаго языка, китайскій, принадлежитъ къ совершеннѣйшимъ носителямъ мысли, которую онъ умѣетъ удивительно тонко расчленять, оттѣнять и сочетать.

Вообще, замѣчанія этого ученаго о морфологическихъ типахъ языковъ заслуживаютъ особеннаго вниманія, хотя, какъ я постараюсь показать, онъ не сдѣлалъ послѣднихъ выводовъ изъ своихъ разсужденій. Прежде всего объ *изолирующихъ* языкахъ. Принципъ изоляціи принадлежитъ вовсе не только этимъ языкамъ: ею пользуются и дѣти, прибѣгая къ соединенію въ предложеніи отдѣльныхъ словъ (Mädel Tuhl, kletter; bum! Mama puch puch, bissen! — дѣвочка на стулъ лѣзла, упала, мама немножко нашлепала), и новѣйшіе языки въ образованіи сложныхъ словъ въ родѣ Schleifstein, Dickkopf, schwarzbraun и т. д. Какъ бы то ни было, говоритъ Габелентцъ (329): уже изолирующій языкъ заключаетъ въ себѣ обильный запасъ вспомогательныхъ словъ, которыя онъ чувствуетъ формальными элементами, ибо употребляетъ въ качествѣ средствъ для образованія формъ. При этомъ „грамматика ничего не теряетъ въ своей организующей дѣятельности (formende Leistungskraft) оттого, что она оказывается чисто синтаксической, пользуясь лишь средствами расположенія словъ и формальными словами“. Габелентцъ идетъ даже такъ далеко, что утверждаетъ, что „во всѣхъ языкахъ этого класса изоляція является, повидимому, не первоначальнымъ, но третичнымъ и даже четвертичнымъ явленіемъ. Во всѣхъ, пожалуй, изъ нихъ проявляется тенденція сдѣлать часть слова по звуковому составу и по содержанію менѣе солидной и самостоятельной, чѣмъ остальные элементы рѣчи. Слѣды этого можно указать уже въ древне-китайскомъ языкѣ, а новокитайскіе діалекты пошли въ этомъ отношеніи такъ далеко, что врядъ-ли ихъ можно уже называть односложно-изолирующими.

---

[1]) *G. von der Gabelentz.* Die Sprachwissenschaft, ihre Aufgaben, Methoden und bisherigen Ergebnisse. Leipzig, 1891, стр. 328.

То, что лишено своей самостоятельности, должно связаться съ другимъ, искать опору въ немъ. То, что прежде было изолировано, является теперь въ извѣстной части сложнымъ, и такъ сложное образованіе (Compositum) представляется съ внѣшней стороны изолированной частью рѣчи высшаго порядка. Однако и до сихъ поръ сложеніе (Zussammensetzung) продолжаетъ быть главнымъ условіемъ развитія изолирующаго типа языка". (328).

Изъ вышеприведенныхъ словъ Габелентца, я думаю, можно сдѣлать два вывода: 1) намъ неизвѣстно *ни одного* языка безъ элементовъ, имѣющихъ только грамматическое значеніе, и 2) принципъ, который служилъ для развитія мысли, заключался искони наравнѣ съ синтаксическимъ сопоставленіемъ словъ въ сложеніи двухъ словъ, при которомъ одно изъ нихъ получало лишь формальное значеніе. Или, сводя оба положенія къ одному, скажу такъ: въ древнѣйшую эпоху китайскаго (и другого изолирующаго) языка было уже два принципа словообразованія, изоляція корней (т. е. ихъ сопоставленіе) и ихъ сложеніе, агглютинація.

Эти принципы являются опредѣляющими развитіе всѣхъ языковъ, въ томъ числѣ и индоевропейскихъ. Благодаря тому, что до насъ не дошли корни въ чистомъ видѣ, ихъ сопоставленіе не возможно, но сопоставленіе словъ (китайцы вѣдь тоже сопоставляютъ не корни, а слова) безъ измѣненія въ грамматическомъ отношеніи явленіе обычное въ сложныхъ словахъ не только такихъ языковъ, какъ французскій, англійскій или нѣмецкій, но и въ славянскихъ, сохранившихъ живое чувство флексіи. Въ одной изъ послѣдующихъ главъ я постараюсь показать, что для индоевропейскаго праязыка необходимо предположить употребленіе въ живой рѣчи тѣхъ основъ слова, которыя мы называемъ корнями, теперь же отмѣчу синтаксическое сопоставленіе словъ (въ китайскомъ смыслѣ—корней) въ такихъ сложныхъ словахъ, какъ франц. chien-loup, pierre-ponce (пемза)[1]), нѣм. Vierwaldstätterseeschrauben-

[1]) Сюда же, я думаю, надо отнести такія сложныя слова, гдѣ

dampfschiffgesellschaft, Postdampfersubventionsvorlage, das einjährigfreiwillige Berechtigungswesen, Präsidentschaftswahlkampf[1]) и т. д.

Въ англійскомъ языкѣ, благодаря вымиранію флексіи, возможны цѣлыя фразы, построенныя по типу изоляціи. Такъ, Свитъ[2]) приводитъ въ своей книгѣ (стр. 61) слѣдующія предложенія: you know many people; do you know it; a ten pound note. Какъ въ латинскомъ и греческомъ, такъ и въ литовскомъ языкѣ уже съ начала его письменности мы находимъ стремленіе къ сопоставленію въ сложныхъ словахъ такихъ частей ихъ, которыя чувствуются носителями значенія слова, его корнями. Подобно тому, какъ ferōx, ātrōx распадаются на fer(us)+ōc+s, āt(er)+ōc+s или греч. γλαυκῶπις на γλαυκ(ος)+ῶπις[3]), такъ и литовскія сложныя слова распадаются на двѣ части, изъ которыхъ первая чувствуется только, какъ корень. При этомъ иногда оказывается, что, въ сущности, обѣ части сложнаго образованія ощущаются корнями и могутъ стоять поочереди на первомъ мѣстѣ: такъ, рядомъ со старо-литов. medwinia (1589) стоитъ со-

---

первая часть какая-то глагольная основа (не форма): напр. abatjour, teint-vin, rompt-pierre, boït-tout etc. *Körting*. Encyklopedie und Methodenlehre der Romanischen Philologie. III. (1886), стр. 159—160.

[1]) *M. Bréal*. Essai de sémantique. Paris, 1897, стр. 181 (прим.). Ср. также весьма важныя слова Габелентца (стр. 331): „Wenn das Französische und Englische viele Suffixformen des Lateinischen und Angelsächsischen durch vorgefügte Formenzeichen ersetzt haben, so sind sie damit noch nicht zu einer präfigirenden Agglutination, sondern nur zu einer theilweisen Isolation gelangt".

Чисто синтаксическія (изоляціонныя) соединенія, которыя пріобрѣтаютъ видъ глагольныхъ основъ, отмѣчены Э. Сетэлэ въ образованіи нѣкоторыхъ финноугорскихъ глагольныхъ формъ. См. его книгу Zur Geschichte der Tempus-und Modusstammbildung in den finnisch-ugrischen Sprachen. 1886, стр. 80—82.

[2]) *H. Sweet*. The history of language. London, 1901.

[3]) *Fr. Stolz*. Historische Grammatik der lateinischen Sprache. Leipzig, 1895, стр. 432.

временное wynmedis (weinstock) или рядомъ со старымъ ryszgalwis (головная повязка) стоитъ теперь galwarysztis [1]). Образованія такого типа появляются въ балтійскихъ языкахъ съ древнѣйшей поры ихъ историческаго существованія; они обычны и теперь.

Переходя къ славянскимъ языкамъ, я отмѣчу въ нихъ *изоляціонныя* образованія сложныхъ словъ двухъ типовъ: къ первому принадлежатъ такія слова, въ которыхъ языкъ пытается отдѣлить корни и ихъ въ качествѣ самостоятельныхъ единицъ сдѣлать первой частью образованія (къ этому типу относятся напр. серб. čȉstikuća, gȁziblato, neznȁbožac [2]) и т. п. и сходныя сложныя слова въ другихъ славянскихъ языкахъ); ко второму типу относятся довольно обычныя пѣсенныя сопоставленія двухъ существительныхъ (приложенія съ опредѣляемымъ словомъ), при чемъ первое стоитъ неизмѣнно въ имен. падежѣ, который въ данномъ случаѣ ощущается, какъ корень слова. Изъ множества примѣровъ, приведенныхъ Миклошичемъ [3]), ограничусь нѣсколькими: серб. ја сам сеја Змај—Огњена Вука, до Острог—планине, рус. мать—сырой землѣ, казну младъ Соловья, ко тому камню бѣлъ—горючему, изъ трость—дерева и т. д.

Изъ стар.-пол. приведу форму въ молитвахъ 1375 г.: Werzφ w bog otcza (*Hanusz.* Spraw. kom. Ięz. I. 321). Очень интересныя образованія отмѣчены Бартошемъ въ моравскихъ говорахъ; укажу, напр., на слово „jak se patři“=pořádny, которое склоняется: „mám jak se patřího pachołka“ (Dial. morav. I. 151—152).

Опредѣливъ сущность изоляціи, Габелентцъ переходитъ къ агглютинаціи, при чемъ и здѣсь въ отличіе отъ своихъ

---

1) *Ad. Bezzenberger.* Litauische und Lettische Drucke des XVI Iahrhunderts. Göttingen. 1875, стр. XXVII. Ср. его-же Beiträge zur Geschichte d. litauischen Sprache. 1877, стр. 104—107.

2) *T. Maretić.* Grammatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika. Zagreb, 1899, стр. 364—365.

3) Vergleich. Gram. IV. 342—344.

предшественниковъ онъ придаетъ этому явленію прежде всего психологическое значеніе! „Когда формальныя слова, какъ таковыя, ощущаются противоположностью вещественнымъ словамъ, то бываетъ естественно выразить эту противоположность и съ помощью артикуляціи. Прежде всего удареніе, при чемъ или формальный элементъ остается не отмѣченнымъ удареніемъ (das Formale leichthin behandelt) или, наоборотъ, логико-психологическія отношенія рѣзко оттѣняются имъ. Въ нашей свободной рѣчи, какъ извѣстно, встрѣчается и то, и другое; но во многихъ языкахъ обычай и правила становятся рѣшительно на ту или на другую сторону. Но въ обоихъ случаяхъ послѣдствіемъ оказывается то, что вещественные и формальные элементы рѣчи соединяются въ акустическія единицы; это какъ бы волны, которыя считаются по вершинамъ. Такимъ образомъ мы опять таки имѣемъ въ болѣе широкомъ смыслѣ слова сопоставленія, но уже не равноцѣнныхъ, вещественныхъ элементовъ, но соединенія вещества и формы. И этотъ видъ сопоставленія мы называемъ соединеніемъ или агглютинаціей“ (330). Повидимому, Габелентцъ не склоненъ однако проводить и въ этой области рѣзкой границы между индоевропейскими и другими языками: такъ, указавъ, что форменными элементами агглютинаціи являются *аффиксы*, которые по мѣсту положенія дѣлятся на прэ-, суб- и инфиксы, онъ приводитъ въ качествѣ образца послѣднихъ одинъ примѣръ изъ флексивной группы языковъ (findo, bhidnāmi), а другіе изъ малайскихъ, каларскихъ и т. п. языковъ.

Такъ какъ между изоляціей и агглютинаціей какихъ-нибудь постоянныхъ, непреложныхъ граней нѣтъ, и вся разница между ними сводится къ тому, насколько живо помнится конкретное значеніе элемента, получившаго лишь формальное употребленіе, то и въ языкахъ нашей группы могутъ быть изоляціонныя и агглютинаціонныя образованія. Послѣдними Габелентцъ справедливо признаетъ формы je-dir-ai, образованія съ суффиксами -ment, -heit, -lich и др., „конкретное происхожденіе которыхъ извѣстно языкознанію, но уже забыто языковымъ сознаніемъ народа“ (331).

При такомъ психологическомъ пониманіи различія въ словообразованіяхъ Габелентцъ справедливо относится со скептицизмомъ къ термину „агглютинирующіе языки", который признаетъ въ лучшемъ случаѣ своего рода cache-désordre, кладовой, куда свалены самые разнообразные языки. „Возбуждаетъ недоумѣніе лишь то, что на сей разъ кладовая занимаетъ большую часть постройки". На слѣдующихъ страницахъ Габелентцъ пытается раздѣлить т. наз. агглютинирующіе языки на группы и въ концѣ концовъ задаетъ весьма существенный вопросъ: какія категоріи словъ образуются по способу агглютинаціи, и въ какихъ грамматическихъ категоріяхъ образующимъ элементомъ служитъ система аффиксовъ? „Здѣсь", по его мнѣнію, „внѣшняя форма входитъ въ соприкосновеніе съ внутренней и вопросъ о грамматическихъ категоріяхъ стоитъ независимо отъ морфологическаго класса" (333).

Съ точки зрѣнія внѣшней формы никакъ не опредѣлишь, какая разница между глагольными формами какого-нибудь лапландскаго языка съ измѣненіями гласнаго въ основѣ и такими греческими образованіями, какъ λείπω, ἔλιπον, λέλοιπα, ибо „флексія въ индогерманскомъ смыслѣ этого слова является лишь далеко зашедшей впередъ агглютинаціей". Напирая на то, что внутреннее соединеніе формы и вещества сказывается въ множественности индоевропейскаго склоненія (Caesaris, Pompaei) и спряженія (amari, legi, scripsi), а еще лучше въ такихъ дефективныхъ системахъ, какъ sum-fui, λέγω-εἶπον и др., Габелентцъ однако признается, что совершенно сходныя явленія наблюдаются и въ другихъ языкахъ, американскихъ, африканскихъ, кавказскихъ и проч. И далѣе, мы постоянно встрѣчаемся у него съ языками флексивными рядомъ съ агглютинирующими (обѣимъ группамъ приписывается извѣстная символизація гласныхъ; агглютинація окончаній).

Очень вѣрны замѣчанія Габелентца и относительно той неопредѣленности, которая связывается съ понятіемъ о флексирующихъ языкахъ. Принципу формулированія словъ (Wortformung) приписывается здѣсь большое значеніе: онъ образуетъ основу, слово и всякое вещественное слово по своему, въ

видѣ формы. „Однако къ нашему классу языковъ это не имѣетъ полнаго примѣненія. Мы имѣемъ мѣстоименія me, te, ἐμε, σε и т. д., которыя не обладаютъ никакимъ знакомъ формы и, повидимому, никогда и не обладали имъ. Далѣе, мы имѣемъ безформенные имен. падежи у существ. женскаго рода на ā, въ основахъ, какъ санскр. manas, лат. arbor и т. д. А если мы прослѣдимъ дальнѣйшее развитіе нашихъ языковъ, то мы увидимъ все увеличивающееся разрушеніе падежныхъ формъ, особенно того пресловутаго двуполаго существа, падежа не то субъекта, не то предиката, который называется именительнымъ“ и т. д. (335—336 стр.).

Наконецъ, къ числу образованій, стоящихъ по серединѣ между изоляціей и агглютинаціей и представляющихъ типъ *синтаксическаго сложенія*, Габелентцъ относитъ такія сложныя слова, какъ санскр. putradârau (Dual.) дитя и жена, лат. suovetaurilia и т. д. (341).

Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ своей книги, гдѣ рѣчь заходитъ объ агглютинаціи (напр., стр. 383—384), Габелентцъ обнаруживаетъ тонкое пониманіе строя т. наз. агглютинирующихъ языковъ; онъ отмѣчаетъ, напр., что ясность ихъ строенія можетъ быть только кажущейся, что конкретное значеніе формальныхъ элементовъ часто тоже кажется намъ такимъ лишь по недоразумѣнію и т. п. Однимъ словомъ, этотъ ученый, повидимому, склоняется къ мысли, что классификація языковъ, построенная на морфологическомъ критеріи, вещь, заключающая сама въ себѣ противорѣчіе, и что въ языкѣ каждой группы можно отмѣтить образованія типа синтаксическаго сопоставленія словъ (изоляціи), довольно мало сплоченныя соединенія формальныхъ элементовъ съ основой (агглютинація) и наконецъ тѣсныя, неразрывныя соединенія ихъ (флексія). По крайней мѣрѣ, въ индоевропейскихъ языкахъ всѣ три типа отмѣчаются Габелентцемъ.

То же самое оказывается вполнѣ примѣнимымъ и къ финноугорской группѣ языковъ: и здѣсь я постараюсь въ слѣдующей главѣ отмѣтить рядъ чисто флексивныхъ образо-

ваній, изолирующія были указаны (пока на одномъ примѣрѣ) въ мордовскомъ sembä lomań kälhnendi.

Теперь я перейду къ книгѣ, которая ставитъ вопросъ о морфологическомъ развитіи языковъ очень оригинально и интересно. Я имѣю въ виду сочиненіе Есперсена „Прогрессъ въ языкѣ“, вышедшее въ 1894 году на англійскомъ языкѣ [1]. Выводъ автора совершенно противоположенъ всѣмъ взглядамъ Шлейхера и его послѣдователей, которые предполагаютъ, что отъ изоляціи языкъ переходитъ черезъ промежуточную ступень агглютинаціи къ флексіи. Есперсенъ, наоборотъ, утверждаетъ, что „эволюція языка проявляетъ прогрессивную тенденцію отъ нераздѣльныхъ неправильныхъ конгломерацій къ свободно и правильно комбинирующимся краткимъ элементамъ“ (стр. 127). Иначе говоря, отъ полисинтетической флексіи языкъ переходитъ къ агглютинаціи, а отъ нея къ безфлексійной (flexionless) изоляціи.

Не смотря на то, что названный остроумный лингвистъ приходитъ къ выводамъ, противоположнымъ Шлейхеровскимъ, однако же я думаю, что онъ въ основѣ настолько же неправъ, какъ и его противники, потому что мнѣ представляется ошибочнымъ тотъ или другой принципъ формообразованія переносить на опредѣленную эпоху языковаго развитія. Вслѣдствіе этого несогласія съ книгой Есперсена я считаю себя обязаннымъ посвятить ей внимательное разсмотрѣніе.

Вводная глава „Прогресса въ языкѣ“ начинается съ весьма остроумнаго указанія, что англійскій языкъ, представляющій своей тысячелѣтней исторіей особенно пригодный матеріалъ для изученія принциповъ языкового развитія, не обладаетъ ни однимъ изъ тѣхъ признаковъ, которые лингвистика (въ лицѣ Фр. Мюллера) считаетъ типическими чертами индогерманской семьи языковъ: онъ не различаетъ корня, основы и цѣлаго слова (въ словахъ man, wish такого раздѣленія

---

[1]) *Otto Iespersen*. Progress in language with special reference to english. London. 1894.

никакъ не сдѣлаешь); въ немъ нѣтъ яснаго различія между именемъ и глаголомъ (I wish и my wish), между родами и между грамматическими категоріями. Отсюда возникаетъ вопросъ: выше или ниже ново-англійскій языкъ первобытнаго арійскаго?

Разрѣшеніе на этотъ вопросъ уже давно дано школой Шлейхера—и не въ пользу англійскаго языка, и это обстоятельство заставляетъ Есперсена изложить сущность взглядовъ Шлейхера, котораго онъ упрекаетъ въ слѣпой послѣдовательности Гегелю. Такъ, изложивъ свою теорію о лѣстницѣ языкового развитія, Шлейхеръ однако не могъ привести историческихъ доказательствъ для подтвержденія ея, да и не старался сдѣлать это, имѣя отличную отговорку въ Гегелевскомъ смыслѣ, что исторія начинается лишь тогда, когда человѣческій духъ „сознаетъ свою свободу“ (стр. 7). Когда же начинается исторія народа, развитіе языка, по ученію Шлейхера, прекращается; изъ этой крѣпости шлейхеровцы никогда и не выходятъ.

Представители этой школы вообще ставили старые индоевропейскіе языки выше новыхъ, удивляясь сложности первыхъ и сравнивая ихъ формы со статуями; Есперсенъ держится иного мнѣнія: онъ утверждаетъ что краткія образованія новыхъ языковъ, какъ болѣе экономныя въ смыслѣ мускульномъ и мозговой работы, сопряженной съ ихъ запоминаніемъ, значительно превосходятъ старыя формы, и разсмотрѣнію этого вопроса онъ посвящаетъ вторую главу. Здѣсь онъ отмѣчаетъ общее стремленіе новыхъ языковъ (англійскаго) къ развитію общихъ формъ вмѣсто спеціальныхъ (стр. 32); на этомъ основывается употребленіе глагола had вмѣсто цѣлой дюжины готскихъ (habaida, habaidês, habaidêdu, habaidêduts, habaidêdeima и др.), вымираніе согласованія именъ прилагательныхъ и вообще согласованія (лат. *opera virorum omnium bonorum veterum* рядомъ съ англ. *all good old men's works*), отчего языкъ пріобрѣтаетъ болѣе абстрактный характеръ, облегчающій выраженіе мыслей (39 стр.).

Такимъ образомъ, Есперсену предстоитъ разсмотрѣть

сложный типъ языка, чтобы показать его существенныя отличія отъ той стадіи языкового развитія, какую онъ констатируетъ въ новыхъ западно-европейскихъ языкахъ. При этомъ съ его точки зрѣнія сложный типъ и будетъ первобытнымъ, и потому въ третьей главѣ, названной имъ „Первобытной грамматикой", Есперсенъ начинаетъ изложеніе съ разсмотрѣнія языка южноафриканскихъ племенъ Банту. Какъ извѣстно, особенностью этой группы языковъ является нѣкотораго рода аллитерація, состоящая въ повтореніи перваго слога перваго слова во всѣхъ другихъ словахъ этого предложенія, отчего получаются самыя разнообразныя (до 16) формы одного и того же слова: такъ, мѣстоименіе твое въ молитвѣ „Отче нашъ" передается черезъ lako, bako и yako или слово inkosi, *царь* въ зависимости отъ предложенія выступаетъ въ формахъ: wenkosi, benkosi, senkosi, lenkosi, enkosi, kwenkosi. Такъ какъ на одномъ изъ языковъ этой группы была уже двѣсти лѣтъ тому назадъ составлена грамматика, то до извѣстной степени проясняется исторія его формъ, и Есперсенъ полагаетъ, что въ прежнее время было болѣе, чѣмъ 16 классовъ, такихъ повторяющихся въ фразѣ элементовъ, и что они болѣе походили на цѣлыя слова (51—52 стр.). Самое происхожденіе ихъ кажется Есперсену понятнымъ: первоначально, это и были слова, которыя нужно было постоянно повторять, чтобы быть понятнымъ.

Довольно неожиданно заключеніе Есперсена, сдѣланное изъ изученія такой группы языковыхъ явленій Банту: по его мнѣнію, предложеніе *umuntu wetu uyabonakala simtanda* (нашъ человѣкъ появляется, мы любимъ его) распадалось первоначально на:

umuntu=человѣкъ=я говорю о человѣкѣ;

umuntu etu=человѣкъ наши=человѣкъ есть нашъ, это нашъ человѣкъ;

umuntu yabonakala=человѣкъ появляться=человѣкъ появляется;

si umuntu tanda=мы человѣкъ любить=мы любимъ человѣка.

Для Есперсена представляется яснымъ, что мы присутствуемъ въ языкѣ Банту при образованіи *мѣстоименій* изъ полныхъ именъ, при происхожденіи другихъ *грамматическихъ формъ* и въ частности глагольныхъ окончаній, даже чего-то въ родѣ члена. Вообще говоря, по мнѣнію Есперсена, здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, грамматическія обозначенія развились изъ сокращенія болѣе длинныхъ словъ, а не изъ расширенія короткихъ словъ помощью формальныхъ элементовъ (59). Этотъ выводъ, по его мнѣнію, имѣетъ примѣненіе и къ объясненію арійскихъ языковъ, и Есперсенъ ополчается противъ теоріи „неограмматиковъ", которые, какъ мы уже видѣли, объясняютъ флексію сложеніемъ первоначально самостоятельныхъ частей; такъ какъ за это говоритъ много неподлежащихъ сомнѣнію фактовъ, то названный ученый чувствуетъ себя вынужденнымъ сдѣлать нѣкоторую уступку въ своихъ взглядахъ и признать хоть за нѣкоторыми флексивными образованіями сложное происхожденіе, но, во первыхъ, по его мнѣнію, такихъ формъ весьма не много; во вторыхъ, онѣ указываютъ только нарощеніе новыхъ флексивныхъ образованій на старой флексивной почвѣ (ит. ámeró, amerai, др.-сѣв. finnask и т. д.), и въ третьихъ будь эта теорія примѣнима ко всѣмъ грамматическимъ формамъ арійскихъ языковъ, онѣ были бы гораздо правильнѣе, чѣмъ мы ихъ находимъ теперь; въ доказательство этого Есперсенъ ссылается на образованіе страдательнаго залога въ скандинавскихъ языкахъ и будущаго времени въ романскихъ (66—67). Наконецъ, указанная теорія забываетъ, что въ окончаніяхъ новыхъ формъ (rinder, англ. oxen и др.) нѣтъ ничего специфическаго (68).

Мнѣ кажется, что въ тѣхъ возраженіяхъ, которыя Есперсенъ дѣлаетъ Паулю, Бругману и др. представителямъ этой школы, есть основной промахъ, заключающійся въ пренебреженіи отдаленнымъ прошлымъ индоевропейскихъ языковъ; дѣйствительно, формы finnask, aimerai и т. под. указываютъ на новѣйшій складъ ихъ, но развѣ принципъ формообразованія, положенный въ основу ихъ, не можетъ быть примѣнимъ и къ прежнимъ временамъ; вѣдь для человѣка, складывавшаго

inf. aimer съ глаголомъ ai(habeo), оба элементы сложенія представлялись самостоятельными единицами, для него въ ту минуту, когда habeo онъ крѣпко связывалъ съ amar-, или когда сербъ соединялъ ћу(хочу) съ ходити въ неразрывное цѣлое ходићу, флексивное состояніе языка какъ бы не существовало, и онъ такъ же въ ћу, ai чувствовалъ оттѣнокъ будущаго времени, который связывалъ съ дѣйствіемъ, служившимъ предметомъ его сужденія, какъ отдаленный предокъ его соединялъ, положимъ, съ частицей *s* представленіе о множественномъ числѣ и т. п. Есперсенъ замѣчаетъ, что образованія индоевропейскихъ языковъ гораздо менѣе правильны, чѣмъ можно было бы ожидать при предположеніи ихъ сложнаго образованія, но, я думаю, что и это возраженіе не вполнѣ основательно: не забываетъ-ли Есперсенъ, что въ созданіи языка постоянно дѣйствуютъ силы, разрушающія эту правильность, т. е. всевозможныя ассоціаціи однихъ формъ съ другими. И тѣмъ не менѣе, древнѣйшія формы индоевропейскаго языка, который намъ извѣстенъ, во всякомъ случаѣ, уже сравнительно поздно, когда въ немъ развились говоры, настолько правильны, что и все ихъ позднѣйшее развитіе не стерло слѣдовъ ихъ происхожденія изъ агглютинативныхъ соединеній.

Встанемъ однако на точку зрѣнія самого автора цитируемой книги. Онъ думаетъ, что изъ тѣхъ образованій, которыя представляютъ языки Банту, развились обозначенія грамматическихъ категорій. Пусть такъ, хотя меня лично примѣры Есперсена убѣдили мало; впрочемъ, это мое субъективное впечатлѣніе, и я на немъ не имѣю права настаиваетъ. Пусть Есперсенъ даже правъ, но что можно заключить отсюда? Въ настоящее время уже не всякое слово повторяется въ предложеніи передъ каждымъ другимъ словомъ (почему повторяется только первое слово, не ясно; если бы уже говорить о повтореніи, то нужно бы создать не такую схему: a + b + c + d даютъ a + ab + ac + ad, но такую a + b + c + d даютъ a + ab + abc + abcd). Нѣтъ, теперь изъ всей массы словъ характеръ „напоминателей“ (reminders) получило

всего 16 словъ; образовалась, стало быть, извѣстная правильность, и уже послѣ того какъ возникла *условная* почва для развитія грамматическихъ частицъ, изъ *полныхъ* словъ сократились тѣ элементы, которые пріобрѣли функцію грамматическихъ обозначеній. Слѣдовательно, грамматическія формы возникли не изъ хаоса длинныхъ словъ, которыя потомъ, сократившись, положили начало грамматической системѣ, но изъ извѣстнаго установленнаго usus'омъ языка разряда словъ, которыя создали группу частицъ, получившихъ лишь формальное значеніе и вслѣдствіе этого присоединявшихся для обозначенія грамматическихъ категорій къ полнымъ словамъ; при этомъ, конечно, совершенно безразлично съ принципіальной точки зрѣнія, къ началу или концу слова совершалось присоединеніе, пишутся частицы отдѣльно или вмѣстѣ со словомъ и т. п. Нисколько не мѣняется дѣло и отъ того, происходятъ-ли внутри слова фонетическія измѣненія, оказываются-ли формы подъ вліяніемъ аналогіи въ двухъ или болѣе схемахъ склоненія и спряженія. Важенъ лишь принципъ возникновенія флексіи изъ агглютинаціи частицъ, получившихъ постоянное формальное значеніе, а дальнѣйшая исторія такъ образовавшихся формъ—дѣло второстепенное. Всѣ же разсужденія Есперсена, повторяю, сводятся въ концѣ концовъ къ тому, что и въ „первоначальной грамматикѣ", въ языкѣ Банту наблюдается та же закономѣрность. Въ этомъ отношеніи языкъ Банту настолько же далекъ отъ первобытности, какъ и китайскій или другой представитель изолирующей группы; нельзя, кажется, не согласиться съ Есперсеномъ, что послѣдніе представляютъ высшій типъ языковой эволюціи (89—90), къ которому стремятся всѣ языки, замѣняющіе мало-по-малу флексію синтаксическимъ расположеніемъ словъ (110—111). Этому вопросу посвящена IV глава, а V, озаглавленная „Развитьемъ языка", заключается въ изслѣдованіи историческаго развитія индоевропейскаго языка.

Такъ какъ, по моему мнѣнію, заключеніе, къ которому приходитъ здѣсь Есперсенъ, вовсе не вытекаетъ изъ его основоположеній, то я долженъ остановиться подробнѣе на послѣд-

нихъ. По теоріи Шлейхера, говоритъ Есперсенъ, „первоначально изолирующій языкъ, состоявшій изъ безформенныхъ корней, прошелъ черезъ агглютинирующую стадію, когда развились формальные элементы, при чемъ они и корни были по отношенію другъ къ другу независимы, къ третьей и наивысшей стадіи, которую мы находимъ во флексивныхъ языкахъ; здѣсь формальные элементы проникли корни и образовали съ ними неразрывныя единицы“ (113). Критика этихъ положеній сводится у Есперсена къ слѣдующему: корни самостоятельно никогда не существовали, это не болѣе, какъ абстракціи того общаго, что заключается въ группѣ этимологически родственныхъ словъ (114); агглютинація терминъ крайне неопредѣленный, вслѣдствіе чего къ агглютинирующей группѣ отнесены самые разнообразные типы языковъ, и вслѣдствіе чего ученые (Шлейхеръ, Фр. Мюллеръ) часто оказываются не въ состояніи опредѣлить, въ чемъ заключается различіе между грамматическими формами этихъ языковъ и какими-нибудь латинскими или греческими (115—118). Не менѣе шатко опредѣленіе и флексіи, которая означаетъ въ концѣ концовъ только неразрывность формальнаго и коренного элементовъ слова; но дѣленіе языковъ на аналитическіе и синтетическіе можетъ имѣть лишь относительный характеръ: латинскій языкъ синтетическій въ сравненіи съ французскимъ, а послѣдній аналитическій въ сравненіи съ латинскимъ; но если бы мы узнали непосредственнаго предка латинскаго языка, тысячи за двѣ лѣтъ до появленія первыхъ надписей, то мы, несомнѣнно, увидѣли бы настолько синтетическій языкъ, что въ сравненіи съ нимъ латынь Цицерона показалась бы въ высшей степени аналитической (121).

Итакъ, корни-абстракція, агглютинація терминъ неопредѣленный, флексія также. Сомнѣваюсь, чтобы отсюда вытекалъ такой выводъ: „доисторическое развитіе арійскаго языка отъ корней черезъ агглютинацію къ флексіи не выдерживаетъ критики“ (121). Почему? Если корни признаются не существующими, то ихъ, конечно, нужно исключить, но существованіе агглютинаціи вѣдь вовсе не отрицается Есперсеномъ. Онъ рѣ-

шительно рекомендуетъ обратиться къ изученію историческихъ эпохъ языковъ и изъ нихъ дѣлать заключенія о законахъ, управляющихъ лингвистической эволюціей. Заключеніе намъ уже извѣстно: изъ сложныхъ неправильныхъ (флексивныхъ, инкорпоративныхъ) образованій языкъ переходитъ къ агглютинативнымъ, а отъ нихъ къ свободно комбинирующимся краткимъ элементамъ (126—127). Но этотъ выводъ, какъ я старался показать выше (при разборѣ теоріи Есперсена о языкѣ Банту), совершенно голословенъ; онъ доказанъ лишь въ послѣдней своей части. Кромѣ того, указывать на агглютинацію, какъ на стадію въ развитіи языка въ Шлейхеровскомъ или противоположномъ направленіи, Есперсенъ, казалось бы, не долженъ былъ, разъ онъ (см. выше) съ такимъ скепсисомъ отнесся къ агглютинаціи. Наконецъ, изученіе языковъ скорѣе доказываетъ, какъ я постараюсь отмѣтить въ дальнѣйшемъ изложеніи, существованіе въ каждомъ изъ языковъ и въ каждую эпоху трехъ типовъ образованія формъ: изоляцію, агглютинацію и флексію, при чемъ подъ изоляціей я разумѣю употребленіе корней въ сложныхъ словахъ, въ образованіяхъ новаго типа и т. д. Конечно, корень, установленный языкознаніемъ, очень часто не совпадаетъ съ тѣмъ, что чувствуетъ корнемъ человѣкъ, не получившій грамматической выучки. Такъ, въ образованіи спáтеньки мы видимъ агглютинативную форму отъ *корня спать*, серб. čȅgović образовано отъ корня čeg или даже čegov и т. д. Чисто агглютинативное образованіе въ духѣ венгерскаго языка мы находимъ въ стар.-литов. сравнит. степени на èłasnis (Universitas linguarum Lituaniae 1737 г. по изд. Розвадовскаго 1896 г. стр. 18: Sunt comparativa anomalia ab aliquibus desinentibus in as, desinentia in èłasnis, v. g. aukszteiełasnis przywyższy, paulo altior).

Въ VIII томѣ журнала „Die neueren Sprachen“ (за 1900—1901 годъ) помѣщена статья южно-американскаго ученаго Рудольфа Ленца [1]), посвящена обстоятельному разбору книги

[1]) „Ueber Ursprung und Entwicklung der Sprache“. Mit besonderer berücksichtigung von Iespersens Progress in Language. Von Rudolf

Есперсена. По своимъ размѣрамъ и самостоятельности точки зрѣнія эта статья должна быть разсмотрѣна отдѣльно при изученіи литературы вопроса о морфологическихъ типахъ строенія языковъ. Во многихъ случаяхъ критика Ленца, съ которой я познакомился намѣренно лишь послѣ того, какъ высказалъ свое сужденіе объ основныхъ взглядахъ Есперсена, сходится съ моимъ пониманіемъ вопроса: такъ, Ленцъ видитъ въ формахъ языка Банту тоже по существу своему агглютинативныя образованія (468—469); онъ возстаетъ противъ положенія Есперсена, что противъ возникновенія флексивныхъ языковъ изъ агглютинирующихъ говорятъ неправильности въ ихъ формообразованіяхъ, замѣчая справедливо, что „флексирующіе языки могутъ возникнуть изъ готовыхъ агглютинирующихъ лишь потому, что ихъ принципъ мало-по-малу измѣняется вслѣдствіе психологическаго развитія“ (471). На стр. 517—531 названнаго журнала Ленцъ шагъ за шагомъ разбираетъ пятую главу книги Есперсена, посвященную, какъ мы уже видѣли, синтетическому изложенію общей языковой эволюціи.

Онъ соглашается съ датскимъ ученымъ, что корни нашихъ языковъ представляютъ лишь отвлеченіе изъ группы родственныхъ словъ, но вноситъ въ это положеніе весьма важную поправку. „Понятіе корня слова, какъ первоначальнаго элемента человѣческой рѣчи, вовсе не исчерпывается китайскими словами и корнями санскритскаго типа. Представьте себѣ языкъ, простой и прозрачный въ морфологическомъ отношеніи, не знающій въ имени существительномъ никакихъ флексивныхъ и агглютинативныхъ окончаній, даже никогда ихъ не знавшій“, поскольку можно судить объ этомъ. Поищите въ такомъ языкѣ самыя конкретныя слова, которыя мало годятся въ производные элементы и, на самомъ дѣлѣ, не имѣютъ никакихъ производствъ:—чѣмъ такія слова будутъ отличаться отъ корней? Правда, мы никогда не можемъ доказать, что то или другое слово служило первичнымъ словомъ (Urwort) языка

Lenz in Santiago de Chile. „Die neueren Sprachen“ VIII. 449—472, 513—534, 577—589.

въ его современной формѣ, и что оно сохранило ее въ неизмѣнномъ видѣ со времени созданія языка, однако я полагаю, что иногда мы имѣемъ право сдѣлать такое предположеніе". Далѣе Ленцъ приводитъ примѣры изъ языка mapuche, на которомъ говорятъ чилійскіе индѣйцы. Такія слова, какъ ко (вода), yu(носъ), ηe(глаза), являются корнями и словами заразъ; то же можно сказать про рядъ глагольныхъ корней, которые въ продолженіе 300 лѣтъ, какъ извѣстенъ этотъ языкъ, остаются безъ измѣненія.

Какъ же представить себѣ изолирующую стадію языка, спрашиваетъ Ленцъ. По его мнѣнію, наглядной иллюстраціей этого состоянія служитъ языкъ mapuche. „Нужно вспомнить въ этомъ нарѣчіи комбинаціи съ подчиненными мѣстоименными окончаніями и вставленными подчиненными вспомогательными глаголами, которые оказываются единственными словами съ урегулированнымъ положеніемъ" (521). Для выраженія мыслей такой языкъ представлялъ весьма скудныя средства, но это—то и важно. По глубоко вѣрному замѣчанію Ленца, „нѣтъ никакой возможности предъявлять первой формѣ рѣчи человѣческаго рода тѣ требованія, какія мы, обыкновенно, видимъ выполненными существующими языками. Это часто упускаютъ изъ виду. Языкъ или, вѣрнѣе, языки человѣчества (потому что я думаю, что созданіе языка произошло независимо въ различныхъ мѣстахъ земли) развились вмѣстѣ съ мышленіемъ его; сначала и, навѣрное, очень долго они находились въ зачаточномъ состояніи и были очень фрагментарны" (522). Далѣе Ленцъ разсматриваетъ, какіе типы изоляціи могли бы существовать, при чемъ исходнымъ пунктомъ для него служатъ американскіе языки; къ книгѣ Есперсена онъ возвращается справедливымъ замѣчаніемъ, что тотъ заходитъ слишкомъ далеко, утверждая, будто всѣ корни арійскихъ языковъ возникли путемъ позднѣйшаго отвлеченія ихъ изъ группы родственныхъ словъ. По мнѣнію Ленца, напротивъ, корни такого происхожденія являются лишь исключеніемъ (526).

Вслѣдъ за тѣмъ авторъ переходитъ къ агглютинаціи, ко-

торую характеризуетъ слѣдующими словами: „какъ Есперсенъ говоритъ, что флексія есть неразрывность конкретнаго слова (Sinnwort) съ формальнымъ элементомъ, такъ мы можемъ сказать: агглютинація есть разлучимость (die Trennbarkeit) обоихъ элементовъ“ (527). Рядомъ съ агглютинаціей существуютъ изоляція (какъ этотъ терминъ обычно примѣняютъ къ китайскому языку) и инкорпорація. „Всѣ эти формы постепенно переходятъ другъ въ друга... Ни въ одномъ инкорпорирующемъ или вообще агглютинирующемъ языкѣ мы не бываемъ въ состояніи проанализовать всѣ формальные элементы, и порою они оказываются по группамъ до того перепутанными, что окончаніе совершенно неправильно переходитъ то сюда, то туда, при чемъ однако соотвѣтствуетъ правильнымъ логическимъ группамъ, такъ что нашъ анализъ разбивается о нихъ такъ же, какъ и о самую выраженную флексію“ (528). На основаніи такого перехода одного типа языкового строя въ другой Ленцъ считаетъ, что Есперсеномъ заходитъ слишкомъ далеко со своимъ положеніемъ, будто языкъ отъ флексивныхъ формъ переходитъ черезъ агглютинацію къ изоляціи. Это примѣнимо къ флексирующимъ языкамъ, спеціально къ индоевропейскимъ, но это нельзя утверждать относительно другихъ группъ (531).

Самъ Ленцъ склоняется въ пользу нѣкогда самостоятельнаго существованія тѣхъ элементовъ, которые входятъ впослѣдствіи въ синтезъ флексивныхъ формъ (582). Его разумная критика увлеченій Есперсена показываетъ, что въ типахъ строенія языковъ онъ видитъ не что-то неизмѣнно присущее тому или другому языку, но только различные виды образованія формъ; при этомъ онъ не видитъ рѣзкой разницы между агглютинаціей и флексіей. Кажется, можно думать, что въ настоящее время наука отказалась отъ дѣленія языковъ на формальные и безформенные, въ которыхъ слова являются лишь *кажущимися словами*, и что Мистелли [1]), повторяя ста-

---

[1]) *Franz Mistelli.* Charakteristik der hauptsächlichsten Typen des Sprachbaues. Berlin, 1893, стр. 99—100.

рую шлейхеровскую морфологическую классификацію, стоитъ на устарѣлой точкѣ зрѣнія.

Взглядъ Есперсена, что первоначальныя формы языка представляли собою цѣлыя предложенія, „sentence-words", какъ выражается этотъ ученый (348 стр.), этотъ оригинальный и смѣлый взглядъ оказался довольно близокъ къ точкѣ зрѣнія Вундта [1]) на происхожденіе словъ. Онъ также исходитъ изъ предложенія, какъ первоначальнаго вида выраженія мыслей, и сильно возстаетъ противъ гипотезы „періода корней". Психологическія соображенія разрушаютъ ее. „Если слово болѣе ранняго происхожденія, чѣмъ предложеніе, если это послѣднее, которое мы въ настоящее время составляемъ изъ словъ, съ самаго начала было соединеніемъ словъ, то врядъ-ли можно уйти отъ предположенія, что „корни" всякаго рода, тѣ-ли, какіе теперь раскрываетъ анализъ словъ, или другіе, имъ предшествовавшіе, были пра—словами (Urwörter). Ибо на основаніи анализа словъ нельзя сомнѣваться, что, вообще говоря, слово есть сложное образованіе, и что его составныя части должны были существовать когда-нибудь и раньше, самостоятельно-ли или въ другихъ соединеніяхъ. Итакъ, если слово представляетъ первоначально *изолированное* образованіе, которое лишь впослѣдствіи соединяется съ другими словами для построенія предложенія, то приходится сдѣлать выводъ, что и составныя части слова нѣкогда существовали отдѣльно. Но если предложеніе предшествуетъ по времени слову, если, стало быть, это послѣднее произошло лишь по разложеніи предложенія на его составныя части, то и элементы слова ни въ коемъ случаѣ не являются первоначально изолированными образованіями, и можно представить себѣ различные пути, па которыхъ вслѣдствіе взаимодѣйствія различныхъ частей предложенія и вліянія разныхъ предложеній другъ на друга выдѣлилось слово, какъ относительно самостоятельная часть рѣчи. Такимъ образомъ, вопросъ о реальномъ значеніи корня стоитъ въ ближайшей

---

[1]) *W. Wundt.* Völkerpsychologie. I Band. Die Sprache. I Theil. Leipzig, 1900.

связи съ вопросомъ объ отношеніи между словомъ и предложеніемъ" (стр. 557—558).

Самъ Вундтъ на сторонѣ такого предположенія: „если мы сравнимъ, съ одной стороны, языки съ на видъ болѣе первобытной формой развитія [1]) съ языками болѣе развитыми, и если, съ другой стороны, сопоставимъ прежнія стадіи одного и того же языка съ позднѣйшими [2]), то повсюду *выдѣленіе частей рѣчи* окажется такимъ явленіемъ, при которомъ слово понемногу отрѣшается отъ цѣлаго, къ которому оно принадлежитъ, отъ предложенія, явленіемъ, которое предоставляетъ слову относительно большую самостоятельность и его самостоятельнымъ значеніемъ фиксируетъ его грамматическую форму" (561).

Въ другой своей работѣ „Sprachgeschichte und Sprachpsychologie" (1901), стр. 85—86 Вундтъ возстаетъ противъ теоріи Есперсена, допуская возможность языка, состоящаго изъ односложныхъ эквивалентовъ предложенія, хотя историческими фактами такой языкъ незасвидѣтельствованъ, но отрицая происхожденіе языка вообще изъ недифференцированныхъ предложеній (Satzcontinua): это стоитъ въ противорѣчіи со всѣми извѣстными намъ фактами развитія языка. Какъ согласить этотъ взглядъ съ мнѣніемъ Вундта, что предложеніе предшествуетъ слову (см. и въ названной книгѣ стр. 87), я недоумѣваю.

Далѣе Вундтъ дѣлаетъ рядъ важныхъ заключеній относительно происхожденія тѣхъ элементовъ слова, которые лингвистика называетъ корнями. Всякія рѣчи о „періодѣ корней" представляются ему фантазіями, которыя ни мало не находятъ опоры ни въ явленіяхъ дѣйствительнаго языка, ни въ естественномъ психологическомъ развитіи человѣка (559).

Изъ предложеній выдѣлились слова; вслѣдствіе различ-

---

[1]) Къ числу такихъ Вундтъ причисляетъ агглютинирующіе и инкорпорирующіе языки.

[2]) „Лат. *amari* слово и предложеніе вмѣстѣ. Романецъ разлагаетъ эту мысль на три слова: *ego habeo amatum* = *j'ai aimé*" (561).

ныхъ ассоціацій, звуковыхъ и семазіологическихъ, вокругъ каждаго слова образовалась цѣлая группа родственныхъ, изъ которыхъ и стали выдѣляться элементы, названные корнями. „Но такъ какъ есть два вида ассоціацій (eine doppelte Art begrifflicher Verwandtschaft), которыми могутъ быть связаны два слова, одно—касающееся собственнаго содержанія понятія, и другое, которое выдвигаетъ на первый планъ отношенія къ понятіямъ, встрѣчающимся въ рѣчи и иначе, то становятся естественно возможны два вида элементовъ слова: *основные элементы* (Grund elemente) и элементы отношенія (Beziehungselemente)“ (559).

При такой точкѣ зрѣнія Вундта на происхожденіе корней ему, конечно, совершенно чужда какая-либо морфологическая классификація языковъ, какое-либо дѣленіе ихъ на формальные и безформенные [1]); характернымъ признакомъ различія формъ языковъ онъ признаетъ способъ построенія предоженія (548—554).

Возставая противъ корней, Вундтъ исходитъ изъ „дѣйствительнаго“ состоянія языка и ссылается на агглютинирующіе и инкорпорирующіе языки, въ которыхъ слова, отдѣльно взятыя, не существуютъ. Врядъ-ли это справедливо: для того, чтобы получить любое предложеніе на языкѣ такого типа, американскому индѣйцу или турку приходится извѣстнымъ образомъ сочетать элементы, которые онъ считаетъ *самостоятельными*, въ качествѣ-ли корней, или словъ, или относительныхъ элементовъ. Далѣе, если даже изъ предложенія въ смыслѣ Есперсена (фразы не произносившіяся, но пѣвшіяся) или Вундта возникли отдѣльныя слова, то почему эти послѣднія не могли быть такъ коротки, чтобы послужить базисомъ для дальнѣйшихъ образованій. Если изъ фразы выдѣлились слова gir, gou, dom въ значеніи хвалы, коровы, дома и т. д., то развѣ они не служили одновременно и словами, и корнями, какъ и теперь въ словахъ домовой, домашній, домовничать и др. мы чувствуемъ корень дом-, который употребляется и въ качествѣ самостоятельнаго слова (домъ).

---

[1]) Ср. ibd. Часть II, стр. 3.

Если „періодъ корней“, надъ которымъ издѣвается Вундтъ, сравнивающій его съ золотымъ вѣкомъ классическихъ миѳологій, не констатируется современнымъ состояніемъ языковъ міра, то, во всякомъ случаѣ, его возможность и не опровергается ими, ибо эмпирическій фактъ не можетъ говорить за или противъ теоретической возможности явленія; тѣмъ болѣе, что и Вундтъ, говоря о происхожденіи относительныхъ и основныхъ элементовъ слова, опирается вовсе не на факты, засвидѣтельствованные какимъ-либо языкомъ, а только на свои домыслы, при томъ весьма субъективнаго характера. Поэтому возраженія такого знатока дѣла, какимъ является Дельбрюкъ, представляются мнѣ чрезвычайно серьезными; правда, Вундтъ не только не согласился съ ними, но даже еще болѣе утвердился въ своихъ взглядахъ на происхожденіе словъ изъ предложеній, но я позволяю себѣ думать, что научная истина на сторонѣ не его, но его противника, Дельбрюка [1]).

Оставляя въ сторонѣ такія возраженія его, которыя не касаются существа разсматриваемаго вопроса, я оставлюсь на заключеніи Дельбрюка, которое гласитъ слѣдующее: „Мы имѣемъ право предположить, что въ эпоху, лежащую передъ флексіей, корни имѣли реальное существованіе, но въ то же время мы должны признаться, что не можемъ возстановлять съ увѣренностью отдѣльныхъ корней“ (119).

Логическій путь, которымъ Дельбрюкъ пришелъ къ указанному выводу, заключается въ послѣдовательномъ опроверженіи возраженій Вундта противъ существованія корней. Вундтъ указываетъ на то, что есть корни, которые встрѣчаются лишь въ отдѣльныхъ языкахъ, такъ что приходится допустить возникновеніе корней и въ послѣдующую эпоху, что невозможно, такъ какъ отдѣльные языки (индоевропейской

---

[1]) *B. Delbrück.* Grundfragen der Sprachforschung, mit Rücksicht auf W. Wundts Sprachpsychologie erörtert. Strassburg, 1901 (вопросу о корняхъ посвящены стр. 113—120). *Вундтъ* отвѣчалъ на это книжкой „Sprachgeschichte und Sprachpsychologie, mit Rücksicht auf B. Delbrücks Grundfragen der Sprachforschung“. Leipzig, 1901 (о корняхъ стр. 82—91).

семьи) знають только слова. Дельбрюкъ опровергаетъ это возраженіе указаніемъ на то, что слова, которыя встрѣчаются только въ отдѣльныхъ языкахъ, позволяютъ заключать не о корняхъ этихъ языковъ, но о корняхъ праязыка, потомки которыхъ въ другихъ языкахъ утерялись. Этотъ взглядъ, который все болѣе подтверждается изысканіями современныхъ этимологовъ, конечно, не находитъ сочувствія у Вундта. Правда, благодаря изслѣдованіямъ лингвистовъ мы можемъ сказать, что такихъ корней древностей, которые сохранились бы лишь въ одномъ—двухъ изъ индоевропейскихъ языковъ, очень немного: напротивъ, все болѣе увеличивается число не только корней, но цѣлыхъ *словъ*, которыя позволительно занести въ словарь основного языка, и это увеличеніе идетъ очень быстро (стоитъ сравнить 4 изд. словаря Фика съ „Фонетикой" Бругмана во 2-омъ изд.),—все это спеціальное научное движеніе не принимается во вниманіе Вундтомъ, да, вѣроятно, и неизвѣстно ему. Онъ авторитетно заявляетъ (Sprachgesch. u. Sprachpsych. 88—89), что возраженіе Дельбрюка не выдерживаетъ критики ни съ исторической, ни съ психологической точекъ зрѣнія. Первая учитъ признавать составными элементами праязыка лишь такіе факты, которые встрѣчаются если не во всѣхъ, то во всякомъ случаѣ въ достаточномъ числѣ отдѣльныхъ языковъ [1]); вторая приводитъ къ удивительному предположенію, будто бы богатство праязыка въ основныхъ понятіяхъ, опредѣлившихъ развитіе его мышленія на будущее время, было больше, чѣмъ такой же запасъ отдѣльныхъ языковъ.

Относительно этого врядъ-ли приходится согласиться съ Вундтомъ: онъ забываетъ обильный приливъ заимствованныхъ словъ въ разныхъ языкахъ, многообразное развитіе основныхъ

---

[1]) Это ошибочное утвержденіе: слово по своей формѣ можетъ быть настолько архаистичнымъ, что его *нельзя* не возводить къ праязыку. Напомню разсужденія I. Шмидта о индоевроп. формѣ слова *соль*, которое въ арійскихъ языкахъ не встрѣчается, но смѣло возводится къ праязыку (Die Pluralbildungen der indogermanischen Neutra, 1889, стр. 182—183). Ср. *Kretschmer*. Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache. 1896, стр. 67—68.

понятій съ помощью *новыхъ* суффиксовъ и *новыхъ* средствъ соединенія корней.

Возвратимся къ Дельбрюку. Вундтъ указывалъ (стр. 556) на глагольный характеръ первичныхъ индоевропейскихъ корней, откуда выясняется позднѣйшее происхожденіе грамматической абстракціи. Дельбрюкъ справедливо видитъ въ этомъ ошибку современныхъ этимологовъ, которые по традиціи еще индійскихъ грамматиковъ возстановляютъ корни словъ въ глагольномъ значеніи. „Стоитъ только предположить, что среди корней были обозначенія какъ предметовъ, такъ и дѣйствій, и мы можемъ спокойно остаться на точкѣ зрѣнія агглютинаціонной теоріи“, замѣчаетъ Дельбрюкъ (116). А что это такъ, мы уже видѣли изъ примѣра араукапскаго языка, изъ котораго Ленцъ привелъ корни и въ то же время „полныя слова“ съ существительнымъ и глагольнымъ значеніемъ: напр., ко(вода), уи(носъ), ŋе(глаза), chacha(жена), cheche(дѣдъ)‘ кики(бабка), каиkau(чайка), kolikoli(насѣкомое), ра(приходить), ре(видѣть), рі(сказать), ma(идти) и т. д. (Lenz Die neueren Sprachen. VIII. 519—520)[1]).

Дальнѣйшій путь, который приводитъ Дельбрюка къ вышеуказанному выводу, заключается въ слѣдующемъ: какъ замѣчаетъ Бругманъ (Grundriss. I. 232), „словопроизводство и флексія созданы срощеніемъ самостоятельныхъ элементовъ“, при чемъ однако важная роль въ этомъ процессѣ принадлежитъ и аналогіи; далѣе, если даже предположить въ качествѣ первичнаго выраженія мыслей не слово, а цѣлое предложеніе, какъ вслѣдъ за Сэйсомъ полагаетъ Вундтъ, то все-же при разложеніи его на меньшія „звуковыя единицы“ должны были выдѣлиться не „слова съ суффиксами, но слова безъ таковыхъ; т. е. онѣ были корнями, и лишь въ третій періодъ раз-

[1]) Въ своемъ отвѣтѣ Вундтъ (88) ссылается на „фактъ“, что древнѣйшіе корни все-таки имѣютъ глагольное значеніе. Возраженіе Дельбрюка остается однако въ силѣ: значеніе глагольное только *приписано* корняхъ. Впрочемъ, и самый „фактъ“, на который Вундтъ ссылается, сомнителенъ.

вились путемъ сложенія словопроизводство и флексивныя формы" (119). Такова принципіальная точка зрѣнія Дельбрюка, противъ которой Вундтъ выставилъ въ своемъ отвѣтѣ (86) слѣдующее возраженіе: предложеніе (Continuum) не разложилось сейчасъ же на малѣйшіе мыслимые кусочки, но только распалось сначала на меньшія составныя части, которыя лишь впослѣдствіи испытали дальнѣйшія расчлененія; а ихъ послѣднія, болѣе не разложимыя части, т. е. корни, предоставляется разыскивать уже однимъ филологамъ.

На дѣлѣ, это сводится къ тому же, о чемъ говорилъ Дельбрюкъ: къ образованію коренныхъ словъ въ одинъ, два, три слога (врядъ-ли больше, потому что какой же длины могло быть предложеніе). Однако самое предположеніе Вундта и Есперсена о первоначальныхъ предложеніяхъ, изъ которыхъ развился языкъ, врядъ-ли является не болѣе, какъ блестящимъ парадоксомъ. Я примыкаю къ Дельбрюку и думаю, что для индоевропейскаго праязыка необходимо допустить существованіе коренныхъ словъ; мнѣ только кажется на основаніи того, что даетъ сравнительное языкознаніе, что тѣ немногія коренныя слова, которыя сохранились лишь въ именительномъ падежѣ един. числа въ праязыкѣ, означали имена существительныя или прилагательныя,—коренныхъ глаголовъ мы не знаемъ такъ же, какъ не знаемъ нефлексивныхъ образованій; рядомъ съ этими послѣдними въ праязыкѣ и въ отдѣльныхъ языкахъ употреблялись чисто агглютинативныя образованія. Однимъ словомъ, для праязыка, равно какъ и для всѣхъ отдѣльныхъ языковъ индоевропейской и финноугорской семей, нужно принять три типа образованія формъ: *изоляціи*, при которой корни въ неизмѣнномъ видѣ стоятъ въ предложеніи, опредѣляясь ближе синтаксическими отношеніями, при чемъ корнями могутъ служить и цѣлыя слова (какъ въ выраженіи: *изъ тростъ-дерева*); *агглютинаціи*, гдѣ еще чувствуется, что грамматическая форма результатъ сложенія, и *флексіи*, гдѣ форма чувствуется, какъ нѣчто не разложимое на части, гдѣ по отнятіи окончанія получается нѣчто, не имѣющее смысла. Отношеніе агглютинаціи къ флексіи можетъ обнаружить та-

кой примѣръ: въ церк.-слав. добраѥго чувствуется агглютинативное соединеніе формъ добра и ѥго, но въ церк.-слав. твор. ед. добрꙑимь основа добры- сама по себѣ неясна.

Подобнымъ образомъ, ст.-рус. бы (2 и 3 лицо ед. чис. отъ глагола быхъ) въ выраженіи: аже бы ты у своемь слове стоялъ и др. подобныхъ ему начало съ 13 в. превращаться въ неизмѣняемую частицу бы, которая присоединялась къ прошедшему времени разныхъ чиселъ и лицъ для обозначенія сослагательнаго наклоненія; выраженія: любили бы мя бысте, слушали бы есте, знали бы бысте и отца и т. д. чисто агглютинативныя образованія, но бы пріобрѣло здѣсь уже только значеніе частицы сослагательнаго наклоненія, которая легко можетъ превратиться въ настоящее флексивное окончаніе. Вѣроятно, къ этому и идетъ дѣло, какъ показываетъ сокращеніе этой частицы въ бъ изъ бы (хотѣла бъ, но хотѣлъ бы, по чисто фонетическимъ причинамъ); превращеніе же ея въ простое окончаніе замедляется тѣмъ, что эта частица свободно прицѣпляется чуть не къ любому слову предложенія (я бы хотѣлъ ѣсть, я хотѣлъ бы ѣсть, поѣсть бы я хотѣлъ и т. п.). То же можно сказать о мѣстоименіи ся, которое, утерявъ свое самостоятельное значеніе, стало употребляться въ агглютинативныхъ образованіяхъ (бояться, двигаться, мыться) и уже почти перешло въ разрядъ окончаній (страд. залога, какъ въ сѣверныхъ германскихъ языкахъ).

Что касается западно-европейскихъ, т. наз. аналитическихъ языковъ, то я совершенно согласенъ съ Маутнеромъ, въ книгѣ котораго сейчасъ перейду, что они стремятся къ агглютинаціи, хотя въ примѣрахъ, имъ приведенныхъ, я нахожу скорѣе образованія въ типѣ изолирующихъ языковъ (Herr Oberappelationsgerichtsrath имѣетъ однако чисто агглютинативныя частицы: это *s*, какъ признакъ род. пад.). Личныя мѣстоименія, безъ которыхъ спряженіе этихъ языковъ невозможно, потому что въ произношеніи формы parle, parles, parle(t), parlent, совпадаютъ, а различаются только по мѣстоименіямъ je, tu, il, elle, ils, elles, эти мѣсто-

именія представляютъ въ соединеніи съ глаголами чисто агглютинативныя образованія: je parles, il parle; вѣроятно, отличаются отъ первоначальныхъ *bherō-mi, *bhere-ti только тѣмъ, что мѣстоименія стоятъ въ послѣднихъ формахъ послѣ глагольной основы, тогда какъ во французскихъ передъ ней; еще раньше, уже при самомъ выступленіи французскаго языка на историческое поприще, въ немъ были новыя образованія будущаго времени и условнаго наклоненія агглютинативнаго характера: j'amerai(am-ér+ai *habeo) и j'amereie(=amer+aveie). Возраженія Есперсена и Ленца, что эти формы не могутъ считаться агглютинативными образованіями потому, что вторая часть ихъ происхожденія флексивнаго, не существенны, потому что дѣло въ типѣ сложенія основы съ окончаніемъ, а не въ происхожденіи послѣдняго.

Разсужденія, приведенныя выше, въ отдѣльныхъ мѣстахъ этой главы, имѣли цѣлью показать, что принципы морфологическихъ образованій, характеризуемые терминами изоляціи, агглютинаціи и флексіи, функціонируютъ въ каждомъ изъ языковъ, по крайней мѣрѣ индоевропейской и финноугорской группъ. Полное отрицаніе ихъ, которое мы находимъ въ книгѣ Маутнера [1]), мнѣ представляется неосновательнымъ прежде всего потому, что при изученіи типовъ образованія формъ рѣчь идетъ не о „языковомъ чутьѣ“ (Sprachgefühl) говорящихъ на языкѣ людей, но объ отношеніи формальнаго элемента слова къ конкретному (стр. 303). Но съ другимъ выводомъ Маутнера, что „агглютинація, какъ чисто историческое явленіе, не можетъ служить достаточнымъ признакомъ дѣленія“ (308), я совершенно согласенъ, хотя разсужденіями Маутнера этотъ выводъ неподготовленъ. Впрочемъ, въ этомъ выводѣ нѣтъ ничего новаго: агглютинація признается въ настоящее время

---

[1]) *Fr. Mauthner*. Beiträge zu einer Kritik der Sprache. 2 томъ 1901 г., гл. VIII „Klassifikation der Sprache" (стр. 288—351). Вся эта глава, въ сущности, памфлетъ, написанный хлестко, но безъ достаточнаго знакомства съ предметомъ: поэтому, я не буду останавливаться на ней.

многими учеными (ср. Бругманъ, Дельбрюкъ, Пауль и др.) за основной типъ образованія формъ, который лежитъ въ основаніи всѣхъ морфологическихъ образованій и флексивныхъ языковъ. По мнѣнію Свита [1]), изъ нея развились какъ флексія, такъ и изоляція, при чемъ въ послѣдней формальные элементы агглютинативныхъ формъ пріобрѣли независимость и самостоятельность.

Такимъ образомъ, я ставлю своей задачей разсмотрѣть различныя образованія формъ въ двухъ вышеназванныхъ семьяхъ языковъ.

---

¹) *H. Sweet*. The history of language. London, 1901, стр. 70--71.

ГЛАВА II.

ОБРАЗОВАНІЯ ФОРМЪ ВЪ ФИННОУГОРСКИХЪ И ИНДОЕВРОПЕЙСКИХЪ ЯЗЫКАХЪ.

Какъ справедливо замѣчаетъ г. Шимони въ своей грамматикѣ венгерскаго языка [1]), *основа* слова вовсе не есть лингвистическая абстракція, какой онъ признаетъ корень; по мнѣнію этого ученаго, основа всегда присутствуетъ въ сознаніи говорящаго лица, который, исходя изъ нея, образуетъ грамматическія формы. Говоря въ первой главѣ настоящаго изслѣдованія о корняхъ, и я имѣлъ въ виду, въ сущности, то, что Шимони называетъ основой; если же я прибѣгъ къ названію ея корнемъ, то сдѣлалъ это потому, что древнѣйшія возстановляемыя основы совпадаютъ съ тѣмъ, что лингвисты абстрахируютъ въ словѣ въ качествѣ корня. Въ психологическомъ смыслѣ всякая основа можетъ быть названа корнемъ слова, потому что для человѣка, не получившаго грамматическаго образованія (какъ это легко провѣрить даже на ученикахъ средней школы младшаго возраста), но уже имѣющаго нѣкоторое представленіе о корняхъ и основахъ, въ словахъ мужикъ, вѣтеръ и т. д. корнемъ будутъ казаться слоги мужик-, вѣтер- и т. д., какъ для нашихъ предковъ въ словѣ земля служилъ корнемъ слогъ зем-, употреблявшійся и въ качествѣ основы (зем-ной и др.), и въ качествѣ отдѣльнаго слова.

---

[1]) *Balassa és Simonyi.* Magyar hangtan és alaktan. 1895, стр. 213.

На первыхъ порахъ развитія индоевропейскихъ языковъ корень и основа (въ ихъ современномъ значеніи) совпадали, но впослѣдствіи основа и корень стали чувствоваться, какъ разныя величины: именно, основа, какъ субстратъ флексивныхъ образованій (рыба, рыбы, возить съ основами рыба-, вози-), а корень, какъ субстратъ для образованія новыхъ словъ, частей рѣчи (рыб-, откуда рыбникъ; рыбник-, откуда рыбнич-ать, при чемъ сознаніе аналогичныхъ образованій не мѣшаетъ чувствовать этимологическую связь между рыбник- и рыбнич-). Такимъ образомъ, опредѣленіе Шимони[1]) скорѣе подходитъ къ тому, что я назвалъ корнемъ.

Я полагаю, что въ своей основѣ какъ индоевропейскіе, такъ и финноугорскіе языки исходятъ отъ корней, имѣвшихъ нѣкогда самостоятельное значеніе, и по существу ихъ морфологія не различается. Въ обѣихъ семьяхъ языковъ употребленіе корней въ смыслѣ основъ относится къ числу архаистическихъ образованій или даже совсѣмъ оставлено, въ обѣихъ корни развились въ основы съ помощью агглютинативныхъ присоединеній суффиксовъ и внутреннихъ перемѣнъ, которыя въ семьѣ индоевропейскихъ языковъ получили названіе законовъ чередованія гласныхъ. Открытіе послѣднихъ и въ финноугорскихъ языкахъ представляетъ одно изъ крупнѣйшихъ завоеваній филологической науки конца 19 вѣка, которое должно измѣнить традиціонные взгляды на характеръ этихъ языковъ[2]). Удивительное сходство многихъ простѣйшихъ кор-

---

[1]) „Основой является та часть слова, которая сохраняется во всѣхъ флексивныхъ и словообразовательныхъ формахъ соотвѣтствующаго слова, какимъ бы перемѣнамъ подъ вліяніемъ извѣстныхъ звуковыхъ законовъ она ни подвергалась". ibd. 213.

[2]) *E. N. Setälä.* Ueber Quantitätswechsel im Finnisch-Ugrischen-Journal de la Société Finno-Ougrienne. XIV. 3. (1896), стр. 49—51. *Yrjö Wichmann.* Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Wotjakischen mit Rücksicht auf das Syrjänische. 1897, стр. 73, 85, 93. *Simonyi.* Magyar Nyelvör. XXIX (1900), стр. 241—245 (Ср. Finnisch-Ugrische Forschungen. I. Anzeiger. 79—80).

ней въ значеніи дѣлать, идти и т. д., а также названій различныхъ предметовъ, равно какъ и сходство въ морфологическомъ и фонетическомъ развитіи двухъ семей языковъ, говорятъ самымъ положительнымъ образомъ въ пользу ихъ первоначальнаго родства. Однако, не чувствуя себя компетентнымъ для разрѣшенія этого сложнаго вопроса, я коснусь только морфологической стороны развитія финноугорскихъ и индоевропейскихъ языковъ, чтобы показать, что обѣ семьи языковъ нѣкогда знали въ смыслѣ основъ то, что языкознаніе абстрахируетъ въ нихъ, какъ корни [1]).

Основатели морфологической классификаціи языковъ были проникнуты убѣжденіемъ, что финноугорскіе языки, какъ агглютинативные, не имѣютъ *настоящихъ* грамматическихъ формъ, подъ чѣмъ они подразумѣвали такое тѣсное соединеніе суффикса съ корнемъ, при которомъ отдѣльное существованіе обоихъ элементовъ невозможно; по ихъ мнѣнію, въ агглютинативныхъ языкахъ соединеніе корня съ окончаніемъ чисто механическое, внѣшнее. Однако уже Штейнталь долженъ былъ признать, что среди грамматическихъ формъ финскихъ языковъ есть не мало такихъ, которыя по образованію ничѣмъ не отличаются отъ грамматическихъ формъ индоевропейскихъ языковъ. И одновременно съ этимъ со стороны ученыхъ, которымъ строеніе финскихъ языковъ было хорошо знакомо, мы видимъ весьма настойчивый протестъ противъ вышеуказаннаго положенія морфологической классификаціи. Если я не ошибаюсь, первый выступилъ на защиту флексивныхъ образованій (пока только въ финскомъ Suomi и въ венгерскомъ языкахъ)

---

[1]) Нѣкоторыя весьма важныя точки соприкосновенія двухъ группъ языковъ отмѣчены Доннеромъ; особенно интересно первоначальное образованіе Pluralis съ удлиненіемъ гласной Singularis (Fin.-Ugr. Forschungen. I. 141—142). Ср. такія же образованія Plur. Neutr. въ индоевроп. яз. *I. Schmidt.* Die Pluralbildungen der indogermanischen Neutra. 1889, стр. 82—226 (гл. III. Zweite Pluralbildung).

Кельгренъ [1]), къ которому примкнули Ридль [2]) и менѣе рѣшительно Боллеръ [3]). Изъ новыхъ финскихъ ученыхъ, которые очень основательно доказываютъ, что между образованіями финноугорскихъ и индоевропейскихъ языковъ нѣтъ, по существу, никакого различія, я назову покойнаго Веске [4]) и проф. Э. Н. Сетэлэ [5]). Такого же взгляда держатся В. Томсенъ [6]) и Г. Свитъ [7]), причисляющій современный финскій языкъ къ языкамъ съ вполнѣ развитой флексіей. Для того, чтобы объяснить это явленіе, не разъ прибѣгали къ предположенію, будто бы грамматическая сторона финскаго языка развилась подъ иноземнымъ вліяніемъ индоевропейскихъ языковъ, которые оставили столько слѣдовъ въ его словарѣ. Этотъ взглядъ, высказанный вскользь уже Шлейхеромъ, былъ подробнѣе развитъ Эліотомъ [8]), который указываетъ, что система склоненія финскаго языка мало чѣмъ отличается, по существу, отъ греческой или латинской, что имя въ немъ рѣзко различается отъ глагола, и что многія формы послѣдняго образуются съ помощью вспомогательныхъ глаголовъ, какъ въ нѣмецкомъ и шведскомъ языкахъ. Съ другой стороны, по мнѣнію Эліота, финскій утерялъ много образованій, которыя встрѣчаются въ родственныхъ языкахъ, но чужды арійскимъ. Однако, труды

---

[1]) *H. Kellgren.* Die Grundzüge der finnischen Sprache mit Rücksicht auf den Ural-altaischen Sprachstamm. Berlin. 1847, стр. 43—49.

[2]) *A. M. Riedl.* Magyarische Grammatik. Wien. 1858, стр. 12—18.

[3]) *Prof. Boller.* Die Declination in den finnischen Sprachen (Sitzungsber. Вѣн. Ак. 1854, т. XI, 3—5).

[4]) *Weske.* Ueber die historische Entwickelung der finnischen Sprachen im Vergleich mit der indogermanischen und über die Methode der estnischen Grammatik (Verhandlungen der gelehrten Estnischen Gesellschaft zu Dorpat. VIII. 1877, стр. 13—26).

[5]) *E. N. Setälä.* Om de finsk-ugriska språken. Uppsala. 1888, стр. 22—23.

[6]) *Vilh. Thomsen.* Tidsk. f. Philologiog Pedag. VII. 1867, 162 стр. (цитир. Iespersen. Progress. 118).

[7]) *H. Sweet.* The History of language. 1901, стр. 63.

[8]) *C. N. E. Eliot.* A Finnish Grammar. 1890. XXIV—XXVI.

финскихъ и венгерскихъ ученыхъ (Буденца, Шимони, Сетэлэ, Веске, Синнеи и др.) въ достаточной мѣрѣ обнаружили, что никакой принципіальной разницы въ образованіяхъ финскаго (Suomi) и другихъ финноугорскихъ языковъ не оказывается, что, наоборотъ, вопреки Винклеру [1]), позволительно возстановлять основныя формы финноугорскихъ падежныхъ образованій (и формъ спряженія) и т. д. Кромѣ того, между заимствованіями словарными и формальными весьма существенная разница; „въ какой мѣрѣ ни будетъ перемѣшанъ иноземными элементами словарь какого-нибудь языка, его грамматика останется прежней; вліяніе иностранныхъ языковъ не въ силахъ измѣнить ее", какъ справедливо замѣчаетъ Синнеи [2]).

Одной изъ характерныхъ особенностей финноугорскихъ языковъ, находящейся въ связи съ отсутствіемъ въ нихъ настоящихъ грамматическихъ формъ, издавна признается тотъ фактъ, будто бы они не различаютъ имени отъ глагола. Это мнѣніе, ошибочность котораго я попытаюсь доказать, было высказано уже Ридлемъ; мы его находимъ далѣе подробно развитымъ у Винклера [3]), его держатся также Грунцель [4]) и Мистелли [5]). Оно основывается главнымъ образомъ на томъ, что при образованіи формъ спряженія финскіе языки (въ частности венгерскій, изъ котораго по преимуществу и исходятъ Винклеръ и за нимъ Мистелли) прибѣгаютъ къ тѣмъ же са-

---

[1]) *H. Winkler*. Das Uralaltaische und seine Gruppen. Berlin. 1885, стр. 99.

[2]) *I. Szinnyei*. Suomen kielen heimolaiset. Porvoossa. 1883 (гл. IV. Muoto-oppi), стр. 14—15.

[3]) *H. Winkler*. Das Uralaltaische und seine Gruppen. Berlin. 1885, стр. 31—33. Weiteres zur Sprachgeschichte. 1889, стр. 101—103. *W. Bang*. Uralaltaische Forschungen 1890 (стр. 14 - 25 Bemerkungen von H. Winkler). *H. Winkler*. Die uralaltaische Sprachen. Keleti Szemle. 1900. I. 132—140.

[4]) *I. Grunzel*. Entwurf einer vergleichenden Grammatik der altaischen Sprachen. Leipzig. 1895, стр. 38.

[5]) *F. Mistelli*. Charakteristik der hauptsächlichsten Typen des Sprachbaues. Berlin. 1893, стр. 374—384.

мымъ суффиксамъ, которые употребляются и въ качествѣ притяжательныхъ. Такимъ образомъ, съ морфологической точки зрѣнія várunk(мы ждемъ) и napunk(нашъ день) представляютъ тожественныя образованія, и первое означаетъ собственно наше ожиданіе; подобнымъ образомъ, форму várjuk (мы ожидаемъ—опредѣленный объектъ) Винклеръ разлагаетъ совсѣмъ уже фантастически на vár-i-m(u)k со значеніемъ warten-er-unser(наше ожиданіе его?). Стоя на той же почвѣ, Мистелли однако вынужденъ признать, что въ финскомъ языкѣ далеко не всѣ глагольные суффиксы покрываются притяжательными, и что въ самомъ венгерскомъ есть такія глагольныя окончанія, которыя не имѣютъ ничего общаго съ притяжательными суффиксами, и по существу своему могли бы быть сопоставлены съ индоевропейскими (стр. 381—382). Не называя Винклера, но, вѣроятно, имѣя въ виду именно его Свитъ дѣлаетъ слѣдующія любопытныя замѣчанія о развитіи глагола (loc. cit. 51): „Изученіе первобытныхъ языковъ ясно показываетъ, что такіе глаголы, какъ hath или has первоначально означали не что иное, какъ hishaving или или hisholding. Дѣйствительно, есть языки, не различающіе между личнымъ элементомъ въ he has и притяжательнымъ въ his house, такъ какъ оба выражаются съ помощью присоединенія того же личнаго мѣстоименія или мѣстоименнаго суффикса къ имени или эквиваленту имени; такъ было въ древне-египетскомъ языкѣ, гдѣ meha(я наполняю), буквально: „наполненіе меня(мое)“ (filling of me), имѣетъ ту же форму, что pera(мой домъ).

Слѣдующей стадіей въ эволюціи глагола является развитіе спеціальной формы для выраженія сказуемаго, отличной отъ поссессивной формы, при чемъ это развитіе совершается такъ, что послѣдняя въ своей суффиксальной формѣ становится неупотребительной, или одна изъ нихъ либо даже обѣ подвергаются различнымъ звуковымъ перемѣнамъ, или является на помощь какой-либо другой процессъ дифференціаціи. Такъ, въ финскомъ käte-ni(моя рука), kätesi(твоя рука)

окончанія имѣютъ иную форму, хотя, несомнѣнно, родственную съ окончаніями въ sanon(я говорю), sanot(ты говоришь).

Эти послѣднія формы оказываются глаголами въ самомъ настоящемъ смыслѣ слова. Но очевидно, что прежде всего единственнымъ результатомъ дифференціаціи „я говорю“ отъ „мое говореніе“ является созданіе спеціальной формы для выраженія сказуемаго. Глаголъ въ строгомъ грамматическомъ смыслѣ представляетъ противоположность имени. Финскій, арійскій и семитскій глаголъ оказывается настоящимъ глаголомъ, потому что его личныя окончанія не присоединяются ко всякому слову безразлично, но только къ извѣстнымъ опредѣленнымъ словамъ, которыя, взятыя въ цѣломъ, принадлежатъ къ классу словъ, означающихъ явленіе. Когда эта стадія достигнута, слова speak и speech чувствуются двумя противными полюсами, поскольку рѣчь идетъ объ ихъ грамматическихъ функціяхъ“.

Съ этой точки зрѣнія венгерскій языкъ нѣсколько ближе къ др.-египетскому, чѣмъ финскій: въ немъ притяжательные суффиксы имѣютъ еще очень широкое употребленіе, какъ это видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: суф. -ik служитъ окончаніемъ 3 Plur. Praes. (kérik — они просятъ, törik—они ломаютъ) и въ нѣсколько измѣненной формѣ окончаніемъ вообще 3 Plur.; онъ же употребляется въ такихъ оборотахъ, какъ kisebbik(наименьшій, собств. наименьшій среди нихъ), nagyobbik(наибольшій „среди нихъ“) и т. д. Съ окончаніемъ (здѣсь оно стоитъ въ началѣ) -nek образуются формы nekem(мнѣ), neked(тебѣ), neki(ему), nekünk (намъ), nektëk(вамъ), nekik(имъ), гдѣ -em, -ed и т. д. могутъ служить и глагольными окончаніями и притяжательными суффиксами (szem-em—мой глазъ, szemünk—нашъ глазъ, какъ pörleked-em—я борюсь, pörleked-ünk—мы боремся).

Тѣмъ не менѣе, указанные примѣры вовсе не говорятъ за то, что въ венгерскомъ языкѣ яснаго различія между именемъ и глаголомъ не существуетъ. Напротивъ, словообразованіе показываетъ, что съ тѣхъ поръ, какъ въ этомъ, равно

какъ и другихъ финноугорскихъ языкахъ, началось развитіе корней — основъ при помощи суффиксовъ, уже чувствовалось различіе грамматической функціи глагола и имени, и это чутье выразилось прежде всего въ томъ, что глагольныя основы были развиты иными суффиксами, чѣмъ именными. Въ виду важности этого вопроса для пониманія характера морфологическихъ образованій финноугорскихъ языковъ я посвящу ему нѣсколько страницъ.

Начнемъ съ венгерскаго языка, опираясь на книги Шимони (см. стр. 72, прим. 1) и Буденца[1]). Послѣдній тоже полагаетъ (стр. 9—10), что въ эпоху угорскаго праязыка раздѣленіе словъ на имена и глаголы еще не завершилось. Слѣды такого первоначальнаго состоянія угорскаго пра-языка можно видѣть, по его мнѣнію, въ томъ фактѣ, что одно и то же слово (вѣрнѣе, основа) оказывается иногда и именемъ, и глаголомъ (такъ, напр. „отъ фин. слова joge[joki] рѣка нельзя указать ни одного образованія, которое отличалось бы отъ угорскаго глагола jɐgɐ[2]) течь; подобнымъ образомъ, фин. kuu, венг. hó[hava] luna, mensis=уг. kɐgɐlucere, splendere и lux, splendor; фин. väge[väki] vis, robur и väge — valere“). Другой слѣдъ стараго порядка вещей Буденцъ видитъ въ томъ, что отглагольное имя (особенно, употребляющееся въ качествѣ сказуемаго) можетъ принимать глагольные суффиксы (такъ, суф. *-m*, *n-* въ деноминальныхъ глаголахъ и въ глаголахъ означающихъ мгновенное дѣйствіе и т. д.). Въ настоящее время, какъ признаетъ Буденцъ, процессъ раздѣленія двухъ частей рѣчи уже вполнѣ закончился, и въ образованіи каждой именной и глагольной формы проявляется категорическое различеніе ихъ. Въ разныхъ финно-

---

[1]) *I. Budenz.* Az ugor nyelvek összehasonlító alaktana. Budapest 1884 — 1894, стр. 1 — 175. (Сравнительная морфологія угорскихъ языковъ).

[2]) ɐ передаетъ звукъ гласный, характеръ котораго однако нельзя опредѣлить. Этотъ знакъ принятъ въ финноугорскомъ языкознаніи (*Setälä* и др.).

угорскихъ языкахъ отмѣчено сходство глагольныхъ основъ съ именными: такъ, Ридль указываетъ (loc. cit. 126), что въ венгерскомъ языкѣ слово fog означаетъ и „онъ хватаетъ", и „зубъ"; слово les („онъ разставляетъ силки" и „силки"), nyom (онъ давитъ, слѣдъ), csal (онъ обманываетъ, обманъ) и т. д. Къ этимъ примѣрамъ надо относиться однако съ осторожностью, потому что тождество основъ въ данномъ случаѣ можетъ быть позднѣйшимъ явленіемъ: fog могло возникнуть изъ *foga и т. д., какъ это мы обычно видимъ въ венгерскомъ языкѣ.

Въ эстонскомъ языкѣ есть глаголы „кратчайшей формы", которые отличаются отъ именъ только флексіей. Видеманъ [1]) приводитъ рядъ примѣровъ этого явленія: напр. wõit(побѣда), Gen. wõidu, Infinit. wõitu; tänu Nom. Inf. (благодарить, благодарность), ligu Nom. Inf. (мягкость), pidu Nom. Inf. (держаніе, Halten) и т. д. Эти примѣры въ сущности, доказываютъ только, что въ эстонскомъ языкѣ неопредѣленное наклоненіе есть отглагольное существительное, какъ и въ индоевропейскихъ языкахъ.

Въ мордовскомъ языкѣ, насколько мнѣ извѣстно, глагольныхъ основъ, совпадающихъ съ именными нѣтъ: ни Гунфальви, ни Альквистъ, ни Видеманъ на нихъ не указываютъ. Въ пермяцкомъ языкѣ 2 лицо повелит. наклоненія можетъ совпадать съ имен. пад. имени существ.: такъ, гӧр можетъ означать и „паши", и „соха"; пӧт(насытиться, сытый), вӧз(синѣй, синій) и т. д. [2]). То же отмѣчено, конечно, и въ зырянскомъ языкѣ [3]).

Подобное явленіе можно найти и въ литературномъ финскомъ языкѣ. Но что же это доказываетъ? Лишь то, что бы-

---

[1]) *F. I. Wiedemann.* Grammatik der ehstnischen Sprache. S.-Pétersbourg. 1875, стр. 222—225.

[2]) *Н. Роговъ.* Опытъ грамматики пермяцкаго языка. С.-Петербургъ. 1860, стр. 90.

[3]) *F. I. Wiedemann.* Grammatik der syrjänischen Sprache. S.-Pet. 1884, стр. 74—75.

ло время, когда въ корняхъ еще не выдѣлилось глагольное или именное значеніе; въ эпоху, когда это раздѣленіе уже давно произошло, корень въ нѣкоторыхъ образованіяхъ (безъ суффикса, какъ исключеніе, и безъ окончанія) могъ съ точки зрѣнія говорящаго лица этой эпохи *случайно* явиться въ своемъ чистомъ видѣ и въ глагольной, и въ именной грамматической формѣ, при чемъ лица, употребляющія эту форму, весьма отчетливо сознаютъ, что имѣютъ дѣло въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ съ именемъ или глаголомъ, а не съ глаголомъ-именемъ: иначе они сейчасъ же отличили бы ихъ и съ помощью внѣшнихъ грамматическихъ средствъ. Такимъ образомъ, если и можно говорить о томъ, что въ финно-угорскомъ языкѣ имя и глаголъ не различались, то лишь въ той мѣрѣ, поскольку рѣчь идетъ объ эпохѣ употребленія корней въ смыслѣ самостоятельныхъ словъ, и съ такимъ же правомъ, какъ о языкахъ индоевропейскихъ [1]). Дѣйствительно, въ послѣднихъ есть не мало основъ, которыя имѣли и глагольное, и именное значеніе: такъ напр., ag͡e/o имѣетъ глагольное значеніе въ образованіяхъ лат. agō, гр. ἄγω, санскр. ajāmi и др., но именное въ словахъ: вед. ajás(вождь), гр. λοχαγός, дор. στρατ-αγός (Fick. Vergl. Wörterb. I[4], стр. 2); ср. gīve/o(жить: лат. vīvo, гр. βίομαι, санскр. jívati; живой: лат. vīvus, сл. живъ, санскр. jīvá. Fick. I[4], 37—38), pede/o(идти: др.-сѣв. feta—находить путь; земля: гр. πέδον, умбр. perum почва. Fick. I[4], 79), bhage/o(получать: гр. φαγεῖν, санскр. bhájati; получатель: санскр. bhága, слав. богъ. ibd. 87), meg͡h—(большой; дѣлаться большимъ. ibd. 104—105) и т. д. Въ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языкахъ еще больше такихъ основъ. Указанное сходство двухъ лингвистическихъ семействъ приводитъ къ убѣжденію, что оба

---

[1]) Интересныя соображенія по этому поводу и старую литературу мы находимъ въ началѣ статьи г. Калины: „Przyczynek do historyi konjugacyi słowiańskiej“ (Prace Filologiczne. t. II. 1887, стр. 1—10).

они исходятъ изъ того состоянія языка, когда въ нѣкоторыхъ корняхъ еще не дифференцировалось глагольное и именное значеніе; но уже очень рано, еще до раздѣленія семействъ на отдѣльныя вѣтви, такая дифференціація совершилась, и съ помощью суффиксовъ корни были развиты въ направленіи глагольномъ или именномъ. Развитіе же это въ качествѣ предшествующей стадіи предполагаетъ эпоху, когда въ живомъ языкѣ въ смыслѣ отдѣльныхъ словъ (напр. Nom. или Voc. Sing. въ именахъ, Imperativus въ глаголахъ) были въ употребленіи корни, представлявшіе уже и въ эту пору архаизмы, такъ какъ большинство корней съ помощью спеціальныхъ именныхъ и глагольныхъ суффиксовъ и въ силу своего первоначальнаго значенія уже превратилось изъ корней въ т. наз. основы. Что этотъ процессъ совершился въ очень раннюю эпоху жизни финно-угорскихъ языковъ, равно какъ и индоевропейскихъ, это показываетъ разсмотрѣніе словообразующихъ суффиксовъ въ этихъ языкахъ.

Въ венгерскомъ языкѣ такихъ суффиксовъ великое множество, и изъ нихъ большинство оказывается сложными. Обратимся къ простымъ. Для образованія глагольныхъ основъ венгерскій языкъ знаетъ рядъ суффиксовъ (простыхъ и еще болѣе сложныхъ), которыхъ онъ не употребляетъ для образованія именныхъ основъ. Разсмотримъ одинъ изъ нихъ. Передъ нами венгерскій суффиксъ *-g* (Simonyi, 412—414), служащій для образованія отъ глагольныхъ основъ фреквентативныхъ глаголовъ; чаще всего этотъ суффиксъ присоединяется къ корню (съ помощью соединительной гласной въ современномъ языкѣ), отъ чего получаются двусложныя основы; при этомъ рядомъ съ такими формами весьма обычны отъ тѣхъ же корней образованія глаголовъ однократнаго вида съ суффиксомъ -an, -en и начинательныхъ съ суффиксомъ -dul, -dül. Изъ примѣровъ Шимони приведу нѣсколько:

csattog (öfter krachen)	csattan (knallen, schnalzen)
rezeg (трепетать)	rezzen (вздрогнуть)
mozog (двигаться)	mozzan (пошевелиться)
zörög (шумѣть)	zörren (стукнуть)

rezdül (задрожать)
mozdul (задвигаться)
zördül (зашумѣть).

Рядомъ съ этимъ суффиксомъ иногда безъ всякаго различія въ значеніи употребляется суффиксъ -ng, какъ показываютъ примѣры (Simonyi, 415. Budenz, 42—43): bolyong, bolyog—(блуждать); dölöng, döllög(шататься); tátong, tátog(зіять) и т. д. Происхожденіе этого суффикса Шимони объясняетъ контаминаціей формъ въ родѣ lappan—(скрываться) и lappag(спрятаться), откуда возникаетъ lappang—(по значенію lappag). Всѣ три указанныя формы встрѣчаются въ современномъ венгерскомъ языкѣ, и этимъ подтверждаютъ правильность взгляда названнаго ученаго.

Суф. -ng, сдѣлавшись эквивалентомъ *-g* и мѣняясь съ нимъ въ образованіяхъ, занялъ мѣсто и въ такихъ соединеніяхъ суффиксовъ, какъ -gal и -gat (откуда -ngal, -ngat): напр. szalangál и szaladgál(бѣгать, обѣгать); meringél, meringet и merítget(черпать); feszenget и feszeget (копаться) и др. Объ этомъ сложномъ суффиксѣ -gat Шимони говоритъ слѣдующее (416—417). „Это самый обычный, типичный суффиксъ многократныхъ глаголовъ, который принимаетъ большая часть нашихъ активныхъ глаголовъ, но который встрѣчается чаще всего у глаголовъ переходныхъ. Первая часть его, несомнѣнно, тождественна съ *-g* многократныхъ глаголовъ. Окончаніе объясняли прежде съ помощью *-t* мгновенныхъ глаголовъ; новѣйшее же объясненіе этихъ интересныхъ глаголовъ предложилъ М. Силаши; по его мнѣнію, полный суффиксъ -gat могъ возникнуть изъ фактитивныхъ формъ mozgat(двигать), csattogat(заставлять бить), образованныхъ отъ многократныхъ глаголовъ mozog(двигаться), csattog(бить). Спеціальное значеніе фактитивнаго суффикса въ нихъ нѣсколько затемнилось, образовалось со значеніемъ многократно-фактитивнымъ единство суффикса, который въ многократно-объективныхъ глаголахъ сталъ играть роль и въ такихъ новыхъ образованіяхъ, какъ hall-gat(молчать), hivo-

gat(призывать)". Возникшій такимъ образомъ суффиксъ -gat послужилъ исходнымъ пунктомъ для образованія новыхъ комплексовъ суффиксовъ: именно, рядомъ съ глаголами съ суффиксомъ -ít (изъ *ht [1]), существовали глаголы на -gat отъ тѣхъ же основъ (напр. borít—покрывать и borogat—обивать, tisztít—чистить и tisztogat—очищать и т. д.); отсюда новыя формы на -ítgat- (igazítgat-, takarítgat-). Въ свою очередь формы на -ogat- весьма сложнаго образованія: формы tanogat- (nach und nach einstudieren), tisztogat—(чистить) возникли изъ *tanojtgat-, *tisztojtgat (т. е. *tan-o-ít-gat); на раннее время такого сліянія указываетъ засвидѣтельствованная уже въ 1256 году форма ereget (nacheinander fortlassen) изъ *ereszteget- (ср. ereszt-fortlassen) [2]). Какъ мы видимъ, этотъ процессъ чрезвычайно напоминаетъ тѣ измѣненія и соединенія суффиксовъ, которыя мы находимъ въ индоевропейскихъ языкахъ; здѣсь нѣтъ и рѣчи о той неизмѣнности и внѣшнемъ соединеніи составныхъ частей, которыя приписываются агглютинирующимъ языкамъ.

Для полноты анализа обратимся къ суффиксу -gál, въ основѣ котораго лежитъ разсмотрѣнный суффиксъ *-g*. Для образованія глаголовъ многократнаго вида венгерскій языкъ прибѣгаетъ къ суффиксамъ *-l;* ál, él; -dál, -dél; -gál, -gél и др. (Simonyi, 394—395), при чемъ долготу гласнаго въ сложныхъ суффиксахъ -ál и т. д. Шимони согласно съ Буденцомъ объясняетъ тѣмъ обстоятельствомъ, что здѣсь скрывается древній угорскій многократный суффиксъ *-j*, который въ соединеніи съ гласнымъ основы даетъ долготу: такимъ образомъ, форма metél — (разбивать) возникла, по ихъ мнѣнію (ibd. 398), изъ *mete-j-l-; при сложеніи этого суффикса съ *-g* образуются формы на -gál, -gél, которыя такимъ об-

---

[1]) Обо всемъ этомъ см. Simonyi. 416—420.

[2]) См. *Szinnyei.* Az it- képzö történetéhez. Nyelvtudományi Közlemények. т. XXXI (1901), стр. 470—472.

разомъ при всей ихъ видимой простотѣ состоятъ изъ четырехъ элементовъ: g+a+j+l, g+el+j+l. Возникшій такимъ путемъ суффиксъ -gál вошелъ въ новое суффиксальное образованіе -dogál (въ прежнее время и -dogal): напр. bújdogal(бродить), érdegel(maturescit) и т. д.

Итакъ, суф. *-g*, не встрѣчающійся въ именныхъ основахъ, послужилъ исходной точкой для образованія цѣлаго ряда суффиксовъ для глаголовъ многократнаго вида; уже этотъ фактъ свидѣтельствуетъ въ пользу его глубокой древности. Но есть полная вѣроятность, что его должно относить уже къ древнѣйшей эпохѣ существованія венгерскаго языка, когда суффиксы *-g* и *-k* (въ финноугорскую эпоху одинъ еще суффиксъ *-g/-k*, принимавшій тотъ или другой видъ подъ вліяніемъ характера основы) стали чувствоваться, какъ два различные суффиксы, а это доказываетъ раннее разграниченіе глагольныхъ и именныхъ основъ въ эту пору. Корни, т. е. неразвитыя суффиксомъ односложныя основы, заключали или иногда могли заключать въ себѣ какъ именное, такъ и глагольное значеніе, но, когда явилась потребность грамматически различить эти значенія, языкъ прибѣгъ къ суффиксамъ, изъ которыхъ нѣкоторые оказались спеціально именными, а нѣкоторые спеціально-глагольными (конечно, часть суффиксовъ могла первоначально не имѣть спеціальнаго значенія глагола или имени; оно развилось лишь впослѣдствіи, по мѣрѣ того какъ и сами суффиксы подверглись развитію; вмѣстѣ съ послѣднимъ наступила и дифференціація ихъ въ значеніи).

Тотъ же суффиксъ, вѣроятно, встрѣчается въ довольно многочисленныхъ образованіяхъ финскаго языка. Сюда относятся, прежде всего, лив. глаголы съ производнымъ суффиксомъ *-g*[1]): напр. inf. ädä'gə (тревожиться, быть въ затруднительномъ положеніи), inf. vie'gə (быть раздраженнымъ, недовольнымъ), vǖrəgəb (становиться чужимъ), ōsagəb(служ-

---

[1]) *E. N. Setälä.* Yhteissuomalainen Äännehistoria. Helsingissä, 1891, стр. 99—100.

дать). „Несомнѣнно, это *g* относится къ тому же суффиксу, который встрѣчается въ вепсскомъ нарѣчіи въ соединеніи съ суффиксомъ nde въ начинательныхъ глаголахъ: напр. v́iriga-ndeb (онъ воспламеняется), elégandeb (начинаетъ жить), varegandeb (начинаетъ бояться); а также въ соединеніи съ суффиксомъ jtta въ переходныхъ: напр. v́irigojtan(зажигаю), v́ilugoitan(охлаждаю); срав. вотское sejzagojtan(останавливаюсь). Возможно, что этотъ словообразовательный элементъ былъ и въ финскомъ (Suomi) языкѣ, хотя, послѣ исчезновенія его согласнаго по звуковымъ законамъ, онъ сталъ уже неразличимымъ и слился съ окончаніемъ *u* (*bu, *du). Могло бы быть, что такая основа, какъ напр. hätäänty—(быть въ бѣдѣ; во времена Агриколы hätäänte-) возникло именно этимъ путемъ изъ *hatägänte-, *hätägäntü- такъ же, какъ viluuntu—(зябнуть) изъ *vilugantu-; seisantta—(останавливаться) возникшее также съ помощью смѣшенія изъ основной формы *seisagoitta (ср. вепс. aht́istojtan = фин. ahdistutan, сужаюсь“). (Setälä. 109—110).

Основной суффиксъ *-g* Буденцъ находитъ и въ другихъ финноугорскихъ языкахъ, но онъ говоритъ безразлично о суффиксахъ *-g* и -ng, какъ будто это одно и то же, а потому изъ всѣхъ его многочисленныхъ примѣровъ я остановлюсь лишь на тѣхъ, которые несомнѣнно относятся къ разбираемому нами явленію. Въ зырянскомъ и вотяцкомъ языкахъ суф. *g* является въ слѣдующихъ образованіяхъ: gyny (иначе -jyny; -kyny) въ словахъ dulgyny (=duljalny, зіять), jurgyny (=jurjalny, звучать), šylgyny (=šyljalny, летать) и др.[1]). При сравненіи этихъ формъ съ венгерскими мы находимъ здѣсь много сходства: фреквентативный суффиксъ *-g* въ обоихъ языкахъ встрѣчается рядомъ съ фреквентативнымъ же суффиксомъ -j-al; для довершенія сходства этотъ суффиксъ и въ зыр.-вот. языкѣ выступаетъ въ соединеніяхъ -gal и -gat (вот. bergal- sich drehen, sich wenden, causat.

---

[1]) *Wiedemann*. Gram. d. syrjän. Sprache. 78—79.

bergat-; зыр. bergal-[1]). Въ вогульскихъ формахъ съ *-g* (lärrg- sich drehen, caus. lärrñelt- drehen; šärrg- schreien, caus. šärrñelt- и т. д.) и въ лапландскихъ -lg- (-l-g, ср. венг. -log) (напр. jabme—умирать, jamalge—лишиться чувствъ) -ng- (ńalsa или ńalsage—висѣть, свѣшиваться) можно, кажется, также видѣть этотъ суффиксъ. Принадлежность его только глагольнымъ основамъ подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что съ суффиксомъ *-g* изъ именныхъ основъ образуются имена отглагольныя[2]). Такова многочисленная группа финскихъ именъ на -ege- (*elege, откуда elé и др.) (Setälä. ÄH. 62—65), мордовскихъ на -eg, ög (korög—прошеніе отъ kor—просить, pišjeg—бѣгъ pišji—бѣжать и др.) (Budenz. 46—47).

Такимъ образомъ, суффиксъ *-g*, служившій для образованія отъ первоначальныхъ корней глагольныхъ основъ, долженъ быть отнесенъ уже къ финноугорскому праязыку. Въ связи съ этимъ стоитъ его спеціальное употребленіе въ образованіи основы настоящаго времени, которое надо также отнести уже къ финно-угорской эпохѣ. Этотъ суффиксъ въ формѣ -ks, -gs встрѣчается во всѣхъ языкахъ этой лингвистической группы (черемис. ok, og, вот. ug, зыр. og и др.). По мнѣнію проф. Сетэлэ (ibd. 167), онъ встрѣчается и въ отглагольныхъ nomina agentis въ сочетаніяхъ съ -se (фин. puhelikas болтливый)[3]), *-i* (ингр. pettelikkoi обманчи-

---

[1]) *Budenz.* Ugor alaktan. 47—49.

[2]) Нѣсколько именъ на -*ga (kajava чайка, majava бобръ, vajava нуждающійся, jalava вязъ, pihlaja бузина, petäjä сосна), которыя приводитъ Сетэлэ (ÄH. 59—60), слишкомъ единичны, чтобы на нихъ можно было что-нибудь строить. Возможно, что нѣкоторыя изъ нихъ заимствованія, какъ vajnaja(покойникъ), hunaja (медъ).

[3]) *E. N. Setälä.* Zur Geschichte der Tempus-und Modusstammbildung in den finnisch-ugrischen Sprachen. Helsingfors. 1886, стр. 28—77. Впрочемъ, происхожденіе этого суффикса -kas не совсѣмъ ясно. Ср. то, что говоритъ о немъ Альквистъ „Suomen kielen rakennus" 1877.

вый) или безъ нихъ (лив. kartlig трусливый; вогул. tolmax — воръ).

Другимъ суффиксомъ, служащимъ для образованія глагольныхъ основъ и отглагольныхъ именъ, является, по транскрипціи проф. Сетэлэ, -pə, -bə, съ помощью котораго въ различныхъ финно-угорскихъ языкахъ образуются основы настоящаго времени (ibd. стр. 4—28). Насколько тѣсно этотъ суффиксъ сливается съ корнемъ (при чемъ совершенно теряется сознаніе ихъ раздѣльности, которую навязываютъ агглютинирующимъ языкамъ), показываетъ уже тотъ фактъ, что къ образованной такимъ способомъ основѣ настоящаго вре-

---

I, стр. 72—73. „-Kas возникло изъ kasa (kansa, kanssa), которое встрѣчается въ различныхъ сочетаніяхъ. Такъ напр., изъ соединенія rahak kanssa возникло rahakas (geldreich) и эст. rahaga (mees); далѣе, это слово встрѣчается въ эст. abikās (=ф. aviokasa, супругъ). Въ самостоятельномъ видѣ это слово, столь обычное въ сложныхъ словахъ, совершенно вышло изъ употребленія въ нашемъ языкѣ, и его превращеніе въ суффиксъ (послѣднее наилучшимъ образомъ обнаруживается тѣмъ, что его гласный приспособляется къ гласному первой части: напр., rahakas, kivekäs) показываетъ до нѣкоторой степени, какъ возникаютъ суффиксы въ агглютинирующихъ языкахъ. Съ помощью этого суффикса (если мы станемъ такъ называть это присоединяемое слово) финскій языкъ образуетъ и имена прилагательныя: напр. rahakas, kalakas, voimakas и имена сущ. sormikas, jouhikas. Послѣднія образованы отъ основъ множ. числа; такими же являются и прилаг. mutkikas, poloikas, oksikas. Родственные языки въ широкой степени пользуются этимъ суффиксомъ. Эстон. karvakas, habekas (бородатый); kalakas и др.; вотск. denggakas (богатый), umalikas (хмѣльный), sõremikas; вепск. bardakas (бородатый), händikäs (хвостатый, волкъ), kolokas и др.; лапланд. armogas (милостивый), suddogas' (грѣшный)“. Объ этомъ суффиксѣ *kaas, *kəz (*gəz), потомъ вслѣдствіе контаминаціи суффиксовъ ks и *kəs (*kanssa, какъ думаетъ и Альквистъ) новомъ суф. kəks см. Setälä. ÄH. 364. Суффиксъ -kas (изъ *kanssa), который отъ значенія *снабженный, обильный чѣмъ*, перешелъ и къ другимъ основамъ и значеніямъ, конечно, не имѣетъ ничего общаго съ отглагольнымъ суф. *-g* финно-угорскаго происхожденія.

мени присоединяется новый суффиксъ настоящаго времени: такъ, въ лапландскомъ Сетэлэ (стр. 56) указываетъ образованія на -bœ-kke (*pв + kв) въ формахъ lodno-bœkket (вы разрѣшаете), ravve-bœ-kket (вы приказываете) и др.

Въ другихъ финноугорскихъ языкахъ (вогульскомъ, остяцкомъ, венгерскомъ) Буденцъ находитъ суф. *-p(b)*, служащій для образованія глаголовъ однократныхъ (momentánigeképzö). Въ венгерскомъ языкѣ мы находимъ слѣдующее (Simonyi. 393): „изъ вполнѣ ясныхъ основъ мы можемъ привести только два устарѣлые глагола, образованные съ помощью суффикса -ap: hagyap—(плюнуть) отъ глагола hagy-, который первоначально означаетъ бросать, кидать, и állap-ik (subsistere, sistere), отъ котораго сохранились формы állapot—(status, conditio), állapít—(caus. stabilire, collocare). По мнѣнію Буденца, сюда относится и глаголъ harap—(mordere)“.

Вышедшій изъ употребленія простой суффиксъ сохранился въ соединеніи съ другими суффиксами: такъ, изъ *pв + dв возникъ суффиксъ -pod-, изъ *pв + lв -pol-, изъ *pв + zв -poz-: такъ напр., отъ ül(sedere) возникаетъ ülëpëdik (subsidere), ср. csillapod—(conquiescere, sedari), gyarapod (augescere, crescere), csillámpoz—(сверкать), hörpöl (sorbere), csörömpöl—(rasseln) (Budenz. U. A. 66—67). Вмѣстѣ съ развитіемъ суффикса измѣняется и его значеніе: такъ, глаголы на -apodik имѣютъ уже не однократное, а начинательное значеніе, которое выражаетъ присоединеніе фреквентативнаго суффикса (такъ же отъ однократн. -am-ik, -em-ik образуется начинат. -amodik, emëdik. Simonyi. 393).

Въ связь съ суф. *-p* Буденцъ ставитъ суф. -bol и -bal въ глаголахъ zurbol—(stören), rombol (difringere, dissecare), nyirbal—(scheren, zu stutzen), tombol—(mit den füssen stampfen). Въ зырянскомъ языкѣ суф. -öp или -öb служитъ для образованія именъ существительныхъ и прилагательныхъ, которыя сохраняютъ связь съ глагольной основой, отъ которой они произведены: таковы, напр., слова vizlöb (strom, strömung отъ vizyl—schnell strömend), yzöb (schnell,

plötzlich отъ yzjödny anregen), yrsköb (eilig, plötzlich отъ yrsálny eilen) и мн. др. (Wiedemann. 57). Въ мордовскомъ языкѣ обширная область отглагольныхъ именъ образуется при помощи относящагося къ этой же группѣ суффикса: мокш.-морд. *-f*, эрз.-морд. *-v* (*-pa). По преимуществу, это nomina acti, но отчасти также nomina actionis [1]): напр., м.-м. kantf (тяжесть, ноша) отъ kandan(нести), kotf (грубое полотно) отъ kodan(ткать), porf (снѣжный сугробъ) отъ poran(наметать), eräf(жизнь) отъ erän(жить) и др. или tev(дѣло) отъ teyan(дѣлать); э.-м. teve(дѣло) отъ tejems (дѣлать), kajant(пóдать) отъ kajams(откидывать) и др. Изъ финскихъ формъ причастіе на -va, окончаніе 3 л. praes. -vat, суф. -pi принадлежатъ къ области распространенія того же суффикса (Setälä. Zur Gesch. 166—167), глагольный характеръ и финно-угорское происхожденіе котораго, повидимому, не подлежатъ сомнѣнію [2]).

Суффиксы *-g*(*-k*) и *-b*(*-p*) искони присоединялись къ корнямъ для образованія глагольной основы; они были развиты съ помощью новыхъ суффиксовъ, отъ чего получились весьма сложные конгломераты. Если мы обратимся къ любому финно-угорскому языку, мы найдемъ въ каждомъ множество суффиксовъ, которые служатъ для образованія только глагольныхъ или именныхъ основъ. Такъ напр., въ мордовскомъ языкѣ *Verbum frequentativum, continuativum* образуетъ съ суффиксами -nde-, -le-, -se-, -še- (и -še-nde-, а также -kšne-), -je- (Budenz. Mordv. Nyelvt. 64—66), въ венгерскомъ такими суффиксами Шимони признаетъ до 20 образованій въ родѣ -l, -al-, dol-, csol-, gál-, -dogál-, -kol-, -kod-, -dok-, -dokol-, -z-, -sz-, -orog- и др.

---

[1]) *Budenz.* Moksa-és erza-mordvin nyelvtan. 1876, стр. 28—29. Ср. также *Ahlquist.* Versuch einer Mokscha-Mordwinischen Grammatik. 1861, стр. 12—13. *Wiedemann.* Grammatik der ersa-mordwinischen Sprache. 1865, стр. 20.

[2]) Вог. -p и -pt въ глаголахъ однократныхъ и такой же остяцкій суффиксъ разсмотрѣны Буденцомъ въ Ug. Alaktan. 65—66.

Такимъ образомъ, въ настоящее время глагольныя и именныя основы и по значенію, и по грамматическому образованію различаются весьма отчетливо во всѣхъ финскихъ языкахъ. Начало этого процесса надо возводить еще къ тому времени, когда въ языкѣ были въ употребленіи въ качествѣ самостоятельныхъ словъ односложные (по большей части, по крайней мѣрѣ) корни—основы.

Прежде чѣмъ обратиться къ вопросу объ образованіи глагольныхъ и именныхъ грамматическихъ формъ, которое въ своихъ основахъ также должно относиться къ финноугорской эпохѣ, я разсмотрю тѣсно связанный съ этимъ вопросъ о происхожденіи и сліяніи суффиксовъ въ этой группѣ языковъ. Какъ въ индоевропейскихъ языкахъ, такъ и въ нихъ первоначальное значеніе свое суффиксы сохранили въ самыхъ рѣдкихъ, единичныхъ случаяхъ. Такъ, зыр. lun, морд. či (оба со значеніемъ *день*) употребляются въ качествѣ суффиксовъ въ словахъ tomlun (молодость, букв. новый день), szi̊rlun(господство), морд. šupavči (id.) [1]); подобнымъ образомъ, лив. pǟva(день) имѣетъ характеръ суффикса въ словѣ tiera-pǟva (здоровье, т. е. здоровый день); въ лапландскихъ nuorravuotta(молодость), buörrevuotta(добро) скрывается слово vuotta, употребляющееся и самостоятельно и соотвѣтствующее фин. vuote—(nom. vuosi, годъ) [2]). И обратно, можно отмѣтить нѣсколько случаевъ, когда суффиксъ пріобрѣтаетъ значеніе вполнѣ или полу-самостоятельнаго слова. Таковъ, напр., заимствованный суф. -niekka, о которомъ у Альквиста (Suom. Kiel. Raken. стр. 73—74) мы находимъ слѣдующее замѣчаніе: „Этотъ суффиксъ занимаетъ въ сложныхъ словахъ настолько самостоятельное значеніе, что его гласный *-a* не примѣняется къ вокализму

---

1) Budenz. Ug. Al. 7.

2) *Setälä*. Yhteissuom. Äännehist. 71. Альквистъ производитъ суф. -mainen отъ maa (земля), -moinen отъ muo- (=muoto, видъ, форма), -lainen отъ lai (родъ) и т. д. См. Suom. Kiel. Rakennus. § 132—136. Венг. -sag сопоставляется съ морд. ši. Simonyi. 586. Зыр. in, nog, toi и др. Wiedemann. 71—74.

перваго слога, и что оно сохраняетъ собственное удареніе, отъ чего въ глазахъ финновъ является вполнѣ самостоятельнымъ словомъ. Тѣмъ не менѣе — и это весьма любопытно — оно оказывается не чѣмъ инымъ, какъ русскимъ суффиксомъ, который черезъ заимствованныя слова проникъ въ финскій языкъ и такъ акклиматизировался здѣсь, что встрѣчается какъ въ именахъ существительныхъ (runoniekka, apuniekka, vihasniekka, viuluniekka), такъ и въ прилагательныхъ (oksaniekka, haaraniekka, huolainniekka). Въ русскомъ языкѣ съ помощью этого суффикса образуются имена лицъ мужескаго пола (работникъ, чиновникъ, мясникъ), и по образцу этихъ словъ ближайшіе родственные намъ языки, подчиненные вліянію русскаго, начали употреблять этотъ иностранный суффиксъ и въ своихъ собственныхъ образованіяхъ, откуда, напр., вот. töönikka(работникъ), лив. amātnika (чиновникъ), вепс. lihanik и эст. lihonik(мясникъ) и мн. др. Изъ этихъ нарѣчій данный суффиксъ проникъ, вѣроятно, и въ финскій языкъ, гдѣ и пріобрѣлъ выше отмѣченную самостоятельность". Другой примѣръ, тоже изъ финскаго языка: слово kunta, употребляющееся въ качествѣ суффикса, означающаго совокупность предметовъ, и имѣвшее нѣкогда самостоятельное значеніе, теперь опять возстановило его и стало употребляться въ смыслѣ *округа*, *прихода* (kommun), откуда и имя прилаг. kunnalinen (ibd. стр. 74, § 129).

Но подобные случаи, гдѣ въ финноугорскихъ языкахъ суффиксъ еще сохранилъ свое значеніе, или гдѣ можно возстановить его происхожденіе, — большая рѣдкость. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ исторія суффиксовъ въ этихъ языкахъ представляетъ совершенно тѣ же явленія, что и въ индоевропейскихъ. Такъ напр., суф. фин. -ise(-inen) представляетъ собой чрезвычайно сложный комплексъ суффиксовъ [1]), который проф. Сетэлэ разлагаетъ на сочетаніе суф-

---

[1]) *E. Setälä*. Ueber die bildungselemente des finnischen suffixes -ise- (-inen). Journal de la soc. Fin.-Ougr. III. 133 — 138.

фиксовъ ḭ(jǝ)+nǝ+ksǝ. „Что касается перваго, то его можно бы отожествить съ суф. -jǝ, съ помощью котораго въ финскомъ и другихъ финно-угорскихъ языкахъ образуются не только уменьшительныя (напр. tyttö *tyttöḭ дѣвочка; emo, emö мать и др.), но и имена со значеніемъ „чѣмъ-нибудь снабженный, что-нибудь имѣющій“: напр. korvo отъ korva (ушастый, т. е. ушатъ), sanko отъ sanka (снабженный рукояткой, т. е. ведро), otso отъ otsa (широколобый, т. е. медвѣдь). Второй элементъ -nǝ-(ne-) не такъ ясенъ. Вѣроятнѣе всего сопоставлять его вмѣстѣ съ Альквистомъ съ мордов. уменьшит. суф. -nä (э.-м. -ne). Третій изъ предположенныхъ нами элементовъ -ksǝ(-kse) употребляется въ финскомъ языкѣ также отдѣльно.

Какъ въ финскомъ, такъ и въ мордовскомъ, гдѣ этотъ суффиксъ встрѣчается въ формѣ -ks-, слова, образованныя посредствомъ его, означаютъ предметы, которые стоятъ въ связи съ выраженнымъ основой или къ нему относятся. Въ финскомъ языкѣ такія слова обыкновенно означаютъ предметы, сдѣланные изъ вещества, обозначеннаго основой: напр., aidakse (nom. aidas, заборный колъ) отъ aita(заборъ), leiväkse(хлѣбное) отъ leipä(хлѣбъ); морд. jamks(grütze) отъ jam (brei); pilks, э.-м. pileks(серьга) отъ pilä, э.-м. pile(ухо)“.

Образцомъ того, какое широкое употребленіе получилъ суффиксъ, первоначально имѣвшій очень узкую сферу распространенія, можетъ служить фин. -tar, -tär. По мнѣнію Альквиста [1]), онъ происходитъ отъ основы tytär(дочь) и первоначально означаетъ женскія фамильныя прозвища, образованныя отъ основъ: Karhutar, Hukatar. Однако съ теченіемъ времени этотъ суффиксъ распространился на всевозможнаго рода названія женскихъ профессій, миѳическихъ существъ женскаго пола, женъ или дочерей представителей различныхъ профессій (professoritar) и т. под. [2]).

---

[1]) Suom. Kiel. Rakennus. § 29—30.

[2]) *W. P.* -tar, -tär päätteen käyttämisestä nykykielessä. Журн. Virittäjä. 1902, стр. 8—11.

Иногда образованіе новыхъ группъ суффиксовъ еще можно прослѣдить такъ же, какъ въ индоевропейскихъ языкахъ (ср., напр., исторію суффикса -овщик- въ „Очеркахъ науки о языкѣ“ покойнаго Крушевскаго). Такъ, къ суф. -ja (nomina agentis): luoja — творецъ, ampuja — стрѣлокъ, leipoja — пекарь отъ luo-, ampu-, leipo- и др.) присоединяются суф. -ha (nom. -*s*), -inen-, ime (nom. -in), отчего возникаютъ формы такого рода: antelijas (щедрый отъ ant + el + ja + he), laskijainen (изготовитель), ampujainen (оса), kulkijan (kulkiain, странникъ) или со стяженіемъ kasvain (растеніе), eläin (животное) и т. д. (Ahlquist. loc. cit. § 7—11). Въ корельскомъ нарѣчіи собирательный суффиксъ -listo (karjalisto — всѣ корелы, köyhälistö—вся бѣднота) представляетъ сумму суффиксовъ -la + se + to (-se въ вотскомъ нарѣчіи въ формѣ tamisikko = фин. tammikko, дубовая роща; -to обычный суффиксъ въ названіяхъ мѣста: pimento—тѣнистое мѣсто, pihatto — скотный дворъ) [1]).

То же происходитъ и въ другихъ финно-угорскихъ языкахъ: такъ, въ венгерскомъ суф. -*d* настолько тѣсно слился съ основой, что является возможность къ полученному такимъ образомъ слову присоединить вторично тотъ же суффиксъ (напр. отъ apró—маленькій, apród — пажъ, маленькій вообще, дитя, — собственное имя, засвидѣтельствованное въ 1319 году, apródad—очень маленькій, или kicsi — малый, kicsid — id. Quisid, Cusid 1171. 1217, kicsided—очень маленькій). На древность этого образованія указываетъ форма kisded — маленькій (уже въ документѣ 1283 года). Послѣдняя форма, едва-ли не единственная этого типа въ народномъ языкѣ (изъ литературнаго Шимони приводитъ довольно много примѣровъ), была понята весьма своеобразно: именно, форма kisded была отожествена съ kis-gyerek (малое дитя), отчего суффиксъ сталъ употребляться въ говорахъ въ смыслѣ

[1]) Ahlquist. loc. cit. § 62. У Альквиста вообще много примѣровъ этого рода, которыхъ я не привожу (ср. § 122. -rva = -ra + va; § 97. mus = -ma + us; § 13. -mukse = -ma + -kse и т. д.).

самостоятельнаго слова со значеніемъ *дитя;* въ другихъ говорахъ отмѣчено слово ded(хлѣбъ), которое, вѣроятно, развилось тѣмъ же путемъ, но въ иномъ направленіи. (Simonyi. 554—557). Для объясненія происхожденія суффикса -lás, -lés, -més и т. п. въ венгерскомъ языкѣ Шимони прибѣгаетъ къ предположенію контаминаціи двухъ готовыхъ формъ: такъ, по его мнѣнію, hozatalás(несеніе) результатъ контаминаціи формъ hozatal(несеніе) + hozás (id.), vitelés (везеніе) = vitel + vivés, kérelmés(прошеніе) = kérelem + kérés (ibd. 475). Сложнаго происхожденія суффиксъ -dalom, -delëm и многіе другіе [1]). Въ мордовскомъ, зырянскомъ и другихъ финноугорскихъ языкахъ, строеніе которыхъ въ общемъ проще, потому что при отсутствіи литературы на этихъ языкахъ проще и мысли, которыя приходится выражать словами, комплексы суффиксовъ встрѣчаются рѣже, чѣмъ въ венгерскомъ и особенно финскомъ языкахъ; однако они встрѣчаются и здѣсь: таковъ морд. суф. -nal (*-n + ala) [2]), зыр. -los, -lös (*-l + ös) [3]) и др. Наконецъ, нѣкоторые сложные суффиксы относятся уже къ финно-мордовской, если даже не къ финно-угорской эпохѣ: это суффиксы каритивные и компаративные.

Первые означаютъ отсутствіе какого-нибудь качества въ предметѣ. Въ финскомъ языкѣ въ этой роли выступаетъ суффиксъ -ttoma, который сложенъ изъ двухъ частей tto + ma. Въ Nom. Sing. онъ сокращается въ -ton, подобно тому, какъ процессу сокращенія могутъ подвергаться и цѣльныя слова: напр., эстон. weski(мельница) изъ *wesikiwi (вода—камень) или heinam(сѣнокосъ) изъ *heinamaa (сѣно, земля) и т. д. [4]). Такъ возникаетъ суф. -ton (työtön—безработный,

---

[1]) Много сложныхъ суффиксовъ можно найти въ очень устарѣломъ трудѣ Боллера: „Die Wurzelsuffixe in den ural-altaischen Sprachen". 22 томъ (1856) Sitzungsber. Вѣн. Акад. Наукъ.

[2]) *Budenz.* Mordv. Nyelvtan. 27.

[3]) *Wiedemann.* Syrjän. Gram. 54.

[4]) См. *K. Hermann.* Ueber estnische Wortformen die durch Abkürzung entstanden sind. Dorpat. 1881.

käsitön — безрукій, armoton — немилостивый и т. д.), который въ эстон. яз. звучитъ -to (rahato и потомъ rahatu — бѣдный), въ вотскомъ -tō (jumaloitō — безбожный), въ нѣкоторыхъ говорахъ Suomi -toin (Ahlquist. loc. cit. § 117). Такъ отъ корня juo — (пить) получается образованіе juoma-tto-ma- (не пьющій) или отъ raha(деньги) отвлеченное понятіе rahattomuus (бѣдность, безденежье).

Этому каритивному суффиксу соотвѣтствуетъ въ мордовскомъ языкѣ суф. мокш. -ftima, -ftemö, эрз. -vtomo, -vteme (ponaftima, ponavtomo — безволосый отъ pona — волосъ), въ зыр.-вот. töm, -tem (pińtöm — беззубый, peľtöm — глухой отъ peľ — ухо). Нѣсколько другой типъ образованія этотъ суффиксъ представляетъ въ угорской группѣ, гдѣ онъ звучитъ въ вогул. языкѣ, какъ -tal (paľtal — глухой отъ päľ — ухо), въ мадьяр. -talan, -telen (számtalan — безсчетный, отъ szám — счетъ; lábatlan — безногій и т. д.).

Для объясненія происхожденія этого суффикса необходимо обратить вниманіе на его отношеніе къ окончанію такъ наз. Abessivus, падежа, означающаго отсутствіе предмета или качества. По мнѣнію Альквиста (Rakennus, стр. 69—70), онъ представляетъ собою результатъ сложенія окончанія этого падежа -tta и суффикса -ma, образующаго имена существительныя. Можетъ быть, въ цѣломъ этотъ взглядъ нѣсколько произволенъ, но, что суффиксъ каритивный и Abessivus стоятъ въ извѣстномъ соотношеніи, это не подлежитъ сомнѣнію. Буденцъ (Ugoralaktan. 276—279), мнѣніе котораго разсмотримъ ниже, приводитъ случаи, гдѣ эти два образованія рѣшительно сливаются: такъ, мордов. tolftima означаетъ какъ извѣстное свойство (безогненный, tüzetlen), такъ и падежъ Abessivus (безъ огня, tüz nélkül) или вогул. aštal (безработный, безъ работы) и т. д. Въ объясненіи угорскихъ формъ этого суффикса взгляды названнаго ученаго сводятся къ слѣдующему. „Съ каритивнымъ суффиксомъ вогульскаго языка -tal“, говоритъ Буденцъ: „мы сопоставляемъ мадьярское -talan, такъ какъ основная часть его tal- поразительно совпадаетъ съ нимъ,

и, благодаря этой основной части, мы сопоставляли его съ вогульской формой, при чемъ конечную часть его -an мы признавали, разумѣется, за ничего не значущую прибавку. Но при лучшемъ изслѣдованіи взаимоотношенія формъ выясняется, что это, какъ этого и слѣдовало ожидать, не вѣрно. Очень желательно придти къ какому-нибудь выводу относительно первой части суф. -talan, хотя бы ради этого пришлось отказаться отъ обычнаго объясненія передней части его. Прежде всего ясно, что съ вог. -tal надо отожествить ост. -la- (въ иртыш. гов. -da-). Извѣстно, что въ смѣнѣ *d(t)*: *l* остяцкій языкъ пошелъ еще дальше, чѣмъ вогульскій, и потому ост. -la соотвѣтствуетъ вог. -ta въ -tal съ отпаденіемъ конечнаго *l* или -la вмѣсто болѣе ранняго lal". То же явленіе Буденцъ находитъ и въ венгер. яз.: и здѣсь онъ признаетъ очень обычной смѣну *d(t)*: *l;* такимъ образомъ суф. -talan восходитъ къ *tatan или вѣрнѣе, такъ какъ изъ -talal по закону диссимиляціи могло развиться -talan, предположить праформу *tatal. Это же слово еще живетъ въ вогульскомъ языкѣ въ видѣ tātel, tatel въ значеніи „пустой, лишенный". На его связь съ суффиксомъ каритивнымъ -tal указываетъ остяц. talli (пустой), гдѣ послѣдней частью является -li. По мнѣнію Буденца, слово tātel, какъ и ост. tākla (со значеніемъ „безъ"), распадается на двѣ части, гдѣ первая (вог. tajl, ост. tāk) имѣетъ значеніе *полный* или *сильный*. Такъ-ли это и не нужно-ли talan *tatal разложить на двѣ части, изъ которыхъ первая встрѣчается и въ фин.-морд. -to-ma(-f-to-ma)[1], я не берусь рѣшить, но въ этой послѣдней группѣ языковъ каритивный суффиксъ сложнаго образованія. Эліотъ (Fin. Gram. XX) возстановляетъ его въ формѣ -tama, при чемъ первую часть этого суффикса отожествляетъ съ окончаніемъ каритивнаго падежа -ta, которое въ финскихъ говорахъ имѣетъ также

[1]) *Simonyi.* Magyar Nyelvtan. 577 также говоритъ о болѣе далекомъ родствѣ фин. ttoma, лап. -teme и др. съ венгер. и вогул. суфф. tal и talan.

форму -tak, tah и восходитъ къ taka или taχa; первоначальное значеніе этого суффикса сохранилось, по его мнѣнію, въ словѣ taka(задъ), что, повидимому, вполнѣ возможно [1]). Въ этомъ случаѣ слова taka, *-tama, *-tatal представляютъ сложныя образованія, которыя относятся уже къ финноугорской эпохѣ.

Что касается суффикса сравнительной степени — фин. -mpa, то нѣтъ основанія думать вмѣстѣ съ Альквистомъ (Suom. Kiel. Raken. стр. 117. § 179), что первоначальная финская форма его есть -pa, къ чему лишь Suomi, вепсскій и эстонскій языки присоединили въ началѣ „эвфоническое" *n*, превратившееся передъ *p* въ *m*. Какъ показалъ Setälä (ÄH. 368, 404 — 406), первоначальной формой этого суффикса надо считать -mpa(mpi-), -mba(-mbi-), каковую форму относятъ къ финно-угорской эпохѣ (*Budenz*. 280—283. *Simonyi*. 563. *Szinnyei*. Suom. kiel. heimol. 18 и др.). Не можетъ быть сомнѣнія, что въ этой формѣ суффиксъ является сложнымъ: къ окончанію -*n* могла бы путемъ присоединенія суффикса -pa образоваться новая форма суффикса -mpa, -mba [2]). Теперь я остановлюсь на образованіи нѣкоторыхъ формъ склоненія и спряженія въ финно-угорскихъ языкахъ для того, чтобы подчеркнуть типъ этихъ образованій, ничѣмъ по существу не отличающійся отъ типа тѣхъ же образованій въ индоевропейскихъ языкахъ. Сначала о спряженіи.

Исходнымъ пунктомъ для образованія формъ спряженія въ финно-угорскихъ языкахъ служитъ корень, который, будучи развитъ гласнымъ звукомъ, становится основой въ образованіи другихъ формъ. Такимъ образомъ, въ основаніи однѣхъ

---

[1]) Такъ судилъ уже Альквистъ (Rakennus. стр. 110—111), у котораго этотъ взглядъ прекрасно обоснованъ. У Альквиста заимствовалъ точку зрѣнія Эліотъ.

[2]) Къ финно-угорской эпохѣ суффиксъ -mp- (можетъ быть, въ значеніи усилительномъ вообще, а не только въ сравнительной степени) относитъ и г. Вихманъ въ журналѣ Finnisch-Ugrische Forschungen. I (1901), стр. 189—193.

формъ лежитъ корень безъ гласнаго элемента на концѣ, въ основанiи другихъ корень, развитый указаннымъ способомъ [1]). Въ работахъ проф. Setälä „Zur Geschichte der Tempus-und Modusbildung“... 1886 и Simonyi: „Формы наклоненiй въ угорскихъ языкахъ“ (Az ugor módalakok) [2]) собранъ значительный матерiалъ, позволяющiй обозрѣть этотъ вопросъ. Разногласiе этихъ ученыхъ по поводу того, существовала-ли, напр., особая форма повелительнаго наклоненiя въ праязыкѣ, какъ полагаетъ Шимони (loc. cit. 146), или употреблялась въ этомъ значенiи (in interjektioneller Funktion) основа настоящаго времени (Setälä. 177),—это разногласiе насъ здѣсь не касается, потому что для разбираемаго вопроса важенъ только способъ образованiя формъ.

Остановимся на Conjunktiv'ѣ, въ образованiи котораго выступаетъ суффиксъ -ns (Setälä. 152—158. Simonyi. 155—158). Финскiя нарѣчiя присоединяютъ его въ большинствѣ случаевъ къ основѣ на гласный (фин. sanonen, кар. šoanen, олон. anda-nen, вепс. anda-nen, вот. votta-nen, эст. sā-ne и др.), но нерѣдко и къ „усѣченной“ основѣ, при чемъ въ этомъ случаѣ *n* суффикса ассимилируется съ предшествующимъ согласнымъ основы (ф. tullen изъ *tul-nen, purren *pur-nen, вот. surren *sur-nen и т. д.). То же явленiе мы находимъ въ черемисскомъ (šinde-nem, но tülnem, nálnem, kárnem), тогда какъ вогульско-остяцкiй и венгерскiй языки, какъ видно изъ примѣровъ Сетэлэ и Шимони, присоединяютъ указанный суффиксъ къ усѣченной основѣ или, говоря попросту, къ корню (напр., вог. olnūm, purnnet, kietnūlem, qolnēm, pilnēm, joχtnat; ост.

---

[1]) „Wir führen nachträglich an, dass im Finnischen der reine verbalstamm als indicativi praesensform gilt (sano-n, sano-t, sanomme), im Mordwin. und Čerem. dagegen als imperativ-stamm (mord. maksî-za, maksî-da, maksî-st oder E. makso-zo, makso-do, makso-st; čer. tol-žo, tol-da, tolo-št)“. Budenz. Ueber die verzweigung der ugrischen sprachen. 1879, стр. 37.

[2]) Nyelvtudományi közlemények. т. XIII, 1876, стр. 135—167.

χadnal, men-γam, но menaγat, panaγat; венг. ir-nék, kérnénk и др.). Что касается венгерскаго языка, то, повидимому, нѣтъ никакого основанія предполагать, что когда-либо здѣсь между корнемъ и суффиксомъ наклоненія находился гласный звукъ. Формы безъ него обычны и въ старыхъ памятникахъ (см. Simonyi. Mag. Nyelvtan. 629—630), тогда какъ усѣченныя основы именъ существительныхъ безъ гласнаго въ старыхъ текстахъ еще зачастую сохраняютъ гласный элементъ. Поэтому, кажется, позволительно думать, что венг. irna-, wolnak (16 в.), вог. qol-nē- и т. п. представляютъ образованія прямо отъ корня, и что по отношенію къ нимъ ост. mena-γ-, ф. tule-ne- являются хотя и весьма древними новообразованіями. Другіе суффиксы также присоединяются непосредственно къ корню; это явленіе, относительно рѣдкое въ финскихъ нарѣчіяхъ, весьма обычно въ другихъ финно-угорскихъ языкахъ (морд. pi̊ri̊m-kš-ne-, falksi̊len, вог. vargam̄, menget, tuvne и мн. др.). Я не стану нагромождать примѣровъ, которыхъ не трудно подобрать большое число въ названныхъ изслѣдованіяхъ и грамматикахъ. Они показываютъ, что въ финно-угорскую эпоху корень еще не всегда распространялся гласнымъ звукомъ.

Формы склоненія финно-угорскихъ языковъ представляютъ интересъ съ точки зрѣнія настоящаго моего изслѣдованія въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, очень было бы желательно выяснить первоначальный типъ именныхъ основъ и, во-вторыхъ, характеръ окончаній. При настоящемъ состояніи финно-угорскаго языкознанія (по скольку я, по крайней мѣрѣ, знакомъ съ нимъ) трудно сказать, какъ возникли основы на гласный. Венгерскій языкъ, въ которомъ очень часто встрѣчаются основы безъ гласнаго, еще сохранилъ память о времени, когда эти основы имѣли на концѣ гласный звукъ: онѣ въ значительномъ числѣ засвидѣтельствованы современными діалектами, старыми памятниками, сравненіемъ съ финскимъ языкомъ, характеромъ основы въ формахъ склоненіяхъ. Если еще въ текстахъ 11—12 в. отмѣчены слова hadu vtu (млечный путь, теп. hadút), nogu (много, теп. nagy), Feher-

uuaru(Fehérvár), zilu kut (источникъ вяза, теп. szilkút) и т. д. или даже въ 15 в. отмѣчены ehsege (голодъ, теп. éhség), eleztebbe (въ другихъ кодексахъ того же времени elesztébb) и мн. др., то это свидѣтельствуетъ въ пользу того, что въ болѣе раннюю эпоху основы на гласный были закономъ венгерскаго языка [1]). Гласный отпалъ на концѣ здѣсь такъ же, какъ въ эстонскомъ языкѣ, въ которомъ не трудно возстановить утраченный конечный гласный, являющійся въ косвенныхъ падежахъ. Вѣроятно, вполнѣ законный выводъ по отношенію къ финно-угорской эпохѣ будетъ тотъ, что она знала основы съ конечнымъ гласнымъ. Но имѣемъ-ли мы право утверждать, что рядомъ съ ними не употреблялись основы-корни, что другими словами этотъ процессъ нарощенія корня гласнымъ элементомъ былъ законченъ,—это утвержденіе наталкивается на такія же трудности, какъ и аналогичное предположеніе Г. Гирта [2]), что основы на согласный возникли изъ основъ на *-o*. Какъ для индоевропейскаго праязыка доказанъ рядъ корней-основъ [3]), такъ и къ финно-угорской эпохѣ придется, вѣроятно, при ближайшемъ разсмотрѣніи этого вопроса отнести значительное число корней-основъ безъ гласнаго на концѣ. Такъ, рядомъ съ фин. kala, лапл. kvelle, guolle (рыба) стоятъ венг. hal, морд. kal, вог. xul или рядомъ съ фин. veri, лапл. varra, varr(кровь) мы видимъ венг. vér, зыр. vir, ост. ver, vur. На то, что на почвѣ финно-угорскаго праязыка совершалось, но не закончилось нарощеніе корня гласнымъ, указываетъ хотя бы такое отношеніе словъ: венг. tél(зима), зыр. töl, вог. tal, tel, а съ другой стороны фин. talvi, лапл. talve, чер. tele. Иногда же форма безъ гласнаго стоитъ такъ одиноко въ семьѣ родственныхъ словъ, что приходится думать о позднѣйшемъ исчезновеніи изъ нея конечнаго гласнаго элемента. Таково, напр.,

---

[1]) Подробное разсмотрѣніе вопроса и множество примѣровъ у Simonyi. 214—219.

[2]) *H. Hirt.* Indogermanischer Akzent. 220.

[3]) Напр., I. Schmidt. Die Pluralbildungen. 117—120 и др. *Meringer* Sitzungsber. Вѣн. Ак. Наукъ. т. 125 (1892) и др.

венг. negy(четыре), чер. nil, рядомъ съ которыми мы находимъ ост. ńeda, вог. ńile, ńilä, лап. nelje, морд. nile, ф. neljä.

На основаніи этого можно думать, что финно-угорскій праязыкъ зналъ совершенно такое же употребленіе корней-основъ, какъ и индо-европейскій, т. е. что рядомъ съ односложными корнями жили двусложные и многосложные [1]).

Слово *корни* мнѣ приходилось употреблять въ этомъ сочиненіи уже столько разъ, что я опять чувствую необходимость коснуться вопроса о томъ, въ какомъ видѣ могли жить эти корни въ живой рѣчи. Конечно, ни для финно-угорскаго, ни для индо-европейскаго праязыка нельзя предположить такого состоянія, въ которомъ, какъ въ изолирующихъ языкахъ, рѣчь складывается изъ неизмѣняемыхъ коротенькихъ словъ-корней. Въ обѣихъ лингвистическихъ семьяхъ, нѣтъ сомнѣнія, уже съ древнѣйшихъ временъ существовали грамматическія формы, и слова соединялись въ предложенія съ помощью грамматическихъ окончаній, суффиксовъ и другихъ средствъ, выражающихъ внутреннія отношенія между словами. Но для самихъ праязыковъ даже въ эпоху образованія основныхъ типовъ Composita, я думаю, необходимо предположить и самостоятельное существованіе корней и основъ съ гласнымъ исходомъ, сохранившееся въ извѣстныхъ формахъ склоненія

---

1) „Что касается гласныхъ элементовъ, то можетъ быть мы не имѣемъ никакого права *e* въ bhere-, bhero- (гр. φερε-, φερο-), *ə* въ τελα-, ē, ō напр. въ plē, plō (наполнять, течь), ā въ tlā и т. д. разсматривать, какъ отдѣльные суффиксы; возможно и даже вѣроятно, что первоначально они составляли неразрывную часть корня (Фикъ), при чемъ слѣдуетъ исходить изъ двусложныхъ корней или основъ“. *Per Persson.* Studien zur Lehre von der Wurzelerweiterung und Wurzelvariation. Upsala. 1891, стр. 212. На той же точкѣ зрѣнія стоитъ Гиртъ въ послѣднемъ своемъ сочиненіи „Der indogermanische Ablaut“ (1900). Если онъ называетъ корни не корнями, а основами и говоритъ, что инд.-евр. праязыкъ состоялъ изъ словъ, а не корней, то это, въ сущности, не болѣе, какъ игра словъ, потому что, по его же словамъ (стр. 196), отъ всѣхъ основъ образовывались т. наз. Wurzel nomina.

или спряженія: напр., въ Nom. Voc. Sing., въ повелительномъ наклоненіи и т. д. Родственныя слова каждой изъ этихъ лингвистическихъ семей предполагають эпоху, когда корень служилъ той основой, къ которой присоединялись словообразующіе суффиксы. Однимъ словомъ, корни-основы (Wurzel nomina нѣмецкихъ лингвистовъ) являлись составнымъ элементомъ словаря какъ въ финно-угорскую, такъ и въ индо-европейскую эпоху, и если въ первой группѣ языковъ они сохранились лучше, чѣмъ во второй, то они были обязаны этимъ меньшей флексивной подвижности финно-угорскихъ языковъ.

Для того, чтобы показать, какъ близко по типу словообразованіе финно-угорскихъ языковъ къ индо-европейскому, и какъ оно приводитъ къ заключенію о переживаніи корней-основъ въ праязыкѣ, я разсмотрю нѣсколько родственныхъ словъ и типовъ склоненія въ названной лингвистической семьѣ. Матеріалъ словарный я заимствую изъ словаря Доннера [1]).

1) фин. koi, koi-tto (яркая полоса утренней зари); koi-li(сѣв.-востокъ); koillainen, koi-liskoinen (утренняя заря), см. Donner. I. 9;

эст. koi-dik (утренняя заря);

лап. guo-fso, kuo-kso (то же);

зыр. kï-a (то же) и др. слова разныхъ ф.-уг. языковъ, которыя восходятъ къ корню *kaj-, *koj-, уцѣлѣвшему еще въ фин. koi. Этотъ корень-основа долженъ былъ жить въ праязыкѣ, чтобы отъ него могли образоваться такія слова, какъ ост. kať, kunť (день, солнце). Съ другой стороны, фин. koili можетъ быть и новѣйшаго происхожденія, такъ какъ корень koi сохранялъ свою самостоятельность въ этомъ языкѣ.

Въ связи съ этимъ корнемъ стоитъ, вѣроятно, ф.-уг. названіе *бѣлой* березы: ф. koivu, зыр. kï-dź, вот. kï-ś.

2) Отъ глагольнаго корня kas-, уцѣлѣвшаго въ лив. kaz (kāz, kazu) въ значеніи „gewächs, vortheil, nutzen,

[1]) *O. Donner*. Vergleichendes Wörterbuch der Finnisch-Ugrischen Sprachen. I—III. Helsingfors. 1874—1888.

frucht, zins“ (Don. I. 24), хотя это слово, вѣроятно, сокращено изъ *kazu, образованы съ помощью отглагольныхъ суффиксовъ -ma и -va, а также суф. -ka слова, означающія ростъ и растенія. Сюда относятся эрз.-морд. kasmo(растеніе), чер. kuškam(расти), фин. kasvo или kasvu (растеніе, ростъ, приростъ), kasvi(трава) и т. д.

3) Въ узкой группѣ финскихъ нарѣчій находимъ любопытное развитіе корня *tih[1]). Это—фин. tihma, tihmu, tihmo и tihnu(staubregen); tihōn (sieden, zischen, hervorsiepern); tihi-sen (sachte sausen), tihu и tihku (thau, leichte feuchtigkeit, das hervorsiepern); венс. čihmer(nebel).

4) Корень kom- сохранился въ перм. kom(ecke), зыр. kum(conclave). Въ различныхъ ф.-уг. языкахъ онъ подвергся весьма богатому развитію: такъ, мы находимъ эст. kummus (wölbung), изъ *kum-pu-s, kummikene (уменьш. отъ kumm—wölbung). Эта же основа *kom-p- образуетъ фин. kommakko или kammakko (kleines gewölbe), тогда какъ корень безъ *-p-* лежитъ въ основѣ формъ komsio, komero, kumiska и др. (I. 87—88).

5) Кор. фин. *sū образуетъ весьма значительное число словъ. Не приводя всѣхъ (Donner. I. 157—158), ограничусь указаніями на образованія съ разными суффиксами:

suulas, suukko(болтунъ), suupponen(ротикъ), эст. sūde(устье), вог. tus(ротъ), ост. tut(ротъ), лапл. cubma(поцѣлуй), чер. šupšal(поцѣлуй), венг. čōk (id.) и т. д.

6) Фин. särmi, särvi (край, кайма), венг. šarok (уголъ) и др. (I. 183) указываютъ на корень *sar-.

7) Фин. sārne или sāri(ясень), sārnisto (ясеневая роща), эрз.-морд. sirte, sirik(ясень) образованы отъ корня sər-. (II. 6).

8) Корень sil въ значеніи *глаза* въ самостоятельномъ видѣ не сохранился, но на былое существованіе его указыва-

---

[1]) Не привожу сопоставленныхъ съ нимъ Доннеромъ образованій отъ корня toh- (I. 122).

ютъ формы фин. silmä, selko, черем. šinža, венг. szem и др. (Don. II. 30—32)[1]).

9) Отъ корня saj=haj Доннеръ (II. 129) предполагаетъ образованія съ суффиксами -a, -u, -ka, -ta, -ma, -va, -na, -ra, -la, -sa и др.

10) Корень nai, сохранившійся въ лив. nai(жена) *naize и болѣе точно въ ост. nai(жена), послужилъ основой для очень многихъ глагольныхъ и именныхъ формъ съ суффиксами на *-m*, *-p*, *-s*, *-t*. Привожу лишь нѣсколько примѣровъ (Donner. III. 32—33): ф. naipa (maturus conjugio), naima (бракъ), naise—(женщина), лап. nisu(женщина), венг. nās (свадьба), зыр. nïl(дочь) и др.

Всѣ эти примѣры, какъ и многіе, которые было бы не трудно привести[2]), указываютъ на тѣсное соединеніе основы съ словообразующимъ суффиксомъ, соединеніе, совершившееся уже въ ту пору, когда языкъ зналъ еще употребленіе корней-основъ въ извѣстныхъ грамматическихъ формахъ.

Падежныя окончанія такъ же крѣпко связывались съ основой, какъ и въ индоевропейскихъ языкахъ. Отсюда рядъ образованій, по типу совершенно сходныхъ съ формами этихъ послѣднихъ.

Прежде всего, характернымъ признакомъ этого явленія служитъ превращеніе извѣстныхъ падежныхъ образованій въ нарѣчныя, что можетъ случиться лишь въ томъ случаѣ, если основа и окончаніе вступили въ неразрывное соединеніе. Съ помощью различныхъ окончаній образуются нарѣчія одного и того же типа, что указываетъ на явленіе, хорошо извѣстное и въ индоевропейскихъ языкахъ, т. е. на то, что

---

[1]) Объ этомъ словѣ ср. *H. Paasonen.* Die finnisch-ugrischen s-laute. Helsingfors. 1903, стр. 34—35 и *E. Setälä.* Zur fin.-ugr. lautlehre (Fin.-Ugr. Forsch. II. 262). Черем. šin—изъ šim, а это послѣднее изъ šilm-; ср. черем. kum(три)=ф. kolme.

[2]) Укажу, напр., на слѣд. номера у Доннера: 92, 101, 132, 139, 145, 206, 266, 274, 372, 388, 414, 477, 505, 512, 619, 636, 729, 773, 787, 808, 826, 847, 864, 913, 930, 996.

нарѣчія и здѣсь представляютъ зачастую архаистическія образованія, въ которомъ первоначальное значеніе падежнаго окончанія забыто. Вотъ нѣсколько примѣровъ этого явленія, заимствованныхъ изъ труда Штейера[1]) (стр. 32): мокш.-морд. ceḃärṡta(хорошо), морд.-эрз. parsto(хорошо); съ окончаніемъ другого падежа м.-м. să latsa, эр.-м. se latso (такимъ образомъ), lats(хорошо), af-lats(дурно); съ окончаніемъ иного падежа м.-м. ilaks, эр.-м. liaks(иначе) и т. д. Сюда же относятся обычныя во всѣхъ финно-угорскихъ языкахъ нарѣчія: домой, близко, позади, противъ и т. п., гдѣ падежная форма такъ же перестала чувствоваться, какъ таковая, какъ и въ соотвѣтствующихъ нарѣчіяхъ нашихъ языковъ: таковы, напр., вотск. kotona(дома), tüwenä (около, собств. у ствола), эст. jū-res (около, собств. у корня), kokona(совершенно), черем. lišna(близь), зыр. setön(тамъ), венг. föit(высоко) и т. д.[2]).

Но очень тѣсное соединеніе основы съ окончаніемъ указываютъ также образованія, аналогичныя индоевропейскимъ. Подобно тому, какъ отъ формъ Loc. Sing. съ помощью новаго окончанія -ī образованы формы жен. рода др.-инд. agnā-yī (супруга Агни), ав. näirī—(женщина) или съ другими окончаніями, присоединенными къ той же падежной формѣ, имена прилагательныя ἀγοραῖος, plēbējus и др.[3]), или какъ греч. ἥμισυς произведено отъ Loc. Pl. *sēmissu[4]), такъ и въ венгерскомъ языкѣ суффиксъ *-i* въ присоединеніи къ уже готовымъ падежнымъ формамъ даетъ всевозможныя образованія именъ прилагательныхъ[5]): напр., az Istenben-i hit значитъ „вѣра въ Бога" (собств.—божья, отъ Isten—

---

[1]) *Steuer Ianos.* A mordvin határozok tekintettel a finn nyelvre (Мордовскія нарѣчія съ указаніемъ на финскій языкъ). Nyelvtudományi Közlemények. XXII. 1892, цитирую страницы по отдѣльному оттиску.

[2]) *Mich. Weske.* Untersuchungen zur vergleichenden Grammatik des finnischen Sprachstammes. Leipzig. 1872, passim.

[3]) *Brugmann.* Indog. Forsch. XII. 1—3.

[4]) *I. Smyth.* Indog. Forsch. XII. 4.

[5]) *Riedl.* Mag. Gram. стр. 89.

богъ, -ben окончаніе Loc., -*i* суффиксъ им. прилаг.), a barát-hoz-i vonzalom—„пріязнь къ другу" и т. п. Если формы ἀγοραῖος и Istenbeni и не представляютъ въ грамматическомъ отношеніи вполнѣ тожественныхъ образованій, то съ принципіальной точки зрѣнія настоящими эквивалентами указаннымъ въ венгерскомъ агглютинативнымъ формамъ являются приводимыя индійскими грамматиками формы сравнительной степени отъ глаголовъ: напр., pacatitarām (er kocht besser)[1]), а также рус. ихній, серб. njȉhōv, чакав. posebár (de familia is qui suum quid possidet. Nemanić. I. 68) отъ poseb(e), рус. спатеньки, повсюдный (Гончаровъ. „Обрывъ" изд. Маркса. т. I, стр. 355) и т. под.

Синкретизмъ падежныхъ окончаній въ финноугорскихъ языкахъ имѣетъ совершенно такой же видъ, какъ и въ индоевропейскихъ, и мы можемъ къ нимъ примѣнить слова Одуэна о системѣ падежныхъ окончаній въ послѣднихъ[2]): „un grand nombre de formes casuelles paraissent avoir eu d'abord des emplois très divers. Quelques-unes se sont peu à peu limitées à un emploi déterminé; mais d'autres ont gardé la multiplicité d'acceptions primitives". Этимъ объясняется, почему синтаксическое употребленіе падежей въ разныхъ финно-угорскихъ языкахъ выработалось болѣе или менѣе самостоятельно: такъ, для означенія богатства, бѣдности въ томъ или другомъ отношеніи мордовскій языкъ употребляетъ Ablativus, а финскій Elativus (напр., э.-морд. Mazi Damaj śupav eŕva mezde, anśak sajeń polado, piže vastado avul' śupav — Мазы Дамай всѣмъ богатъ, только купленной женою, милой супругой не богатъ; фин. mies on rikas hyvistä avuista, mutta köyhä rahoista — человѣкъ богатъ добродѣтелями, но бѣденъ деньгами. Steuer. 7). Въ мордовскомъ языкѣ и до сихъ поръ, по указаніямъ того

---

[1]) *Whitney.* Altind. Gram. § 473.

[2]) *Éd. Audouin.* De la déclinaison dans les langues indo-européennes. Paris. 1898, стр. 431.

же венгерскаго ученаго, одинъ и тотъ же падежъ употребляется для обозначенія различныхъ отношеній. (Steuer. 2)[1]).

Что касается формальной стороны падежныхъ окончаній, то она представляется въ обѣихъ лингвистическихъ семьяхъ одинаково сложной. Въ большинствѣ случаевъ можно только отмѣтить составныя части окончанія, въ анализѣ же послѣднихъ наука чувствуетъ себя безпомощной[2]). Весьма многія падежныя окончанія разныхъ финноугорскихъ языковъ оказываются общими: такъ *m* въ Acc. Sing. извѣстенъ финскому (*minum, *sinum), черемисскому и вогульско-остяцкому языкамъ[3]) (*Ahlquist.* Rakennus. § 155. *Budenz.* Ugrische Sprachstudien. II. 1870, стр. 43), признакъ множественнаго числа -*i* принадлежалъ нѣкогда всѣмъ языкамъ финноугорской семьи (*Budenz.* Verzweigung. 61—62), окончаніе множ. числа -*k* извѣстно, кромѣ венгерскаго, лапландскому языку, а оконч. -*t*, кромѣ финскаго, остяцкому и вогульскому (*Szinnyei.* Heimolaiset. 19); окончаніе Inessiv'а въ мокш.-морд. sa, какъ и въ первой части финскаго -ssa (*Budenz.* Ugrische Sprachstudien. II. 44), а Locativ'а -nä, какъ въ остяцкомъ (*Weske,* Untersuchungen. 82. 93) и т. д. Съ этой точки зрѣнія ут-

---

1) Сравн. особ.: Steur. 3—28 стр.

2) Насколько много произволу въ этихъ объясненіяхъ, и какое широкое поле для всяческихъ рискованныхъ сопоставленій открываетъ изслѣдованіе значенія падежныхъ (и глагольныхъ) окончаній, показываетъ статья Edw. Fay'a „Agglutination and Adaptation" въ 15 томѣ „The American Journal of Philology". 1894 г. (XV. 409—442). Ср. также книгу Г. Д. Мюллера „Zur Entwicklungsgeschichte des indogermanischen Verbalbaues". Göttingen. 1890, гдѣ развиты чрезвычайно смѣло, но не убѣдительно воззрѣнія автора на происхожденіе глагольныхъ основъ и окончаній въ индоевропейскихъ языкахъ.

3) Рядъ интересныхъ соображеній объ окончаніи -*m* въ индоевропейскихъ языкахъ мы находимъ въ статьѣ Уленбека „Agens und Patiens der indogermanischen Sprachen" (Indog. Forschungen. XII. 170—171). По мнѣнію этого ученаго, не можетъ быть сомнѣнія, что строй индоевропейскихъ языковъ развился изъ полисинтетическаго, суффигирующаго и инфигирующаго языкового типа.

вержденіе Винклера (Das Uralaltaische und seine Gruppen), будто бы было ошибочно искать тожественныхъ формъ для падежныхъ окончаній въ разныхъ финскихъ языкахъ, по меньшей мѣрѣ, преждевременно. Оно основано на воззрѣніи, по которому система склоненія въ угорской и арійской (употребляю эти термины ради ихъ краткости) семьяхъ языковъ представляютъ различіе въ пониманіи отношеній: первой онъ приписываетъ „чисто конкретное (rein sinnliche), не проникающее въ сущность, не абстрахирующее, по существу одинаковое пониманіе“, тогда какъ второй „отвлеченное направленіе“ (Uralaltaische Völker und Sprachen. 1884, стр. 182).

Разсмотримъ нѣсколько окончаній. Въ различныхъ финскихъ нарѣчіяхъ Inessivus имѣетъ форму -hna (mihnä, kuhna въ говорѣ южн. Pohjanmaa), -hn (южн.-эст. külähn, kaŕahn), -*n* (дерпт. külän, pajgan), -*h* (южн.-эст. külüh, pajgah), -ssa (фин.). Всѣ эти окончанія, по мнѣнію проф. Setälä (Yht. Ään. 225—226, 230—231, 411—412), восходятъ къ *sna. Въ формахъ съ однимъ -*s* (южн. Pohjanmaa tuvas, kirkos) онъ видитъ переживаніе древнѣйшихъ общефинскихъ формъ, гдѣ *s* еще не вступило въ соединеніе съ суф. -na. Что касается послѣдняго, то оно очень широко распространено въ угорскихъ языкахъ[1]). Сюда относятся, напр., фин. kaukana(далеко), ulkona(внѣ), tänä päivänä (сегодня днемъ) и мн. др., морд. fkä šinä (однажды днемъ), tálnä(зимой), вот. murtïn (въ человѣкѣ), венг. Pesten (въ Пештѣ), házon(дома), kerten (въ саду) и т. д. Сліяніе двухъ суффиксовъ -*s* и -na въ финскомъ языкѣ произошло еще ранѣе той отдаленной эпохи, когда *s* перешло въ *h*.

Въ венгерскомъ языкѣ то же самое *n*- присоединялось къ другимъ падежнымъ окончаніямъ, и такъ образовались формы съ окончаніями -ben, -nal, -nek (ср. морд. -nen) и т. д.

---

[1]) *Weske.* Untersuchungen passim. *Ahlquist.* Rakennus. § 158. *Simonyi.* Mag. nyelvtan. 658. *Budenz.* Ugor alaktan. 375—391. Ugr. Sprachstud. II. 44 и др. Ср. также грамматики отдѣльныхъ языковъ (*Riedl*, *Ahlquist*, *Wiedemann*, *Budenz* и др.).

Слѣдовательно въ области морфологической угорскіе языки по существу ничѣмъ не отличаются отъ арійскихъ. Такъ же здѣсь суффиксы и окончанія, за отдѣльными исключеніями, никогда не имѣли самостоятельнаго значенія, поскольку можетъ взглянуть назадъ сравнительное угорское языкознаніе; такъ же здѣсь суффиксы и окончанія представляютъ весьма сложныя образованія; такъ же глагольныя формы по типу образованія отличаются отъ именныхъ и, наконецъ, такъ же сравненіе угорскихъ словарей и грамматикъ показываетъ, что эти суффиксы и окончанія присоединялись къ короткимъ основамъ, которыя должны были имѣть самостоятельное значеніе и употребленіе. Эти корни-основы засвидѣтельствованы для угорскаго праязыка какъ переживаніемъ ихъ въ отдѣльныхъ языкахъ, такъ и образованіями отъ нихъ словъ съ тожественнымъ или сходнымъ значеніемъ, но съ разными суффиксами. Но сравнительно съ арійскими языками угорскіе имѣютъ то преимущество въ научномъ отношеніи, что строй ихъ гораздо болѣе прозраченъ вслѣдствіе относительно малой измѣнчивости ихъ фонетическаго состава. Отчего зависитъ послѣдній фактъ, неизвѣстно, но, конечно, не оттого, что финно-угорскіе народы не „доросли“ въ психологическомъ отношеніи до „настоящихъ“ грамматическихъ формъ.

Я думаю, что имѣю право въ результатѣ вышеприведеннаго изслѣдованія сказать, что агглютинирующіе языки доказываютъ нѣкогда существовавшую самобытность корней-основъ, а такъ какъ и всякій флексирующій языкъ въ концѣ концовъ сводится къ агглютинаціи (другіе факторы развитія языковъ, напр. *аналогія*, *адаптація*, играютъ роль и въ угорскихъ языкахъ), то тотъ же выводъ можно сдѣлать и по отношенію къ индоевропейскимъ языкамъ.

Явленія этихъ послѣднихъ въ достаточной мѣрѣ суммированны, чтобы была необходимость останавливаться на нихъ подробно. Стоитъ взять любой этимологическій словарь какого-либо изъ индо-европейскихъ языковъ или даже отдѣльное изслѣдованіе этимологическаго содержанія, чтобы увидѣть, что исходнымъ пунктомъ сопоставленій является молчаливое пред-

положеніе, что различные суффиксы присоединяются къ корнямъ, имѣвшимъ нѣкогда (хотя бы въ пра-индоевропейскомъ языкѣ) самостоятельное употребленіе. Такъ, если въ рус. чаю и гр. τηρέω общій элементъ восходитъ къ *kē (Brugmann. Grundriss. I. 2 изд. стр. 137), то образованіе греческаго глагола было возможно лишь въ ту пору, когда kē чувствовалось, какъ самостоятельная единица рѣчи. Здѣсь отношеніе словъ совершенно то же, что въ фин. sana(слово): венг. szava—(plur. отъ szo — слово), которыя могутъ восходить только къ корню *sa съ присоединеніемъ суффиксовъ -va и -na. Инд.-евр. корень tū, уцѣлѣвшій въ ц.-сл. ты-ти, далъ образованія съ суф. -lo (лит. túlas, сл. тылъ, санскр. tūlam, гр. τύλος), -mo (др.-в.-нѣм. dūmo — Daumen), -ro (санскр. tūrás) (Brugmann. I², 114). Корень el̥n(олень) долженъ былъ жить въ языкѣ въ такой формѣ, т. е. безъ присоединенія гласнаго на концѣ слова, чтобы могли образоваться греческое слово ἔλαφος (*el̥nbhos) и др.-ирійское elit(серна). (*Hübschmann*. Armenische Grammatik. I. 442). Кор. el-[1]), развитый *k*, находимъ въ др.-в. нѣм. ëlch, санскр. r̥šya-. (Iohansson. Indog. Forsch. II. 53). Такимъ образомъ, Гирту пришлось, напр., приписать индоевропейскому праязыку основы въ родѣ sthā (стоять), pāk̑(утверждать), ewār(вода), ewān(пустой), genobh (гвоздь на стѣнѣ) и др.[2]). Если эти основы когда-либо употреблялись въ языкѣ именно въ такомъ видѣ, т. е. безъ суффикса и окончанія, то здѣсь передъ нами, дѣйствительно, древнѣйшая достижимая для науки стадія развитія индо-европейскихъ языковъ. Врядъ-ли можно идти дольше и при изученіи финно-угорскихъ языковъ; сравненіе же языковыхъ явленій въ этихъ двухъ семьяхъ обнаруживаетъ еще одно за-

---

[1]) Корень el въ значеніи рога возстановляетъ Osthoff въ Etymologische Parerga. 1901, стр. 280.

[2]) *Ablaut*. passim. Не могу скрыть своего сомнѣнія по поводу существовавшихъ будто бы основъ k̑erā (голова), kwerē (чудо) и т. п. Чѣмъ доказывается ихъ существованіе, изъ фактовъ не видно. Наоборотъ, гр. κέρας: др.-инд. širšá скорѣе предполагаютъ *k̑er-.

мѣчательное совпаденіе. Какъ отмѣтилъ Перъ Перссонъ въ своей извѣстной работѣ о „Wurzelerweiterung und Wurzelvariation“ среди „корневыхъ опредѣлителей“ (Wurzeldeterminative) чередуются *k* съ *g* (гр. ὀλίγος — прусс. likuts, лат. macer — лит. mážas и др.), *t* съ *d* (гр. μήδομαι — лат. mētior и др.), *p* съ *b* (idb. 55—59); параллельное явленіе хорошо извѣстно угорскому языкознанію подъ именемъ „ослабленія консонантовъ“, которое Сетэлой и нѣкоторыми венгерскими учеными поставлено въ связь съ чередованіемъ гласныхъ [1]). Какъ бы то ни было, корневые опредѣлители указываютъ на корневую эпоху инд.-европейскихъ языковъ, вѣроятно, задолго предшествовавшую распаденію праязыка на вѣтви.

Многочисленные слѣды той эпохи, когда корни, по крайней мѣрѣ, именные и, по крайней мѣрѣ, въ одномъ или двухъ падежахъ (Nom. Voc. Sing.), употреблялись въ качествѣ самостоятельныхъ словъ, сохранились въ такъ наз. корняхъ-основахъ (Wurzelnomina), судьба которыхъ въ различныхъ языкахъ весьма любопытна. Переживанія глубокой старины, они пользовались еще нѣкоторыми правами на существованіе въ языкахъ, выступившихъ на литературное поприще въ древнѣйшую пору (напр., въ арійскихъ), тогда какъ языки, относительно новые, все болѣе вытѣсняютъ ихъ изъ употребленія, пока они не становятся лишь единичными переживаніями въ германскихъ и балтійскихъ языкахъ, а въ славянскихъ ихъ

[1]) Не этимъ-ли объясняется соотвѣтствіе Tenuis Media и внутри одного и того же корня. Zupitza, который, если не ошибаюсь, послѣдній изслѣдовалъ этотъ вопросъ, высказалъ по этому поводу такое предположеніе: „vielleicht kannte das urvolk eine zeit, als die schwankungsbreite der artikulationen ebenso gross war wie beim Papua“ (KZ. XXXVII. 387—396). Это, вообще говоря, возможно (ср. Sweet. Hist. of language. 27—30), но въ примѣненіи къ настоящему случаю врядъ-ли допустимо, потому что предѣлы въ колебаніи звука здѣсь весьма узки, т. е. ограничиваются смѣной *Tenuis — Media — Media aspirata*, слѣд. врядъ-ли основываются на первобытной неустановленности произношенія, которая допускаетъ гораздо болѣе широкія отступленія.

слѣды скрываются въ сложныхъ словахъ, въ различіи долготы въ одномъ и томъ же словѣ, въ образованіяхъ одного и того же слова съ суффиксомъ или безъ него, въ формахъ склоненія и т. п.

Попытка произвести эти короткія односложныя имена изъ двусложныхъ, сдѣланная еще въ пятидесятыхъ годахъ Лео Мейеромъ, оказалась неудачной: нечего и говорить, что съ точки зрѣнія современнаго языкознанія считать основной формой греч. μήν лат. mensi, или лат. nox санскр. nakta, или греч. χείρ санскр. kara и т. под. совершенно невозможно. Уже самъ Мейеръ долженъ былъ признать несостоятельность своей попытки и отказаться отъ возможности возвести всѣ коренныя основы къ двусложнымъ основамъ на гласный звукъ [1]) (стр. 372).

Въ настоящее время, кажется, можно сказать, что наука видитъ въ коренныхъ основахъ слѣды древнѣйшихъ словообразованій индо-европейскаго языка; чрезвычайно характерно, что слова, которыя и по значенію своему должны были входить въ число ингредіентовъ древнѣйшаго индо-европейскаго словаря, оказываются именно образованіями такого типа: таковы, напр., названія ноги, сердца, глаза, уха, воды, дома, соли и т. д. [2]). Какъ извѣстно, особенностью корней-основъ является чередованіе гласнаго въ корнѣ (*u̯oi̯k̑- : *u̯ik̑-; *ped-, pod-, pōd- и др.); далѣе, образованіе отъ нихъ Gen. Sing. съ окон-

[1]) *L. Meyer*. Die einsilbigen nomina im griechischen und lateinischen. KZ. V (1856). 366—368.

[2]) Списокъ словъ (Wurzelnomina) мы находимъ въ „Grundriss'ѣ" Бругмана т. II. стр. 448—462, въ разныхъ мѣстахъ книги I. Шмидта „Die pluralbildungen der idg. Neutra" (1889) и въ его же статьѣ въ K. Z. XXV (1881), стр. 13—21, у Бехтеля „Die Hauptprobleme der idg. Lautlehre seit Schleicher" (1892), стр. 170—175, въ статьѣ Мерингера „Beiträge zur Geschichte der idg. Declination" (Sitzungsberichte Вѣнской Акад. Наукъ. т. 125. 1892 г., стр. 2—25), въ грамматикахъ отдѣльныхъ языковъ и др. О соли ср. *Möhl*. Mém. de la Soc. de Linguist. VIII. 405.

чаніемъ -*s*[1]) (*dem-s дома въ вед. dā́n, авест. dēng, гр. δεσπότης, *svens — солнца въ ар. svan-s, ав. qēng и др.); сохраненіе ихъ въ первой и особенно второй части сложныхъ словъ; переходъ одного и того же корня въ дальнѣйшемъ развитіи языковъ въ разныя основы. Что касается исторіи этихъ лингвистическихъ архаизмовъ, то въ ведійскомъ языкѣ они очень обычны: ихъ насчитывается здѣсь болѣе сотни. Однако классическій санскритъ уже утерялъ способность пользоваться такимъ способомъ любымъ корнемъ, и число встрѣчающихся примѣровъ корней-основъ относительно скудно[2]). При этомъ точное проведеніе принципа долготы и краткости коренного гласнаго въ сильныхъ и слабыхъ падежахъ уже до извѣстной степени нарушено: въ то время, какъ основа pad- имѣетъ въ Nom. Acc. Sing. видъ pād-, а въ Instr. Dat. Abl. Loc. Gen. Sing. видъ pad-, основа vāc- приводитъ долготу черезъ всю парадигму склоненія.

Въ древне-иранскихъ языкахъ отмѣчено также большое число корневыхъ основъ, изъ которыхъ въ нѣкоторыхъ еще сохранились слѣды чередованія (*auš-, *uš — ухо, разумъ; *šauš-, *šuš—легкое; *ap-, *āp—вода; *u̯ak-, u̯āk—голосъ и др.), въ другихъ же они стерлись[3]). Въ греческомъ языкѣ корневыя основы лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ сохранили слѣды чередованія, вообще же въ ихъ склоненіи (Nom. Sing. обычно на -*s*) проводится гласный одного количества[4]). То же надо сказать о латинскомъ языкѣ, гдѣ корневыя основы уцѣлѣли, какъ и въ греческомъ языкѣ, во многихъ застывшихъ выраженіяхъ (crēdo, malluvium, simplex) и во второй

---

1) Ср. *P. Kretschmer*. Indogermanische accent-und lautstudien. KZ. т. 31 (1889), стр. 356.

2) *Whitney*. Indische Grammatik. § 383a.

3) *Bartholomae*. Vorgeschichte der iranischen Sprache. Grundriss der iran. Philol. I. 94 и дал.

4) *Brugmann*. Griechische Grammatik. 3 изд. 1900, стр. 176—178. *Hirt*. Handbuch der griechischen laut-und formenlehre. 1902, стр. 264—265. *G. Meyer*. Griechische Grammatik. 3 изд. 1896, стр. 405 и дал.

части сложныхъ словъ [1]). Въ германскихъ языкахъ корни-основы съ согласнымъ исходомъ перешли въ систему склоненія основъ на гласные *-u* и *-i;* слѣды стараго склоненія констатируются въ исключительныхъ случаяхъ (др.-сѣв. fót-r, др.-анг. fēt — ноги *fōt-iz; др.-сѣв. naust — корабельный сарай, *nāu-st-o- и др.); чередованіе гласныхъ, извѣстное въ прагерманскомъ языкѣ, сохранилось въ видѣ рефлексовъ въ отдѣльныхъ германскихъ языкахъ (др.-сакс. kō, др.-в.-нѣм. kuo корова изъ *g̑ōu-, а др.-анг. cu, др.-сѣв. ký-r изъ прагерм. *kū-z) [2]).

Въ балтійскихъ и славянскихъ языкахъ корни-основы также архаизмы.

---

[1]) *Lindsay.* The latin language. 1894, стр. 357—358. *Fr. Stolz.* Historische Grammatik der lateinischen Sprache, 1895, стр. 416—417 и 441—443.

[2]) *R. Bethge* въ изд. Дитера. Laut-und Formenlehre der altgermanischen Dialekte. 1900, стр. 532—533. Иначе о др.-сѣв. ký r *Streitberg.* Urgermanische Grammatik. 1896, стр. 248.

ГЛАВА III.

КОРНИ-ОСНОВЫ ВЪ СЛОЖНЫХЪ СЛОВАХЪ.

§ 1. *Собственныя сложенія.*

Основной типъ образованія сложныхъ словъ въ индоевропейскихъ языкахъ болѣе, чѣмъ сопоставленіе отдѣльныхъ сложныхъ словъ, общихъ словарямъ различныхъ языковъ указываетъ на весьма древнее происхожденіе ихъ, какъ типа. Такія образованія, какъ гр. ἱππό-δαμος, гал. Dēvo-gnāta, гот. garda-valdans, лит. gera-dėjis, санскр. ąçva-yúj-, др.-перс. hama-pitar-, слав. добро-дѣй и др., вообще представители I класса индоевропейскихъ сложныхъ словъ по Бругману (Grundriss. II. 23 и дал.), указываютъ на такое время своего возникновенія, когда основы ἱππο-, garda-, gera- и др. чувствовались самостоятельными языковыми единицами. Иначе было бы совершенно непонятно, съ помощью какой абстракціи онѣ могли именно въ этой своей формѣ безъ окончанія попасть въ составъ сложнаго слова. Если языкъ употреблялъ въ качествѣ самостоятельныхъ словъ (хотя бы въ независимомъ именительномъ падежѣ) основу на -о, -ĭ, -й или другой гласный звукъ безъ окончанія, то было естественно, что эта самая основа могла проникнуть и въ сложное слово; но если этого не было, если искони или, по крайней мѣрѣ, въ ту пору, когда въ общеиндоевропейскомъ языкѣ начали склады-

ваться сложныя слова указаннаго типа, языкъ зналъ только основу съ окончаніемъ (напр. Nom. Sing. *ek̑u̯o-s, Gen. *ek̑u̯o-si̯o, Dat. *ek̑u̯o-oi или *ek̑u̯ōi и т. д.), то какіе стимулы морфологическаго характера могли заставить его ввести въ сложное слово основу именно въ томъ видѣ, въ какомъ къ ней присоединялись окончанія въ древнѣйшую возстановляемую языкознаніемъ эпоху. Совершенно соглашаясь съ г. И. Лосемъ [1]) (стр. 126), что „принципъ словообразованія долженъ быть въ языкѣ одинъ", я полагаю, что этими словами онъ самъ даетъ оружіе противъ своего предположенія, что въ индо-европейскомъ праязыкѣ не существовало сложныхъ словъ. Дѣйствительно, если, какъ г. Лось доказываетъ на рядѣ убѣдительныхъ примѣровъ, типъ образованія (славянскихъ) сложныхъ словъ въ историческую эпоху языка сводится къ сопоставленію имени прилагательнаго или извѣстной падежной формы имени существительнаго съ другимъ существительнымъ, то сопоставленіе же чистой основы съ именемъ существительнымъ могло совершиться лишь въ ту пору, когда эта чистая основа еще жила въ языкѣ. Сомнѣваясь, чтобы возникновеніе сложныхъ словъ могло быть отнесено даже къ самой поздней эпохѣ общей жизни индо-европейцевъ (ibd. 87), и предполагая, что всѣ они возникли уже въ періодъ отдѣльной жизни главныхъ индоевропейскихъ вѣтвей, г. Лось долженъ сдѣлать рядъ допущеній, гораздо болѣе рискованныхъ, чѣмъ Бругманъ, Дельбрюкъ, Якоби и др., предполагающіе, что основной типъ индо-европейскаго сложнаго слова восходитъ ко времени, когда языкъ еще зналъ основу безъ окончанія. Мы можемъ безъ всякой натяжки допустить, что въ праязыкѣ падежныя окончанія присоединялись къ основѣ, самостоятельность которой еще чувствовалась, но, чтобы и тогда, когда процессъ образованія склоненія окончательно и давно совершился, тонкое этимологическое чутье позволяло возстановлять „правильную" основу

---

[1]) Сложныя слова въ польскомъ языкѣ. Изслѣдованіе И. Л. Лося. С.-Петербургъ. 1901.

путемъ отвлеченія ея отъ флексивныхъ формъ, какъ это допускаетъ г. Лось, думать это у насъ нѣтъ *рѣшительно* никакихъ основаній. И что называть правильной основой? Повидимому, г. Лось имѣетъ здѣсь въ виду тотъ фактъ, что въ сложныхъ словахъ выступаетъ напр., основа θεο-, ἀγρο- и т. д., а не θε-, ἀγρ-. Но вѣдь греческое склоненіе исходитъ какъ разъ не отъ основы ἀγρο-, а отъ основы ἀγρ- (я имѣю въ виду, конечно, „этимологическое чутье", а не научныя построенія), къ которой присоединяются окончанія -ός, -οῦ, -ῷ, -οί, -ῶν и т. д. (ἀγρός, ἀγροῦ...). Что это дѣйствительно такъ, подтвержденіемъ этому служатъ сложныя слова литовскаго и латышскаго языковъ, гдѣ основа, входящая въ составъ сложенія, является безъ гласнаго звука на концѣ (лит. aukskalỹs, áukskasis, латыш. l'aundaris и др.). Хотя и это, какъ я постараюсь показать ниже, объясняется аналогіей старымъ образованіямъ нѣсколько иного типа, однако это все-таки показываетъ, что языкъ, въ которомъ основа безъ окончанія уже неизвѣстна, скорѣе приметъ за основу формы auks-, l'aun- и т. д., чѣмъ auksa-, l'auna-.

Принципъ словообразованія, дѣйствительно, долженъ быть одинаковъ во всѣ эпохи развитія языка и, если въ греческомъ языкѣ въ эпоху, когда система склоненія уже была проведена черезъ всѣ падежи (а другого времени греческій языкъ и не зналъ), мы видимъ сложныя слова въ родѣ ἀρείφατος (im Kriege getötet), ἀερίοικος (in der Luft die Wohnung habend)[1], то мы можемъ быть увѣрены, что сравнительно съ типомъ ἱππό-δαμος это новообразованія, и разница между этими срощеніями (т. наз. unechte Komposita) и сложеніями, указаннаго типа заключается въ томъ, что слова ἀρείφατος ἀερίοικος образовались уже въ ту эпоху, когда сопоставленіе основъ словъ ἄρης, ἀήρ съ -φατος, οἶκος не вызывалось уже требованіями языка, въ которомъ основа сама по себѣ не имѣла уже никакого значенія. По аналогіи съ ти-

---

[1]) *Brugmann*. Griechische Grammatik. 3 изд. 1900, стр. 163.

помъ ἱππό-δαμος могло развиться безконечное число сложеній, восходящихъ къ любому періоду развитія языка, но первоначально это сложеніе должно было все-таки имѣть смыслъ сложенія двухъ частей, изъ которыхъ каждая имѣла свое значеніе, а имѣть самостоятельное значеніе основа могла только тогда, когда еще употреблялась безъ окончанія, т. е. въ періодъ, предшествовавшій окончательному установленію системы склоненія. Вотъ почему я думаю, что теорія Якоби, съ которымъ полемизируетъ г. Лось, въ главныхъ чертахъ совершенно правильна, и что проф. А. И. Соболевскій [1]) справедливо замѣчаетъ, что „отсутствіе отдѣльныхъ сложныхъ словъ изъ эпохи индо-европейскаго единства не имѣетъ значенія; важна возможность возведенія *типа* сложныхъ словъ къ этому единству“. На нѣсколькихъ примѣрахъ я хочу показать, что основа для того, чтобы войти въ составъ сложнаго слова, должна первоначально имѣть самостоятельное значеніе. Примѣры взяты изъ отдѣльныхъ индо-европейскихъ языковъ и изъ разныхъ эпохъ ихъ развитія потому, что психологическія основанія морфологическихъ образованій я представляю себѣ (и это принципъ, на которомъ построена вся моя работа) дѣйствующими съ одинаковой силой во всѣ эпохи развитія языковъ. Въ санскрит. яз. сложное слово mahāvīrás (великій герой) распадается на mahā́ (O. Richter. Ind. Forsch. IX. 53) и vīrás; первая часть, войдя въ составъ сложенія, какъ нѣкогда самостоятельная единица, и возстановляетъ свою самостоятельность, какъ только въ зависимости отъ индивидуальныхъ требованій говорящаго лица является намѣреніе оттѣнить въ понятіи великій герой первую часть сложенія: такимъ образомъ, рядомъ съ mahādhanám (крупная побѣдная награда, великій бой) существуетъ mahád dhánam или рядомъ съ ἀγριέλαιος — у Софокла ἄγριος ἔλαιος (Delbrück. Grundriss. V. 217—220). Въ нѣмецкомъ Gen. Sing. jedermanns, Dat. die-

[1]) Въ своей рецензіи на книгу г. Лося, помѣщенной въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв.“.

sem Dummer-jahn, въ лат. alter-utrius[1]) и т. д.: во всѣхъ этихъ случаяхъ этимологическое значеніе первой части сложнаго слова чувствуется и только въ силу этого дѣлаетъ возможнымъ возникновеніе новаго сложенія. Въ славянскихъ языкахъ этотъ процессъ также не рѣдокъ и здѣсь его природа выступаетъ очень ярко. Такъ, напр., въ болгар. языкѣ: Велйкденски постъ (Дювернуа. Словарь болгарскаго языка. 209), рядомъ съ добър вечер—доброве́черь (поклони са и рѣчи ему добро-вечерь. ibd. 222), старйсватъ, стары сватъ и старосва́тъ (тысяцкій на свадьбѣ. ibd. 2247—8), собственныя имена (ка̉ отиде града Сланкамена. Миладин. 173. ibd. 2183; Каменталски ibd. 925) и др.; въ сербскомъ такія образованія, какъ jelen-rog изъ jelenji-rog (ср. Miklosich. Vergleich. Gram. II. 351) нерѣдки: въ словарѣ Ивековича и Броза (Rječnik Hrvatskoga jezika. 1901) мы находимъ crljènguza (I. 136), cȑmpurast (I. 136), crvèmpȇrka (I. 139), crvènbrk (I. 139), debèlguza и debeloguza (I. 201), ivan-cvȉjet (I. 427), ljȉljan—лилейный (Ljiljan-goro ljiljanova! der podigni ljiljan—listak. I. 644), pàun-pero (II. 18), svilèngaća (II. 510), žȕbervoda (журчащая вода. II. 875) и мн. др. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ еще рельефно выступаетъ и самый процессъ, приведшій къ тому, что основа, прежде самостоятельная, вошла въ составъ сложенія и сдѣлалась неизмѣнной. Такъ, слово blȃgdȃn развилось изъ blag dan (благъ дьнь).

Въ современномъ сербскомъ языкѣ слово blȃgdȃn настолько чувствуется простымъ словомъ, что отъ него образованы глаголы blagdániti (праздновать, уже у Стулли), blȃgdȃnovati (то же самое, съ 17 вѣка), прилагательныя blȃgdȃńȋ (праздничный, уже въ 16 в.), blȃgdȃnskȋ (праздничный, тоже въ 16 в.), существительныя blȃgdȃnȏst (торжество 18 в.), blȃgdȃnstvo (solemne, 18 в.). Акаде-

[1]) Рядъ примѣровъ у Бругмана въ статьѣ Ueber das Wesen der sogenannten Wortzusammensetzung. стр. 377 (Berichte... der Königl. Sächsischen Gesellschaft. Phil.-Hist. Classe. т. 52. Leipzig. 1900).

мическій Rječnik (I. 398—399) приводитъ рядъ любопытныхъ примѣровъ, показывающихъ, въ какой степени сильно стерлось въ словѣ blȃgdȃn его первоначальное значеніе, и все вниманіе сосредоточилось на первой части этого сложенія; отсюда такія тавтологическія выраженія, какъ po običaju dneva blagdanoga; ne svetkuje dni blagdani; da štuju dan sveti, dan blagdani и т. под. Такое сращеніе двухъ частей Rječnik находитъ уже въ 15 в.; тѣмъ не менѣе, еще у Раньины, Гундулича и даже въ современномъ языкѣ обѣ части слова, сохраняя въ своей совокупности значеніе *праздника*, могутъ самостоятельно склоняться и чувствуются, какъ двѣ самостоятельныя единицы. Изъ языка пословицъ Ивековичъ-Брозъ приводятъ примѣръ: blagi dne i ptice se u gori vesele, у Даничича: osim Lazareve subote i Cvijeti, jer su ovo blagi dni (Rječnik I. 67). Другимъ характернымъ примѣромъ такого же сложенія является названіе города Вучитрна, откуда прилаг. Vȕčitȓnskȋ: рядомъ со старымъ воучинга трьна стоитъ народное Vȕčitȓna (Jagić. Archiv f. Slav. Phil. XX. 530). Въ моравскихъ говорахъ Бартошъ (Dialektologie. II. 426) отмѣчаетъ złoceř (= zlá dcera) и złosyn, образованія аналогичныя обычнымъ сложеніямъ со зло-[1]) въ первой части, но обнаруживающія нѣкогда совершившееся тѣсное соединеніе двухъ первоначально самостоятельныхъ частей. Въ русскомъ языкѣ у Даля (I. 155) находимъ прилаг. бѣлсвѣтный, рядомъ съ бѣлосвѣтный[2]).

Въ латышскомъ языкѣ это явленіе слиянія основы прилагательнаго съ существительнымъ весьма распространено. Въ Latwju Dajnas находимъ большое количество примѣ-

[1]) Ср. напр. чеш. zločin (I. Gebauer. Příruční mluvnice jazyka českého. V Praze. 1900, стр. 71), пол. złoczyn (въ 15 в. И. Лось. Сложн. слова. 104), серб. zločinstvo и т. д.

[2]) Подобно этому серб. стàрмȃлй (Вукъ. 1852 г. карликъ). Ср. Nodilo. Rad. *84*. 112: ova riječ se sad rabi za svakoga kepeca, maljenicu, iz početka može biti da pripadaše jedino bogovima ostaralim i umaljenim.

ровъ этого: cënigtēva grāmatāi. 1368 (cënigtēva— почтеннаго отца вм. cëniga tēva), kur dzëd manas jaunmāsiņas 493 вар. 5 (гдѣ поютъ мои молодыя сестрицы, вм. jaunas māsiņas), lakstigala mazputnitis 907 вар. 2 (ласточка малая пташка), daudz mazu pēdiņu tīrupes malâi 1155 вар. 1 (много мелкихъ слѣдочковъ на берегу чистой рѣки, tīrupes вм. tīras upes), straujupites maliņâ 2541 вар. 1. (на берегу быстрой рѣчки, ср. вар. 2. straujas upes maliņâ и № 3955 вар. 1. strauupites рядомъ со straujas upes № 3955 и straujupites № 3957) и др. Изъ литовскаго языка, гдѣ это явленіе также далеко не рѣдко, приведу слѣд. примѣръ: въ сказкѣ, записанной проф. Явнисомъ (*Geitler*. Lit. Stud. 21), находимъ týrłaukius вмѣсто обычнаго týrus łáukus (напр. iszbiega ożelis i tirus łaukus. Pałąngos Juze. 10).

Къ той же группѣ явленій, гдѣ начало срощенія не привело къ потерѣ самостоятельности двухъ частей сложенія, относятся весьма многочисленные примѣры типа лѣсъ-болото, мостъ-камень и др., приводимые А. А. Потебней[1]). Если здѣсь это срощеніе еще не привело къ полному сліянію двухъ частей, то это показываетъ, что здѣсь процессъ еще не завершился, какъ онъ закончился, напр., въ болгар. варокамніе(извѣстнякъ) при варъ(извѣсть), входустіе (прѣдъ пещерско входустіе драго. Дювернуа. 308), серб. kȁmivao (Broz-Iveković. 509), чеш. spáne-bohem (Dušek I. 23) и т. д.

Я позволяю себѣ присоединить къ этому небезъинтересный примѣръ изъ средневѣковой юридической номенклатуры Польши, который, какъ мнѣ кажется, относится къ области указаннаго срощенія двухъ словъ. Какъ намъ извѣстно изъ значительнаго числа сохранившихся показаній подъ присягой (roty przysiąg), обычнымъ терминомъ для указанія на насильственный

---

[1]) Изъ записокъ по русской грамматикѣ. ч. III (1899), стр. 173—190. Недавно отмѣчено то же явленіе въ древне-индійскомъ языкѣ, гдѣ вмѣсто vînā́m çréṇîḥ (стаи птицъ) встрѣчается vayaḥ çreṇîḥ (птицы — стаи) и т. д. *Aufrecht*. Kuhn's Zeit. XXXVIII. 501—502.

актъ являлись слова mocą siłą, siłą mocą или mocą a siłą (напр. 1412 г. Kalina. Arch. VI. 214, № 125), siłą a mocą. Постоянное употребленіе этихъ двухъ словъ вмѣстѣ должно было хотя бы иногда, въ индивидуальномъ употребленіи, приводитъ къ тому, что одно изъ двухъ словъ этого сложнаго (въ индивидуальномъ пониманіи) выраженія теряло свою склоняемость и стояло не въ Instrum., а въ Nom. Sing. Такъ, мы имѣемъ: wdzynil silǫ mocz (=uczynił siłąmoc. Kalina. № 62), w tǫ dzedzinǫ moczassilǫ wwansal (т. е. moca siłą. B. Ulanowski. Roty pszysiąg krakowskich z lat 1399—1418. Sprawozd. Kom. Jęz. III. 191, № 37), dzerszi silanmocza (т. е. siłą moca. Hube. Bibliot. Warszaw. 1874, т. IV, стр. 186, № 2). Ср. szilǫ moczay (Maciejowski. Pamiętniki... II. 344). Ср. подобные примѣры изъ другихъ языковъ у I. Шмидта „Die Pluralbildungen“ (309—312).

Не всегда соединеніе двухъ словъ можетъ быть названо сложнымъ словомъ [1]), не всегда даже сліяніе звуковъ этихъ словъ даетъ Compositum [2]); для того, чтобы образовалось это послѣднее, необходимо, чтобы два слова вмѣстѣ составили по значенію одно, не то, что значили бы эти слова порознь. „Der wirkliche Anfang des Vorgangs, den wir Kompositionsbildung nennen, ist immer eine Modifikation der Bedeutung des syntaktischen Wortverbandes. Dieser wird konventioneller Ausdruck für die irgendwie einheitliche Gesammtvorstellung“ [3]). Поэтому сложеніе всегда происходитъ сначала въ

---

[1]) Пауль для этого требуетъ еще звукового сліянія (lautliche Verschmelzung). (Das Wesen der Wortzusammensetzung. Indog. Forsch. XIV. 256).

[2]) Нѣсколько примѣровъ изъ литовскаго языка. Lietuviškos pasakos. Medega lietuviszkai mitologijai. Dr. Basanavičius (Dirva. № 1. кн. 8. Янв. 1899), стр. 7: kol'žemēs ir kit'ko nebuvo (когда не было земли и ничего другого); kažin (=kaš žino) — кто знаетъ; 18. n'ima (не беретъ). Пол. nimam, nimogę и т. д. *Malinowski.* Pr. Fil. I.

[3]) Brugman въ указанной статьѣ стр. 362—363.

рѣчи отдѣльнаго лица въ зависимости отъ того, какъ могло образоваться въ его сознаніи такое сложное представленіе (Gesammtvorstellung) [1]); удовлетворяя одно извѣстное лицо, сложное слово можетъ не соотвѣтствовать запросамъ сознанія другихъ говорящихъ лицъ, которые не выработали у себя того или другого сложнаго представленія; даже то же самое лицо, которое въ одномъ случаѣ выразило свою мысль при помощи сложнаго слова, въ другомъ случаѣ обойдется безъ него, а вслѣдствіе этого самостоятельность двухъ частей сложенія должна ощущаться весьма ярко какъ имъ, такъ и другими членами языкового общества; эти части должны первоначально быть такъ же независимы одна отъ другой, какъ и представленія, соединяющіяся сначала у одного, потомъ (въ силу подражанія) и у другихъ въ одно сложное представленіе. Этимъ опредѣляется логическая необходимость предположенія, что первичные образцы сложныхъ словъ типа ἱππό-δαμος, возо-возъ и др. должны были восходить къ соединенію двухъ самостоятельныхъ частей, а такъ какъ первая есть основа, то, стало быть, основы безъ окончанія чувствовались, какъ самостоятельныя единицы, и языкъ употреблялъ ихъ въ живой рѣчи.

То же подтверждается и другими фактами. Прежде всего, въ древнѣйшихъ изъ индо-европейскихъ языковъ изъ двухъ тѣсно связанныхъ по смыслу формъ съ однимъ окончаніемъ одна можетъ превратиться въ основу безъ всякаго окончанія, что указываетъ на слабую связь этого послѣдняго съ основой. Какъ показываютъ примѣры, собранные I. Шмидтомъ въ книгѣ „Die Pluralbildungen der indogermanischen Neutra", въ санскритскомъ языкѣ это явленіе далеко не рѣдкость (см.

---

[1]) Не мѣшаетъ отмѣтить, что подобныя общія представленія предшествуютъ рѣчи и могутъ вовсе не фиксироваться въ языкѣ путемъ названій ихъ. Психіатры доказываютъ, что даже понятія могутъ образовываться безъ помощи языка. См. *Sommer*. Zur Psychologie der Sprache (Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane. т. 2. 1891. стр. 161), также *Штёррингъ*. Психопатологія въ примѣненіи къ психологіи (рус. перев.). С.-Пб. 1903 г. стр. 107.

напр. стр. 289. 3 названной книги). I. Шмидтъ считаетъ даже возможнымъ, что въ раннюю эпоху развитія индо-европейскаго праязыка прилагательное, стоявшее передъ своимъ существительнымъ вовсе не склонялось [1]), и что это положеніе вещей въ извѣстныхъ случаяхъ уцѣлѣло даже вплоть до ведійскаго языка (291 стр.). Какія психологическія основанія у этого явленія? Тѣ же, которыя вызвали къ жизни обыкновеніе различныхъ языковъ при употребленіи двухъ словъ въ одномъ падежѣ по возможности снабжать окончаніемъ лишь одно изъ нихъ: такъ, напр., Маретичъ, останавливаясь подробно въ своей „Gramatika i stilistika Hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika“ (1899) на изслѣдованіи вопроса, когда употребляются полное и усѣченное окончанія Gen. Sing. и Dat. Sing. прилагательныхъ, пришелъ къ выводу, что прилагательное, стоя особнякомъ, имѣетъ по большей части окончанія -ga и -mu, но изъ 2 и 3 прилагательныхъ достаточно, если только первое оканчивается на -ga или -mu; остальныя могутъ удовольствоваться усѣченными *-g* или *-m*. Принципіально тожественное явленіе наблюдается въ венгерскомъ языкѣ, гдѣ изъ нѣсколькихъ именъ существительныхъвъ Gen. лишь одно получаетъ окончаніе -nak (*Görg*. Praktisches Lehrbuch der ungarischen Sprache. 2 изд. стр. 43—44). Впрочемъ, это явленіе коренится настолько глубоко въ психологическихъ условіяхъ человѣческой рѣчи, что не было бы трудно подыскать примѣры его и въ другихъ языкахъ, знающихъ склоненіе. Вотъ два-три примѣра изъ старолитов.: у Ширвида въ Punktay Sakimu мы находимъ (стр. *20*. 29) Wieszpat sawam, (*36*. 11) Wieszpat Diewuy priguli tas wardas, у Даукши (Катехизисъ, въ изданіи Э. А. Вольтера. 8): ape gáłą ir kriesą žmogus krik-

[1]) Не мѣшаетъ отмѣтить, что прилагательное, находясь въ подобномъ отношеніи къ существительному, могло выработать присущія ему одному особенности. Возможно, напр., что оно, если не входило въ сложное слово (при чемъ теряло самостоятельное удареніе), имѣло постоянное удареніе: такъ, по мнѣнію Гирта (Akzent. стр. 269), удареніе въ индо-европейскую эпоху стояло въ именахъ прилагательныхъ всегда на послѣднемъ слогѣ.

sczonies и т. д., или въ сербскомъ, гдѣ, по словамъ Л. Зимы (Nekoje, većinom sintaktične razlike izmedju čakavštine, kajkavštine i štokavštine. 1887, стр. 1—2), они особенно распространены въ штокавщинѣ, мы находимъ ona sreta svetitel-Iovana, baca Usu u zidan-tamnicu, ali kńiga mlad-junačkog bana, da pogubim Kraljev-sina Marka и мн. др. Въ латышскомъ это явленіе отмѣчено г. Мюлленбахомъ (Daži jautajumi III. 1902, стр. 56): Pērkoǹ-tēvam (отцу Перкуну), nobučot saimnēk-tētiǹam un saimnēk-mammitei roku. Что касается психологическихъ причинъ этого явленія, то онѣ охарактеризованы Юмомъ (конечно, по другому поводу) въ слѣдующихъ словахъ: „Живость представленія разливается по всѣмъ его отношеніямъ и передается какъ бы черезъ множество трубъ или каналовъ каждой идеѣ, которая стоитъ въ какомъ-нибудь соприкосновеніи съ нимъ“ [1]). Иначе говоря, если изъ двухъ тѣсно связанныхъ словъ одно получаетъ окончаніе, то для пониманія выраженія мысли этого идостаточно: ибо живость представленія дополнитъ (въ сознаніи) недостающее окончаніе другого изъ этихъ тѣсно связанныхъ словъ. Конечно, извлечь отсюда „грамматически правильную“ основу возможно лишь въ томъ случаѣ, если окончаніе и эта послѣдняя еще не срослись другъ съ другомъ такъ крѣпко, что языкъ уже утерялъ всякое этимологическое чутье того, гдѣ кончается основа, и начинается окончаніе. Если въ инд.-европ. праязыкѣ наблюдается употребленіе въ указанныхъ условіяхъ основы безъ окончанія, это значитъ, что она такъ и употреблялась хоть иногда въ языкѣ.

Новѣйшее языковѣдѣніе все болѣе подтверждаетъ этотъ апріорный выводъ, подвергая сомнѣнію существованіе окончанія въ Nom. Sing. различныхъ основъ: такъ, г. Рейхельтъ въ 1899 г. [2]) утверждаетъ (стр. 251), что окончаніе *-s* въ Nom. Sing. основъ на *-i* и *-u* явленіе, относительно позднее и объяс-

---

[1]) Цитирую по переводу г. Соколова въ статьѣ о „Вѣрѣ“ (Вопросы философіи и психологіи. 1902, стр. 1178—1179).

[2]) Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen. т. 25.

няющееся аналогiей основъ на *-о*. Уленбекъ полагаетъ, что „въ индогерманскомъ въ роли пассивнаго падежа функцiонировала чистая основа, и лишь основы на *-о* имѣли внѣшнiй признакъ его въ видѣ окончанiя *-m*“ (Indog. Forsch. XII. 171). Зависимость отъ основы на *-о* другихъ основъ въ развитiи системы склоненiя сказывается въ различныхъ отношенiяхъ [1]) и позволяетъ думать, что при развитiи ея основа и окончанiе еще долго не сливались, образуя своего рода сложное слово [2]).

Среди разнообразныхъ морфологическихъ образованiй непосредственно отъ основы отмѣчу весьма архаистичное образованiе сравнительной степени въ Ведахъ и Брахманахъ прямо отъ „корня“ въ его адъективномъ значенiи: tápiṣṭha, yajīyas и др. (Whitney. § 468). Глагольная основа выступаетъ прежде всего въ сложныхъ словахъ. Такъ она обнаруживается въ германскихъ языкахъ (*H. Osthoff.* Das Verbum in der nominalcomposition 1878, стр. 62, 105), въ греческомъ (ibd. 158), въ литовскихъ именахъ типа Rim-gáila, Миндовгъ и др. (примѣры у Кузнецова. Живая Старина. VI. 32—50) и въ славянскомъ. Въ славянскихъ сложенiяхъ типа Imperativus на *-и* + имя существ. Миклошичъ (Vergl. Gram. II. 365—366) и Ягичъ (Arch. XX. 533—565) видятъ императивныя образованiя (die imperativischen Composita), но съ одной стороны сложенiя въ родѣ Vlastimir, Ljudislav (они sind doch keine Imperativa. Jagić. 535), а съ другой параллельныя образованiя (dłubiząb и dłuboząb и др. Miklosich. II. 366—367, Osthoff 227) показываютъ, что передъ нами результатъ всевозможныхъ аналогичныхъ образованiй. Первоначальныя Composita = Substant. на *-о* + Substantivum и первоначальныя Composita = Verbum на *-о* или на *-i* + Substantiv. оказали другъ на друга разнообразныя влiянiя; отсюда Composita = Subst. + Subst. въ родѣ Vlastimir, Com-

---

1) См. Reichelt. Beitr. XXV. 232—234.

2) По поводу спряженiя ср. замѣчанiя Пауля въ Indog. Forsch. XIV. 255—256.

pos. = Verb. + Subst. съ *o* и съ *i* въ серединѣ. Я думаю, что ничто не препятствуетъ возстановить слѣд. первоначальные типы сложеній глагольной основы съ существительнымъ: 1) Verbum на *-i* (моли-ть, откуда серб. molibog, рус. молибожичъ и пр.) + Substant.; 2) Verbum на *-o/e* (здѣсь наступаетъ полная аналогія сложенія съ существ. въ первой части: какъ колченогій, пучеглазый, такъ лежебокъ Osthoff. 227; какъ сѣнокосъ: серб. tukoluk, рус. трясогузка, чеш. hryzoslov и т. д.) + Substant. Основы на -ā должны были первоначально сохранять свой конечный звукъ и въ сложныхъ словахъ: отсюда серб. незнȁбожацъ, чеш. neznaboh(язычникъ), откуда мѣстное названіе Neznabohy (Kotyška. 910), болг. незнабо́женъ; сюда же относится по образованію лужицк. njeznarowy, если только оно восходитъ къ не-зна-ровы[1]), польское мѣстное названіе Znamirowice (Sł. Geogr. XIV. 653), морав. neznahaňba (Bartoš I. 151) и др. Основа на -ā въ Czasław (Miklosich. Person.-nam. 234), въ Braslav и др. (Miklos.: ibd.); она же скрывается и въ серб. čuvȁkuća (растеніе sempervivum tectorum), образованномъ отъ глагола čuvati (*чувити), какъ и слово čuvadur(стражъ. Akad. Rječnik II. 111); отъ этого глагола черезъ отглагольное существ. čȕvār(стражъ) развился новый глаголъ: čuvári ti, который легъ въ основаніе названія того же растенія čuvȁrkuća; такимъ образомъ изъ двухъ синонимическихъ названій одно: čuvȁkuća (или čuhakuć Šulek. Imenik bilja 60) представляетъ архаизмъ, другое čuvȁrkuća новообразованіе, осмысленіе перваго.

Основа сѣ- (лит. sė́ti = сѣ-яти) лежитъ въ пол. названіи птицы Siekwiat (см. ниже подъ соколъ) и въ мѣстныхъ названіяхъ Siemak (дер. Бобруйскаго у. Sł. Georg. X. 538), Siemakowo, Siemakowce (ibd. 538—539) (ср. впрочемъ Siomaki, Siomki ibd. 624 и Simakówka ibd. 613); озеро Sieruty (Невель. у. ibd. 598. Случайное сход-

---

[1]) Значеніе этого слова (Pfuhl. 433 Eiserode) мнѣ осталось неизвѣстно.

ство?). Основы на -*ъ* скрываются въ пол. діал. Okryjbieda (suknia mizerna. Matłakowski. Spraw. Kom. Jez.: IV. 366) и въ очень многочисленныхъ личныхъ и мѣстныхъ названіяхъ съ бы-: напр., пол. Zbyroż (Grzegorzewicz. Spraw. V. 73—74), Pribidrug (Maretić. Rad. *81*. 125—126), Zbisalić (ibd. 134), рус. Збыгнѣвъ (Гинкенъ. Жив. Стар. III. 457. Głoger Enc. II. 268) и мн. др. Основа *čę- въ Načevoj, Načerad и др. (Miklosich. 234), *dǫ- въ морав. -nadujhuba (Bartoš. I. 151), *dād- въ rozdahuba (Bartoš. I. 151), Damir (Miklos. 234), Niedamir (Głoger. 267) и т. д. Другія глагольныя основы съ согласнымъ исходомъ: *mog- въ Momir? (Maretić. 124 объясняетъ черезъ mea pax, что также возможно), *sok въ соколъ, *serg- въ пол. srzedział и др.

Глагольная основа вѣд- входитъ въ сложенія въ формѣ вѣ-, которая можетъ чувствоваться, какъ 3 Sing. (словинск. пословица: ta človek vsaki reči glas vê у Миклошича Lex. Palaeosl. 120), не будучи таковой, подобно тому, какъ формы на -*и* чувствуются повелительнымъ наклоненіемъ [1]), будучи лишь глаголяной основой на -*и*. Црк.-слав. вѣгласъ, др.-чешс. věhlas, др.-рус. невѣголосъ, ст.-пол. wigłos (A. Brückner. Archiv. XXV. 87) восходятъ, въ чемъ я совершенно согласенъ съ г. Вондракомъ (Altkirchenslavische Grammatik. 1900. 115) къ *věd-golsъ, а не „къ сокращенному Praesens вѣ (вм. вѣстъ)“, какъ полагаетъ Ягичъ (Archiv. XX. 531). Если бы стать на послѣднюю точку зрѣнія, пришлось бы указать аналогичныя явленія изъ общеславянскаго языка, а таковыхъ Ягичъ не приводитъ, да, кажется, они и неизвѣстны. Напротивъ, не только здѣсь не могло произойти сокращенія, возможнаго лишь при сохраненіи этимологическаго чутья происхожденія формы, но и самая форма

---

[1]) Буслаевъ (Историческая грамматика русскаго языка. Изд. 5. 1881, стр. 181) говоритъ: „въ древнемъ и народномъ языкѣ употребительно сложеніе съ *повелит.* наклоненіемъ“: Молибожичъ, свѣтицвѣтъ, перекатиполе и др.

потребовала уже въ старо-русскомъ языкѣ модернизаціи, которая вызвала къ жизни форму невеиглаcи (Переяслав. лѣт. Срезневскій. Матеріалы II. 357), гдѣ невѣи было понято, какъ прилагательное, и согласовано съ существительнымъ — гласи. Та же основа и въ словѣ вѣгодꙑи въ памятникѣ XI в. (Срезневскій. I. 478. Jagić. ibd. 531). Серб. мѣстное названіе Нечуигласъ (не-чоуи-глась. Даничиħ. Pjeчник. II. 155) является, вѣроятно, осмысленіемъ по образцу Composita съ Imperat. въ первой части стараго не-чу-гласъ, гдѣ -чу- правильная глагольная основа отъ стараго чу-ти (общеслав.). То же самое перенесеніе въ категорію повелительнаго наклоненія совершилось и въ названіи растенія: нечуйвѣтеръ (Даль II. 560), пол. nieczujwiecier (E. Majewski. II. 388).

Основа глагола ꙗ-ти сохранилась въ сложныхъ словахъ: неꙗвѣръ и неꙗсыть. Въ виду существованія формъ невѣроятенъ, неꙗтовѣрьнъ, неимовѣренъ, кажется, нельзя сомнѣваться въ томъ, что здѣсь скрывается именно глагольная основа ꙗ, а не отрицаніе n̥ = греч. ἀ-, какъ полагаетъ г. Мелье [1]). Послѣднее сохранилось въ видѣ ѫ или ѭ въ словахъ юдоль, убогъ, уродъ, увѣчный и т. д., изъ чего слѣдуетъ, что ꙗ не можетъ имѣть съ нимъ ничего общаго. Неꙗсыть должно было означать первоначально: неимѣющій сыти. Сюда же относятся др.-рус. имя Яволодъ (1216. 1210. Гинкенъ 458) „власть имѣющій" и словин. nejevólja(unwille), nejevoljec(unwillige) и др. (Pleteršnik. 688. Miklosich. Person.-namen. 234).

Такимъ образомъ, разсмотрѣніе глагольныхъ основъ въ славянскихъ сложныхъ словахъ приводитъ къ убѣжденію, что Якоби въ принципѣ правъ, исходя въ своей извѣстной книгѣ изъ предположенія, по которому первоначальныя индоевропейскія сложенія возникли въ эпоху отсутствія системъ скло-

---

[1]) *A. Meillet.* Études sur l'etymologie et le vocabulaire du vieux slave. Paris. 1902. 168—169.

ненія и спряженія. „Если имя было еще лишено или могло быть лишено падежныхъ окончаній, то въ высшей степени вѣроятно“, говоритъ Якоби [1]): „что и глаголъ могъ быть лишенъ личныхъ окончаній... Въ ту раннюю эпоху, отъ которой ведутъ свое происхожденіе древнѣйшіе образчики Composita, различіе между именемъ и глаголомъ еще не всегда отмѣчалось звуковымъ признакомъ, но оно существовало такъ же, какъ въ неиндо-германскихъ языкахъ подобнаго строя, и заключалось прежде всего въ значеніи основъ“. Продолжая свое изслѣдованіе глагольныхъ основъ въ сложеніи, Якоби останавливается на типѣ φερέοικος, который восходитъ къ *bherevoik̑o, и заключаетъ, что, предполагая возникновеніе этого сложенія въ эпоху развитія флексіи, слѣдовало бы ожидать не одного типа *bherevoik̑o, а девяти различныхъ сложеній: *bheresivoik̑o, *bheretivoik̑o и т. д.

Если же ничего подобнаго не произошло, то это должно объяснять тѣмъ обстоятельствомъ, что предложеніе *bhere voik̑o могло относиться ко всѣмъ лицамъ во всѣхъ числахъ. Это „неизбѣжное условіе для того, чтобы, слившись въ единое слово, оно стало употребляться въ качествѣ имени въ функціи существительнаго или прилагательнаго“ (стр. 57).

Не употреблялись-ли глагольныя основы еще въ историческія эпохи индо-европейскихъ языковъ? Отвѣтить на это рѣшительно въ утвердительномъ смыслѣ еще не возможно, но современныя изслѣдованія дѣлаютъ все болѣе вѣроятнымъ, что въ описательномъ Perfect'ѣ санскрита и въ извѣстныхъ оборотахъ латинскаго языка скрываются именно чистыя глагольныя основы [2]).

---

[1]) *H. Iacobi.* Compositum und Nebensatz. Studien über die indogermanische Sprachentwicklung. Bonn. 1897, стр. 47.

[2]) Не будучи въ состояніи высказать въ этомъ случаѣ своего сужденія, укажу на нѣкоторые изъ новыхъ взглядовъ на вопросъ: Якоби (Kuhn's Zeitschrift. 35 т. 578—587) полагаетъ, что, какъ въ другихъ, неиндо-европейскихъ языкахъ (напр., въ японскомъ), такъ и въ праязыкѣ нашей группы употреблялась въ качествѣ абсолютной фор-

Такимъ образомъ, славянскія сложныя слова типа сѣно-

мы (die kategorie des absolutivums als gerundum oder verbalparticip) глагольная основа; когда же нефлексирующія глагольныя основы вышли изъ языка, формы абсолютива въ силу того, что онѣ по своей функціи не могли принимать личныхъ окончаній, или получили падежное окончаніе или были замѣнены придуманнымъ adhoc, т. е. этимологически прозрачнымъ отглагольнымъ именемъ въ какомъ-нибудь падежѣ. „Такъ объясняется то странное явленіе, что отъ подобныхъ глагольныхъ именъ не сохранилось никакого слѣда, кромѣ опредѣленной падежной формы. Это перенесеніе первоначально неизмѣняющихся глагольныхъ основъ на сторону именъ послѣдовало, вѣроятно, лишь при образованіи отдѣльныхъ языковъ, и такъ изъ *gamaya образовалось gamayām (ср. gamayām cakāra и др. Whitney. § 1073) по аналогіи абсолютива на -am, которое и само находилось въ санскритѣ въ состояніи вымиранія. Съ моей точки зрѣнія такъ же объяснялись бы, какъ соединенія абсолютива съ вспомогательнымъ глаголомъ, поразительно сходныя съ др.-инд. описательнымъ перфектомъ латинскія образованія arē-facio, arē-fio, arē-bam, flā-bam, amā-bam“ (стр. 586). I. Kopacz (въ Indog. Forsch. XII. 24—25) указываетъ у Лукреція форму facit are, у Катона ferve bene facito, но по шаблону видитъ въ are, ferve инфинитивъ и даже строитъ такую схему legere : amari = *lege : legi. Stowasser и Skutsch (Zeitschrift f. die öster. Gymn. 1901. т. 52) разлагаютъ calefacere, calebam на calens + facio; весьма существенныя возраженія противъ этого приведены Sonnenberg'омъ (Indog. Forsch. XII, 386—388), который, въ общемъ соглашаясь съ названными изслѣдователями, полагаетъ, что во всякомъ случаѣ память о происхожденіи формъ calebam, calefacere должна была утеряться очень рано, чтобы могли образоваться глаголы assuefacere, consuefacere, desuefacere, insuefacere рядомъ съ assuesco и др. „Нельзя не упомянуть при этомъ“, прибавляетъ Зонненбергъ: „что рядомъ съ образованіями въ родѣ amplifico, sacrifico не существуетъ соотвѣтствующихъ начинательныхъ глаголовъ типа duresco, vanesco“. Однимъ словомъ, принявъ взглядъ Якоби, что въ указанныхъ образованіяхъ кроется чистая глагольная основа, можно избѣжать такихъ натянутыхъ объясненій, какъ сочиненіе несуществовавшаго инфинитива, сокращенія и т. п. Изслѣдованіе славянскаго имперфекта, въ которомъ тоже едва-ли не скрывается глагольная основа (см. I. Schmidt. K. Z. 26. 397; обзоръ мнѣній у Ягича Маріинское евангеліе), завлекло

косъ, чеш. Hostmil[1]), рус. Ратміръ (см. слав. Ратьмилъ), медвѣдь, ночьлегъ и т. д. по своему образованію являются такими же архаизмами, какъ здравъ, жупа, нестера, постолъ, неводъ, *непырь, дрѣколіе, жимолость и др. сложныя слова, въ которыхъ первая часть присоединилась ко второй такъ, какъ употреблялась въ разговорномъ языкѣ, т. е. представляя чистый видъ основы, такъ, какъ въ новѣйшемъ языкѣ образовалось, напр., слово растеніеводство[2]). Если же въ своемъ изслѣдованіи я оставляю совершенно въ сторонѣ сложенія съ глагольной или именной основой на гласный, то дѣлаю это потому, что они сами по себѣ въ общемъ ясны, и что моя работа посвящена прежде всего судьбѣ древнихъ корневыхъ основъ (Wurzelnomina), односложныхъ и неразвитыхъ присоединеніемъ гласнаго на концѣ, каковое развитіе произошло во всякомъ случаѣ уже въ индо-европейскомъ праязыкѣ (фин. осн. на *-a*=индоевроп. основамъ на *-o*). Но съ отношеніемъ сложеній сѣнокосъ: нестера *ne(p)t-dъ(k)t-er-a связанъ слѣдующій вопросъ: почему въ славянскихъ языкахъ развился типъ сложеній съ соединительнымъ гласнымъ, тогда какъ въ балтійскихъ языкахъ преобладаютъ сложенія безъ него? На этомъ вопросѣ я остановлюсь нѣсколько подробнѣе, потому что онъ имѣетъ ближайшее отношеніе къ разсматриваемой судьбѣ корневыхъ основъ.

Что намъ даетъ исторія балтійскихъ языковъ? Въ старой письменности Бецценбергеръ[3]) отмѣчаетъ то же состояніе сло-

---

бы насъ слишкомъ далеко; оно должно быть оставлено для самостоятельной работы.

[1]) Hostmil=гостьмилъ (первая часть ne oblik, nego osnova, a složenina znači hospiti carus. Maretić. Rad. 81. 108).

[2]) Выставка растеніеводства (телеграмма изъ Гагръ отъ 9 сент. 1903 г. въ русскихъ газетахъ).

[3]) Beiträge zur Geschichte der litauischen Sprache. Göttingen. 1877. 103—107. Ср. *Kurschat*. Grammatik der littauischen Sprache, Halle. 1876, стр. 111—114.

женій, какое существуетъ и въ современномъ языкѣ, т. е. наряду съ Composita безъ соединительнаго гласнаго встрѣчается не мало Composita съ соед. гласнымъ, чаще всего *a*, рѣже *o* или ī, ï, также *-u* и *-e*. При этомъ, какъ и въ славянскихъ языкахъ, соединительный гласный *теперь* далеко не всегда бываетъ тожественъ съ гласнымъ основы, о чемъ будетъ рѣчь ниже.

Хотя въ современномъ литературномъ языкѣ равно, какъ и въ говорахъ, встрѣчаются рядомъ образованія обоихъ типовъ, нерѣдко при одной и той же первой части сложенія (auksa- и auks-), однако можно замѣтить, что отчасти даже теперь эти образованія распредѣляются по говорамъ такимъ образомъ, что одни діалекты знаютъ исключительно сложенія съ соединительнымъ гласнымъ при однихъ основахъ, и сложенія безъ него при другихъ, т. е. въ общемъ стоятъ близко къ первоначальнымъ типамъ, тогда какъ другіе діалекты всегда, гдѣ только это возможно фонетически, безъ накопленія значительнаго числа согласныхъ звуковъ, образуютъ сложныя слова безъ соединительнаго гласнаго. Въ этомъ отношеніи очень поучителенъ языкъ Ширвида [1]), у котораго мы находимъ: tiesadariey(судьи) 7. 15. ażu piktadeiu (за злодѣя) 9. 20. darbimetey (въ рабочую пору) 12. 14. didżiaturis (богачъ) 16. 12 и 27. 25, piłwapenius(лакомокъ) 23. 31. swetimaweydżiey(лицемѣры) 25. 2. gieradeistis (добродѣтель) 26. 9. wienagimi(единороднаго) 45. 30. sieławartas(бѣда). 47. 26. worotinklieys(паутиной) 48. 5. wisażinus(всевѣдущій) 56. 4. wienowaldis(монархъ) 57. 15. wisagalibe(всемогущество) 67. 4. tiesastatis(законодатель) 65. 26. ilgałuki (Acc. Sing. долготерпѣніе) 66. 31. ganadarimu [2]) (Acc. Sing. удовлетвореніе), śiksniospar-

---

[1]) Szyrwid's Punkty Kazań (Punktay Sakimu) vom Jahre 1629. Litauische und lettische Drucke des 16 und 17 Jahrhunderts. IV Heft. Göttingen. 1885 (цитирую по страницамъ и строкамъ этого изданія).

[2]) При этомъ глаголъ gana padarit. 67. 18, у Куршата gandarýti.

niey (Nom. Pl. летучія мыши)[1], miełaširdistes(милосердія) 99. 23. mažatikiey(маловѣры) 109. 7. и др. Ни одного случая сложенія безъ соединительнаго гласнаго въ названномъ сочиненіи Ширвида я не нашелъ; то же можно сказать и объ его Dictionarium trium lingvarum (я пользовался изданіемъ 1713 года), гдѣ находимъ wardomineimas(mianowanie), mayszadaris или mayszasiuwis(miechownik) и др.

Въ сравненіи съ говоромъ Даукши это, несомнѣнно, діалектическая черта. Именно, языкъ катехизиса 1595 года въ этомъ отношеніи гораздо ближе къ современному, чѣмъ ширвидовъ. Приведу нѣкоторыя сложныя слова по изданію Э. А. Вольтера (С.-Петерб. 1886): wiengimis(единородный) 5. 16[2], pirmgime 12. 14[3], swætimmóteraut(прелюбодѣйствовать) 27. 2.[4], Dièwméiłumo (любви къ Богу) 32. 30, iłglukéimas (долготерпѣніе, у Ширв. 66. 13. Gen. Sing. iłgalukieimo), didžturę rąká 52. 3.[5], siełwartůsę 39. 21.[6])

---

[1]) Теперь šikšnosparnis: напр., у Юшкевича Lietůviškos dájnos. № 193, строфа 23: šikšnósparnis parsigą́ndes pradė́ju mełůti. Въ первой части сложенія основа *šikšnā (лит. šikšnà, тонкая кожа для выдѣлки ремней), которая вошла въ сложеніе, какъ ав. daęnāvazah-, гр. βουληφόρος. См. Brugmann. Gr. II. 24.

[2]) Ср. у Куршата wiėngimę̄s, wiėnkójis, wiėnmētis и т. д.

[3]) У Куршата pirmgimę̄s, pirm̃gimis, pirmtakūnas, pirm̃šokas и др.

[4]) Э. А. Вольтеръ приводитъ (ibd. 113) изъ Пастиллы Даукши: swetimmoteris (прелюбодѣецъ), swetimpatałauju (cudzołożę). Ср. съ полнымъ видомъ основы въ словарѣ Ширвида: swetimażemis (cudzoziemiec), swetimaszalis (cudzoziemski).

[5]) У Куршата didžtūrỹs, въ словарѣ Юшкевича didžlaúkis, didžgálvis и др., которыя должны восходить къ *didjo-, отъ didi-s. Новѣйшими представляются образованія съ did- въ первой части сложенія (didnósa, didłúpis, didpápė, didžį́ngsnis и др.).

[6]) Это слово распадается на двѣ части: sëla (у Даукши, см. словарь Э. А. Вольтера 109) — совѣсть (= слав. сила) и невполнѣ

и т. д. Но рядомъ съ этимъ встрѣчаются характерныя отступленія отъ этого типа сложенія: напр., wissagálinczio (всемогущаго) 5. 13, gærodârimų 19. 29, wissogâlis 30. 24. Здѣсь передъ нами, вѣроятно, не сложенія, но сращенія: такъ слѣдуетъ думать, по крайней мѣрѣ, о словѣ wissogâlis. Припомнимъ, какъ рано въ польскомъ богословскомъ языкѣ правильная форма: wszemogący (такъ Kazania Świętokrzyskie) превратилась во wszechmogący[1]); ко времени Даукши эта замѣна уже давно закончилась и не могла не повліять на языкъ этого писателя. Слово mielaszirdúmo 19. 31 и 20. 13 сохранило *a* въ серединѣ тоже подъ вліяніемъ пол. milośierdy.

Среди современныхъ говоровъ попадаются такіе, которые вполнѣ вѣрны старинѣ, т. е. сложенія безъ соединительнаго гласнаго знаютъ лишь въ такихъ случаяхъ, когда въ первой части сложенія находится корневая основа (Wurzelnomen) съ согласнымъ на концѣ. Такъ, въ говорѣ Оникштъ, Вилькомир. у. говорится vënaausis, vënarogis, baltażundis, këtasprundis и др. вм. vënausis и т. д.[2]). Вообще изъ 11 говоровъ Ковенской губерніи еп. А. Барановскій въ 4 отмѣчаетъ этотъ архаистическій типъ сложенія словъ: dënãdarżys, pirmagalỹs, pĩktażołė, dalgiãkotis и др.[3]). Однако въ томъ же говорѣ Оникштъ, гдѣ основы на гласный звукъ сохраняютъ этотъ послѣдній въ первой части сложенія, основы другого типа этого гласнаго не имѣютъ: такъ, въ по-

---

понятное vartas; въ говорахъ теперь: sëławartis (скука) или sielwartis (см. Вольтеръ. 109).

[1]) Ср. A. Brückner. Prace Filol. III. 734. Также visagalis находимъ въ Grammatika Litewsko-polska... paraszita per Motieju Franciszka Marcińska. Warszawa. 1861, стр. 39: wisagalis — wszechmogący (ibd. 41 dauggalis). Giaradėja (dobrodźiey) при skaystwaris, Diêmedis въ Universitas Linguarum Litvaniae. 1737 г. Стр. 5—7 (переизданія 1896 года).

[2]) Сообщеніе еп. А. Барановскаго въ шлейхеровомъ изданіи Christian Donaleitis Litauische Dichtungen. S.-Pb. 1865, стр. 334.

[3]) Замѣтки о литовскомъ языкѣ и словарѣ. С.-Пб. 1898, стр. 64.

эмѣ названнаго писателя Anŷkszczũ szilẽlys [1]) находимъ названія грибовъ szúngrybjai, mũsmires (vers. 46 и 47). Послѣднее по смыслу было равно греч. μῡσφόνος (ср. лат. mūscipula).

Какъ въ славянскихъ, такъ и въ литовскомъ языкѣ первая часть сложенія могла оканчиваться на всѣ гласные, на какіе могла оканчиваться основа слова, при чемъ въ литовскомъ языкѣ это положеніе вещей сохранилось лучше, чѣмъ въ славянскихъ, хотя и здѣсь, конечно, успѣли произойти всевозможныя аналогичныя сокращенія и срощенія. На одно изъ послѣднихъ я хочу указать, такъ какъ оно восходитъ, по моему мнѣнію, къ весьма глубокой древности: именно, греч. ὠμηστής, др.-инд. āmād(*āma-ad?) [2]). Это названіе вида грибовъ, которое еп. Барановскій передаетъ въ видѣ ũmêdes (vers. 40), но проф. Явнисъ, приводя форму ũmede, указываетъ на то, что ũ здѣсь изъ ů, и извѣстное ему изъ Ретовскаго жмудскаго говора слово úms, ũma (сырой, несушеный) сопоставляется имъ съ греч. ὠμός [3]). Въ такомъ случаѣ уже на индо-европейской почвѣ сложеніе *ōma-ēd превратилось въ *ōmēd-, откуда объясняются лит. *ůmēde, гр. ὠμηστής, инд. āmād.

Вообще же, соединительный гласный въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ сохранился, представляетъ гласный именной основы, входящей въ сложеніе. Такъ, основы на -ĭ сохраняютъ этотъ звукъ (avikáilis, akigývas, naktìgonė) [4]), при чемъ основа расширенная сохраняется такой же и въ сложеніи, откуда получается образованіе (въ старолитов. Bezzenberger.

---

[1]) Цитирую здѣсь и ниже по изданію Вебера „Ostlitauische Texte“. Weimar. 1882.

[2]) Такъ полагаетъ Бругманъ Griech Grammat. 3 изд., стр. 164. Не вѣрнѣе-ли *āma-ēd-, т. е. *āma-ād?

[3]) Поневѣжскіе говоры литовскаго языка. ч. II. Ковно. 1899. стр. 26 и 29.

[4]) *A. Alexandrow.* Litauische Studien. I. Nominalzusammensetzungen. Dorpat. 1888, стр. 75—76.

Beiträge 270) akiemirksnis(мгновеніе), рядомъ съ которымъ въ томъ же памятникѣ akmirkis[1]). Основы на й находимъ въ сложеніяхъ alùdaris, vidùdënis, viršùgalvis и др.; основы на -ё сохранились въ сочетаніяхъ со словами saulė (-kaitis, -leidis, -tekis) и upė (-malis, -takis) и т. д. Но такое правильное сохраненіе старинныхъ отношеній является въ литовскомъ языкѣ, вообще говоря, исключеніемъ: обстоятельное изслѣдованіе проф. А. И. Александрова показываетъ, какъ гласный основы на *-о* вторгся въ первую часть сложенія всевозможныхъ основъ (напр. ugnãvëtė, turgãvëtė, aštraregis и др.) и получилъ характеръ соединительнаго гласнаго, который онъ раздѣляетъ до извѣстной степени съ гласными *-о* (rytolitus, arklogydis, musomiris и др.) и *-у* (darbýmetis, meškerýkotis, saldýmetis, vasarýmetis и др.). Но сложенія съ согласнымъ исходомъ первой части сильно преобладаютъ надъ всѣми остальными. Почему это такъ случилось?

При способности литовскаго языка, отличающей его отъ славянскихъ, сохранять сочетаніе нѣсколькихъ согласныхъ, не измѣняя ихъ и не выпуская, языкъ не чувствовалъ неудобства отъ такого сложенія словъ, при которомъ первая часть присоединялась ко второй безъ соединительнаго гласнаго. Избѣгая такихъ неудобныхъ сочетаній, какъ bendr—tarnis, bendr—vardis и т. п., гдѣ произошло бы накоп-

---

[1]) Отношеніе aki- къ akie- соотвѣтствуетъ употребленію въ польскомъ языкѣ 15 в. формъ съ очь- *akĭ (ср. современ. литов. akiveizda — присутствіе, akibrukšta — царапина подъ глазомъ. Словарь Межиниса. 2 стр.) и очи *akī или *akë (ср. совр. литов. akývaizdas — присутствіе, akyskaŭdis и др. въ словарѣ Юшкевича стр. 6—8). Въ польскихъ глоссахъ 15 в. находимъ oczwijsztnije (in praesentia. Wlisłocki. Spraw. Kom. Jęz. I. 132) и oczўwiszczў (praesens. Malinowski. Prace Fil. I. 487). Изъ очьразвилось ocze — (очевидный, oczewisty), очи- сохранилось въ діалектическомъ w ocymieniu (w oka mgnieniu. Łopaciński. Pr. Fil. V. 813) и въ литературномъ oczywisty. Аналогичныя явленія безъ труда можно найти и въ другихъ славянскихъ языкахъ.

леніе, по крайней мѣрѣ, четырехъ согласныхъ, языкъ замѣняетъ ихъ болѣе удобными для произношенія сочетаніями съ bendra-, arkla-, oška-, pypka- и т. д. Но этимологическая память о значеніи частей ни мало не стерлась бы и при этихъ неудобныхъ сопоставленіяхъ. Въ литовскомъ языкѣ можно отмѣтить весьма немного случаевъ, гдѣ накопленіе согласныхъ въ серединѣ сложенія ведетъ къ измѣненію первой части; да и измѣненіе это, по большей части, ничтожно: такъ, между двумя частями сложенія пропадаетъ *j*, *v*, *n*. Примѣрами могутъ служить kogalvė [1]) (кушанье изъ головы и ножекъ свиньи) = *kojā + galva, kraugeris (кровопійца) = *kraujā + geris [2]), vieputinas (дуновеніе вѣтра) = *vejā + putinas [3]) или viepute (флюгеръ) [4]), jaukuras (*jaujkuras — дрова въ овинѣ. Lit. Stud. 88), šeĩmedis или šeĩvmedis (бузина) отъ *šeivā — (кривой) + medis [5]), Dẽmedis изъ Dẽvmedis или Dẽnmedis [6]); изъ языка Довконта Гейтлеръ [7]) приводитъ laukaktis (*laukkaktis — бѣлолобый, стр. 50), sauszakiemis (*saus-šakėmis, сухими вѣтками, ibd. 87). Большія измѣненія, нарушающія этимологическую ясность сложеній, являются въ словахъ makaulė и gynagis. Слово makaulė, употребляющееся на Жмуди (Geitler. Lit. Stud. 96), извѣстное и Довконту (Geitler. Beiträge. 51), оказывается, по словамъ Межиниса, равнозначущимъ со словомъ makaušē. Вторая часть этого сложенія ясна: она тожественна со словами káulas (кость) и kiáušė (латыш. kauss — черепъ), но что значитъ первая? Я не могу объяснить ее иначе, какъ сопоставивъ съ литов. smãgenes

---

1) *L. Geitler*. Litauische Studien. 1875, стр. 92.

2) Ibd. 92.

3) *Довконтъ*. Budas senowęs. 1 изд., стр. 34.

4) *Geitler*. Lit. Stud. 120. Куршатъ (Lit.-Deutsches Wörterb. 494) приводитъ изъ словаря Мильке vė́jputis (сугробъ). Ср. латыш. vējputnis (Lat. dain. 1194. 1. espēdzimu vējputnê).

5) Куршатъ. Lit.-Deut. Wörterb. 423.

6) Ibd. 86.

7) Beiträge zur litauischen Dialektologie. 1885.

(мозгъ) и предположивъ, что разсматриваемыя сложенія образовались изъ mag-kaušė и mag-kaulė. Что касается слова gynagis(гвоздика), то оно или происходитъ изъ *gyv-nagis, какъ полагаетъ Гейтлеръ (Lit. Stud. 84), хотя въ значеніи этого слова нѣтъ ничего, подтверждающаго эту этимологію (gyvnagis значило бы живой коготокъ или что-нибудь въ этомъ родѣ), или, что, по моему мнѣнію, вѣроятнѣе, содержитъ первую часть съ гласнымъ исходомъ и представляетъ архаистичное образованіе, какъ и sudrus, при чемъ gy- этимологически родственно частицѣ жи- въ русскихъ названіяхъ растеній жи-бзника (при бзника), жи-молость и т. д., о которыхъ рѣчь будетъ ниже.

Старыя основы съ согласнымъ исходомъ, по большей части, остаются такими же и въ сложныхъ словахъ. Такъ, основа *šun- (Nom. Sing. šů) приводится проф. Александровымъ въ 10 сложныхъ словахъ (šungalvis, šùnžolė и т. д. стр. 63); основа vand-(vandů) сохранилась въ сложномъ словѣ vankrìkštis (Wassertaufe), moter- (Nom. Sing. mótė) въ названіи травы móteržolės (Mutterkraut); въ имени гриба mūsmirē уцѣлѣло слово mūs (мышь, санскр. mūs, лат. mūs, слав. мышь и т. д.), которое вообще вышло изъ употребленія въ литовскомъ языкѣ, почему въ первой части этого сложенія стали чувствовать слово mùsē (муха, мъш-ь-ка); вслѣдствіе этого рядомъ съ жмудскимъ mūsmirē развилось будто-бы синонимическое литовское musómiris (мухоморъ), но долгота *u* въ первомъ словѣ указываетъ на вѣрный путь толкованія его происхожденія [1]). Изъ другихъ старыхъ основъ съ согласнымъ исходомъ укажу на žem — (земля), откуда сложенія žembluse, žemrēšutis и др. (Alexandrow. 23—24), на vēš- (санскр. viç-, ав. vīs-, албан. vis, слав. вьсь), откуда vēšpats, vēškelis, на gīr- (хвала, ср. санскр. gír, славословіе), откуда gỹrpelnys (сла-

---

[1]) То же въ латыш. яз.: рядомъ съ mušmire (отъ muše, muse — муха) mūsmēre.

волюбецъ, ср. слав. -жиръ въ Доможиръ и др.), на dvar- (ср. санскр. dvár), откуда dvárvëtē и т. д. Рядомъ съ этими основами, которыя въ сложеніи выступаютъ безъ соединительнаго гласнаго, другія старыя основы этого же типа являются въ первой части сложенія какъ съ гласнымъ исходомъ, такъ и безъ него: напр., слово žëmà, которое, вѣроятно, уже на почвѣ пра-литовскаго языка окончательно перешло въ систему основъ на -ā (санскр. himā́-, ав. zyå и zimō, лат. hiems и himo въ bīmus *bihimo-, слав. зима, ир. gam и др.), и въ сложеніяхъ имѣетъ двоякую форму: žëm- (žëmgũlis, žëmkìntis, žëmmitỹs) и žëmo- (žëmõspirgis). Подобнымъ образомъ, слово dantìs, нѣкогда корневая основа dant- изъ инд.-евр. *dont-, *dn̥t[1]), имѣетъ въ сложеніяхъ двѣ весьма характерныя формы: dant- (dą́ntkalis, зубной врачъ, въ словарѣ Юшкевича 292) и danta- (dantagēla[2]) — зубная боль, иначе Dantų gēlimas). Послѣдняя основа показываетъ, что при образованіи ея не исходили изъ распространенной основы dantj-, которой тогда еще, можетъ быть, и не существовало, а пользовались аналогіей основъ на -*o*, послѣдній звукъ которыхъ (литов. *a*) получилъ значеніе соединительнаго гласнаго въ сложныхъ словахъ. Какъ въ этомъ случаѣ произошло аналогичное образованіе подъ вліяніемъ основъ на гласный звукъ, такимъ образомъ послѣднія попадали подъ вліяніе основъ на согласный: другими словами, подъ вліяніемъ сложеній съ dvar-, dant-, žëm- образовались сложенія съ balt-, vilk-, vīr-, а сложенія съ balta-, šikšno- и т. п. вызвали къ жизни въ языкѣ образованія съ danta-, žëmo- и др. Въ языкѣ произошло смѣшеніе этихъ типовъ образованій, и если преобладаніе получили сложенія безъ соединительнаго гласнаго, то объясняется это удобствомъ такихъ формъ, ихъ сравнительной краткостью,

---

[1]) *Uhlenbeck.* Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch der altindischen Sprache. 1898—1899, стр. 120.

[2]) *Dr. I. Basanaviczius.* Medega musu tautiszkai vaistinykystai. Atspauda isz „Dirvos" 1898 г., стр. 7.

которая однако не препятствовала различать составные элементы сложнаго слова. Въ общеславянскомъ языкѣ этого не могло быть, потому что въ силу господствовавшихъ въ немъ звуковыхъ законовъ при стеченіи согласныхъ элементовъ происходило выпаденіе первыхъ передъ послѣдними, въ опредѣленныхъ случаяхъ совершалась перестановка плавныхъ, развитіе носовыхъ гласныхъ и другія явленія, затмѣвающія первоначальное значеніе сложенія. Поэтому въ славянскихъ языкахъ такія сложенія, гдѣ первоначальная первая часть оказывается корневой основой безъ гласнаго исхода, могли уцѣлѣть, какъ архаизмы и внѣ этимологической связи съ простыми словами, составившими нѣкогда это сложное слово. Чтобы не дробить своего изслѣдованія, я разсмотрю эти Composita въ связи съ сохраненіемъ корневыхъ основъ въ простыхъ словахъ въ слѣдующей главѣ. Остановимся на другихъ балтійскихъ языкахъ.

Латышскій языкъ, представляющій весьма много интереснаго матеріала по вопросу о переходѣ сращеній и простыхъ сопоставленій въ сложенія, матеріала, который мы разсмотримъ ниже, даетъ однако не много любопытнаго въ самомъ типѣ сложныхъ словъ. Здѣсь процессъ, приведшій литовскій языкъ къ развитію Composita безъ соединительнаго гласнаго, зашелъ еще дальше и сложенія другого типа за крайне рѣдкими исключеніями не извѣстны въ языкѣ [1]). Однако старинный языкъ зналъ Composita съ гласнымъ; ихъ еще довольно много въ нарѣчіи витебскихъ латышей [2]), гдѣ Бецценбергеръ отмѣчаетъ launadaréitoji(злодѣи) или launa-darritoji (Lett. Dial.-Stud. 9), которому въ Лифляндіи соотвѣтствуетъ l'aundarītaji (ibd. 41). Растеніе Anemone hepatica носитъ здѣсь названіе kumiela-pâdi, Primula officinalis—gajla-

---

[1]) О синтаксическомъ характерѣ сложеній въ латышскомъ языкѣ см. статью г. К. Мюлленбаха Druskas par latweeschu kompositeem въ его сборникѣ Daschi jautajumi par latweeschu walodu. 2 burtniza. Ielgawâ 1893.

[2]) См. *A. Bezzenberger*. Lettische Dialekt-Studien. Göttingen. 1885.

juizis или gajla-biksis, Gnaphalium arenarium—kaczapâdi [1]) и др., но является-ли здѣсь первая часть основой имени или падежной формой Gen. Sing., этого рѣшить невозможно, потому что фонетически обѣ формы совпадають, что и было, вѣроятно, причиной почти полнаго исчезновенія Composita съ соединительнымъ гласнымъ въ латышскомъ языкѣ. Такъ, слово warawiksne(радуга) могло уцѣлѣть въ языкѣ лишь потому, что первая часть сложенія (какъ и ora- въ литов. orárykštē), какъ самостоятельная единица, была забыта, и ея значеніе можетъ быть возстановлено лишь путемъ сличенія со словами родственныхъ языковъ [2]).

Сложенія безъ соединительнаго гласнаго получили чрезвычайно широкое распространеніе въ латышскомъ языкѣ и привели даже къ такимъ образованіямъ, какъ соединеніе имени съ глаголомъ въ родѣ болг. гласоподавамъ(вотирую). Такъ, мы находимъ въ латышскихъ пѣсняхъ [3]) L. 1010 kājaudama (обувая ноги) = L. 1011 kāj's audama; прилаг. grūts(скорбный), которое входитъ въ сложенія grūtsirdiba (печаль), grūtdēna (печальный день), соединяется и съ глаголами: L. 1229 sak'meitin'a grūtredzejse (говоритъ дѣвушка, грустно смотря), ср. L. 1606: grūt redzeja и L. 1229: no Dēvin'a labredzēt (смотрѣть веселымъ); L. 1675 Tēvin'š manim grūtdarija (отецъ мнѣ сдѣлалъ печаль), L. 1973: dēnu, nakti laundariju (ср. 1979. 2:

---

1) *St. Ulanowska.* Łotysze Inflant polskich. Kraków. 1891. I. 13—14.

2) Зенд. vāra — (дождь) и др. Bezzenberger. Lett. Dial.-Stud. 78, примѣч. Тамъ же стр. 120 не вполнѣ понятное сопоставленіе латыш. dzere-ukšen'zūbe (Backenzähne) съ однозначущимъ литов. gerúkštes. Скрывается-ли въ первой части основа *gerve?

3) Пользуюсь здѣсь, какъ и въ слѣдующемъ параграфѣ, по преимуществу изданіемъ „Latwju dainas“ г. Барона и Виссендорфа (Митава. I томъ. 1894—1898). Въ цитатахъ его означаетъ одна буква *L*, при которой цифра указываетъ на номеръ пѣсни (если есть при этомъ другая цифра, то она означаетъ номеръ варіанта).

neka laba ne darijū) и др. Въ прусскомъ языкѣ сложенія: aclocordo (Leitseil) *auklo-kordo, bucawarne (Holzkrähe), dantimax (Zahnfleisch), dagagayidis (Sommerweizen) и т. под. указываютъ на сохраненіе гласнаго основы; но, вѣроятно, были образованія и безъ него, если alskanke, дѣйствительно, восходитъ къ *als-kanke[1]) (дерево — ольха, лит. alksnis); kerberse (wirsenholz) *ker- (лит. kēras — стволъ). Kolwarnis (Saatkrähe) *kol (галка, косъ) + varnis образовано, какъ латыш. kōsvārnišī (Nom. Pl. Latwju dajn. № 2998 = № 2997 kōsalani) и т. д. Послѣднее латышское слово особенно интересно, такъ какъ проливаетъ свѣтъ и на исторію сложеній въ славянскихъ языкахъ. Этимологія его показываетъ, что и здѣсь были аналогичныя сложныя образованія безъ соединительнаго гласнаго, и обнаруживаетъ тѣ условія, въ которыхъ сдѣлалось невозможнымъ развитіе этихъ формъ. Остановимся на этомъ вопросѣ.

1. Слав. *во́рн-ъ, литов. varn-as; слав. во̃рна, лит. várna, латыш. vārna, прус. warnis, warne — воронъ, ворона въ сложныхъ словахъ. Латыш. kosvārnis въ первой своей части, а также прус. kose(галка) восходятъ къ основѣ kōso-, отъ которой образованы также лит. kósas (галка), латыш. kōsa (id.) или skōsa (L. 2997). Слав. косъ сопоставляется обычно[2]) съ гр. κόψιχος, но вѣроятнѣе, что его надо возводить къ *kŏso-, *skŏso-: иначе слав. косъ, близкое по значенію къ группѣ приведенныхъ балтійскихъ словъ, не могло бы быть родственнымъ ей. Отъ этой основы skŏs- образовано слав. *ско-ворн-ь-ць изъ *skŏs-varni-s, откуда пол. skowronek(жаворонокъ), кашуб. skœvrònk, ц.-слав. сковраньць. Кромѣ этого сложенія мы находимъ въ слав. яз.: серб. gȁvrân(воронъ), galòvran (cornix atra, ср. polećela dva galića vrana), golòvran(воронъ) kȁvran (Nemanić I. 29); болг. сколовра́нецъ (черный дроздъ);

---

[1]) *Berneker*. Die preussische Sprache. 1896, стр. 280.

[2]) *Fick*. I⁴. 389. *Schrader*. Reallexicon. 768. *Prellwitz*. Etym. Wörterb. der Griechischen Sprache. 161.

гавранъ или гарванъ, млрус. жа́воронокъ, жа́йво-ронокъ, шка́воронокъ (жаворонокъ); грайворонъ или гайворонъ (Corvus frugilegus); лужиц. škowrončk, škowrjenčk (такъ Пфуль, а Цваръ приводитъ еще schkobronk, schkogrenk, schkoworenk, schko-brenk—жаворонокъ, Маевскій указываетъ в.-луж. skowrenz II. 30), пол. gawron, łysowron (ptak wróblowaty z rodziny kruków), рус. жа́воронокъ, грайворонъ или гайворонъ (грачъ), щеворонокъ, чеш. havran, škobrunek (Loriš. 22. 27) и škrobánek (діал.), ст.-чеш. skrziwanec Menčik. 8; словин. škrjanec испорчено изъ *škvranec, *škovranec. Можетъ-ли чеш. skřivan восходить къ skvran[1]), я сомнѣваюсь. Изъ недоступнаго мнѣ сочиненія Верхратскаго Маевскій (II. 241) приводитъ еще весьма любопытную форму малорус. кавворонъ. Вотъ, повидимому, всѣ важнѣйшія сложныя названія различныхъ птицъ съ *-ворнъ во второй части сложенія. Разбираясь въ нихъ, мы можемъ сопоставить ихъ по слѣдующимъ группамъ:

a) серб. гало-вранъ, голо-вранъ, болг. сколо-вранъ;

b) гайворонъ;

c) жаворонокъ, жайворонокъ, *gavorn;

d) грайворонъ;

e) кавворонъ;

f) сковоронокъ, щеворонокъ.

a) Какъ показываютъ греч. κολοιός (грачъ), др.-инд. *uṣa-kalas (пѣтухъ, т. е. поющая на зарѣ птица), kalā-vikas (пѣтухъ) и др. (см. Uhlenbeck. 48), др.-прус. kol- въ kolwarnis (Saatkrähe), которое Бернекеръ 300 безъ надобности исправляетъ въ koswarnis[2]) (отношеніе kol-

---

[1]) Такъ полагаетъ Миклошичъ въ Etym. Wörterb. 305 306, который возводитъ приводимыя имъ формы къ skovor-nъ, которое, конечно, ихъ не объясняетъ. Упомяну еще о чеш. křivan, křivánek (Dušek. 40, Hošek. 33).

[2]) Въ I. F VIII. 285—286 онъ самъ отказывается отъ этого ис-

къ слав. *к о л ъ то же, что прус. w o b s e : о с а и др. Berneker 253), слав. с о-к о л ъ, j a s k o ł a-,—болг. с к о л о в р а н ъ не восходитъ къ с к о в р а н ъ, какъ думаетъ Миклошичъ, а образовано отъ названія птицы *с к о л ъ или *к о л ъ и по значенію совпадаетъ съ серб. г а л о в р а н ъ. Въ послѣднемъ лежитъ въ основаніи названіе птицы г а л к и, которое также имѣетъ большое филологическое родство. Отъ основы *g ŏ l o- образованы слав. г а л и ц а, алб. g a l'ɛ(в о р о н ъ. G. Meyer. 118), лит.-латыш. *l a š t ī-g a l a (откуда лит. l a k š t i n g a l a, латыш. l a k s t i g a l a), нѣм. N a c h t i g a l l (др.-в.-нѣм. n a h t i-g a l a въ значеніи не только соловья, но и ночной птицы—совы Schade I. 635), рус. п и г о́ л к а или п и́ г а л к а. Эти именныя основы примыкаютъ къ глаголамъ со значеніемъ б о л т а т ь, к р и ч а т ь, п ѣ т ь: латыш. k a l ō t(болтать), греч. καλέω, др.-в.-нѣм. h a l ō n (звать и др. Uhlenbeck 48 и Meillet. Mém. XI. 183.) и др.-в.-нѣм. g a l a n (пѣть. Schade. 252. Kluge. 266. Tetzner 183), ср. слав. г л а г о л ъ и к л а к о л ъ. Что касается взгляда (Миклошича, Шрадера, Г. Мейера и др.), что слав. г а л к а произведено отъ серб. г а л(черный), то этотъ взглядъ противорѣчитъ какъ фактамъ (в о р о н о й : в о р о н ъ, р о з о в ы й : р о з а etc.), такъ и психологическимъ основамъ рѣчи [1]). Наконецъ серб. г о л о в р а н напоминаетъ пол. ł y s o w r o n,

---

правленія и сравниваетъ прус. k o l- изъ *k ō l съ др.-инд. č ā l a (сойка) изъ *k ē l o. Такимъ образомъ, мы имѣемъ основы k ĕ l o-, *k ŏ l o и k ō l o. То же и основа *(s)k ĕ s, *(s)k ŏ s въ щ е в о р о н о к ъ *s k e s-v o r n ъ: с к о в о р о н о к ъ *s k ŏ s- v o r n ъ: латыш. k ō s v ā r n i s при s k ō s a.

[1]) Психологія языка показываетъ, что качества позже получаютъ названія, чѣмъ предметы, ими обладающіе: такъ, Фойтъ, потерявшій вслѣдствіе травматическаго пораженія мозга способность распознавать конкретныя качества, могъ опредѣлять цвѣта, лишь видя соотвѣтствующій предметъ (дерево, кровь): иначе, онъ находился въ недоумѣніи, голубого-ли цвѣта громъ и т. под. То же обнаруживаютъ наблюденія надъ душевною жизнью и рѣчью идіотовъ. См. Штёррингъ. Стр. 85—86.

b) Гайворонъ : гаворонъ = нечуйгласъ : нечугласъ (незнабогъ), хотя въ *ga- не можетъ скрываться глагольная основа; гайворонъ народно-этимологически связывается съ гай, но пол. gawron серб. gȁvran (Nemanić. I. 28) показываетъ, что надо исходить изъ *gā или *gō. Какого-нибудь удовлетворительнаго объясненія этой части сложенія я не могу дать, но полагаю, что между *gā(*gō-) и жа(*gē-) въ жаворонокъ должно быть отношеніе чередованія гласныхъ; наиболѣе вѣроятнымъ я считаю все-таки соединеніе этихъ элементовъ съ основой *gōv-, *gēv- (изъ *gōu, *gēu-) въ значеніи крупнаго рогатаго скота, такъ что gawron восходило бы къ *gōv-vornъ, а жаворонокъ къ *gēv-vornъ. Остальныя формы проще: граворонъ (откуда народная этимологія образовала грайворонъ отъ граять и krajworonka Karłowicz. Sł. Gw. II. 465) несомнѣнно изъ *grāv-vornъ. *Grāva—сорока = др.-в.-нѣм. krāwa, англ.-сакс. cráwe, ир. grau-berla lingua corvina (Stokes. 106. Noreen. 53). Каворонъ *кав-воронъ, ср. ст.-пол. kawikos (gracula. Majewski. II. 368) изъ кава (или кавка): пол. kawa (птица изъ породы воробъевъ), лит. kovas; по образованію каворонъ = латыш. kāvarnis. Такимъ образомъ, для объясненія приведенныхъ формъ я исхожу изъ предположенія праславянскихъ сложеній безъ соединительнаго гласнаго: grāv-vornъ, skos-vornъ, kāv-vornъ.

Нѣсколько иначе объясняетъ эти формы: гавранъ и кавранъ Э. Бернекеръ (Indog. Forsch. X. 147), который видитъ въ *гаворнъ и *каворнъ „silbische Dissimilation“ изъ *gavovornъ и *kavovornъ. Въ gavoонъ видитъ рус. гава, мрус. hava (die Nebelkrähe), въ kavo- пол. kawa и т. д. Гайворонъ и грайворонъ возникли, по его мнѣнію, изъ гай- (др.-рус. гаяти — krähen) и грай- (ц.-сл. граяти krächchen), но это, я думаю, невозможно по двумъ причинамъ: 1) основы гра- и га- дали бы сложенія гаворонъ, граворонъ, какъ

Siekwiat, Siemak, а 2) глагольная основа появляется въ славянскихъ сложныхъ словахъ лишь тогда, когда вторая часть сложенія представляетъ объектъ дѣйствія, выраженнаго первой его частью, глагольной основой. Слово жаворонокъ остается для Бернекера непонятнымъ, тогда какъ при моемъ толкованіи чередованія основъ *g ō(u) — *g ē(u)- (ср. жупа *g ē u-p ā) оно связывается со словомъ гаворонъ. Не вижу я надобности и въ предположеніи проф. Брандта (Р. Ф. В. 24. 177—178), что указанныя формы результатъ комбинаціи трехъ словъ: жьрванъ, щеванъ и скриванъ.

2. Ястрабъ, яребица, рябчикъ и др. Пол. jastrząb(ястребъ), jarząb (ptak kurowaty z rodziny cietrzewi); ср. jarzębina(рябина), orzębina и др. (Karłowicz. Sł. Gw. II. 235), jarząb (рябина, также бѣлый или черный тополь); rząb (jacaranda); кашуб. jastřib, -éla (ястребъ), jařebina(рябина); луж jatřob'(ястребъ), jerébaty (пестрый. Zwahr. 137), hérébina или jérébina (рябина. Zwahr. 109); чеш. jestřáb (ст.-чеш. yastrzab), jeřáb (perdix), jeřáb (Sperberbaum, Vogelbeerbaum), jeřábek (Haselhuhn), jeřabí = морав. jařabý(рябой), морав. jestřáb (astur palumbarins), jahřabina (sorbus aucuparia); серб. jästrijeb (pl. jästrebovi), jastrèbast или jастрйбаст (coloris vulturini), järeb (perdix saxatilis), jarèbica или jerèbica (perdix; ptica različna od jareba. Iveković-Broz 473), jarebina(рябина); словин. jâstreb или jâstrob(ястребъ), jarêb или jerêb (perdix saxatilis), jarebíca или jerebíca (perdix cinerea), jerebíka(рябина), rebíka (рябина); болг. ястребъ, я́ребица(куропатка), ср. ре́бумъ — рябью (еребичице ребумъ шарена по поле леташъ. Дювернуа. 2043), рус. рябо́къ, ря́бчикъ; рябь, рябой; рябина, ястребъ; мрус. я́стріб (Astur), я́струб (Hühnerhabicht), яреби́на, оря́бина, оробі́на, рябі́на или ря́бка(рябина), рябі́й(рябой), рябе́ць(рябчикъ).

На основаніи этого матеріала, которымъ я позволю себѣ

ограничиться (сопоставленія у Миклошича Et. Wört., представляя нѣкоторыя явно позднѣйшія новообразованія, запутываютъ вопросъ [1]), можно составить слѣд. группы:

a) rembъ—(рябъ);

b) rembina, rembika или ja-rembina, ja-ręmbika—(рябина) или orembina.

c) rembok, ja- rembica (рябчикъ).

d) jastrąbъ, jastrębъ или jastrēb (ястребъ).

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что среди формъ, соотвѣтствующихъ праславянскимъ remb-, jastromb- и др., весьма много искаженій. Какъ смотрѣть иначе, напр., на мрус. ворби́на, во́ріб, гороби́на (рябина), на луж. hérébina, на слов. jâstran (ястребъ) и т. п.? Повидимому, здѣсь, какъ и въ скоровонокъ и др., длинное и непонятное по своему этимологическому составу слово привело къ различнымъ измѣненіямъ ихъ въ индивидуальномъ произношеніи, откуда, напр., въ моравскихъ говорахъ изъ *skovranek получается škovránek, škobránek, škobrunĕk, škorvánek, škrobránek и др. (Bartoš. II. 492). Тоже мы отмѣтимъ и въ образованіи скорлупа и другихъ сложеніяхъ того же типа. Съ другой стороны нѣкоторыя изъ отклоненій отъ ожидаемыхъ формъ даютъ, какъ мнѣ кажется, ключъ къ разрѣшенію чрезвычайно труднаго вопроса относительно происхожденія приведенныхъ формъ, во второй части которыхъ я вижу основу rembo-, rembo- и rēbo *roibo-. Не останавливаясь на фонетической сторонѣ этихъ соотношеній, разсмотрѣніе которой въ данномъ случаѣ не нужно [2]) (ибо этимологическое тождество частей въ *jastrēb

---

[1]) Весьма много формъ см. у Маевскаго II. 622.

[2]) Всѣ извѣстныя мнѣ попытки, сдѣланныя въ этомъ направленіи, мало убѣдительны: Зубатый предполагаетъ (Arch. XVI. 409.—410) смѣшеніе основъ ręb- и rēb-, первоначально разнозначущихъ; Персонъ (218—219) строитъ основы ĕrēbh-, ŏrŏbh-, которыя все-таки всего не объясняютъ; Гиртъ (Ablaut 124) какимъ-то чудомъ сводитъ ихъ къ erebhb и т. д.

и *jastrąb несомнѣнно), я попробую разрѣшить вопросъ, что находится въ первой части этихъ сложеній? Откуда соотвѣтствіе ja-, je-, *о-* (орябина, jarzębina, jerebika), и нѣтъ-ли въ славянскихъ языкахъ аналогичнаго явленія? Точно соотвѣтствуетъ этому слѣд. соотношеніе: серб. jasika, слов. jesika и jasika, мрус. осика (Šulek. 125)- populus tremula (осина); въ виду того, что слов. je- тамъ, гдѣ оно соотвѣтствуетъ ja- въ началѣ однозвучныхъ словъ, происходитъ изъ этого послѣдняго (jasa- и jesa прогалина въ лѣсу, jásen- jésen ясень, janka- jenka die Jacke, шваб. janke и др.), то я думаю, мы имѣемъ право говорить здѣсь только о соотвѣтствіи ja-: *о-*. Слова осика, осина происходятъ отъ слав. оса (Вилен. словарь Пол. яз. I. 925, ср. Majewski II. 623), которое сохранилось какъ въ польскихъ говорахъ, такъ и въ кашуб. wœska (осина Ramult. 229), луж. wosa (Pfuhl. 847). Отсюда, отъ основы oso—образовано названіе другого дерева изъ рода Populus, рус. осокорь, пол. osokor, мрус. осокóр, рядомъ съ которымъ пол. Jasiokor, мрус. я́сокір, брус. я́сокоръ (Носовичъ. 727) [1]). Такимъ образомъ, здѣсь тоже отношеніе начала слова (jas-os-), что и въ словѣ осина- ясина. Если мы обратимся къ польскому словарю, то увидимъ здѣсь въ ст.-пол. юридическихъ памятникахъ формы jassothr и Jazorow (приобычныхъ Jezioro, Jezierski [2]), которыя Ганушъ считаетъ явленіями спорадическаго произношенія этихъ словъ въ краковской землѣ; онъ признаетъ вѣроятнымъ, что онѣ возникли подъ вліяніемъ какихъ-нибудь народноэтимологическихъ соображеній. Карловичъ (Slow. Gwar II 256) приводитъ изъ кашубскаго языка jasoter или jesoter (по Гильфердингу);

---

[1]) Замѣчательно, что Миклошичъ, приводя изъ словаря Косовича данное слово, повторяетъ и его толкованіе (jasokor, erklärt durch jasnyj koroju), не давая при своемъ эпическомъ спокойствіи никакого ключа къ разумѣнію, какъ онъ смотритъ на это народно этимологическое объясненіе.

[2]) Hanusz. Sprawozd. Kom. Język. IV. 164—165.

вслѣдъ за тѣмъ же авторомъ приводитъ слова jasoter, jesoter и Al. Berka въ своемъ „Słownik kaszubski porównawczy“ (Pr. Fil. III. 393), но Рамултъ знаетъ только одно jesoter, jesotrowy, а Надморскій (Ryby... w Prusach wschod. i zachod. 1882 цитир. Majewski II. 11). Jasioter. Мѣстное имя Jazorow въ ст.-пол. памятникахъ стоитъ, насколько мнѣ извѣстно, совершенно одиноко, что однако не ослабляетъ его значенія. Słown. Geograf. приводитъ (III 540) Jazorce, Jazork, Jazory изъ Лужицъ. Далѣе, въ польскихъ говорахъ мы находимъ: jaden (кашуб. при jeden, у Рамулта нѣтъ), jadlina (куявское, при jedlina), jaskoła (при oskoła, сокъ изъ деревьевъ *о-скол-а?), wjasionki (=jesienią, осенью), съ другой стороны jesion (при ясень, jasień), jerzenie (ярко горящіе угли, при jary), jerzmo, irzmo при jarzmo, ярмо). Въ словѣ jażyna=jeżyna=ożyna (черная малина, ежевика) видимъ то же соотвѣтствіе, что въ осика- ясика- jесика. Въ малорусскомъ языкѣ находимъ я́сетр (при осе́тр), яль (при їль), яз (рыболовный снарядъ, при їз), ежеви́ка, ежи́на при ожи́на. Въ связи съ послѣднимъ названіемъ стоитъ бѣлорус. во́жикъ (изъ ожикъ, какъ воблогъ, воблаки и др.) при ёжикъ. Въ серб. языкѣ, гдѣ jèsetra, jȅzero, jȅsên, слово ясень, какъ и jarèbica, можетъ имѣть въ говорахъ другое начало: jèsên, jerèbica; при jȇж (ежъ) ягода носитъ названіе oženka (Šulek. 274). Въ словинскомъ, болгарскомъ и лужицкихъ языкахъ чередованія основъ *еж-*: *ож-* мы не находимъ, равно какъ начало слова jе- не переходитъ здѣсь въ jа: наоборотъ, въ словинскомъ, какъ уже было сказано, ja- переходитъ въ je-, откуда jésen (ясень), jerebina (ягоды рябины; мясо тетерки). Хорватскія jarèbica, jèsên едва-ли также не словинизмы пограничныхъ говоровъ. Сопоставляя указанный матеріалъ, получаемъ слѣдующія соотношенія:

Группа А. (чередованіе ja-: *o*-) *jas-ik-a, латыш. apsa, прасл. *o(*n*) са.

*jaso-korь: *oso-korь, слав. осо-корь, ср. ниже оскоруша.
*jaskola: *oskola, ср. пол. skała (трещина), рус. осколокъ. Аналогія къ яс-: ос-?
*justify*jaremb-: *oremb-?

Группа В. (чередованіе je-: ja-: o-) *jesenь: *jasenь: *osenь изъ праслав. *osenь: *esenь [1]).
*jesetrъ: *jasetr: *osetr, ср. лит. ašictras [2]) (у Ширвида), прасл. *osetr: *esetrъ.
*ježь: (*jažina): *ožь; ср. лит. ežys: ȧžys (Межинисъ. 24) прасл. *ožь. *ežь.
*jezero: *jazero: *ozero, ср. лит. ežeras: ažeras, праслав. *ozero: *ezero.

Съ этимъ ср. *elьcha: *olьcha, *единъ: *одинъ, *elnь: *olnь; съ другой стороны только *е* въ пол. jesiora *esera (ość, kość rybia)=лит. ešerỹs (Куршатъ, Ширвидъ), ašerys (Juškev. Литов. пѣсни № 1237, 12, также Межинисъ 13); латыш. asers и asars (окунь).

Во второй группѣ расположены слова, послужившія предметомъ для многочисленныхъ изслѣдованій (Шахматова, Брандта, Ляпунова, Соболевскаго Вондрака и др.) и представляющія загадочное чередованіе въ началѣ слова. Единственно возможнымъ разрѣшеніемъ этого сложнаго вопроса мнѣ представляется предположеніе, что уже на почвѣ литвославянскаго языка начальное *е* произносилось иногда такъ открыто, что изъ него раз-

---

[1]) Прус. assanis, вѣроятно, восходитъ къ *esenь. Ср. Berneker. 250. Этимологія гот. asans неясна: Grienberger (Sitzungsber. Вѣн. Акад. т. 142. VIII. 30) сопоставляетъ это слово съ лат. āreo (сохнуть) отъ корня ās; Фейстъ (Et. Wört 10) и Kluge 92 возводятъ къ герм. корню ăs (обработывать поле), откуда др.-в.-нѣм. aran (жатва), др.-сѣв. onn *aznu (работа, страда).

[2]) Ст.-прус. esketres (осетръ) изъ *osetres? Лит. erškḗtras могло произойти изъ ēšētras подъ вліяніемъ народнаго приспособленія этого слова къ erškḗtis (die Dornpflanze).

вилось ă. Совершенно тоже самое произошло и въ литовско-латышскомъ праязыкѣ, вслѣдствіе чего, напр., индоевроп. корень eln[1]) перешелъ уже на почвѣ славяно-литовской въ aln, откуда рядомъ лит. elnis и латыш. alnis, слав. jелень и лань; по той же причинѣ слав. *ельха: *ольха соотвѣтствуетъ лит. alksnis: латыш. elksnis (или alksnis), ср. латыш. elks: лит. alkas (идолъ), латыш. elkons: лит. alkunē (локоть), въ слав. только *olk- ŭtis, латыш. elpēt (дышать): лит. alpti (падать въ обморокъ); латыш. ezars (L. 3365), ezaritis (L. 3666) и ezerâ (L. 2454, 2513, 2707 и др.) или vēders и vēdars (L. 2911) и т. д., лит. aš(я) латыш. es; лит. ašvà, лат. equa; лит. vasara (весна), vakaras (вечеръ) vardas (verbum *verdho-) и т. п. Чередованіе *e*: *a* въ началѣ слова было настолько обычно, что по аналогіи формъ ežeras: ažaras и др. развилось начальное *e* и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ему не было мѣсто: такъ, кс. Марциньскій приводитъ ekmua (камень), вм. akmů[2]).

Что касается новославянскихъ формъ въ родѣ ясетръ, то я вижу въ нихъ продолженіе того же процесса, который привелъ къ развитію eln-: aln-. Какъ въ лит. открытое *e* переходитъ въ ia и *a* или какъ въ прус. *e* весьма часто переходило въ *a* и въ началѣ, и въ срединѣ слова[3]), такъ и въ слав. языкахъ jесетръ перешло въ jasetrъ и т. п. Когда же процессъ этотъ сдѣлался въ говорахъ весьма обычнымъ, наступило смѣшеніе jе- и jа- въ

---

[1]) Греч. ἐλλός, ἔλαφος (*elnbhos), кимвр. elain (cerva), др.-пр. elit (серна), др.-инд. enas (черная антилопа), арм. ełn (лань). См. H. Hübchmann. Armenische Grammatik. 1897. I. 442. C. Uhlenbeck. Et. Wört. d. altind. Sprache. 1898. 35. O. Schrader. Reallexicon. 372 и др.

[2]) Вообще въ его грамматикѣ мы находимъ только формы съ *e*: 20. ekmua. 26 elksnis. 29 eszis. 30. eldże. 32. eszmenis (Ср. у Межиниса ašmenio's—лезвее). 35 ežers и т. д.

[3]) Berneker. 250 ladis (ледъ): lēdas, same (земля): žēmė (жмудское žiamē) и др.

началѣ словъ, и рядомъ съ jasioter могло появиться jaden.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что отсутствіе польскаго jerzębina при orzębina переноситъ это слово въ другую группу, чѣмъ пол. jesiotr: jasiotr, которому не соотвѣтствуетъ въ этомъ языкѣ osiotr. Всѣ три слова, гдѣ пол. ja- соотвѣтствуетъ *o*- начинаются съ *oс- (пол. osokor: jasiokor, пол. osika: серб. jasika, пол. oskoła: jaskoła), и два изъ нихъ имѣютъ несомнѣнную связь съ названіемъ дерева осины и основой осо-, а третье могло быть аналогичнымъ этимъ двумъ образованіемъ. Отсюда возникаетъ нѣкоторая увѣренность, что и въ словѣ jarzębina: orzębina кроется та же основа, и эта увѣренность подкрѣпляется тѣмъ обстоятельствомъ, что другое названіе рябины заключаетъ въ себѣ ту же основу. Это слово оскоруша, которое представляетъ сложеніе безъ соединительнаго гласнаго, въ родѣ прус. abs- kande (ольха) [1]). Причиной, по которой именно въ корнѣ слова осина развилась параллельная форма jas-, было, вѣроятно, смѣшеніе съ названіемъ дерева ясень или прилаг. ясный (ср. мрус. ясень- полярная звѣзда), отчего ясокорь пріобрѣло значеніе ясный корою, ясика дерева въ родѣ ясени и т. п. Такимъ образомъ, разсматриваемыя загадочныя формы я не могу объяснить иначе, какъ предположеніемъ, что въ первой части ихъ лежитъ основа безъ гласнаго исхода jas: os-, откуда *jas+rembina, *os- rembina, а съ переходомъ *s* въ ch и выпаденіемъ послѣдняго передъ *r*: jarembina и orembina. Развитіе ch изъ *s* должно было совершиться раньше, чѣмъ конечное *s* тѣсно соединилось съ начальнымъ *t*: иначе мы ожидали бы str, какъ въ

---

[1]) Формы этого слова см. Šulek Rad. 39 томъ. стр. 13. Съ словацк. oskoruch изъ *os- koruch- ср. пол. діалект. skarucha (kora zdarta z drzewa Matyas. Spraw. Kom. Jęz. IV. 329); о чередованіи основъ *skor-, *skōr- см. ниже.

*jastromb-ъ, въ первой части котораго, вѣроятно, можно видѣть вмѣстѣ съ г. Ягичемъ (Arch. XX. 353) и Meillet (Mém. de la Soc. de Linguist. XI. 185—186) корень *o k̂ (греч. ὠκός быстрый) но не основу ō k̂ r o-, развитую суффиксомъ, какъ предполагаетъ г. Мелье. Возможно, что въ различной исторіи этихъ сложеній сказывается двоякое происхожденіе *s*: какъ извѣстно *s* изъ k̂ въ *x* не переходило, тогда какъ *s* изъ индоевр. *s* (ясень· лит. ű s i s) этому переходу подлежало. Возможно, что въ морав. j a h ř a b i n a сохранилось c h изъ *s*.

Что касается юрабь и ıарабь, то здѣсь нужно исходить изъ формъ *ĕ- r e m b- и *ē r e m b-, но представляетъ-ли ē (ĕ) первую часть сложенія, или же это составной элементъ слова, это въ настоящее время еще нельзя, кажется, рѣшить. Нореенъ (89) создаетъ корень e r e b h : e r b h : r e b h и слав. ıрабь возводитъ къ *ē r e-m-b h-. Въ дѣйствительности, мы видимъ слѣд. формы корня: *r ā b, откуда прус. r o a-b a n (gestreift), др.-инд. l ā b a s (eine art wachtel, perdix chinensis, unerklärt. Uhlenbeck. 258); *r ē b: др.-в.-нѣм. r e b a-h u o n (Rebhuhn. Noreen. 89); *r a i b—лит. r a ĩ b a s(пестрый); *r e m b-: рус. рябо́къ, рябъ; *e r b-: др.-исл. i a r p e (Haselhuhn), англ.-сакс. e o r p(бурый), др.-сл. i a r p r(бурый); e i r b—латыш. ë r b e (L. 2573. 1) и отсюда i r b e (куропатка, рябчикъ); r u b-: латыш. r u b e n i s (тетеревъ. L. 3816. 3824), j ē r u b-: лит. j e r u b ẽ(рябчикъ). Установить какія-нибудь соотвѣтствія между этими формами корня въ настоящее время представляется невозможнымъ [1]).

3. Ясколка, соколъ. Въ 1885 году въ статьѣ о слож-

---

[1]) *H. Osthoff*. Etymologische Parerga. Leipzig. 1901, стр. 78—80 присоединяетъ къ этому лат. r ō b u s (dunkelfarbig) = инд.-евр. r ō b-h o s и соединяетъ съ этимъ, какъ и *Noreen* и *Per Persson*, гр. ὀρφνός (темный) изъ *o r b h-n ó-. Корень ĕ̄ r ĕ̄ b h-, ŏ̄ r ŏ̄ b h- однако не объясняетъ, по моему мнѣнію, всѣхъ приведенныхъ формъ; нельзя со звукомъ b h въ корнѣ примирить и др.-инд. l ā̆ b a s, которое по значенію ближе къ др.-в.-нѣм. r ē b a-h u o n, чѣмъ лат. r ō b u s и др.

ныхъ названіяхъ птицъ [1]) Л. Малиновскій отмѣтилъ тотъ фактъ, что въ первой части сложеній: ирабь, jastrząb, jaskoła, sokoł находятся слоги: 1) ja, 2) jast, 3) so (что и въ sowa, soja), а во второй: 1) rębъ-, 2) kołъ, koła, при чемъ отъ этимологическаго толкованія этихъ частей онъ отказывался. Какъ я старался показать, первый изъ установленныхъ Малиновскимъ слоговъ: ja долженъ отпасть изъ этой группы; что касается jast, которое этотъ ученый видитъ и въ пол. jastkoła (jaskoła ему представляется новообразованіемъ), то я полагаю, что въ указанномъ польскомъ словѣ *t* присоединилось къ jas- по аналогіи слова jastrząb, гдѣ оно было вполнѣ умѣстно. Во всякомъ случаѣ, хронологически формы jaskoła и jastkoła появляются одновременно, т. е. въ 14—15 в., такъ что процессъ аналогичнаго образованія совершился до начала польской письменности, и мнѣніе Малиновскаго, что jast- непремѣнно должно было предшествовать jas-, не обосновано [2]) и противорѣчитъ особенностямъ славянскихъ языковъ. Я думаю, что правильнѣе исходить изъ яс-кол-а, которое разлагается на яс и кола (= гр. κολοιός, прус. kol- въ kolwarnis и др. см. выше стр. 145—146).

Въ первой части сложенія можетъ лежать то же jas *ōk, что и въ ястребъ. Возможно также, что ласточка, о которой русская загадка говоритъ: „сверху си́неньно суконце, съ исподу бѣло полотенце“, получила свое названіе отъ сложенія прилаг. *ясый (ср. рус. яска, я́сочка звѣзда Даль IV. 702; словацк. jas блескъ Loos 165) съ сущ. kola. Во всякомъ случаѣ, передъ нами сложное слово безъ соединительнаго гласнаго.

---

[1]) Niektóre złożone nazwy ptaków w językach słowiańskich. Prace Fil. I. 193—194.

[2]) Z grupy stk- *t* później zniknęło w formie jaskółka. 194. Если бы это, дѣйствительно, было такъ, то *t* изъ указанной группы должно было выпасть уже въ праславянскую эпоху, которая не терпѣла нагроможденія согласныхъ. Въ географическихъ названіяхъ Iaskółka, Iaskuła, Iaskołówo. Slown. Geogr. III. 486—487.

Въ словѣ сокол ъ тоже должны быть двѣ части, изъ которыхъ послѣдняя послѣ вышеприведенныхъ сопоставленій ясна. Что касается первой, то я вижу въ ней глагольную основу sok-, въ подтвержденіе чего сошлюсь на два факта: 1) пол. śrzedział (Rostafiński 517)—acanthospermum восходитъ къ *serg-dělъ[1]) въ значеніи: храни-дѣлъ, границу; 2) старая глагольная основа уцѣлѣла въ названіи птицы Cinnyris: пол. ssiekwiat (Majewski. I. 410) отъ *сѣ-ти (лит. sěti), слав. сѣяти. Такимъ образомъ, sokol я разлагаю на *sok-kol, гдѣ первое *k* выпало въ сложеніи, какъ въ śrzedział, а основа sok-, сохранившаяся въ лит.-латыш sèk-ti (гнать, преслѣдовать), въ слав. разрослась въ сочи-ти(преслѣдовать), какъ сѣяти : *сѣти(sēti); отъ основы sek- чередованіемъ возникло имя существ. сокъ (accusator). Такимъ образомъ, соколъ значило первоначально то же, что современ. рус. сорокопу́дъ (преслѣдователь галокъ, сорокъ), ст.-чеш. strakopud (picus. Menčik. 11). Подобнымъ образомъ объясняется лат. accipiter изъ *acipiter (*ako: гот. ahaks —голубь и petere—гнаться) и др.-в.-нѣм. habuh *kapo-gho- (первая часть kapo- въ значеніи перепелки, куропатки или курицы н.-перс. kebk куропатка, др.-инд. kapotás голубь, kapíñjalas—рябчикъ, белудж. kapīnǰar куропатка и др.)[2]). Ср. рус. курохватъ, куроцапъ ястребъ-курятникъ (Даль. II. 228). Слово др.-инд. çakuna(птица), съ которымъ сопоставляютъ соколъ, связывается съ опредѣленными видами птицъ: гр. κύκνος (лебедь), арм. sag(гусь). См. Osthoff. Et. Parerga. 246—247.

4. Лоскутъ, лохмотья. Ст.-рус. лоскутъ (земли 14—15 в. Срезневскій. II. 47), н.-рус. ло́скутъ (отрывокъ, отрѣзокъ ткани; лоскутъ земли, клокъ, клинъ,

---

[1]) Ср. Majewski I. 410 srzeżoga (uredo), которое едва-ли не дѣлится на srze- и żoga (по-сербски uredo — ožig или palež. Šulek. 274—275) и не восходитъ къ *serg-žega.

[2]) *Schrader*. Reallexicon. 212. *Uhlenbeck*. 42—43. *Horn*. 187. *Geiger*. 28.

полоса, участокъ. Даль II. 272); рус. лахо́нъ (лоскутъ. тамб. Даль II. 244), лохо́нье (влд. лахмотье, ветошь, пеленки), лохоу́хій, лохмоу́хій, лоховѣ́съ (пск. ротозѣй, розиня, вислоухій), ло́хмы (клочья, лоскутья, лохмотья), лохмотье, лохматый и др. (Даль II. 274); бѣлорус. ло́хмотъ (лоскутъ; гнилье), лохмо̂ни́на(ветошка) и др. (Носо́вичъ 272); мрус. лох (Elaegnus hortensis), лохи́на (ягода пьяница), лохма́тний(лохматый), лохма́те(лахмотье), лах (платье въ лохмотьяхъ), ла́хи (лохмотья), ла́ховий (порванный, грязный), лахма́н(лахмотья), лахола́та(тряпье) и др. (Желеховскій. I. 398 и 414); пол. łach или łachman (лоскутъ, лохмотья), łachmyta (=łach) и др. (Słownik jęz. pol. II. 785), кашуб. łaχa (лоскутъ, Ramult 86); чеш. lach, lachmana (id.). Въ южно-славянскихъ языкахъ этого слова нѣтъ (ср. Будиловичъ. II. 76. Miklosich. Et. Wört. 159 и 172), тогда какъ въ западныхъ отсутствуетъ другая часть слова лоскутъ— скутъ, которое мы находимъ въ црк.-слав. скоутъ (Miklosich. Lex. 852); обл. в.-рус. ску́ты(онучи), скутня и скутни́къ (комъ ветоши, для затычки трубъ) (Даль IV. 219); серб. skũt (край, пола или нижняя половина одежды. Iv.-Broz. II. 419), болг. скутъ(пола), ску́та(фартукъ. Дюверну а 2677). Обратимся къ анализу этихъ формъ. Слово лоскутъ встрѣчается только въ русскомъ языкѣ. Матценауэръ. (Listy fil. IX. 216—217) производилъ его отъ швед. lask (lacinia), но отдѣльное употребленіе словъ лохъ и скутъ (оба въ значеніи тряпки) заставляетъ думать, что лоскутъ результатъ сложенія *loch+skut-ъ. Вторую часть слова нельзя отдѣлять отъ синонимическаго гот. skauts (нѣм. Schoss. Kluge. 336), которое происходитъ изъ *skaudaz, такъ что слав. слово является заимствованіемъ, на что указываетъ и ограниченность его распространенія. Заимствованіемъ представляется и рус.-пол.-чеш. *loch-ъ [1]) или

[1]) Этимологія Матценауэра (Listy fil. IX. 186): дат. lase, las

*l a c h-ъ, источникомъ котораго служило др.-в.-нѣм. l a h a n, ср.-в.-нѣм. l a c h e n (кусокъ матеріи, верхняя одежда pallium, pannus, совр. нѣм. L a c k e n изъ нидерланд. *Grimm*. Deutsches Wörterb. VI. 1877, стр. 80). Въ сложныхъ словахъ это слово принимало видъ L a c h—(Lexer. 139), откуда объясняется L a c h m a n, легшее въ основаніи формы л а х м а н ъ, получившей значеніе т р я п ь я изъ значенія о т р е п а н н а г о ч е л о в ѣ к а [1]). Русскія (в.-рус. и бѣлорус.) слова имѣютъ форму л о х-, мрус.-пол.-чеш. ł o c h- (только польск.) и ł a c h- (обычно); не указываетъ-ли это на разное время заимствованія или на то, что л о х ъ форма оригинальная, а л а х- заимствованіе? Но откуда тогда бѣлорус. л о х м о н и к а. Какъ бы то ни было, въ ту пору, когда въ русск. языкѣ утвердились оба заимствованныя слова, еще было возможно ихъ сложеніе безъ соединительнаго гласнаго: л о с к у т ъ (отрѣзокъ матеріи, потомъ отрѣзокъ вообще, земли), синонимично мрус. л а х о л á т к а (ср. Желеховскій. I. 398 л á т к а Flickchen, Fleckchen, Lappen). Рус. л о х м о т ь е или приспособленіе слова л о х м ы (откуда л о х м а т ы й) къ глаголу м о т-а т ь или то же сложеніе л о х-м ó т ь е; послѣдняя часть этого сложенія встрѣчается самостоятельно: м ó т ь я (орл. силки́, волосяныя петли на бичевкѣ для ловли птицъ. Даль. II. 358), и потому я высказался бы за то, что л о х м ó т ь е такое же сложеніе, какъ и л о с к ý т ъ, т. е. соединеніе основы безъ гласнаго исхода.

5. Ч е л о в ѣ к ъ. С к о р л у п а. О словѣ ч е л о в ѣ к ъ писалось уже много разъ, такъ какъ въ немъ издавна чувствовали какое-то сложное образованіе, непонятное въ обѣихъ своихъ частяхъ. Первую часть сопоставляли съ др.-инд. k u l a(племя), со слав. ч е л я д ь (*Соболевскій*. Фонетика. 99), съ германской группой словъ, означающихъ м у ж а, г е-

---

(lacinia), возможна само по себѣ, но не объясняетъ слав. формъ: к о с м ы, но л о х м ы. Почему?

[1]) Ср. обратно: пол. I bandzies brać takiego ł o c h a? Nie tłomaczę się przed takimi ł a c h m y t a mi.

роя[1]) и т. п.; во второй видѣли или вѣкъ (сила, ср. увѣчный), или вѣкъ (= лит. vaĩkas, парень, сынъ)[2]). Не вполнѣ ясно и отношеніе славянскихъ словъ съ этимъ значеніемъ, хотя, повидимому, проф. Брандтъ правъ, сводя рус. человѣкъ, пол. człowiek, чеш. člověk и др. къ праслав. формѣ *kĭlověkъ, такъ какъ это предположеніе не противорѣчитъ существующимъ западно-славянскимъ формамъ, а полаб. clåvak, которое, по мнѣнію Фортунатова, Торбьернсона[3]) и Шахматова[4]), должно восходить къ čelvěkъ, соотвѣтствуетъ полаб. våsk, våknŭ, vål со старымъ *o* (Брандтъ. 308). Рядомъ съ *kĭlověk-ъ, которое, по моему мнѣнію, совершенно невозможно сопоставлять съ гр. πάλλαξ(наложница) (см. Шахматовъ loc. cit. 322. Prellwitz. 237) уже потому, что π развивается изъ инд.-евр. k̑ṷ (Brugmann. Grundriss I². 312. πᾶμα: др.-инд. çvātrás), а не изъ qṷ, такъ что греч. πάλλαξ, не соотвѣтствующее славянскому слову и по значенію, должно было бы по звукамъ соотвѣтствовать *своловѣкъ, *свелвѣкъ, а не *человѣкъ-,—рядомъ съ *kĭlověkъ стоитъ уже въ праслав. эпоху *kĭlvěkъ, засвидѣтельствованное прежде всего старымъ латышскимъ заимствованіемъ cilvēks.

Въ послѣднее время не разъ дѣлались попытки признать приведенное латышское слово не заимствованіемъ, а ориги-

---

[1]) *Brugmann*. Indog. Forsch. XII. 26, прим. 2. чьловѣкъ = Menschenkind, *чьло- въ др.-сакс. helith, др. в.-нѣм. helid, англ.-сакс. hæle (Mann, Iungermann, Kämpfer, Held). Какъ можетъ объясняться ь въ чьло- изъ *kĕlo-, Бругманнъ не говоритъ, а это самое существенное въ данномъ случаѣ.

[2]) Литературу вопроса см. у проф. Брандта въ Юбилейномъ Сборникѣ въ честь В. Ф. Миллера. Москва. 1900, стр. 307—309.

[3]) Какимъ образомъ и почему изъ *celvěкъ развилось, по Торбьёрнсону, *člověkъ, для меня совсѣмъ не ясно. См. *Torbjörnsson*. Die gemeinslavische Liquidametathese. Upsala. 1901 и очень вѣскія возраженія Вондрака въ Archiv für Slav. Phil. XXV. 182—211.

[4]) Къ исторіи звуковъ русскаго языка. Извѣстія отд. рус. яз. и слов. Имп. Акад. наукъ. VII. 1902 (2. 322—325).

нальнымъ наслѣдіемъ пралитовскаго періода. Такъ, г. Брандтъ выражается объ этомъ слюдующимъ образомъ: „мнѣ думается, что мы вправѣ строить славяно-литовское kilovoikos (или -ēk-), утратившее у латышей, по балтійскому обычаю, *o(a)* въ спайкѣ сложенія, или можетъ быть kilvoikos, вновь пріобрѣтшее у славянъ обычный „соединительный гласникъ“ (loc. cit. 307). И такъ, какую же форму предполагаетъ проф. Брандтъ: если kilovoikos, то ее можно объяснить, какъ сложеніе (въ этомъ смыслѣ потомъ склоненъ рѣшить вопросъ и г. Брандтъ), но тогда латыш. cilveks никакъ не связать со слав. *kilvoikos иначе, какъ допущеніемъ заимствованія изъ формы *kĭlvēks; если же исходитъ изъ формы *kilvēks, то отъ ея этимологическаго толкованія (въ духѣ самого проф. Брандта) придется отказаться. Весьма рѣшительно высказывается противъ заимствованія латышскаго слова г. Эндзелинъ [1]), съ мнѣніемъ котораго я однако никакъ не могу согласиться. „Брюкнеръ несправедливо считаетъ заимствованіемъ“, говоритъ онъ: „лат. cil'vèks — человѣкъ; встрѣчается еще діалектическая форма съ *k* (k'ilvēkelis), и поэтому заимствованіе должно было произойти еще въ то время, когда славянское мягкое *к* еще не превратилось въ *ч*, а говорить безъ надобности о заимствованіи въ столь древнее время, — это дѣло фантазіи, не науки“. Но, во-первыхъ, заимствованія изъ русскаго языка въ латышскомъ, дѣйствительно, имѣютъ очень древній характеръ (такъ, ъ передается въ нихъ черезъ ĭ: timnice, biřkavs, zizlis *жьзлъ изъ цокающаго [2]) говора, какъ и cilveks, tuce : туча, vuicĭtēs — учиться, koza : кожа, nazis : ножь и др.); во-вторыхъ, совершенно одиноко стоящее діалектическое k'il-

---

[1]) „Латышскія заимствованія изъ славянскихъ языковъ“. Живая Старина. 1899, стр. 301.

[2]) Ср. *I. Mikkola*. Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen Sprachen. 1894. I. 30. Вообще, славянское вліяніе на латышскій языкъ хронологически относится приблизительно къ тому же времени, что и вліяніе на финскій языкъ.

vēkelis(человѣчишко) можетъ не стоять въ непосредственной этимологической связи со словомъ cilveks, а быть контаминаціей этого слова съ какимъ-нибудь другимъ (напр., k'ilvis—пѣтушій зобъ). Наконецъ, фактъ остается фактомъ, т. е. въ данномъ случаѣ слав. *kĭlvěkъ, подтверждаемое и иными способами, точно передается лат. cĭlvēks[1]), которое само по себѣ въ латышскомъ языкѣ стоитъ совершенно одиноко и не имѣетъ этимологіи.

По мнѣнію акад. Шахматова, изъ общеслав. čelvěkъ съ краткимъ *l* (что, въ сущности, совпадаетъ съ обычной передачей *чьлвѣкъ, откуда рус. *человѣкъ) возникла форма „едва-ли не обще-великорусская" челэкъ; болгар. челя́къ, чиля́къ и др. онъ также считаетъ прямымъ отраженіемъ праслав. *челвѣкъ. Иначе, говоря, Шахматовъ предполагаетъ, что праслав. *челвѣкъ съ *л* и *ѣ* долгими развилось въ двухъ направленіяхъ: въ направленіи сокращенія *л* и сокращенія *ѣ*. Изъ *челвѣкъ то получилась форма *челѣкъ вслѣдствіе ассимиляція *в* предшествующему *л* (рус. болг.), то форма *чловѣкъ; рус. человѣкъ и малор. чоловік восходятъ къ формѣ съ долгимъ *л* и краткимъ *ѣ:* *челвѣкъ. Мнѣ не совсѣмъ ясно, почему рус. языкъ, превратившій путемъ ассимиляціи *čelvěkъ съ краткимъ *l* въ *čelѣkъ, оставилъ *v* въ словѣ, которое должно было чувствоваться, разумѣется, этимологически тожественнымъ слову *čelvѣkъ съ долгимъ *l*. Поэтому, вмѣсто того, чтобы исходить изъ столь сложныхъ гипотезъ (1. čelvěkъ и čelěkъ; 2. čelvѣkъ съ краткимъ *l* и čelvѣkъ съ долгимъ *l*), я предпочитаю опираться на факты, имѣющіе аналогію въ литовскомъ языкѣ, гдѣ два типа сложеній уживаются рядомъ. Подобно тому, какъ рядомъ съ auksakasis употребляется aukskasis и т. д., и въ праславянскомъ языкѣ рядомъ съ *kьlověkъ могло (хотя бы діалектически, какъ и въ литов-

---

[1]) Діалектическія формы: Swirdsen zil'wāks, Taunagi zilwāks, Salisburg zil'wāks, Waldegahlen zilāks и др. См. у *Бецценбергера* Lettische Dialekt-Studien. 1885, стр. 152, прим. 3.

скомъ языкѣ діалектически преобладаютъ опредѣленные типы сложеній) возникнуть *kĭlvěkъ, откуда на рус. и болгар. почвѣ образовалось *челвѣкъ, челѣкъ и др., тогда какъ *kьlověkъ дало другія славянскія формы.

Значеніе этого сложенія, мнѣ кажется, правильно опредѣлено Брандтомъ (и ранѣе Потебней, который не обосновалъ однако свой взглядъ фонетическими соображеніями), какъ соединеніе прилаг. *kĭlo- (koilo—цѣлъ) съ *voiko-s(сила), такъ что слово человѣкъ значило бы „имѣющій цѣлую силу, полносильный, т. е. взрослый, мужъ“. Я предпочиталъ бы видѣть во второй части сложенія *voiko-s (лит. vaikas) въ значеніи „молодецъ, парень“, такъ что *человѣкъ имѣло бы значеніе: „настоящаго молодца, вполнѣ зрѣлаго человѣка“. Это значеніе прекрасно подтверждается діалект. польскимъ chorowiek (człowiek słabowity, schorowany. Karłowicz. I. 199. Лось. 119). Впрочемъ, для насъ важна не столько этимологія этого слова, сколько типъ сложенія, лежащій въ его основаніи, и если даже согласиться съ Остгофомъ [1]), что *čьlověkъ значило „der eine lange lebensdauer habende“ (какъ др.-инд. cira-jîvaka отъ cira долгій и корня jî — жить), то все-же мы будемъ имѣть для праславянскаго двоякій типъ сложенія: *čьlvěkъ и *čьlo-věkъ. Дѣло въ томъ, что и при этой этимологіи латышское слово приходится признать заимствованіемъ изъ слав., потому что вѣкъ нельзя отдѣлять отъ той же основы въ значеніи силы: лит. vëkà, weikus или weikingus (проворный, дѣятельный) въ Вольфенбютельской постиллѣ 1573 г. (Mitteilungen der Lit. liter. Gesellschaft. *26*. 164), далѣе vikrùs (быстрый, проворный), латыш. weikls(сильный), др.-сѣв. veig(сила, крѣпость), а латыш. ē можетъ соотвѣтствовать не въ заимствованныхъ словахъ *ѣ* лишь тогда, когда это послѣднее изъ ē, чего въ данномъ случаѣ нѣтъ.

---

[1]) Morphologische Untersuchungen. IV (1881). 152.

Обратимся къ слову скорлупа. Славянскія формы отражаютъ двѣ праформы общеславянскаго языка: *skorlupa, откуда ц.-сл. скралупа, чеш. skraloup, рус. скоролупка и сложеніе съ основой на гласный *skorolupa, откуда въ эпоху, когда процессъ престановки гласнаго за плавный уже завершился, развилось *skorlupa, уцѣлѣвшее во многихъ славянскихъ языкахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ подвергшееся въ нѣкоторыхъ изъ нихъ тому же процессу развитію r̥ изъ or, какое испытали и исконныя сочетанія этихъ звуковъ. Какъ показываютъ чакав. Gologȑka (женщина изъ мѣстности Gologorica. Nemanić II. 59), frmentún (zea mais *frumentum. Nemanić I. 67), hrbutìna (herba quaedam. Nem. II. 59), trzják (agnus sero natus. *тризь. Nem. I. 47), тр̀пеза (Вукъ[2]. 751. târpesa у Appendini 149. 163) и др., различныя сочетанія *r* съ гласными склонны развиваться въ направленіи r̥: это наблюдается какъ въ сербскомъ, такъ и въ словинскомъ языкѣ (въ послѣднемъ, напр., trpentînka—Terpentinbaum, grzíca hölzerne klammer рядомъ съ grizíca и др.). Такимъ образомъ, въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ изъ *skorlupa могло развиться skr̥lup, которое мы видимъ въ слов. skrlup, словк. skrupina, а въ польск., подобно targ, marznąć, появилось слово skarłupa[1]). Иначе говоря, какъ рядомъ съ *čьlověkъ существовала на праславянской почвѣ форма *čьlvěkъ, такъ и рядомъ съ *skorolupa существовало *skorlupa. Разрѣшая вопросъ объ отношеніи славянскихъ формъ съ перестановкой (рус. скоролупа и др.) къ формамъ безъ перестановки инымъ способомъ, чѣмъ я, т. е. возводя первыя къ skor̃lùpa, а вторыя къ skorlúpa[2]), — акад. Шахматовъ все-таки исхо-

[1]) Перечисленіе формъ у Шахматова (loc. cit. 324.) и у Миклошича (Et. Wört. 302).

[2]) Однако чешс. skraloup какъ будто указываетъ на долготу *u* и въ skor̃lupa. Другіе примѣры акад. Шахматова можно, кажется, объяснить также безъ предположенія двухъ формъ, съ *р* дол-

дитъ изъ формъ сложенія безъ соединительнаго гласнаго, которыя онъ стало-быть предполагаетъ для праслав. языка. На той же точкѣ зрѣнія стоитъ и Миклошичъ, предполагающій основную форму *skorlupa, рядомъ съ которой онъ ставитъ церк.-слав. скралушта изъ *skor-lušta, распадающееся на скор- и луска (словин. luska-squama); ср. мрус. скаралуща и шкаралу́ща (Werchratskij. Arch. XXV. 415). Такимъ образомъ, для праславянской эпохи не-

---

гимъ и краткимъ: такъ, перм. борноволо́къ (Дополненіе 1858 г., стр. 11) при обще-рус. бороноволо́къ (Даль I. 119: ср. бороновать, боронопля́съ), конечно, форма просто съ опущеніемъ *о* въ длинномъ словѣ съ удареніемъ на концѣ, то же надо сказать о словѣ голдоба́. Что касается рус. горностай изъ *гороноста́й, то здѣсь, кромѣ тѣхъ же причинъ, могъ дѣйствовать и законъ народной этимологіи, пріурочившей это непонятное слово къ знакомымъ сочетаніямъ съ горно- въ первой части. Такимъ образомъ слово горностай получало обликъ чего-то знакомаго, состоя изъ словъ горный и стая. Съ этимъ ср. чеш. діал. chramostejl вм. hranostaj (Dušek II. 16). Относительно самого слова скорлупа надо имѣть въ виду, что форма *sker-jupa (пол. въ Пулавскомъ псалт. szczerzupyna, во Флор. skorupina) указываетъ какъ будто не на сложеніе, а на образованіе съ суф. -jup-, какъ словин. gorjûp(горькій), брус. малюпятка(немножко). Ср. Miklosich. Gram. II. 213. Возможно, что между словами *skerjup- отъ основы *skero- и *skorlup- произошла контаминація, въ результатѣ которой формы слов. skraljup и т. п., а также болг. черу́пка или чурупка (скорлупа). Чередованіе основъ *skero-, *skoro- и *skōro-, на которую указываетъ морав. škára (kožka ze slaniny, škraloup. Bartoš. I. 273), предположить въ данномъ случаѣ возможно. Наконецъ, отмѣчу, что рядомъ съ пол. *skerjupina стоитъ морав. škařupina *skorjupina (Bartoš. I. 273) и skořepina изъ *skor-ep-ina съ суфф. -ep-, какъ мазепа, мрус. голёпа (Miklosich. ibd.). Наконецъ, нельзя не обратить вниманіе на областное названіе цвѣтка Primula officinalis — гарлупа (Орл. Даль. I. 354. Анненковъ. № 1103). Если это изъ *горлупа, то въ какомъ отношеніи стоитъ къ слову горло, и какой здѣсь суффиксъ? Ср. растеніе горлянку.

обходимо предположить соединенія основъ безъ гласнаго въ исходѣ въ первой части сложенія.

6. Паздеръ и др. Въ эту группу я хочу соединить нѣсколько словъ, сложеніе которыхъ безъ соединительнаго гласнаго можетъ быть до извѣстной степени установлено, но этимологическое значеніе составныхъ частей не вполнѣ ясно. Такихъ словъ въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ и говорахъ довольно много, но почва для изслѣдованія ихъ до такой степени неподготовлена, что я ограничусь всего нѣсколькими примѣрами.

Болг. паздéръ (клокъ льну, конопли Дювернуа 1586; останжлитѣ дървени стръкчета, когато се е отдѣлила калчищата съмжналката. Сборн. за нар. ум. VI. 235), рус. паздеръ (сгребаемая по сборѣ конопли осталая посконь или въ Перм. губ. паздера́—верхняя кора липоваго дерева), серб. pazder, чеш. pazdero, пол. paździerz и др. формы, которыя въ большомъ количествѣ приводятся г. Будиловичемъ (II. 39). Имъ же предложено весьма важное для разрѣшенія вопроса о происхожденіи этого слова сравненіе пол. paździerz, pazdzior съ пол. dzior, dzier (grobster Abfall von Flachs und Hanf). Въ первой части сложенія я вижу слово пас-мо (ср. др.-в.-нѣм. fasa Faser, Franse. Miklosich. Et. Wört. 233), такъ что все соединеніе состояло изъ *pas-der-is и могло имѣть значеніе худшаго сорта льна, конопли. Ср. съ этимъ южно-рус. пасленъ, которое передѣлано въ песльонъ, чеш. pslnky (впрочемъ см. ст.-пол. psinki, чеш. psivino, серб. pasjica и др. Majewski. II. 722. Šulek. 555. Анненковъ. 147). Въ словѣ произошли различныя измѣненія подъ вліяніемъ пріуроченія къ основѣ *пьсо-; добраться до первотипа этого слова врядъ-ли когдалибо удастся, но форма пасленъ заслуживаетъ тѣмъ не менѣе большого вниманія.

Едва-ли не сложныя слова чеш. kadlub, пол. kadłub (Miklosich. Et. Wört. 108), съ которыми ср. морав. łoubek (kadlub na mouku. Bartoš. II. 338); далѣе мор. škavražný

(hovorný. Bartoš. I. 273), пол. dziawraga (несчастный, жалкій человѣкъ, изъ говора подгальскаго. Dembowski. Spraw. Kom. Język. V. 353), рус. пигалица, пи́галка или пиго́лка[1]) (Даль. III. 110) и т. д. О словѣ невѣста см. ниже (подъ словомъ неводъ). Но отъ этимологическаго толкованія этихъ словъ я отказываюсь, такъ какъ оно не дало бы ничего принципіально новаго.

Такимъ образомъ, на нѣсколькихъ примѣрахъ я, надѣюсь, показалъ, что сложныя слова безъ соединительнаго гласнаго были и въ славянскомъ праязыкѣ, но что по законамъ этого языка обѣ части должны были сливаться такъ тѣсно, что терялось первоначальное этимологическое значеніе сложенія. Поэтому, этого рода сложенія были осуждены на вымираніе, но, повидимому, новославянскіе языки идутъ къ тому, чтобы возстановить ихъ. Чакавское mlādlèto (gen. mlādlèta, весна Nemanić. II. 13), серб. благдан, чеш. kněžmostu (Arch. pro lex. I. 153), рус. новгорода и т. п. служатъ краснорѣчивыми свидѣтельствами въ пользу того, что славянское языковое чутье уже перестало чувствовать неудобство такого рода сложеній, и фонетическіе законы ихъ не препятствуютъ развитію этого процесса.

§ 2. *Сложныя слова изъ сращеній.*

Индоевропейскій праязыкъ еще до выработки системы склоненія употреблялъ сложныя слова съ неизмѣнной основой въ первой части; въ зависимости отъ того, оканчивалась-ли основа на согласный звукъ, или она представляла форму, уже развитую гласнымъ, сложеніе происходило съ помощью „соединительнаго гласнаго“ или безъ него, но, по существу, оба типа сложныхъ словъ совпадаютъ и оказываются древнѣйшими

---

[1]) Первая часть можетъ быть *pīk-: лат. pīcus, др.-в.-нѣм. spëh (Specht); пигалка=*pik-galka. Ср. Fick. I⁴. 481.

достижимыми для науки явленіями образованія сложныхъ словъ изъ сращенія въ индо-европейскихъ языкахъ. Такъ, сращеніе словъ *bhere voik̑os дало сложное слово φερέοικος, какъ сращеніе словъ *dem pedo — сложеніе δάπεδον. Когда началась въ языкѣ другая эпоха, когда формы безъ флексіи стали, за исключеніемъ Nom. Voc. Sing. нѣкоторыхъ основъ, явленіемъ невозможнымъ въ языкѣ, тогда и сложенія естественнымъ образомъ получали другой характеръ: они превратились въ образованія, аналогичныя старымъ типамъ, или имѣли источникомъ сращенія новаго типа, т. е. тѣсное соединеніе въ одно сложное слово извѣстной падежной формы съ другой основой въ имен. пад. ед. числа, такъ что все новое слово входило въ тотъ или другой разрядъ флексирующихъ основъ. Нѣтъ сомнѣнія, что уже въ индоевроп. праязыкѣ были подобнаго рода сращенія: такъ, вед. g̑nā́spátiṣ (супругъ божественной жены) должно быть отнесено къ „доисторической эпохѣ", потому что въ историческій періодъ древнеинд. языка окончаніе -ās въ основахъ на -ā (гр. χώρας, лат. familiās и др.) уже не употреблялось [1]). Къ тому же времени должно относиться др.-инд. jāspátiṣ [2]) при jā́ (существо, твореніе), гр. δεσπότης изъ *dems- (gen. отъ dem-, домъ) [3]). Все это соединенія съ Gen., тогда какъ сращенія съ другими падежами, нерѣдкія въ отдѣльныхъ индоевроп. языкахъ, не могутъ быть доказаны для праязыка. Это пріобрѣтаетъ особенный интересъ въ виду того, что первичной падежной формой, отличной отъ общаго именительнаго

---

[1]) *Brugmann*. Ueber das Wesen d. sogen. Wortzusammensetzung. 361.

[2]) *Meillet*, пытаясь изо всѣхъ силъ связать это слово съ слав. господь, предполагаетъ, что jās-pátiṣ происходитъ изъ *g̑onəs-pati-, а изъ *g̑ons-pati, откуда будто бы *g̑os-pati, онъ выводитъ наше слово. Mém. X. 137—139. Ср. Osw. Richter. Ind. Forsch. IX. 216—217 и 248, гдѣ отмѣчена древность этого образованія.

[3]) *Brugmann*. Grundriss. II. 31.

падежа, была во всѣхъ языкахъ, какъ это доказываетъ Де-ля-Грассери, именно форма родительнаго падежа, хотя бы еще въ общемъ значеніи падежа зависимости [1]). Искони тѣсное соединеніе родительнаго падежа со словомъ, отъ котораго онъ зависѣлъ, вызвало на свѣтъ появленіе срощеній именно этого типа, и это совершилось въ эпоху, когда преимущественное значеніе Genitiv'а, какъ падежа зависимости, еще не забылось. Лишь постепенно стали возможны срощенія съ другими падежными формами, срощенія, которыя пріобрѣтаютъ все бóльшее распространеніе въ новыхъ языкахъ, не утратившихъ флексіи, вытѣсняя такимъ образомъ старину. Въ этомъ отношеніи любопытны очень многочисленныя ново-чешс. срощенія: такъ, отъ слова vlast(родина) образованы по нѣмецкому образцу: vlastivrah (Vaterlandsfeind. Iungmann. V. 127), vlastibranec (Archiv pro lex. I. 468), vlastimilství, vlastimilovnosť (у Палацкаго. Archiv pro lex. III. 373), vlastizrada (измѣна отечеству); срощенія мы находимъ въ ново-чешс. bleskurychle [2]) (съ быстротой молніи) при bleskostřelec (Arch. p. lex. III. 14), bleskotvůrce (ibd.), bleskometec (Blitzschleuderer. Arch. p. lex. I. 18) и др. или hříchuplný при hříchoplod, hříchosňatel (Iungmann I. 758), zákondarný (въ газетномъ слогѣ) при zákonodárný (Iungmann. I. 485) и др. Поразительный примѣръ того, какъ этотъ типъ словообразованія проникаетъ и въ польскій яз., представляютъ слова dziękczynny (danksagend) и wiarygodny (при wiarogodny Słown. Wil. II. 1834). Слившееся нынѣ zmartwychwstanie еще въ 16 в. чувствовалось сопоставленіемъ и, напр., въ „Повѣсти о папѣ Урбанѣ“ (нач. 16 в.) писалось zmartwych wstanye [3]), латин. legislator передается въ Пулавской псал-

---

[1]) *Raoul de la Grasserie.* De l'Antériorité du génitif. Paris 1901. (см. особенно стр. 37—38. 43. 27).

[2]) Газета Nar. Listy отъ 5 авг. (н. ст.) 1903.

[3]) Prace fil. I. 66—67. Но произношеніе этого срощенія настолько сливало первую часть со второй, что при раздѣленіи ихъ (и весьма важно, что таковое все еще происходило) получались такія формы, ка-

тыри черезъ zakona noszcza, а во Флоріанской, гдѣ подъ руками былъ латинскій текстъ, пишется слитно: zaconanoszcza [1]). Собственныя имена, можно сказать, кишатъ такими срощеніями, и изъ нихъ нѣкоторыя древнѣйшія передаютъ общеславянскія отношенія расположенія формъ, являясь архаизмами въ области словообразованія. Но прежде, чѣмъ разсмотрѣть ихъ, я хочу посвятить нѣсколько страницъ общей постановкѣ вопроса, т. е. остановиться на томъ, при какихъ условіяхъ словорасположенія во фразѣ возможно такое тѣсное соединеніе двухъ словъ, что получается ихъ срощеніе? Уже Вейль въ своей замѣчательной книгѣ [2]) указываетъ на отношеніе различныхъ формъ словорасположенія къ образованію сложныхъ словъ; онъ устанавливаетъ въ этомъ отношеніи извѣстную градацію и замѣчаетъ (стр. 63), что „тѣ идеи, которыя выражаются въ одномъ языкѣ сложными словами, иногда передаются въ другомъ группами словъ. Распредѣляя указанныя пять конструкцій [3]) по степени болѣе или менѣе узкой связи частичныхъ идей, входящихъ въ нее, мы будемъ имѣть на первомъ мѣ-

---

кую мы находимъ, напр., въ Гнѣзненскихъ Проповѣдяхъ (Изд. Неринга въ Rozprawach. X. 1897, стр. 113): ona natichmasth gest... smarthfy byla fstala. Ср. aby smarthvykrzesil, smarthfyfstal.

[1]) *I. Hanusz.* Spraw. Kom. Język. II. 31. Другіе примѣры срощенія въ польскомъ см. въ книгѣ И. Л. Лося, сербскія въ грамматикѣ Маретича, чешскія въ Mluvnice Гебауэра. См. также рецензію акад. Соболевскаго на книгу Лося.

[2]) *H. Weil.* De l'ordre des mots dans les langues anciennes comparées aux langues modernes (первое изданіе 1844 г.; пользуюсь переизданіемъ этого труда въ Collection Philologique. III. Paris. 1879).

[3]) La construction descendante (le complément suit le terme dont il dépend), la construction ascendante (le complément précède le mot dont il dépend); l'enclavement (le complément est suivi du terme complété, et précédé d'un mot qui est indissolublement lié à ce dernier); la construction dispersée или hyperbate (le complément est séparé du mot auquel la syntaxe le rapporte, par un autre mot ou par plusieurs qui font partie d'un autre groupe syntaxique) и наконецъ le mot composé.

стѣ сложное слово, которое указываетъ на самую тѣсную связь ихъ, 2°—вмѣщеніе (enclavement), 3°—восходящую конструкцію, 4°—нисходящую конструкцію, 5°—разсѣянную конструкцію (l'hyperbate), которая наиболѣе раздѣляетъ какъ идеи, такъ и слова". Замѣчанія Вейля въ полной мѣрѣ подтверждаются современной наукой; можно только прибавить, что „вмѣщеніе" само по себѣ не существуетъ, а есть лишь одинъ изъ видовъ восходящей конструкціи. Такъ, если въ литовскомъ языкѣ мы находимъ вмѣщеніе въ родѣ слѣд.: ant aržůlo šakos, prë stubos durių, už to dvoro poną (Basanavičius. 14. 17. 23) или ùnt peḿanũ tõko, paȓ Letuwõs źẽmy (An. Šil. 42. 274) или у Ширвида (Punk. Sak. 7) kiti didzios szwyntibes Diewo tarnay и др., то это возможно лишь постольку, поскольку въ литовскомъ яз. Gen. стоитъ ранѣе дополняемаго имъ слова. Но зато Вейль совершенно правъ, что восходящая конструкція предшествуетъ сложенію изъ срощенія, или, говоря словами Потебни, „подобная постановка родительн. и другихъ падежей (между членомъ и его существительнымъ въ др. греч.: ἡ τοῦ πατρὸς ἐπιμέλεια) есть воплощеніе дополненія въ дополняемое, болѣе тѣсное ихъ единство, чѣмъ ἡ ἐπιμέλεια τοῦ πατρός"[1]) (Изъ запис. по рус. грам. III. 201). Нельзя не согласиться и съ конечнымъ выводомъ Потебни: „еще въ глубочайшей древности до обособленія индоевропейскихъ языковъ непремѣннымъ условіемъ возможности слiянія сочетанія словъ въ сложное слово есть препозитивность опредѣлительнаго и дополнительнаго". Такимъ образомъ, мы должны поставить вопросъ, были-ли соотвѣтствующія условія сочетанія словъ въ пралитовскомъ и праславянскомъ языкахъ. Уже индоевроп. праязыку Дельбрюкъ приписываетъ[2]) такой порядокъ словъ, при которомъ Gen. Attribut., по большей части и вошедшій

---

[1]) Тамъ же примѣры изъ рус. яз.: на святаго апостола Петра съпаденіе веригамъ; на моей братьи головахъ; Россійскаго государства люди и др.; или въ отца мѣсто.

[2]) Grundriss d. vergl. Gram. V. 102—103.

въ сложенія изъ сопоставленій, стоялъ, равно какъ и имя прилаг., передъ словомъ, къ которому они относились; едва только слѣды этого порядка вещей сохраняются въ славянскомъ языкѣ, тогда какъ др.-индійскій, литовскій и германскій сохранили его въ общемъ неизмѣнно, а греческій и латинскій усвоили себѣ большую свободу въ этомъ отношеніи.

Древне-индійскій лишь тогда ставилъ имя существ. передъ относящимся къ нему родительнымъ падежомъ, когда оно, выступая въ извѣстномъ противорѣчіи къ другому имени, бывало отмѣчено особенно сильнымъ удареніемъ и вообще стояло на первомъ мѣстѣ въ предложеніи [1]). Но правиломъ въ языкѣ были все-таки словосочетанія въ родѣ Mánor jāyā́ (жена Ману), Mánor duhitā́ (дочь Ману), devā́nām hótā (жрецъ боговъ), óṣadhīnāṃ mū́lāni (корни растеній) и т. п. Въ результатѣ др.-индійскій яз. развилъ огромное и весьма разнообразное количество срощеній [2]), гдѣ вторая часть сложенія могла выработать характеръ суффикса (-pati. Richter. 223), гдѣ отъ такого новаго существительнаго образуется уже въ Ведахъ прилагательное (Rv. 7. 20. 9. rāyás kā́ma или 7. 94. 4. kā́mō rāyáh — стремленіе къ богатству, отсюда rāyáskāma — корыстный. ibd. 225). При этомъ, унаслѣдованъ отъ древнихъ временъ старый типъ образованія Gen. Sing. съ *-s* (ráthaspáti, vánaspáti) даже отъ основъ на *-a*, рядомъ съ которымъ въ Ведахъ лишь въ одномъ случаѣ встрѣчается правильное образованіе Gen. Sing. на -sya: āmuṣyāyaṇá — (потомокъ такого-то) [3]). Если даже въ основѣ сложеній vánaspáti-, ráthaspáti- лежатъ не vána-, rátha-, но *vánas (Holz, Wald), *ráthas (Streitwa-

---

[1]) *B. Delbrück.* Syntaktische Forschungen III. 43 (примѣры). Ср. Synt. Forsch. V. 20.

[2]) См. чрезвычайно важную статью *О. Рихтера:* „Die unechten Nominalkomposita des Altindischen und Altiranischen“ (Indog. Forsch. IX. 1—62 и 183—251).

[3]) Ср. замѣчаніе Рихтера. 227. Der Genitiv der *a*- Stämme war überhaupt von der Komposition ausgeschlossen: er war eine auch dem naiven Sprecher grammatisch zu durchsichtige Form.

gen), т. е. не Genit., но чистыя основы на -as, все-таки они чувствовались, какъ падежныя формы родит. пад., и сложенія Gen. съ pati, уже вполнѣ развившіяся въ ведійскомъ языкѣ, относятся къ доисторической эпохѣ (ср. Rv. 1. 25. 5. sádaspátī — господинъ селенія при sátpati-, bŕhaspáti-. Richter. § 85). Соединеніе съ *divos (Gen. Sing. отъ *div) принадлежитъ въ греческомъ языкѣ къ числу индоевропейскихъ переживаній типа сроценій: таковы гр. διόσδοτος (подаренный Зевсомъ) [1]). Чрезвычайно велико число образованій этого типа въ балтійскихъ языкахъ и такъ какъ здѣсь процессъ перехода сроценій въ сложенія происходитъ, можно сказать, постоянно и на нашихъ глазахъ, то я полагаю, что для выясненія сущности этого процесса, повидимому, довольно обычнаго и въ праславянскомъ языкѣ, остановиться на немъ здѣсь будетъ не лишнее. Прежде всего я разсмотрю его развитіе въ латышскомъ языкѣ, гдѣ вообще Genit. пріобрѣлъ весьма широкое употребленіе и сохранилъ много древнихъ особенностей. Особенно важное значеніе въ смыслѣ образованія сложныхъ словъ принадлежитъ т. наз. Aposizijas g'enitiw'y латышской грамматики, который обозначаетъ ближайшее соотношеніе между дополняемымъ и дополнительнымъ словами, употребляясь въ приложеніяхъ, въ названіяхъ владѣльца, особенно характерныхъ свойствъ предмета и т. д. (напр. sešgalvju velns — чортъ о шести головахъ, nelaik'a māmulin'a — несчастная матушка, bērza koks — дерево береза, Firksa kungs — господинъ Фирксъ, Rigas pilsēta — городъ Рига и др. См. примѣры у г. Мюллен-

[1]) Образованіе Gen. съ причастіемъ, какъ въ др.-инд. и въ балтійскихъ языкахъ. См. Brugmann. Griech. Gram³. 393. О формѣ слова см. G. Meyer. Griech. Gram³. 371. Въ латинскомъ языкѣ сроценія развились, повидимому, поздно: у Плавта еще manu emittere и emittere manu, animum advorto и advorto animum и др. („in vielen ähnlichen Fällen ist der Wortanschluss nicht vollzogen" F. Leo. Bemerkungen über plautinische Worstellung und Worstgruppen. Nachrichten von der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Phil.-Hist. Klasse. 1895, стр. 417).

баха)[1]). Весьма часто срощеніе съ родительнымъ падежомъ и сложеніе съ основой здѣсь совершенно совпадаютъ, какъ и въ литовскомъ языкѣ: такъ, литовскому šunsůdega (собачій хвостъ, šunsůdēgius льстецъ, šunsůdegůti льстить, ср. др. çunaskarṇa—собачье ухо или болѣе новое çúnaḥçḗpa мужское имя первоначально съ презрительнымъ оттѣнкомъ, ново-нѣм. Hundsfott Richter. 224[2]) соотвѣтствуютъ сложенія съ основой šun-, весьма многочисленныя: šungal̃vis (пьсоглавецъ), šúnponis (angethaner - den kleidern nach-Herr), šúntakis(тропинка) и мн. др.[3]). Подобнымъ образомъ, рядомъ со šunpurnis (латыш. sumpurnis) встрѣчаемъ šuns-snukis (собачья морда. Межинисъ 249) или въ латышскомъ языкѣ sirdsapzin'a(совѣсть)[4]), sirdsdibens (глубина души), sirdsēsti (сердечная печаль) и др. уживаются рядомъ съ sirdēsti(=sirdsēsti). Повидимому, въ прежнія времена срощенія съ Gen. Sing. на *-s* въ первой части были весьма распространены и такъ же, какъ въ древне-индійскомъ языкѣ срощенія съ -as въ первой части, послужили образцомъ для послѣдующихъ аналогичныхъ образованій: такъ, напр. *-s* въ šuns- понятно, но *-s* въ bùtsangė (входъ въ домъ Alexandrow. 82) можетъ быть лишь аналогіей, и весьма древней, старыхъ образованій. Обѣ части этого слова восходятъ къ праязыку[5]), такъ что bùtsangė въ цѣломъ

---

[1]) Par aposizijas ģenitiwa. Daschi jautajumi par latweeschu walodu. III. 1902, стр. 51—62. О другихъ формахъ употребленія Genitiv'а *см.* въ его же брошюрѣ Daschi jautajumi. 1891.

[2]) *Brugmann.* Grundriss I² 726: др.-инд. çēpas (penis), лат. cippus, гр. σκοῖπος.

[3]) Ср. *Koncewicz.* Mitt. d. litt. lit. Gesellschaft. IV. 235. *Alexandrow.* 20. 63.

[4]) Várdi, kuri Ulman'a várdnicâ... salasiti. Rīgas Rakstu Krajums. II. 54.

[5]) Bûtas: др.-ир. both (хижина). Brugmann. Grundriss I². 106. Angá (входъ): гот. aggvus и др. Fick. I⁴. 3: въ pečangė (устье печи. Alexandrow 14), marąngis (заливъ. Geitler. Beiträge. 52). На основаніи слав. жѧ҄ъкъ, др.-ин. ąhas, авест. āzah мы ожидали бы лит. anžà, а не angà.

тоже можетъ разсматриваться, какъ пережитокъ архаистическихъ отношеній словообразованія. Съ тѣмъ же явленіемъ мы встрѣчаемся въ латышскомъ языкѣ: *-s* въ sirdsēsti, ciltsbrāli (соплеменники. Rig. Rak. Kr. VII. 21) умѣстны и понятны, но для *s* въ такихъ сложныхъ словахъ лифляндскихъ говоровъ, какъ kap'8-kalni, sil'skalnc, louk'sputn' и др., приходится искать объясненія: чтобы здѣсь скрывался старый Gen. Dual., какъ полагаютъ г. Эндзелинъ и Мюлленбахъ (Rig. Rak. Kr. XIII. 87), въ пользу этого нѣтъ, какъ мнѣ кажется, ни одного вѣскаго доказательства, и я думаю, что мы не должны отдѣлять этого явленія отъ сходнаго литовскаго.

Въ литовскомъ языкѣ только срощенія съ Gen. получили значеніе сложныхъ словъ. Примѣровъ этого явленія не мало: Łaumesjuasta (tęcza. Marciński. 27, у Мильке laumēs jůsta, у Ширвида даже съ другимъ порядкомъ словъ: juosta dungaus — поясъ неба. 369), akiesbaltim's (бѣльмо. Marciński. 34, у Ширвида: akies baltimas 13, раздѣльно два слова и у Куршата 4), leleakies (zrzenica. Marc. 27, łełe akies Ширвидъ 459, еще болѣе правильно akiĩ lèlẽ у Куршата 225, собственно „куколка глаза“; любопытно, что Марцинскій чувствовалъ здѣсь одно слово; ср. пол. sztukamięsa, серб. odpamtivieka и др.), laumès galva (эхо молотилки. Geitler. Lit. Stud. 94), nakties šašolétas (растеніе Solanum nigrum. Iacobi. Mitt. IX. 137) и др. Это несомнѣнно сложныя слова, хотя бы они писались раздѣльно, какъ и латыш. astes zvaigzne (комета, т. е. „звѣзда хвоста“ Rig. Rak. Kr. VI. 69), kājas auts (= по смыслу kājauta — обувь, какъ справедливо замѣчаетъ г. Plavin'š въ Rig. Rak. Kr. VII. 31) и т. д. Именно въ латышскомъ языкѣ мы видимъ, какъ сопоставленія превращаются въ срощенія, а эти послѣднія въ сложенія. Изъ огромнаго матеріала, представляемаго новѣйшимъ изданіемъ латышскихъ народныхъ пѣсенъ г. Виссендорфа и Барона, заимствую рядъ примѣровъ:

1) Pura malâ es dzēdaju. L. 376. 2 (обычно purma-

lâ—на краю болота), но 739. 3. visas tautu purmalites. 760. 4 visas purvu purvmalites. Ср. 3798 и варіанты: purvmalites, puramolys, purvumalas.

2) Cel'a malâ. 668 (на краю дороги), lasat kokus celmalêi 1073. 4 и tīrijët celà malas 1073. sivenini cela malu 2422, cela malas bērzin'am. 3355. 1 и др.

3) Ir̄as malu (край моря) 2198 при обычномъ jurmala. Ср. 579. avota malâ (у ручья). 704 upites malâ.

4) Vëna bija Leišmalê, otra Kursas malin'â. 251. 6.

5) Visi labi cëma puiši. 300. 2193. 1 (деревенскіе парни) cëma cūkas (деревенскія свиньи) 782. cëma meita 323. 2 (деревенская дѣвушка) или cëmu gani (деревенскіе пастухи 278. 4), cëmu gaili 888 (деревенскіе пѣтухи), и при этомъ cëmmeit's slink's. 2084, cëm-meitin'u 265. 2 cëm-berni vaiceja 1395. 2. cëmpuiši. 2143.

6) 3704 namdurvim (къ дверямъ дома). 3719 nama duru. 3721 nama durvu. 1127 pë līgavas nam'durvim. 1657 nama duru.

7) 425. 1 dënas vidû (среди дня). 425 dënvidû или dënavidû. 425 dënas vidâ или dënvidôs.

8) 827. cūkganin'š(свинопасъ). 1044 nedzëdaja govu gani (пастухи коровъ). 1048. 4 kad es gāju cukganôs.

9) 1495 lëk caun'u cepuri (кунью шапку). Bezzenberger. Lett. Dial.-Stud. 45 visim caun-cepures.

10) 281. ābel-zëdi rocin'â (яблочный цвѣтъ въ ручкѣ). 281. 4 ābels zëdi saujin'â.

11) 1270. Krustatēvs, krustamāte krustdēlam slotu grëž (также krustu-tēvs и др.).

12) 2079. šupo, eglite, vāveres bērnu (качай, елочка, бѣлкина сына). 2079. 1. šūpo, eglę, vāver-bērnus.

13) 2092. vēja māte (мать вѣтра). 2093 vējmāte (ср. 1194. 1. Es pëdzimu vējputnê).

14) 1263. nāk mana tēvmāsa ar kukuliti (при обычномъ tēva-māsa, сестра отца).

15) 1356. Baznickunga kukulitis (ср. 1368. 1 и 1408). Обычно baznicas kungs.

16) 1683. Lai skrēja mežsargi pē jōda, velna 1684. meža sargs (лѣсной сторожъ).

17) 3102. Rudzzālê ēdinaju.

18) 5145. Lāčausas (медвѣдьи уши въ словарѣ Ульмана lāčuausas).

Такихъ примѣровъ можно было бы подобрать весьма большое количество во всякомъ сборникѣ латышскаго народнаго творчества, но я думаю, что и приведенные въ достаточной мѣрѣ обнаруживаютъ ту тѣсную связь, которая существуетъ между срощеніями съ Gen. и настоящими сложеніями: „духъ языка“ не дѣлаетъ между ними никакого различія и въ одинаковой мѣрѣ допускаетъ почти въ каждомъ индивидуальномъ случаѣ то одно, то другое выраженіе сложнаго представленія. Особенно ярко проявляется потеря самостоятельнаго значенія Gen. при другомъ существительномъ въ томъ фактѣ, что Gen. можетъ быть безразлично Plur. или Sing. Вотъ нѣсколько примѣровъ. По Ульману lētas kōks (Nutzholz лѣсъ, годный на строеніе и на выдѣлку вещей). Такъ это сложное слово и встрѣчается въ пѣснѣ L. 3645 lētas koku mežin'â, но въ варіантѣ находимъ lētu koku mežin'â. Отъ plur. tantum pelni (зола) правильное срощеніе pelnurušk'is (Aschenbrödel), которое мы и видимъ въ пѣснѣ Z. 2917; но такъ какъ Gen.-первая часть срощенія здѣсь вовсе не чувствуется, какъ самостоятельная единица, а лишь какъ часть сложнаго слова, то по аналогіи съ namaduris-namuduris развивается и здѣсь (L. 2917 вар.) pelna rušk'is и наоборотъ mēžu vārpa (колосъ ячменей. L. 845.1) форма, возможная лишь по аналогіи. Подобнымъ образомъ рядомъ съ tēvu zeme (отцовская земля) уживается tēva zeme (L. 3782 вар.) и т. д. Очень характерный образецъ того, какими разнообразными средствами пользуется латышскій языкъ для выраженія сложнаго представленія, видимъ въ пѣснѣ L. 3844. „Родные и знакомые“ понято здѣсь, какъ одно сложное слово, и такъ znoti radi (L. 3844) превратились въ znota radi (вар. 3) и znotu- rad' (вар. 4). Точно также, какъ это отмѣчено и г. Мюлленба-

хомъ (Daschi jautajumi. III. 55), Gen. срощеній являются и въ такихъ случаяхъ, гдѣ мы ожидали бы согласованія со словомъ, къ которому они относятся: напр., L. 431.6 kur tē puiku rozbainēki (при L. 431.6 вар. kur tē puiši razbainēki, разбойники- парни); L. 800. Kam, brāliši, runajat Tadas blēn'u valodin'as? Labak dzēsmu padzēdat, Nekà blēn'as runajat (здѣсь blēn'u valodin'as и blēn'as—пустыя рѣчи); L. 2559 ganu bērni (по смыслу= ganib ērni, мальчики пастухи), L. 2488.5 irbes meita (= irbe meita, куропатка дѣвушка), L. 2762.7 zal'aja birža koki (по смыслу=zal'aji bērzì koki, деревья зеленыя березы), L. 2818 prēdes koki, egles kōki (дерево сосна, дерево ель), L. 4063.1 bāra bērni (т. е. bāri bērni, сироты), L. 4261.15 laimes meita (вар. laimiga mātes meita, счастливая дочь) и т. д. Срощенія съ Gen. становятся до такихъ степени обычными и удобными способами выраженія сложныхъ представленій, что Gen. замѣняетъ и другіе падежи: такъ, напр. acu redzejums (L. 1946.6, смотрѣніе глазами), kar'a gājejini (L. 1955, на войну ходоки), gana dublu bridejin'u (L. 3255, довольно такихъ, которыя ходятъ по грязи, ср. L. 3362.1 dubl'us bridi, правильный Acc.), man rasin'as bridumin'š (L. 4017 мнѣ хожденіе по росѣ) и т. д. Но ту же мысль можно передать и съ помощью настоящаго сложенія, какъ въ пѣснѣ L. 1326. 11 выраженіе maneimōt vētraudžos значитъ: „когда мнѣ было идти смотрѣть мѣсто“ [1]).

Въ литовскомъ языкѣ мы находимъ, какъ уже было упомянуто, также большое распространеніе срощеній съ Gen. Этотъ падежъ вообще получилъ здѣсь такую широкую область

---

[1]) Срощенія съ другими падежами большая рѣдкость въ латышскихъ пѣсняхъ. Въ сборникѣ г. Барона-Виссендорфа я нашелъ лишь одинъ примѣръ: L. 4494.3 Balti bija ēvaj zēdi (цвѣты у ивы были бѣлы) при варіантѣ: ēvas zēdi (ивовый цвѣтъ). Ср. также не вполнѣ для меня понятное L. 4712 visai neairama, visai ne sūtama при вар. visu neairama, visu naredams.

синтаксическаго распространенія, что является возможность изложить цѣлую исторію, употребляя изъ косвенныхъ падежей одинъ родительный. Опытъ этого рода былъ продѣланъ издателемъ литовскихъ сказокъ C. Iurkschat'омъ [1]) въ одномъ изъ его языковыхъ фокусовъ (Sprachkunststücke), гдѣ мы находимъ одинъ Gen. Здѣсь (№ 48, стр. 104—105) мы видимъ срощеніе: karčemēlės grašēle (грошъ на выпивку въ корчмѣ). Вообще, условія срощенія постоянно на лицо какъ въ литовскомъ, такъ и въ латышскомъ языкахъ, и процессъ, начавшійся здѣсь изстари, въ той же степени продолжается и теперь, съ легкостью разлагая и вновь создавая эти удобнѣйшія средства выраженія сложныхъ представленій.

Словянскіе языки и въ этомъ отношеніи отступили отъ старины; положеніе Gen. послѣ слова, къ которому оно относится, мало благопріятствуетъ развитію срощеній. Въ полезной книгѣ Э. Бернекера „Die Wortfolge ind en slavischen Sprachen" (Berlin 1900) чрезвычайно наглядно вырисовываются условія, препятствовавшія развитію славянскихъ срощеній: въ то время, какъ въ литовскомъ языкѣ Gen. Partitivus почти всегда предшествуетъ слову, къ которому относится, въ славянскихъ языкахъ это положеніе его относится къ числу исключительныхъ явленій и объясняется всегда намѣреніемъ подчеркнуть слово, которое стоитъ въ родительномъ падежѣ (напр., куръ мѣшокъ на вопросъ: что ты мнѣ дашь? но въ другихъ случаяхъ: мѣшокъ куръ, см. Berneker 103—104). Gen. possessivus, который въ литовскомъ языкѣ опять-таки стоитъ впереди, въ славянскихъ занимаетъ колеблющееся положеніе: въ русскомъ и польскомъ всегда позади, въ другихъ то такъ, то впереди, при чемъ въ большинствѣ случаевъ возможны обѣ конструкціи: такъ, въ мрус. при багатиря син сейчасъ же син багатиря, въ чешс. dcera toho pána

---

[1]) Litanische Märchen und Erzählungen. Aus dem Volke gesammelt und in verschieren Dialekten, besonders in der Galbraster Mundart mitgeteiet von C. Iurkschat, Pf. Heidelberg. 1898.

и na jednoho měšťana svadbu и т. д. Что касается Gen. Qualitatis (литов. su mėsos barzda, pёno uрę и др. съ род. падежомъ впереди), то изъ примѣровъ, приведенныхъ Берневеромъ, можно вывести самое большое то, что слав. языки (польскій и русскій) допускаютъ здѣсь и восходящую конструкцію по терминологіи Вейля. Но рядомъ съ гоголевскимъ своей работы кошелекъ, такого рода человѣкъ и т. п. мы обычнѣе говоримъ кошелекъ своей работы, человѣкъ такого рода и т. д. Въ польскомъ тоже преобладаетъ положеніе Gen. сзади: mąž wielkiego rozumu, człowiek śriedniego wieku и др. [1]). Однако есть случаи, гдѣ Gen. стоитъ передъ словомъ, къ которому относится, и въ этихъ случаяхъ легко развивается срощеніе. Примѣромъ такого явленія можетъ служить пол. okamgnienie (мгновеніе ока) или старопол. jako prawie i wiemy świadczymy, jeź Iasiek poliściewyściu вм. po lista wyściu (Bystroń. 7).

Польскому okamgnienie соотвѣтствуетъ чеш. okamžení (Gebauer. Mluvnice. § 91), okamih, okamihnutí, okamhoužení (ока хмуреніе), okamžik и даже okamžiční, okamžilý, okamžitý (Iungmann. II. 909), также okamhnutí (Arch. pro lex III. 201); словацк. okamih, okamženie, okamžik, okamihnutie (Loos. 332); однако въ южнославянскихъ языкахъ такого образованія мы не находимъ, а видимъ сложныя слова съ оkо- въ первой части (изъ *okos, какъ kolos въ коловратъ, ст.-пол. Colodzey): болг. окоми́гванѥ (Дювернуа 1478), словн. okomìg или okomîgljaj (fpleteršnik. 813). Рядомъ со сложеніями съ основами око- (okos), очи- (*okī, лит. aky-), очь (*okĭ, лит. aki-) и срощеніями съ Gen. oka (вм. общеслов. очесе) сохранились слѣды сложенія и

---

[1]) A. Soerensen. Polnische Grammatik. 1900. стр. 293—294. Много примѣровъ различныхъ положеній Gen. въ статьѣ Я. Быстроня: „O użyciu Genetivu wjęzyku polskim" (osobne odbicie z tomu XXII Rozpraw Wydzialu fil. Akad. Umiejętn. w Krakowie) 1893.

съ очес- (*okes-)[1]): напр., пол. *oczemgnienie, которое записано въ „цокующемъ“ говорѣ Галиціи въ формѣ vųecyméńu(= w ocemgnieniu, по мнѣнію проф. Розвадовскаго)[2]).

Это срощеніе съ ока- не можетъ быть отнесено къ праславянской эпохѣ, на что указываетъ и самая падежная форма слова. Съ большóй вѣроятностью можно принять за старыя срощенія сложныя слова съ огни- въ первой части. Это Gen. Sing. отъ слова огнь (лит. ugnìs-ugnẽs). Въ сложеніяхъ правильныхъ фигурируетъ основа *ognĭ: чеш. oheňpara (Arch. pro lex. I. 251), oheňpar (Iungmann. II. 891), сложенное изъ *ognь и *parа(жаръ)[3]), хотя чаще, какъ это случилось и въ литовскихъ Composita, мѣсто правильной основы заняло аналогичное видоизмѣненіе ея подъ вліяніемъ основъ на -jo. Какъ въ литовскомъ языкѣ въ сложеніяхъ обычно выступаетъ основа ugna- (ugnávëtė изъ ugniávëtė. Schleicher. Изд. Доналитіуса 333), такъ въ славянскихъ языкахъ роль первой части Composita исполняетъ огне-, рус. огнепалимый, чеш. ohňozemec, словн. ognjegâsec, пол. ogniopiór (родъ сыпи на лицѣ у дѣтей = чеш. ohňpara или ohnipara) и т. д. Но какъ въ современномъ чешскомъ языкѣ въ словахъ ohněstroj (фейерверкъ, словацк. ohňostroj), ohňevod (огневодъ, словацк. ohňovod) и т. д. находится собственно (съ точки зрѣнія современнаго чешскаго языка) Gen. Sing. ohně(огня), такъ и въ старомъ чешскомъ языкѣ, гдѣ Gen. Sing. отъ

---

[1]) *Brugmann.* IF. XV. 98 βλάσφημος=*μλαθσ-φāμος, др.-инд. mṛ̥dhas-; ὀσφραίνομαι=*ὀδσ-φραίνομαι, лат. odor; въ основѣ лежитъ „ein es- Stamm“.

[2]) *Jan Witek.* Teksty i spostrzeżenia gwaroznawcze z północnowschodniej okolicy Tarnowa. Mater. i Prace Kom. Język. I (1901). 24. Ср. w ocymieniu. Krak. (Łopaciński. Prace Fil. V. 813) и старопол. w ocemgnieniu (Bystroń. 7). Въ ст.-пол. также w okumgnÿenija (Lubicz. Spraw. V. 318).

[3]) Ср. *Gebauer.* Histor. Mluvn. I. 78 (подъ par-).

ohnь звучалъ ohni, образовались срощенія съ Gen. Sing. въ первой части. Таковы чешс. ohničara (пиромантія), ohnioko (чешскій гранатъ, слвк. ohnioko), ohnipal (пожаръ), ohnipara (=слвк. ohnipara), ohnival, ohniživ или ohnižil (Molch, Feuerwurm; словк. ohnižil — саламандра, пол. ogniożyw). Весьма нерѣдки подобныя образованія и въ польскомъ языкѣ: сюда относятся ogniploп (растеніе Achimenes. Sl. Wil. 886. Majewski. I. 263. Rostafiński. 710), ogniślepek (растеніе Calliopsis, ibd.), ognismętek (растеніе Osmyllus), ognizierka (растеніе Eusterhia). Я думаю, что нѣкоторыя изъ этихъ словъ должны быть отнесены къ глубокой древности, еще къ тому времени, когда Gen. Sing. отъ слова огнь звучалъ не ogni- но ognis: иначе трудно объяснить названіе растенія ogniślepek, которое никакъ не разложишь на ogni-ślepek; синонимы этого названія krasotwarz и pięknolica (Majewski. II. 152) указываютъ на вторую часть сложенія lepek (*лѣп-, ср. lepszy), а синонимъ plamotka подтверждаетъ значеніе первой части сложенія, которое я разложилъ бы на ognis-lepek. Что касается названія ognismętek, то не нужно-ли и его разложить на ognis-mętek (вторая часть = mięta подъ народно-этимологическимъ вліяніемъ пріурочено къ smętek)? Мы еще совсѣмъ не знаемъ законовъ исхода словъ въ праславянскомъ языкѣ, условій, въ которыхъ конечное *-s* отпадало или сохранялось; поэтому намъ невозможно разобраться, въ какихъ изъ приведенныхъ словъ нужно предположить *ognīs, а въ какихъ ognī; но, повидимому, нельзя сомнѣваться, что въ извѣстную эпоху праславянскаго языка рядомъ съ формой Gen. Sing. ognīs уживалась созданная законами Sandhi форма ognī. Такимъ же точно образомъ рядомъ съ формами Nom. Sing. съ уцѣлѣвшимъ исходомъ -ŏs жили формы на -ŏ; въ ту эпоху, когда наступило сокращеніе всѣхъ гласныхъ звуковъ въ исходѣ словъ (ср. Шахматовъ. Извѣстія VII. 2. 313), подверглось сокращенію и краткое *о*, и изъ него, какъ и изъ краткаго *ŭ*, развился глухой твердый звукъ; но по законамъ Sandhi въ

эту пору праславянскій языкъ зналъ еще и формы на -o s, которыя въ -ъ s не перешли, а сохранили свое *o*, когда позже всякое конечное -*s* отпало: отсюда дуализмъ въ родѣ серб. vógjo при vȍgj(вождь), gluho и т. д. (ср. Даничић. Rad. 26. 56—63), пол. wujo, stryjo, brzucho (Гарволин. у. Spraw. Kom. Jęz. V. 149), ст.-пол. czołen или czołno (Kryński. Spraw. Kom. Jęz. IV. 53) и т. д. (ср. ниже о законахъ Sandhi). Такимъ образомъ, и рядомъ съ ognī языкъ зналъ форму *ognīs. Ср. ниже пол. zwiłupa.

Кромѣ западно-славянскихъ языковъ, срощенія съ огни- почти неизвѣстны. Могу указать только на серб. ognjičar (Fumaria parviflora. Šulek. 262), но срощеніе-ли это изъ *ognī+čar или образованіе отъ ognjica (Šulek. ibd.), я не знаю; вообще же какъ русскій, такъ и южно-славянскіе языки утратили срощенія съ огни- и ока- или вовсе не имѣли послѣдняго.

Любопытное срощеніе, ограниченное опять-таки западнославянскими языками, представляетъ соединеніе словъ кръве съ пролитіе, которому русскій и южно-славянскіе языки противопоставляютъ настоящія сложныя слова съ (новой) основой въ первой части: именно, словн. krvoprelîtje или krvolîtje, серб. krvoproliće, болг. кръвопролитие (изъ русскаго? Дюверн. 1053, у Герова этого слова нѣтъ), рус. кровопролитіе соотвѣтствуютъ чеш. krveprolití. Это устарѣлое срощеніе исходитъ изъ сложенія съ Gen. krve въ первой части; такъ же образованы слова krvežíznivý, krvesmilný (blutschänderisch. Arch. pro lex. I. 173), krvetok (иначе krvotok- Blutfluss. Iungmann. II. 211) и т. д. Польскій языкъ, знавшій еще въ концѣ 14 в. Gen. krwe (W. Nehring. Iag. Arch. IV. 479—484), въ старину употреблялъ срощенія krwieplwanie (теп. krwioplucie) и krwiepłynienie(кровотеченіе), какъ теперь онъ знаетъ krwinabieg (приливъ крови), krwiściąg (орудіе для оттягиванія крови) и т. д. Указанныя срощенія обнаруживаютъ условія, при которыхъ въ группѣ западно-славянскихъ языковъ они только и были воз-

можны, т. е. они выясняютъ, что лишь при положеніи Gen. передъ дополняемымъ словомъ возможно такое тѣсное соединеніе ихъ, что ихъ совокупность чувствуется какъ бы однимъ словомъ. Несмотря на то, что русскій и южно-славянскіе языки сдѣлали конструкцію болѣе свободной, я думаю, что согласно съ Бернекеромъ мы можемъ предполагать, что въ праславянскую эпоху Gen. atributivus, вообще говоря, стоялъ передъ дополняемымъ словомъ, какъ въ литовскомъ и древне-индійскомъ языкахъ, и какъ тамъ это положеніе его привело къ созданію большого числа срощеній, болѣе или менѣе тѣсно связывавшихъ части, такъ и въ праславянскомъ языкѣ возникало не мало такихъ группъ. Но въ силу того явленія, что въ славянскихъ языкахъ мало-по-малу измѣнилось положеніе Gen. Attrib. при существительномъ, сдѣлавъ возможными обѣ конструкціи, восходящую и нисходящую, эти срощенія, пока въ нихъ чувствовались этимологическія части ихъ, потеряли свою стойкость и только въ отдѣльныхъ случаяхъ уцѣлѣли въ томъ или другомъ изъ западно-славянскихъ языковъ. Однако при условіяхъ особенно тѣснаго соединенія частей срощенія, когда форма, стоящая въ первой части, вслѣдствіе своей архаистичности становится непонятной, или когда срощеніе получаетъ постоянный опредѣленный характеръ, какъ, напр., въ собственныхъ личныхъ именахъ, оно, возникнувъ въ праславянскую эпоху, могло неизмѣнно сохраниться и въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ. Прежде всего, конечно, срощенія съ Gen. Sing. на *-s* въ корневыхъ основахъ рано утеряли свое самостоятельное существованіе, и соединенія съ ними получили смыслъ настоящихъ сложеній. Это могло совершиться уже въ славяно-литовскую пору.

Вопросъ, мною затронутый здѣсь, еще настолько не разработанъ, что мнѣ придется ограничиться предположеніями и указаніями на возможность моихъ толкованій, достовѣрность же ихъ можетъ обнаружиться лишь тогда, когда въ этомъ направленіи будетъ сдѣлано больше. Нѣсколько расчистить путь для послѣдующихъ изысканій вотъ задача, которую преслѣдуютъ ниже приводимыя соображенія. Исхожу изъ сопо-

ставленія лит. posnãgas (конское копыто по Куршату 324) [1]) съ слав. пазногъть. Лит. слово восходитъ къ *pŏds-năgas, долгота въ nãgas (ноготь, коготь) зависитъ лишь отъ ударенія (I. Schmidt. K.Z. XXIII. 270), сюда относится и nagà(копыто) [2]), слав. нога и ногъть = прус. nagutis. Слав. пазногъть извѣстно въ слѣдующихъ формахъ и значеніяхъ: ц.-сл. пазногъть и пазнокъть (ungula, копыто), словн. páznohet (коготь; *h* изъ Gen. paznohta); болг. пазнъ́хтю или пазнóхтю (ноготь, копыто) отсюда пазнъ (копыто. Геровъ. IV. 5); чеш. paznohet, paznoht или pazneht (когти на ногѣ животнаго. Iungmann. III. 52), ст.-чеш. paznot (Gebauer. Hist. Mluvn. I. 467), pazdnehty (Виттенб. Псал. ibd. 241); діал. чеш. paznoht (ноготь на ногѣ. Dušek. II. 43) и т. д., морав. paznoht, pahnozt (ноготь. Bartoš. II. 361), словк. paznecht (klaue); пол. paznogieć или paznokieć(коготь); чеш.-пол. діал. pahnozt (Loriš. 45); кашуб. paznokc (Berka. 441); н.-лужиц. parnocht, в.-луж. parnoht, parnokś (Mucke. 111), panoht (коготь. Pfuhl. 445); в.-рус. пáзногть (сиб. послѣдній крайній суставъ пальца, или оконечность его, гдѣ сидитъ ноготь, позаноготье. Даль. III. 4), м.-рус. пáзнігть или пáгніздь, пáгність (Желеховскій. II. 595—596, коготь, ноготь), б.-рус. пазнóкöць (отращенный коготь. Носовичъ. 390). Сопоставляя приведенныя слова по значенію, получаемъ такое развитіе его: ноготь или коготь на ногѣ, отсюда копыто, какъ болѣе спеціальное значеніе, въ церк.-слав. и болг. языкахъ, или коготь звѣриный и ноготь вообще, какъ болѣе общее

---

[1]) Ср. Dawe bobutej arkle posnagą Połąggos Iuze. Изд. 1863 года (?) въ Вильнѣ, стр. 10.

[2]) *Leskien.* Bildung d. Nomina 175. Этимологія nagà = нога у I. Schmidt. KZ. 23. 270. *Fick.* I[4]. 99. *Osthoff.* Etym. Parerga. 279. Рядомъ съ формой *nŏgh- праязыкъ зналъ *nŏkh-, откуда др.-инд. nakhá-s (коготь, ноготь), слав. нокъть (при ногъть), перс. nāhun и др. Ср. серб. nakȍjegja (die Nagelwurzel), которое предполагаетъ форму *nъka.

значеніе. Лит. posnãgas удержало только спеціальное значеніе — копыто (коня), но сходство славянскихъ и литовскаго словъ по значенію и по формѣ такъ велико, что раздѣлять ихъ не слѣдуетъ, тѣмъ болѣе, что, какъ мнѣ кажется, имъ всѣмъ возможно дать удовлетворительное объясненіе. Славянскія формы сводятся къ pá̃znŏgъtь(pḗznokъtь) и pá̃znъgъtь(pá̃znъkъtь), при чемъ въ послѣднихъ -nъ- развилось, вѣроятно, въ праславянскую эпоху изъ -no- вслѣдствіе того, что слово было длинное и съ удареніемъ на первомъ слогѣ [1]). По той же причинѣ произошли послѣдующія искаженія его въ parnoht, па́гність и др.

Если мы припомнимъ, что аористъ басъ возникъ изъ *bod-sъ вслѣдствіе удлиненія *o* передъ двумя согласными (такъ же вѣсъ *vēsъ *vēdsъ, *vedsъ; чисъ *čьtsъ и др. Wondrak. 204), то и *pāz мы можемъ возстановить въ формѣ *podz или, предположивъ, что по законамъ Sandhi въ славянскомъ праязыкѣ конечное -*s* одного слова передъ начальнымъ *n*- другое переходило въ *z*, въ формѣ *pods, представляющей архаистичный Gen. Sing. отъ pod—(нога), уцѣлѣвшаго и въ славянскихъ сложныхъ словахъ стараго типа. Замѣстительное удлиненіе литовскаго языка передъ носовыми, общее и славянскимъ языкамъ (Brugmann. I². 807), позволяетъ думать, что и въ литовскомъ изъ *podsnagas должно было развиться pōsnagas. Лужиц. panoht образовалось, вѣроятно, изъ parnoht и не имѣетъ никакого отношенія къ лит. pãnagės(позаноготье), съ которымъ всю группу славянскихъ словъ сопоставляетъ Миклошичъ (Et. Wört. 216) [2]).

---

[1]) Положеніе ударенія вслѣдствіе отсутствія чакавской формы опредѣлить трудно: я предположилъ бы двойное удареніе, какъ во многихъ санскритскихъ сращеніяхъ: páznógъtь, изъ чего по мѣрѣ сращенія словъ развилось одно удареніе: paznógъtь или páznogъtь; только послѣдняя форма могла бы повести къ образованію формы *paznъgъtь.

[2]) Съ болг. пазнъ (копыто) нужно сопоставить сиб. па́занки (пальца и копытца въ видѣ привѣсковъ, повыше щетокъ копытныхъ, нпр. у сохатаго и свиньи), охотн. па́занка (заячья лапка,

Рядомъ съ *pāznogŭtĭs въ славянскихъ языкахъ широко распространено другое названіе когтя: это польс. pazur (коготь. Sł. Wil. II. 980), кашуб. pazur или pazura (Ramułt. 132), въ польскихъ говорахъ pazor (Lubicz. Pr. Fil. IV. 230), pazur (kopyto u bydła. Łopaciński. Pr. Fil. V. 282), pazdór (Ianczy. Mat. i pr. I. 79), pazdur (Dembowski. Sł. gwary podhalskiéj. Spraw. Kom. Jęz. V. 391); чеш. pazur, словацк. pazur(коготь); рус. пазуръ (ноготь и коготь), м.-рус. пáзор (Zehe, Kralle). Какъ видимъ, значенія словъ paznogъtь и *pazdur совпадаютъ и это заставляетъ видѣть въ первой части ихъ одно и то же: Gen. Sing. *pŏds отъ pod—(нога); что касается темной второй части, которая восходитъ къ *dour-, то ее никакъ нельзя сопоставлять съ корнемъ der—(драть). Какъ слав. паздуха соотвѣтствуетъ во второй части латыш. duse (или paduse, которое соотвѣтствуетъ duse такъ же, какъ лит. pānagės : пазногъть) и др.-инд. dóṣ, т. е. имѣетъ основу съ чередованіемъ: dŭs, dous-, такъ и въ pazdur мы видимъ двѣ основы: *pazdŭrъ, откуда м.-рус. пáзоръ, и *pazdourъ, откуда пол. pazdur (по другому написанію pazdór), чеш.-пол.-рус. pazur (какъ пазуха, *паздуха). Единственное этимологическое толкованіе этого *dŭr-, *dour- представляется мнѣ возможнымъ въ сравненіи съ кельт. dur-no—(кулакъ. Stokes. 148), латыш. dūre(кулакъ) [1]), такъ что слово паздуръ значило бы „кулакъ на ногѣ“, что звучитъ нѣсколько комически, но въ сущности

особ. задняя, съ глубоко распаженными перстами. Даль. III. 4). Изъ *пазно- развивается со вставкой *д:* паздно (ср. чеш. pazdneht), сиб. пáзданки=пазанки. Источникомъ всѣхъ указанныхъ формъ было сокращеніе слова *páznoga или *páznogъtь. Ср. праслав. ястръ изъ ястребъ, откуда словин. jâstran, м.-рус. я́стеръ и словк. jastriti (Scharfsehen. Mikl. Et. W. 101, у *Loos'a* нѣтъ). Ср. м.-рус. жайвір изъ жайворонокъ.

[1]) Греч. δῶρον (ладонь), съ которымъ Prellwitz. 81 сопоставляетъ латышское слово, имѣетъ съ нимъ лишь отдаленное сходство по значенію и не соотвѣтствуетъ ему по звукамъ.

вѣрно передаетъ представленіе о копытѣ, когтяхъ, какъ объ извѣстномъ окончаніи ноги, утолщеніи въ нижней части конечностей. Какъ въ паздуръ, *pŏds-dour-ъ, *pŏz-dourъ *д* послѣ *з* въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ выпало, такъ же оно выпало и въ словѣ паздуха (словн. pâzdiha *паздыха, pâzduha и pâzuha; въ другихъ славянскихъ языкахъ пазуха), которое распадается на paz+duha. Послѣдняя часть слова совершенно ясна: это, несомнѣнно, духа, которому соотвѣтствуетъ авест. daōša –(плечо), новоперс. dōš (Horn. 130), кельт. *dousen—(рука, ир. doe. Stokes. 335), латыш. duse(пазуха), др.-инд. dóṣ (верхняя часть руки, рука. Uhlenbeck. 131), такъ что происхожденіе слова пазуха изъ паздуха не подлежитъ сомнѣнію[1]): духа должно было значить плечо, а паз- или рус.-пол. paz-ъ (яма, дыра), такъ что пазуха по смыслу = ямка подъ рукой у плеча, или *paz-jo—(плечо, чешс. páže плечо и др. у Миклошича Et. Wört. 52). Во всякомъ случаѣ, *pazuha изъ *pazduha позволяетъ думать, что и pazur изъ *pazdur(*podsdour-).

Какъ уже высказывался Остгофъ, въ древнѣйшихъ двуосновныхъ именахъ кроются въ первой части падежныя формы, вошедшія путемъ срощенія въ составъ сложнаго слова. Хотя въ толкованіяхъ Остгофа (Verbum. 210—235) много произвольнаго, но по существу дѣла онъ правъ[2]) и наряду съ чи-

---

[1]) Такъ высказывался и Миклошичъ. Et. Wört. 52; хотя противъ этого выступилъ г. Брандтъ. Рус. Фил. Вѣст. 1887, стр. 22, однако этимологія второй части слова слишкомъ ясна, чтобы нельзя было предположить возникновеніе формы пазуха изъ паздуха. Попытка Видемана (B. B. *26*. 258) связать слав. пазуха съ рус. пахва и т. д. допускаетъ чрезвычайно много натяжекъ.

[2]) Ср. *Maretić*. O narodnim imenima i prezimenima u Hrvata i Srba. Rad. т. 81, стр. 108—109. Собственныя имена заимствую у Миклошича (Die Bildung der slavischen Personennamen. 1860), Маретича, Гинкена (Древнѣйшія русскія двуосновныя личныя имена и ихъ уменьшительныя. Живая Старина. III. 440—461), Глогера (Encyklopedja Staropolska ilustrowana. т. II. 1901, стр. 264—269. Imiona staropolskie).

стой глагольной или именной основой въ первой части такихъ собственныхъ именъ кроются часто падежныя формы; кромѣ Gen. Sing., мы находимъ здѣсь и другіе падежи, особенно Dat. и Loc. Правда, далеко не всегда можно утверждать, что въ той или другой первой части сложнаго имени скрывается падежная форма: иногда нельзя опредѣлить, не имѣемъ-ли мы здѣсь дѣло съ глагольной основой (таковы имена на Čti- изъ *чьсть или *чьстити, на Tvrdi-, Tverdi изъ *твърдь или *твърдити, на mysli-, lьsti- и др. Osthoff. 217—219). Въ другихъ случаяхъ нельзя установить, какая именно падежная форма должна быть предположена, потому что въ этихъ двуосновныхъ именахъ мы имѣемъ дѣло съ весьма древними образованіями, которыя однако и сами могутъ въ значительномъ большинствѣ быть лишь аналогичными новообразованіями по образцу очень древнихъ уже утраченныхъ языкомъ именъ. При всемъ томъ въ части такихъ именъ можно довольно рѣшительно видѣть срощенія такихъ частей, какъ -славъ, -миръ, -жиръ, -тѣхъ, -драгъ, -боръ и др. съ падежными формами.

Такъ, Gen. Sing. отъ слова богъ, имѣвшаго нѣкогда (по справедливому предположенію проф. Соболевскаго въ его рецензіи на книгу г. Лося) основу на -ŏ, долженъ былъ звучать: богу, что находимъ въ именахъ Boguchwał (Głog. 265), Boguživ (не „deo vivus“ Mar. 114), чеш. Bohudar, чеш. Bohuvlast, чеш. Bohuvole, чеш. Bohumest и др. (Miklos. 247—248). Отъ слова боръ (борьба) образованы съ Gen. Sing. въ первой части чеш. Bořihněv, Bořislav, серб. Borislav (pugnae или in pugna gloriam habens. Maret. 114), Borivoj (pugnae bellator или, по Маретичу 114, in pugna bellator, ad pugnam bellatores habens) и др. Отъ брань имена серб. Branimir (in pugna modum habens? *Maret.* 114), Branislav, Branivoj и т. д. Подобнымъ образомъ могутъ объясняться имена пол. Gościsław, Ziemisława, Ziemirad, Mścisław, Mści-

gniew, чеш. Zemižizn, Lstimir, Mstidruh, Hostirad, серб. Gostimir и мн. др.

Dat. Sing. встрѣчается въ этихъ именахъ рѣже: несомнѣнный Dat. Sing. скрывается въ чеш. Dědumil (1088), чеш. Petrumila, пол. Pietrumila (аналогичныя новообразованія?), серб. Tetumil, тогда какъ имена съ *sebe-, *sobe- въ первой части могутъ восходить къ сложеніямъ съ Gen.: таковы серб. Sebetjeh (sibi solamen? Mar. 127), Sebedrag, Sobemisla, пол. Sobiesław (Głog. 267). Loc. Sing. довольно обыченъ въ именахъ съ дома- въ первой части: Домагость (Гинк. 457), Domamir (Głog. 266), Domagoj (Maret. 117), Domaslav (Maret. 118) и др.; также, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ изъ именъ съ основами на -ъ и -ъ, гдѣ съ формальной стороны Gen. Sing. не отличается отъ Loc. Sing.: таковы, пожалуй, Boguživ (in deo vivus), Zemidrag (in terris gratus. Maret. 134), Vlastimir (in potestate gloriosus, а не in potestate pacem habens или potestatem pacemque habens. Maret. 132), Racibor (Głog. 267) и нѣк. др.

Таковы слѣды архаистическаго образованія сложныхъ словъ въ праславянскомъ языкѣ. Подводя итоги изложенному въ этой главѣ, я сведу содержаніе ея къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Славяно-литовскій періодъ зналъ какъ настоящія сложенія, такъ и сращенія.

2) Сложенія были двухъ типовъ: *a*) съ основой на гласный въ первой части, *b*) съ основой безъ гласнаго въ первой части.

3) Съ теченіемъ времени—возможно, что уже на славяно-литовской почвѣ, хотя прямыхъ доказательствъ въ пользу этого нѣтъ—произошло смѣшеніе въ области сложенія двухъ типовъ, вслѣдствіе чего появились сложныя слова безъ „соединительнаго гласнаго" при основахъ съ гласнымъ исходомъ; *позже* въ литовскомъ языкѣ произошло и обратное явленіе, т. е. старыя основы на согласный вошли въ сложенія съ соединительнымъ гласнымъ, тогда какъ въ славянскихъ языкахъ

въ силу фонетическихъ законовъ, господствовавшихъ въ общеславянскомъ языкѣ, такія сложенія и вообще стали единственно возможными, а сложныя слова съ основами на согласный сдѣлались, какъ таковыя, непонятны. Поэтому въ слав. языкахъ развились лишь сложенія съ соединительнымъ гласнымъ.

4) Кромѣ настоящихъ сложныхъ словъ, славяно-литовская эпоха знала срощенія съ извѣстной падежной формой, при чемъ въ одномъ случаѣ можно констатировать уже для этой эпохи срощеніе стараго типа съ окончаніемъ -*s* Gen. Sing. Благодаря постоянному положенію Gen. передъ существительнымъ въ слав.-литовскій періодъ, нужно предположить, что срощенія съ Gen. возникали часто: слѣды этого явленія, уже потерявшіе свое первоначальное значеніе, сохранились въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ, но вообще эти послѣдніе, сдѣлавъ положеніе Gen. при существительномъ свободнымъ, прекратили образованіе новыхъ срощеній, тогда какъ балтійскіе языки знали этотъ процессъ и знаютъ его до сихъ поръ.

5) Въ результатѣ въ славянскихъ языкахъ оказался лишь одинъ типъ образованія сложныхъ словъ (съ соединительнымъ гласнымъ), тогда какъ балтійскіе языки въ этомъ отношеніи гораздо богаче, сохранивъ какъ сложенія обоихъ типовъ, такъ и срощенія. Но вслѣдствіе прекращенія дѣйствія фонетическихъ законовъ, недопускавшихъ стеченія извѣстныхъ согласныхъ въ серединѣ слова, славянскіе языки понемногу пріобрѣтаютъ какъ сложенія безъ соединительнаго гласнаго, такъ и срощенія; пока еще тѣ и другія единичны, такъ какъ вліяніе массы сложеній съ соединительнымъ гласнымъ не позволяетъ имъ утвердиться въ языкѣ и сдѣлаться образцами для новообразованій этихъ типовъ. Однако уже въ 14 в. мы находимъ въ чешскомъ языкѣ такія образованія, какъ volkrin (Menčik. 30. bodium, у Юнгмана ошибочно wolkrm), которому въ ново-чешс. соотвѣтствуетъ по типу формы мѣстное названіе Volpasy (pole u Nížkova. Hošek. 102).

ГЛАВА IV.

КОРНИ-ОСНОВЫ.

Раньше, чѣмъ сдѣлать выводы о жизни корневыхъ основъ въ славянскихъ и балтійскихъ языкахъ, сгруппирую тѣ факты, которые, по моему мнѣнію, характеризуютъ ее.

1. **Zem—земля.** Изъ двухъ индоевропейскихъ основъ съ этимъ значеніемъ, возстановляемыхъ Бругманомъ (Grundriss. I[2]. 792. 562), *ĝđhem- (откуда др.-инд. kṣam-, гр. χϑών, χϑαμαλός) и *ĝhem-, славяно-литовскій яз. знаетъ лишь послѣднюю, которая въ двухъ формахъ чередованія распространена въ индоевропейскихъ языкахъ слѣд. образомъ (ср. Fick. I[4]. 54).

I) *ĝhem-, откуда лит. žẽmē, прус. same и semmē, латыш. zeme(земля) и zem или zemu L. 1541. 1672. (внизу, подъ), слав. земля и земь; авест. ząm (Bartholomae Gr. I. 116). Сюда-же осет. zaḥxā и др. (земля. Hübschman. 39).

II*a*) *ĝhm̥, откуда ав. Gen. Sing. zemō (отъ N. Sing. zāo), пехлев. zamīk, новоперс. zemī и zemīn (Horn. 667), греч. χαμαί (Hirt. 80. Brugmann. Gr. Gram.[3] 177), алб. δe (? G. Meyer. 83). Сюда же относятся лат. humus(земля), humilis и ст.-лат. hemo(homo), гот. guma, др.-в.-нѣм. gomo, др.-исл. gume, др.-англ. γuma, др.-сакс. gumo (человѣкъ. Streitberg. 68, Feist. 46). Изъ *ĝhm̥ *-ĝhm̥m (ср. ниже).

II*b*) *ĝhm-, откуда др.-инд. Gen. Sing. jmás, Instr. Sing. jmá (земля. Uhlenbeck. 71. Ср. Wackernagel. 160),

афг. zmaka (Grund, Boden, Erde. Geiger. 28). Сюда же большинство ученыхъ относитъ др.-перс. uzmayāpatiy kar (пригвождать къ кресту или сажать на колъ), въ которомъ Foy (KZ. *35*, 23—24) видитъ Loc. Sg. uzmay отъ uzam (колъ; то, что торчитъ изъ земли). Такъ же смотрятъ на эту часть сложенія Бартоломэ (Grudr. I. 125) и Горнъ (Et. Wört. 667), тогдака къ Гюбшманъ (Pers. Stud. 70) высказываетъ относительно этого сомнѣніе, ничѣмъ, впрочемъ, не обосновывая его. Кромѣ того, въ др.-перс. географическихъ названіяхъ Uvārazmiš, Uvārazmiya Фой также видитъ часть сложенія -zm-, происходящую изъ индоевр. слова *ĝhem — земля. Наконецъ отъ того же вида корня *ĝhm произведено ст.-лит. žmũ, совр. лит. žmogùs, прус. smoy [1]) — человѣкъ. Въ др.-инд., кромѣ двухъ падежей отъ недостающаго jam — (земля), словарь Бётлингка указываетъ еще Loc. Sing. jmán (на пути) и прилаг. jmáyā (die Bahn verfolgend. Sansk.-Wört. in kürzer. Fassung. II. 277). Вѣроятно, этихъ послѣднихъ словъ, происходящихъ отъ корня *ĝhm-, нельзя отдѣлять отъ нашей группы словъ со значеніемъ земля, почва. Въ недавнее время г. Видеманъ (В. В. 27. 202) сдѣлалъ попытку отдѣлить группу словъ со значеніемъ мужъ отъ корня *ĝhem (земля), но мы натыкаемся здѣсь на такія трудности (напр., отношеніе корня *ĝhem со значеніемъ мятежно двигаться къ корню *ĝhem — земля, германскихъ формъ другъ къ другу и т. д.), что нѣтъ причины мѣнять установленнаго современной наукой взгляда.

И такъ, мы видимъ что въ слав.- лит. семьѣ языковъ корень zem установился въ двухъ видахъ чередованія: zem- (žem-) и zm- (žm-). По совершенно раздѣляемому мною мнѣнію проф. Брандта (Р. Ф. В. 1891. № 2. 220 стр.), слово „земьнъ произведено отъ древнѣйшей согласной основы зем-“, которая въ литов. яз. уцѣлѣла прежде всего въ

---

[1]) Что касается *j* въ прус. zmōj (какъ я читаю это слово), то ср. діалект. литов. rudõj, akmõj, pièmõj. *Kurschat.* Gram. 207

сложныхъ словахъ[1]; изъ нихъ слово Žempati[2]) (богиня земли) должно быть отнесено къ большой древности; еще отмѣчу žemgulỹs (лежащій на землѣ), žemlindis (по землѣ ползущій), žémskirė (Erdscheide, Ackerscheide, землераздѣлъ) žẽmūge (земляника) латыш. zemdegas (Erdbrand), zemturis (Landmann, ср. žmogùs) и др. Славянскіе языки выработали, вообще говоря, сложенія съ *земје- въ первой части, такъ какъ зем- передъ согласнымъ перешло бы въ зя и только передъ слѣдующимъ гласнымъ удержалось бы въ видѣ зем.—И то, и другое мы имѣемъ право искать въ славянскихъ словаряхъ. Такъ, я отношу сюда пол. Zędrzyn (бабочка Stagmatophora) изъ *zędrżyn; вторая часть встрѣчается и отдѣльно въ названіи животнаго изъ породы Rotatoria: drżynik (Trichocerca), такъ что все слово я перевелъ бы такъ: „у земли трепещущій". Въ названіи другого растенія пол. zebrzyca или zembrzyca (кропильце въ мрус.), словн. zę̑ber (neka trava, ср. zę̑ba- зябликъ. Pleterš. 911), серб. zebra, zebrica (Šulek. 454), мрус. зябрій (Желех.), в.-рус. зябра, зяберь (смол.), зября, зябрей (разныя травы. Анненковъ. 620. 621. 1384),—которое восходитъ къ *zem-bьr-is, мы видимъ тоже въ первой части сложенія основу zem-; все слово по звукамъ совпадаетъ съ литов. миѳологическимъ названіемъ Žemberỹs, которое Куршатъ переводитъ черезъ Erdstreuer (žem- и beriú, berti сыпать), и къ травѣ извѣстнаго вида такое названіе подходитъ (ср. кропильце). Въ неизмѣнномъ своемъ видѣ основа zem- встрѣчается въ ст.-чешскомъ названіи растенія: zemorzech (Menčík. 32. de herbis ignotis, гдѣ переведено оно черезъ saps, ср. литов. žemrẽšutis, пол. orzech ziemny) и въ образованіяхъ съ суффиксами ьнъ, ьць (земецъ) и др. Уже на славяно-

---

[1]) Ср. др.-инд. jambālas= jam+ bāla (болото); ср. лит. balà, др.-в.-нѣм. pfuol. Uhlenbeck. 97; съ bāla- ср. рус. бала-ружина (вят. лужа, стокъ грязной воды. Даль. I. 42).

[2]) Въ Вольфенбюттельской Постиллѣ žemepatis (Mitt. d. lit. Ges. 26. 161).

литовской почвѣ эта основа перешла въ систему склоненія основъ съ гласнымъ исходомъ, хотя возстановить праформу слова земля затруднительно[1]).

Какъ лит.- прус. *ž m ō n- происходитъ отъ основы ž m-, такъ къ той же основѣ восходитъ слав. з м ь и, (ст.- рус. з м ь и. Соболевскій Лекціи². 207, серб. з м а ј и др. Miklosich. Et. Wört. 403). Однако для праслав. надо предположить основу не z m-, но z ь m-, которой соотвѣтствуетъ въ индо- европ. праязыкѣ *g̑ h m̥ или, какъ полагаетъ Бартоломэ относительно соотвѣтствія древ.- иран. ə m германскому u m (Grund. I. 30), а Фейстъ относительно гот. g u m a и др. (Brugmann I.² 415), - g̑ h m̥ m: на славянской почвѣ это дастъ з ь м. Именно этотъ видъ основы мы находимъ въ болг. з ъ м я́ (Дювернуа. 787) или з ь м ѭ (Геровъ II. 160), въ увелич. з ж м ч у́ р ж (огромная змѣя, см. Сборн. за нар. умотв. XVI— XVII. 392). По значенію з ъ м ь и[2]) совпадаетъ съ лит. ž e m l i n d ỹ s (ползующій по землѣ) и означаетъ з е м н о г о г а д а.

Такимъ образомъ для слав.- лит. эпохи мы можемъ возстановить три вида основы слова з е м л я: 1) z e m (ž e m), 2) z m- (ž m-), 3) z m̥ m (ž m̥ m). Первая изъ нихъ употреблялась въ языкѣ въ видѣ самостоятельнаго слова, что доказывается переходомъ ея въ систему различныхъ склоненій на гласный (з е м ь, з е м л я, ž ē m ė), вторая служила только базисомъ для новыхъ образованій.

2. **Зима.** Эта основа въ индоевропейскомъ праязыкѣ употреблялась въ нѣсколькихъ видахъ: *g̑ h e i m *g̑ h i m и др., взаимное отношеніе которыхъ между собой и по отношенію къ основѣ *g̑ h i ō, *g̑ h e j ō и т. д. врядъ-ли можетъ быть установлено въ настоящее время наукой. Такъ, лат. h i e m s, гр. χιών Бругманъ сравниваетъ съ кельт. g i a m o-

---

[1]) Ср. Zubatý Iag. Arch. XIII. 624.

[2]) Ср. Р. Брандтъ. Грамматическія замѣтки 1882 — 1884. стр. V дополненій. Миклошичь приводитъ ст.- рус. з о м ь я́, котораго въ словарѣ Срезневскаго нѣтъ; это слово должно объясняться отвердѣніемъ глухого.

(галл. Giamillus), которое онъ (Gr. I.[2] 412) возводитъ къ первоначальной основѣ *ĝhi̯m̥-o-, но сомнительно, чтобы эта послѣдняя объясняла латинское и греческое слова; гр. χιών, лат. hiems по Гирту (Handbuch. 80) восходятъ къ *ĝhejōn, но лат. hiems никакъ не связать съ этой формой непосредственно. Фикъ (Vergl. Wört. I[4] 53) высказываетъ предположеніе, что гр. χιών возникло изъ χιώ= ав. zyâo, Перъ Перссонъ (Wurzelerw. 94) возстановляетъ основы *ĝh(i)i̯em-, къ которой возводитъ какъ лат. hiems, такъ и гр. χειμών и др.- инд. hé- man и т. д.: можно сказать, что мнѣній здѣсь столько же, сколько ученыхъ, высказывавшихся по этому вопросу.

Съ точки зрѣнія славянскихъ и балтійскихъ языковъ мы можемъ не углубляться въ этотъ вопросъ, потому что здѣсь распредѣлены лишь двѣ основы: *zeim и *zim-. Первая лежитъ въ основаніи также др.- инд. hḗman (зимой), гр. χεῖμα (буря), χειμών (зима), алб. dimεn (зима, изъ *deimen-, *ĝhei- men- G. Meyer. 67)[1]), вторая въ др.- инд. himás (холодъ, зима), hímā (зима), ав. Gen. zimō (отъ Nom. zyāo зима), афг. zimai и др. (Horn. 147. Geiger. 28), гр. δύσχιμος (очень холодный), лат. bīmus (bi-himo-). Что касается слав. зима, лит. žëmà, лат. zëma, прус. semo, то всѣ эти формы восходятъ къ инд.- евр. *ĝheimə́; конечное ā здѣсь нѣсколько странно, потому что инд.- евр. формы, образованныя отъ этого вида основы, восходятъ къ праформѣ *ĝheimn̥ (*ĝheimen-, *ĝheimōn), тогда какъ гласный исходъ получаютъ основы со слабымъ видомъ чередованія- *ĝhimo-. Такъ какъ однако слав.- литов. форму нельзя выводить изъ *ĝheimō(n)[2]), то остается предположить, что уже, по крайней мѣрѣ, на слав.- лит.

---

[1]) Stokes 104 видитъ въ ир. gem-, др.- кимвр. gaem и др. основы gaiamo-, gaimo-: gimo- (зима).

[2]) Въ этомъ случаѣ мы имѣли бы слав. зимá, по лит. žëmū̃. Ср. слав. гъда, гъды, лит. kadà изъ kadą̃ -инд. -евр. *ko-dōn и ko-dō. Zubatý. Arch. f. Slav. Phil. XV. 508.

почвѣ произошло смѣшеніе основъ *zeimn̥ и *zimo-, давшее форму *zeimo- и *zeimā (Fem. Nom. Sing.). Только послѣдняя уцѣлѣла въ самостоятельномъ употребленіи въ славянскихъ и балтійскихъ языкахъ, подобно тому какъ основа въ чистомъ видѣ, не развитая гласнымъ, неизвѣстна (развѣ за исключеніемъ кельтской группы, о которой не берусь судить) ни въ одномъ изъ инд.- европ. языковъ.

Слабый видъ основы zĭm-, совершенно вымершій въ балтійской группѣ, въ славянской легъ въ основаніе любопытнаго глагольнаго образованія. Я думаю, что отношеніе глаголовъ знобить и зябнуть нельзя объяснить иначе, какъ предположеніемъ, что въ послѣднемъ ѧ не результатъ обобщенія корня съ ѧ подъ вліяніемъ другихъ образованій (Ульяновъ. Р. Фил. Вѣстн. 20. 202), а вполнѣ законный ингредіентъ корня, соотвѣтствующій *him- латинскаго, греческаго и др.- инд. языка. Я разложилъ бы зябнуть на *zĭm-b-no-n-ti[1]), гдѣ *b* то же, что въ словинцскомъ lą̃-bjĭc- ломить (ср. Lorentz. K. Z. 37. 269. ср. лит. stim-p-ù Ульяновъ. loc. cit. 145)[2]); а знобить = zьm-no-b-ī-ti. Сопоставивъ эти двѣ формы, получаемъ такое отношеніе *zьm-b-no- и *zьm-no-b-, гдѣ *b* присоединяется или къ еще на развитому глагольнымъ суффиксомъ корню *zьm- или прямо къ суффиксу въ zьm-no; въ послѣднемъ случаѣ *m* передъ *n* выпалъ. Не относится-ли и глаголъ про-зябать (germinare), лит. žembėti къ разряду основъ съ -*b*-. Въ этомъ случаѣ корень zem- можно было бы отожествить съ слав. зем-, лит. žem- (земля).

3. **Dont**- зубъ. Индоевропейскій языкъ зналъ эту основу въ двухъ видахъ чередованія: dont и dent- (откуда dn̥t-).

---

[1]) Объ этомъ глагольномъ суффиксѣ no-, nѫ- см. у проф. Ульянова Р. Ф. В. XX. 69 — 72. Wondrak. Altkirchenslav. Gram. 234—236 и др.

[2]) Ср. много примѣровъ изъ разныхъ языковъ у Per Persson, Wurzelerw. 49—59.

I. Dont- въ др. инд. Acc. dántam при Nom. dan *dant, ав. dantan- и др. иранскія слова, арм. atamn (Hübschman. 422), кимвр. dant, др.-в.-нѣм. zand, др.-сакс. tand, анг.- сакс. toth, лит. dantìs, прус. dantis, гр. ὀδούς, ὀδών (Uhlenbeck. 120 и др.) изъ *odont-.

II. Dent- и dn̥t въ др.- инд. Gen. datás (*dn̥tós), гот. tunthus (*dn̥t-); лат. dent-is (Gen отъ dens), др.-исл. tindr (Zahn am Rade), ср. -в.-нѣм. zint (zacke) изъ dent- (Brugmann. Gr. Gram.[3] 199, прим. 2); ир. dét.

Ни одна изъ этихъ двухъ основъ не уцѣлѣла въ славянскихъ языкахъ въ самостоятельномъ употребленіи, но въ образованіяхъ съ суффиксами можно, какъ мнѣ кажется, найти довольно часто одну изъ нихъ, именно основу dent-, давшую на славянской почвѣ dѫt- и передъ слѣдующимъ согласнымъ dѫ-. Несомнѣнно она скрывается въ пол. dzięgna (болѣзнь десенъ, флюсъ, зубная боль), которое разлагается на *dent-gna (ср. болѣзнь gnilec Sł. 859); діалектическія формы dzięgła и dzięgwa (Sł. gw. I 440) являются, повидимому лишь искаженіемъ правильнаго dzięgna [1]), сложенія безъ соединительнаго гласнаго, какъ лит. dąntkalis и др. Это сложеніе показываетъ, что слав. праязыкъ употреблялъ въ живой рѣчи форму dent, и это заключеніе подтверждается литовскимъ языкомъ, гдѣ окончаніе -ų Gen. Pl. присоединяется при Sing. на -is лишь къ старымъ основамъ на согласный; dantũ вм. dančĩ обычно и въ литературномъ языкѣ, и въ говорахъ: Куршатъ знаетъ его въ Сталюпоненѣ и въ Оникштахъ (Gram. 194), Юшкевичъ (Лит. слов. 292) приводитъ въ поговоркѣ выраженіе: kas už dąntú ýra; у Ширвида находимъ duntu gielimas 49. 17; 125. 13 и т. д.

---

[1]) Matzenauer. Listy fil. VII. сравниваетъ не имѣющее съ нимъ ничего общаго чеш. dehen, dehnu (morbus quidam). У Юнгмана I. 347 находимъ: proti dehnu. Ср. ст.- рус. дьгна и Потебня Къ исторіи звуковъ русскаго яз. IV. 71—73.

Въ сложеніи съ суф.- slo- основа dent даетъ въ общеслав. яз. *dentslo, откуда *dęslo, въ Plur. *dęsla, въ Dual. *dęsli. Отсюда объясняются пол. dziąsła, кашуб. donsla (Berka 378) изъ *Plur. dęsla, серб. dêšli (Akad. Rječn. II. 360) изъ *Dual. dęsli (десны), гдѣ š изъ s, какъ въ nȁšljednî, óšlji, pȍšlje и др. (Iveković i Broz I 773. 931. II. 136), мрус. я́сла (Желех. 1116). Суф. slŏ принадлежитъ общеслав. эпохѣ[1]): ср. лит. gýsla, móksla, tìkslas, латыш. krimslas, mesls, cinksla и др. (Lieskien. Bildung. 453—455); въ латинскомъ языкѣ его находитъ Штольцъ (I. F. XV. 55) въ словахъ scāla *skandsla, pullus *putslus. Съ его помощью образовано лит. žąslas (узда) отъ утраченнаго лит. *žambas (зубъ) = латыш. zōbs слав. зѫбъ, др.- инд. jámbhas, гр. γόμφος, др.- сѣв. kambr и др. (Uhlenbeck 97). Изъ двухъ словъ со значеніемъ зуба литовскій языкъ сохранилъ форму dent, тогда какъ славянскій и латышскій синонимическое *zombъ; лит. *žamb + sla-s дало въ результатѣ žąslas (ср. Leskien. Bild. 453).

Съ суф. snā- основа dent- образуетъ слово *dentsnā-, откуда пол. діалект. dziąsna, ст.- чеш. dásn, dásno, діал. d'asně, словацк. dásno и jásno (Gebauer. 208), серб. dêsna (Ak. Rječ. II. 355) словн. dlásna, dlésna, desne (Pleterš. 133. 140), мрус. я́сна (Уманець і Спілка. 179). Велрус. языкъ не знаетъ иной формы, кромѣ десна, которое едва-ли не восходитъ къ *дѣсна *dē(n)tsna съ выпаденіемъ *n*. Въ старорус. памятникахъ это слово не засвидѣтельствовано (у Срезневскаго его нѣтъ), изъ церк.- слав. Миклошичъ приводитъ слово десна (Lex. 159) найденное въ рукописи 16—17 в. Суф.- snā (ср. сосна *sop-sna при лат. sappus и др. Р. Ф. В. 32. 125) хорошо извѣстенъ балтійскимъ языкамъ: лит. lëpsnà, glū́sna, plū́nksna и др[2]).

---

[1]) Въ слав. gusli, jasli, maslo, čislo, veslo. Ср. Maretić. Gram. 342 а также мысль *mūd-slь, ср. гр. μῦθος и др.

[2]) Ср. Leskien. Bildung. 359. Въ слав. суф. sna- s, вѣроятно, не переходитъ въ *h* и невыпадало; впрочемъ, мы могли бы исходить и изъ формы: *dent-ьsna. *десьна.

Слѣдующее образованіе, которое я ставлю въ связь со словомъ *dent, есть названіе растенія съ зубчатыми листиками, клевера, и образовано съ помощью суф. -el- [1]), отчего возникаетъ основа *dentel; распространенная новымъ суффиксомъ -ina, эта основа даетъ слово *dentelina, откуда пол. dzięcielina, чеш. dětelina или jetelina, серб. djetelina и др. (Šulek. 68). Съ тѣмъ же значеніемъ употребляется основа болѣе короткая: словн. détęlja, чеш. dětel, луж. dźećel (Pfuhl. 181); рус. датель-никъ и др., которыя восходятъ къ праслав. *dentelis (лит. dantẽlis — зубокъ). Трудно отдѣлять отъ этого корня и названіе птицы дятла, которое также восходитъ къ формѣ съ носовымъ звукомъ *dentьlъ, но отношеніе значеній въ этомъ случаѣ для меня совершенно не ясно. Ср. Arch. IX. 327.

4. **Pod—нога.** Въ образованіяхъ пазногъть, паздуръ и лит. posnãgas я старался показать срощенія съ архаистической первой частью, Gen. Sing. на *-s* отъ коренной основы pod—нога. Теперь надо остановиться на другихъ образованіяхъ, въ основаніи которыхъ лежитъ тотъ же корень: въ славянскихъ, какъ и въ балтійскихъ языкахъ онъ встрѣчается въ цѣломъ рядѣ простыхъ и сложныхъ словъ. Разнообразіе видовъ основы весьма значительно какъ здѣсь, такъ и въ другихъ индоевропейскихъ языкахъ.

I. pod-, др.-инд. padám (слѣдъ, нога), pádyate (онъ падаетъ, идетъ), pattíṣ(пѣшій, слуга), padātas (id.), Gen. Sing. pad-as(ногѝ); ав. paδəm(слѣдъ), др.-перс. nipadiy (пѣшкомъ, auf dem Fusse), patipadam (на свое мѣсто); оссет. fad (Hübschman. 63), белудж. pád (слѣдъ. Geiger. 33), афг. pal (нога, слѣдъ. Geig. 18); арм. ot-n(нога), гр. Gen. ποδ-ός; обще-слав. подъ (полъ. Будиловичъ. II. 105, Uhlenb. 154—155); др.-в.-нѣм. fazwesca(Fussbad); др.-исл. fata (den Weg finden. Noreen. 50).

---

[1]) Ср. Miklosich. Vergl. Gram. II. 108—109.

II. ped-, гр. πεδά(послѣ), πεζός *pedjos(пѣшій), геракл. ϝικατίπεδος, πέδον (Boden, Feld); лат. peda (vestigium humanum), oppidum(городъ), pedes и pedester (пѣшій), Gen. pedis; арм. het(слѣдъ); кимвр. eddwyd (ivisti); др.-исл. fet(стопа), fit *fetjo—(плавникъ); латыш. pēpežs (неожиданный, поспѣшный) *-pedjos.

III. pēd-, лат. pēs, др.-исл. fǫ́tom (fanden unsern Weg. Noreen. 73); лит. pēdas (Ширв. 32. 33) или pēdà(слѣдъ), papièdis (фундаментъ. Geitler. Lit. St. 100); латыш. pēda (подошва, стопа, слѣдъ, башмакъ, футъ), pēdigs или pēdejs (послѣдній, задній); прус. peadey(Socken); слав. пѣшь изъ *pēdsjos.

IV. pōd-, др.-инд. pā́t (Acc. pā́dam), ав. pāδa-, пхлв. pāi(нога), pāyak(ступень), новоперс. pāi, pā(нога), курд. pāi, белудж. pā́d(нога); гр.-дор. πώς (атт. ποός), умбр. du-purs-us (?bipedibus. Brugmann. Gr. I³. 147); гот. fōtus, др.-исл. fótr, др.-анг. fót, др.-сакс. fōt, др.-в.-нѣм. fuoz; сюда же др.-инд. Causat. pādáyati (онъ заставляетъ идти, падать), слав. пад-ать, болг. паднж(останавливаться), па́дало (стоянка. Дюв. 1580); серб. pàdina(долина), pàdalīšte(лагерь) и др.

V. pd-, др.-инд. upa-bdás(getrampel), ав. frabda (vorfuss), гр. ἐπίβδαι (Brugm. Gr. Gr.³ 91, Uhlenbeck. 29; послѣпраздничный день).

Слѣдуетъ отмѣтить, что чередованія основъ въ склоненіи этого слова не знаютъ языки германскіе (*pōd- во всѣхъ падежахъ Streitberg. 204), балтійскіе (основа на -ā: pēda) и славянскіе (подъ- основа на -*o*). Отъ послѣдней образованы и нѣкоторыя сложныя названія: прежде всего сюда относится в.-рус. постолъ, м.-рус. постіл, серб. пòстō (родъ обуви), которое вѣрно объяснилъ уже Потебня (Къ исторіи звуковъ русскаго языка. IV. 1883, стр. 81—82), сопоставивъ эту группу славянскихъ словъ съ латыш. pastala(башмакъ) и др.-инд. Dual. padatalē(подошвы), сравнительно съ которымъ слав.-лит. слова представляютъ архаизмъ. Потебня разлагалъ эти слова на *pŏd-tăl-ŏs(*пад-тал-ас) и видѣлъ въ

первой половинѣ рѣдкій остатокъ темы на согласный. Какъ мы уже видѣли, эти остатки далеко не такъ рѣдки, какъ полагалъ нашъ знаменитый лингвистъ [1]). Въ ту пору, когда Потебня писалъ свою статью, ему еще не было извѣстно соотвѣтствующее болгарское слово: посталъ (Дювернуа. 1796. Геровъ. IV. 224 родъ обуви и обувь вообще; дадохж му посталы-ты въ ржкж = отставили отъ службы, прогнали); не приводитъ онъ и словн. póstol (сапогъ, башмакъ). Болг. посталъ не можетъ восходить ни къ чему иному, кромѣ *pod-tā(ō)l-os. Какъ -толъ соотвѣтствуетъ прус. talus(Fussboden), др.-инд. talam (Fläche, Ebene, Handfläche, Fussohle, Schutzleder) и др., такъ -талъ слѣдуетъ сравнить съ греч. τηλία (дощечка, на которую кидаютъ кости), кимвр. tâl(лобъ), корнв. tâl (Stokes. 124. Uhlenbeck. 110), серб. tálog (осадокъ на днѣ).

Другое сложеніе съ основой под- находимъ въ слѣд. слав. словахъ: болг. пологъ (логовище. Дюв. 1750), полугъ, *пологъ (сѣко птиче гнѣздо, направено долу на земя та; ако то не е на землята, а на дърво или на друго нѣщо, тогава се нарича гнѣздо. Сборн. за нар. умотв. VI. 235), пологъ или полагъ (мѣсто, гдѣ курицы несутъ яйца. Геровъ. IV. 149); чеш. podlaha (Dielbrett, Fussboden), словац. podlaha(solum), в.-луж. podłoha (Fussboden, Diele), пол. podłoga (id.) Будиловичъ. II. 105. Эти слова не „областныя", какъ ихъ называетъ проф. Будиловичъ, но общеславянскія и происходятъ отъ основной формы *pod-lŏga со значеніемъ того, что лежитъ на землѣ (доски пола, хворостъ, въ которомъ находится логовище звѣря; гнѣздо птицы). Отсюда же, вѣроятно, и рус. пологъ, гдѣ *д* выпало передъ *л*, какъ въ словѣ полъ изъ *pod-lъ; основное значеніе слова пологъ—настилка, покрывало, распростертое на землѣ еще

---

[1]) Какъ извѣстно, Потебня объяснялъ слово почва изъ *подъшьва, и едва-ли онъ не былъ въ этомъ отношеніи правъ: ср. чеш. počev Gen. počvu или počva Gen. počvy(подошва). Dušek. I. 14: pod nima plechový počvičky.

довольно близко къ областному значенію его въ восточной Россіи (Даль III 263), гдѣ пологомъ называется рядно для сушки и перевозки хлѣба, для укрышки его на возахъ; обычное значеніе слова пóлогъ развилось изъ общаго значенія покрывала.

Кромѣ рус. полъ, отъ основы pod-, получившей единственное значеніе низа, земли (откуда и падать, ср. съ этимъ под- гр. πέδον), тогда какъ въ инд.-евр. оно имѣло еще другія значенія (нога; слѣдъ; плоскость; земля), образовано съ суф. -ьлъ прилаг. *podьlъ(низкій), откуда рус. подлый, пол. podły, чеш. podlý (низкій и морав.-словац. низкій, подлый, гадкій). Прибавлю въ заключеніе, что, по моему мнѣнію, нѣтъ никакого основанія отдѣлять отъ этой основы и предлогъ подъ. Изъ того, что исходное -дъ встрѣчается и въ другихъ предлогахъ (надъ, передъ и др.), вовсе еще не слѣдуетъ, что „podъ verhält sich zu po, wie nadъ zu na“ [1]) (Miklosich. Etym. Wörterb. 253): здѣсь, напротивъ, передъ нами совершенно то же явленіе, что въ латышскомъ zem или zemu (діалект. также zam). Основа zem — стала употребляться въ смыслѣ предлога (zem galda, подъ столомъ и т. под.); отъ нея образовано прилаг. zems (L. 3241) со значеніемъ низкій, въ сложеніяхъ она указываетъ на близость предмета къ землѣ, на низкое положеніе его: zemlūze (коротконогая корова), zemzars (коротко-ствольный) и т. п. Совершенно аналогичное положеніе заняла въ славянскихъ языкахъ основа *podo (предлогъ подъ [2]), имя прилаг. подьлъ, въ сложеніяхъ *pod-lǫga). Здѣсь существительное перешло въ предлогъ, какъ напр., въ слѣдующихъ примѣрахъ изъ сербскаго языка: čelo glave (zu Kopfe, zu Häupten. *Berlić*. Grammatik der illyrischen Sprache. Wien. 1854, стр. 147), čine svojoj glavi (gegen seinen Kopf, Berlić. 148),

---

[1]) Ср. Даничић. Основе 5. надъ = на + дъ (-d- изъ *dha— дѣлать), придъ = при + дъ (*да — дать).

[2]) Такъ же смотритъ на отношеніе подъ предлога къ существ. проф. Брандтъ (Р. Ф. В. 23. 301).

pût Rima, pūt istoka i zapada (къ Риму, на востокѣ и западъ. *Appendini.* Grammatica della lingua illirica. Изд. 2. Ragusa. 1828, стр. 280—281), oliš — кромѣ (olisc ovòga—oltre di ciò; olisc màllieh—eccetto pochi и др. Appendini. 281) и т. д. Существительнаго происхожденія, вѣроятно, и предлогъ про, который вмѣстѣ съ предлогами péri, *p^e raí, p^e rós и др. представлялъ различныя падежныя формы парадигмы корневой основы съ согласнымъ исходомъ. Окончаніе падежа *-o* (какъ въ ἀπό, ὑπό) вообще неизвѣстно [1]).

5. **Dem, dom — домъ.** Эта группа словъ восходитъ къ индо-европейской эпохѣ, гдѣ рядомъ съ сохраненіемъ корневой основы въ нѣсколькихъ видахъ уже развились образованія отъ тѣхъ же основъ съ исходнымъ гласнымъ, вслѣдствіе чего отношенія формъ уже на индо-европейской почвѣ сдѣлались крайне запутанными, и эта запутанность еще увеличилась въ отдѣльныхъ языкахъ. И литература по этому вопросу очень значительна и противорѣчива. Тѣмъ не менѣе, можно думать, что уже въ праязыкѣ существовали слѣд. формы Nom. Sing.: *dō(m) (гр. δῶ, арм. tun, ир. due), Gen. Sing. dem-s (въ гр. δεσπότης, вед. pátir dán, ав. déñg patōiş) и Nom. Sing. *dem (откуда Loc. Sing. вед. dé̄. I. Schmidt. Pluralbild. 222). Существованіе этой послѣдней основы подтверждается и сложеніями съ dem-, принявшимъ передъ согласными форму dm̥: гр. δάπεδον (фундаментъ, почва), др.-исл. topt, tomt изъ *tumfetiz = δάπεδον (мѣсто строенія. *Bugge.* PBr. Beitr. XXI. 42. Uhlenbeck. 121. Noreen. 122). Далѣе, на основаніи герм. *timrom (строеніе, ап.-сакс. timber, др.-исл. timbr строевой лѣсъ, др.-сакс. timbar Zimmer) Мерингеръ возстановляетъ еще одну форму Nom. Sing. *demṓr или *démr̥ (Meringer. Beiträge. 9), что тѣмъ болѣе сомнительно, что нѣм. *tembrom нельзя отдѣлять отъ слав. джбръ (рядомъ съ джбъ, ср. Брандтъ. Р. Ф. В. *21.* 220). Если даже *b* разви-

[1]) Ср. Solmsen. K. Z. *35.* 468. Слав. про должно восходить скорѣе всего къ pros, какъ на это указываютъ законы славянскаго Sandhi.

лось здѣсь, какъ вставочный звукъ между *m* и *r*, что по моему мнѣнію, ничѣмъ не подтверждается, то все же слав.-герм. te(o)mbrom надо производить не отъ слова dem-, dom— (домъ), а отъ глагольной основы dem—строить (гр. δέμω). Но почему не предположить, что *-bhro, *-bro здѣсь суффиксъ или слово, получившее характеръ суффикса, то же, что въ греч. δίφρος (колесница изъ dvi-f(e)ro-s), лат. -br- (обыкновенно производимое изъ инд.-евр. -dhr-) въ lavābrum(ванна), crēber (отъ crēsco) и др. (Stolz. 565—566) [1].

---

[1]) Въ словѣ серебро суффиксомъ можетъ быть -бро, въ которомъ могло еще сохраниться отраженіе его стараго значенія -носный. Prusik въ Krok XII. 65—67 подробно останавливается на этимологіи слова серебро и приходитъ къ двумъ праформамъ: 1) ser-bro, откуда рус. серебро и др. и 2) sir-o-bro, откуда др.-прус. sir-a-blan, лит. sid-a-bras, ц.-сл. сьр-е-бро. Изъ слав.-балтійскихъ заимствованы, по его мнѣнію, германскія формы. Serbro и sir-o-bro распадаются на двѣ части: ser- свѣтъ, блескъ (ср. гр. σέλας, др.-инд. sīras — солнце) и -бро (что въ латин. spumifer — пѣнистый), такъ что все слово означало блестящій (lesk nesoucí, lesklý). Серебро, дѣйствительно, нерѣдко называется по своему цвѣту и блеску. Прусикъ указываетъ на др.-инд. ṣubhrám(свѣтлое), çvētás (бѣлый, свѣтлый), bhīru (переливающееся), rūpjam (прекрасное, красивое).—Соглашаясь въ принципѣ съ Прусикомъ, я полагаю однако, что надо исходить изъ *sel-bro, откуда вслѣдствіе ассимиляціи плавныхъ праслав. *serbro (съ обратной диссимиляціей въ польскихъ говорахъ śrebło, śrybło и въ чеш.-пол. Loriš 18: střibło); къ *selbro восходятъ герм. др.-в.-нѣм. silbar, анг.-сакс. seolfor, которыя, конечно, не заимствованы изъ слав. Другая предполагаемая мною наряду съ указанной формой: *selu-bro (гот. silubr, анг.-сакс. seolubr, др.-сакс. silubar). Думаю, что всѣ славянскія формы можно возвести къ *serbro (сьребро или съребро въ церк.-слав. не болѣе, какъ орѳографія: ср. соврем. болг. сребро; никакихъ слѣдовъ глухого послѣ с въ слав. языкахъ не сохранилось, такъ какъ рус. серебро лишь полногласная форма). Лит.-латышскія названія серебра несомнѣнно искажены, а это заставляетъ предполагать въ нихъ заимствованіе. Что касается этимологіи первой части, то греч. σέλμα: др.-сакс. selmo, σῦς при ὗς позволяютъ думать, что и sel- можетъ соотвѣтствовать гр. σέλας (др.-

Какъ бы то ни было, инд.-евр. Nom. Sg. *dém$\underset{\circ}{r}$ у насъ нѣтъ основанія предполагать и нужно думать, что рядомъ съ *dō(m) и *dem существовали только формы Nom. Sing. съ гласной основой: *domos (др.-инд. damas, гр. δόμος, ир. damliacc domus lapidum, лит. namaí), *domā (гр. δομή, серб. dòma Gen. dòmi. Nemanić. II. 19), *domus (лат. dómus, слав. домъ)[1]).

Въ литовскомъ языкѣ, по остроумной догадкѣ проф. Микколы (B. B. 25. 74), слово dimstis(дворъ) восходитъ къ *d$\underset{\circ}{m}$-pstis, гдѣ вторая часть разлагается на pd-tis, такъ что все слово по формѣ и значенію соотвѣтствуетъ гр. δάπεδον, др.- исл. topt. Не идя такъ далеко и даже допуская, что въ dimstis- stis является суффиксомъ (ср. Leskien. Bildung. 549 Iohansson. IF. 14. 321), я думаю, что все-таки мы сохраняемъ возможность видѣть въ первой части основу d$\underset{\circ}{m}$ (этимологія Лескина Ablaut. 323 dimstis= dingstis отъ dingti- *попасть куда-нибудь* представляется весьма натянутой), но я думаю, что dimstis слѣдуетъ разложить на *d$\underset{\circ}{m}$ + stis, гдѣ вторая часть представляетъ слабый видъ основы отъ глагола *sthā (ста-ть) : ср. др.- инд. gōšthá (скотный дворъ), гог. awistr (овчарня) и др. (Hirt. Ablaut. 31). Такимъ образомъ, слово dimstis должно означать мѣсто, занятое жилыми постройками и службами, всѣмъ

инд. sīras врядъ-ли относится здѣсь); такимъ образомъ; серебро дѣйствительно означало „свѣтоносный" металлъ. Латыш. названія серебра передѣланы подъ вліяніемъ народной этимологіи, связавшей ихъ съ глаголомъ drebeti (латыш. drebēt)—дрожать, трепетать. Это очень отчетливо проявляется въ формѣ sudrebin'š (L. 2775. 3. ozol'am sudrebin'a). Но *d* въ болѣе старыхъ формахъ sudabris, sudobris, стар. мѣстное названіе въ Курляндіи sidobre, лит. sidabras и sudábras (Bezzenberger. Lett.-Dial.-Stud. 77—78. Litauische Forsch. 178) не понятно.

[1]) Въ литов. Вольфенбют. постиллѣ есть форма Acc. Plur. apidemes, которой соотвѣтствуетъ у Ласицкаго apidome (Apidome mutati domicilii deum). Не восходитъ-ли apideme къ основѣ -dem- (домъ)?

домомъ; это дворъ. Кромѣ того, основу dm- надо предположить для объясненія слова nămas (ср. ав. dəmānəm и nmanəm, гр. μεσόδμη и μεσέμνη- поперечная балка); изъ *nmas *n* проникло въ nămas изъ damas.

Въ славянскихъ языкахъ отъ основъ dem-, dom- произведено нѣсколько загадочныхъ образованій. Основа домъ склоняется по схемѣ основъ на *ъ*, но Loc. Sing. имѣетъ окончаніе не только -*ōu, но рядомъ съ нимъ и *ō, откуда нарѣчіе до́ма (Zubatý. Arch. 15. 151). По моему мнѣнію, это единственно возможное объясненіе этой формы. Старый Dat Sing. сохранился въ домови, откуда домо́й чеш. domů; въ чеш. domu, морав. dom, луж. dom, словн. dam (аканье *dom) Миклошичъ (Vergl. Synt. IV. 580—581) и Гебауеръ (Arch. f. Sl. Phil. III. 208) видятъ Dat. цѣли, но если въ первомъ, дѣйствительно, слѣдуетъ видѣть сравнительно новое образованіе Dat. Sing. по образцу основъ на *-o*, то въ лужицкой и словинской формахъ не для чего искать отпаденія конечнаго *u* (хотя фонетически это возможно, см. Mucke 136 — 137. Gebauer. Hist. Ml. I 265); эти формы объясняются, какъ Acc. цѣли, весьма обычный при глаголахъ движенія.

Чешскіе и моравскіе говоры сохранили, повидимому, слѣды и другой основы dem- : именно, въ южно- чеш. говорахъ очень широко распространена форма dem въ значеніи домой (Dušek. II. 45); изъ моравскихъ Бартошъ приводитъ (II. 310) фразу : hned' byl v dýmě (ten tam), которую легче всего объяснить, какъ Loc. отъ dém (какъ dům изъ dóm). Такъ какъ въ языкѣ установилась парадигма склоненія основы dom-, то падежи отъ другой основы вышли изъ употребленія и стали не понятны, почему и слово v dýmě (отъ Nom. Sing. dém, откуда долгота была проведена и въ другіе падежи) потеряло свое первоначальное значеніе дома. Наконецъ, въ чеш. говорахъ сохранилось demů (*demovi. Arch. pro lex. I 52). По мнѣнію Гебаура, эта смѣна *o- e* въ приведенныхъ примѣрахъ имѣетъ лишь діалектическое значеніе, по не восходитъ къ праславянскому языку. Съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться, такъ какъ и въ другихъ изъ указанныхъ имъ

случаевъ перехода *о* въ *е* (Hist. Mluvn. I. 242) надо видѣть отраженіе общеслав. явленій (sotva- setva, tolko- telko) или вліяніе одного гласнаго на другой (Krem, Kremeríž, какъ словацк. kremä- кромѣ, черск remię вм. ramię Matłakowski. Spraw. Kom. Język. V. 141; словен. blüze и др. Ilešić. Arch. f. Slav. Phil. 21. 199—203)[1]). Я полагаю, что уже на общеслав. почвѣ рядомъ съ формой домъ жила и форма демъ, которая употреблялась какъ въ падежныхъ измѣненіяхъ, такъ и въ нарѣчныхъ образованіяхъ, откуда demovi, а изъ него чеш. *demov (и потомъ demů) и прежній Acc. Sing. dem. Какъ домъ дало dům, такъ демъ перешло въ *dém, которое и сохранилось въ выраженіи v dýmě.

Греч. ἔνδον объясняется, какъ старый Loc. Sing. „въ домѣ" (*en dŏm). Такого же конкретнаго происхожденія можетъ быть и вообще предлогъ do, этимологическое объясненіе котораго представляетъ большія трудности, потому что слав. исходное *о* во всѣхъ извѣстныхъ намъ случаяхъ происходитъ изъ конечныхъ сочетаній -os или as (слово, сѣно= лит. šẽnas, окон. Praes. Plur. -mo *măs, *mŏs, но изъ *pas) или -od (To *tod, pro должно быть изъ *pros., а пра *prōd ср. Brugmann. IF. IV. 81). Конечное om даетъ на славянской почвѣ -ъ или ѫ (сѫ-съ, вѫ или ѫ-въ). Только do стоитъ пока одиноко, и возвести его къ *dos или *das нѣтъ никакой возможности: напротивъ, представляется очень соблазнительнымъ соединить его съ ав. -da (vaēsmən-da домой), греч. -δε (οἶκονδε, ἀγρὸνδε и др.), ир. do (*to? Stokes. 132), лит. da-, нѣм. zu (Miklos. Et. Wört. 47 Delbrück. Syntax. I. 766). Однако дѣло не такъ просто, какъ оно кажется на первый взглядъ: лит. da- встрѣчается первоначально едва-ли только не въ двухъ глаголахъ, заимствованныхъ изъ слав.: dabuti, латыш. dabūt изъ добыть, dastoti изъ достать;

---

[1]) Непонятно только hespoda, остальныя формы такъ или иначе поддаются объясненію. Однако старой эта форма не можетъ быть, потому что *gespoda превратилось бы въ чеш. въ žespoda.

въ словарѣ Юшкевича такихъ образованій довольно много, но у Куршата въ Грамматикѣ и въ словаряхъ онъ отсутствуетъ, почему и приходится думать объ его литературномъ происхожденіи (какъ у Ширвида domyslam się- dasigadau, domawiam czego — dasikałbu ko, dopuszczam się -dasiłejdżiu и др.). Изъ заимствованныхъ слав. dabuti и dastoti этотъ суффиксъ проникъ по аналогіи и подъ вліяніемъ литературнаго знакомства съ славянскими (особенно польскимъ — у Ширвида, у Юшкевича и др.) языками и въ другіе глаголы. Такое заимствованіе формальныхъ элементовъ не рѣдкость: въ одномъ изъ словинскихъ говоровъ отмѣчено заимствованіе нѣм. префикса nach[1]) (nakdat, dam nak nachgeben), въ болгарскомъ тоже находимъ предлогъ нахъ (въ: отивамъ нахъ рѣката = отивамъ възъ рѣкѫтѫ; нахъ манастиренъ да иде, и си утиде нахъ край товна земля и др. Дюв. 1369); въ сербскомъ въ выраженіяхъ näksjutra, näksutra (=poslije preksjutra), näknada (nak-na-da) при глаголѣ nàknaditi (вознаграждать; отдѣльно knaditi не встрѣчается Ivekov.- Br. I. 743—744) также приходится выдѣлить префексъ nak, который едва-ли не восходитъ къ nach, какъ серб. узрок къ нѣм. ursache. Въ серб. и болг. довольно значительно распространенъ турецкій суф.- *лъкъ, *лукъ для образованія отвлеченныхъ понятій: болг. роблу́къ (рабство Дюв. 2056), сиромашлъ̀къ (бѣдность. Дюв. 2163), серб. pasjàluk (собачья злость), pogànluk (= poganština), также bezobrazluk, hrišćanluk, cìganluk и др. (Даничић. Основе 278. Maretić. Gram. 324. Ivek.- Br. II. 13. 76 и др.). Въ болг. катаднéвенъ (ежедневный), ката мѣсяцъ и т. д. (Дюв. 942) видимъ заимствованный ново-греческій предлогъ κάθε (не ст.-греч. κατά?); въ дубровницкихъ- ûn (ит. one) въ igrûn (velika igra),-

[1]) L. Pintar. Ljetopis Matice slovenske. 1895, стр. 23. Обзоръ новѣйшей литературы, отчасти и по этому вопросу (въ области романославянскихъ лексикальныхъ отношеній) въ моей статьѣ: Sprachliche Wechselbeziehungen zwischen Romanen und Slaven (1890—1898). Vollmöller's Romanischer Iahresbericht. т. V.

isimo (ит. issimo) въ ljèpisimo (prelijepo), -ândo въ šètândo (šetajući) и мн. др. (Budmani. Rad. 65. 168) формальные элементы заимствованы изъ итальянскаго языка[1]). Или изъ области финноугорскихъ языковъ укажу въ русско-карельскомъ говорѣ суф. са или čа изъ рус. *(а)* чъ: roagaču (прозвище быка) отъ roaga (жердь), huraču (лѣвша) отъ hura (лѣвый), pahaču (названіе змѣи) отъ paha (злой) и др., или въ вепс. нарѣчіи sami изъ рус. самый (Ahlquist. Suom. kiel. rakennus. 15. 117); въ венгерскомъ языкѣ славянск. происхожденія суффиксы -nök,- nok изъ -никъ (tanácsnok совѣтникъ при tanács совѣтъ), -ár,- ér (tanár учитель при tan—учить, futár- бѣглецъ при fut- бѣжать и т. д. Riedl. Mag. Gr. 97).

Такимъ образомъ и префиксъ da- въ литовскихъ глаголахъ (самостоятельно онъ не встрѣчается) можетъ быть заимствованіемъ изъ слав. do. Что касается германскихъ параллелей, то здѣсь дѣло не обстоитъ такъ просто, чтобы нѣмецкія формы предлога можно было по просту сопоставлять со словянской. Др.-сакс. tō, др.-в.-нѣм. zuo, латин. dō- nес могутъ восходить къ инд.-евр. *adō, отъ котораго происходятъ и лат. ad, англ.-сакс. œt, др.-в.-нѣм. az (при), др.-исл. at (Noreen. 12). Во всякомъ случаѣ, герм. формы предполагаютъ *dō, которое мы и находимъ, вѣроятно, въ усиливающемъ предлогѣ dar *даже (dar do tla и др. Zima. 104—105). Краткая форма предлога *dŏ, встрѣчающаяся въ лат. endo, ир. *do (Stokes. J. F. XII. 189), др.-в.-нѣм. za, гр. *δa (арк. ϑόρδa) и др. (Solmsen. K. Z. 35. 471), въ славянскомъ можетъ имѣть двоякую форму: въ исходѣ дъ (надъ, прѣдъ), въ серединѣ слова do, откуда *доже- серб. dori (у Домеціана доры до горы синаискые, доры въ гороу

---

[1]) Ср. еще словин. denok изъ нѣм. dennoch, indi (igitur) *тур. imdi (also, nun), кайкав. im, em *венг. íme, ím; болг. серб. ала *греч. ἀλλά, кашуб. doch, словин. glih *нѣм. gleich и др. Maretić Rad. 93. 6—21 и дал. Заимствованія формальныя такъ же обычны, какъ лексикальныя.

синаискоу Шафарикъ. Serbische Lesekörner. 86, uzidaše dori do kolena. Zima. 104—105). Но самостоятельному употребленію предлога -do законы славянскаго Sandhi въ сущности не даютъ права на существованіе: если изъ *v̥lko (лит. vìlkas), *neseto (гр. ἔφερετο) образовались влъкъ, несетъ, то и изъ *do (=инд.-евр. dŏ) должно было образоваться только -дъ въ абсолютномъ исходѣ слова, тогда какъ do должно восходить къ формѣ съ согласнымъ исходомъ. Есть и еще одинъ весьма важный пунктъ отличія въ употребленіи предлога do и приведенной инд.-евр. группы предлоговъ: въ то время, какъ эти послѣдніе требуютъ при себѣ падежа цѣли- Dat. или Acc., славянское do употребляется исключительно съ Gen., какъ и другіе предлоги конкретнаго происхожденія: край, pût, čelo и др.

Законы славянскаго Sandhi и ихъ хронологическія отношенія, вопросъ, который здѣсь необходимо затронуть,—могутъ при современномъ состояніи науки быть сведены, какъ мнѣ кажется, къ слѣдующимъ положеніямъ: 1) прежде всего исчезъ на концѣ слова носовой звукъ; изъ *v̥lkom образовалась форма *v̥lkǫ, а отсюда, какъ во всѣхъ современныхъ говорахъ литовскаго языка, форма безъ назализаціи *v̥lko=vìlką; то же произошло и въ Gen. Plhr., гдѣ однако нѣкоторые жмудскіе говоры сохраняютъ окончаніе -ūn; разница въ развитіи литовскаго окончанія Gen. Pl. можетъ объясняться тѣмъ, что по говорамъ распредѣлялись окончанія съ краткимъ или долгимъ um изъ ōm; въ слав. праязыкѣ оказалось только окончаніе -ōm, которое и дало въ результатѣ тоже *-o, что мы находимъ и въ Acc. Sing.; 2) Одновременно съ этимъ развитіемъ конечныхъ слоговъ съ носовымъ исходомъ въ праслав. языкѣ происходило—можетъ быть, по законамъ Sandhi, унаслѣдованнымъ еще отъ инд.-евр. эпохи,—отпаденіе или сохраненіе конечнаго -s: такимъ образомъ, одно и то же слово могло въ однихъ случаяхъ имѣть окончаніе -s, въ другихъ не имѣть его; Nom. Sing. отъ *v̥lko- могъ принимать форму *v̥lkos или v̥lko, Gen. Sing. *ogneis *ognīs форму *ognī или *ognīs, тогда какъ Acc. Sing. былъ всегда

*vl̥ko, *ogni и т. д. 3) Въ ту пору, когда *-m*, на концѣ слова отпадало всегда, а *-s* иногда, зубной исходъ слова *-d* сохранялся всегда, какъ онъ поздно исчезъ и изъ германскихъ и литовскаго языковъ [1]).

Слѣдующая эпоха развитія славянскихъ законовъ Sandhi характеризуется сокращеніемъ конечныхъ гласныхъ: ā, ī, ū превратились въ *a*, *ĭ*, *ŭ*, а ŏ, ĕ, ĭ, ŭ слились въ *ъ* и *ь*, такъ что Acc. Sing. получилъ форму влъкъ, Gen. Pl. ту же самую форму, но рядомъ съ Nom. Sing. влъкъ еще жила форма *vlъkos, какъ еще существовали мѣстоименія tod, jed (др.-инд. yad). Лишь въ третью послѣднюю эпоху этой эволюціи когда *всѣ* конечные согласные исчезли, но когда сокращеніе конечныхъ гласныхъ отжило свой вѣкъ, появились формы *то*, ѥ, сѣно, несемо (рядомъ съ несемъ) и т. д. Въ однихъ словахъ появилась двойственность формъ Nom. Sing., т. е. окончанія *-ъ* и *-о* (серб. језер, рун, крил, рух, прав и т. д. [2]), словин. údo – membrum при úd или ȕd [3]), пол. діалект ryl [4]), gárdziel при gardło [5]) и мн. др., и съ другой стороны серб. југо и др.), но, вообще говоря, конечно, должно было наступить распредѣленіе основъ, такъ что одни слова цѣликомъ перешли въ разрядъ Masc., другія въ разрядъ Neutr.

Я думаю, что приведенныя соображенія объясняютъ факты конца слова, которые мы находимъ въ слав. языкахъ: они показываютъ, что мене, тебе не могутъ восходить къ *mene, *tebe, но предполагаютъ формы *menes, tebes (ср. лит. manès, tavès при загадочныхъ manęs, tavęs); они показываютъ также, что оконч. -go не можетъ вос-

---

1) Лит. tataĩ=tat-ai. Meillet. Mém. de la Soc. de Linguist. X. 135—136. О германскомъ daz и др. Streitberg. 272.

2) *Даничић*. Основе 8. *Kurelac*. Stariji oblici samostavni. Rad. *20*. 138—149.

3) *Valjavec*. Rad. *56*. 2.

4) *Kosiński*. Spraw. Kom. Język. IV. 30.

5) *Rzeszowski*. Spraw. Kom. Język. IV. 355.

ходить къ частицѣ *ga (какъ я самъ предполагалъ раньше), но скорѣе происходитъ изъ g-os (какъ думаетъ проф. Соболевскій); частица же при жь, вѣроятно, возстановлена требованіями произношенія, но, кромѣ же, мы находимъ и жи (серб. -ri въ -deri, dori, dari), гдѣ *-и* также не восходитъ этимологически къ инд.-евр. **е*, какъ и *е* въ же. Такимъ образомъ, я рѣшительно отдѣляю группу -дъ : до (въ дожь): de (въ *dege- серб. deri, срав. др.-в.-нѣм. ze, zi, гр. -δε): да въ даже отъ предлога до. При этомъ особенностью первой группы предлоговъ является энклитическій характеръ (гр. ϑυράνδε, ав. vaēsmenda, герм. untē[1]) до, лат. quando и т. д.), что и дало поводъ Дельбрюку предположить ея происхожденіе изъ первоначально указательной частицы (Syntax. I. 766). Ничего подобнаго относительно предлога до указать нельзя: онъ никогда не выступаетъ въ качествѣ энклитики, а родит. падежъ при немъ, непонятный Дельбрюку (ibd. 771), легко объясняется при предположеніи, что предлогъ do возникъ изъ *dom. Однако это послѣднее не имѣетъ ничего общаго съ германскими предлогами, близкими къ нему по значенію: гот. thana (по отношенію къ), др.-сакс. than, анг.-сакс. đon (id.)[2]), такъ какъ начальный звукъ здѣсь восходитъ къ инд.-евр. *t*, такъ что основная форма его была бы *ton-[3]).

Слав. do стоитъ одиноко и пріобрѣло свое значеніе предлога изъ конкретнаго *dom уже на славянской почвѣ. Сохраненіе здѣсь *о* я не могу объяснить инымъ путемъ, какъ предположивъ, что этотъ предлогъ такъ тѣсно сливался со словомъ, къ которому относился, что *-о* никогда здѣсь не чувствовалось конечнымъ гласнымъ, а всегда стояло въ серединѣ срощенія, полученнаго такимъ образомъ. Что касается отношенія формъ do и dom, то аналогичное явленіе мы находимъ

---

[1]) Такъ, Noreen. 12. Иначе untē (*und + tēd) объясняетъ Гринбергеръ. 123.

[2]) О нихъ ср. *van Helten*. P. Br. Beitr. 28. (1903). 566—568.

[3]) Повидимому, только Voc. Sing. рабе, дѣво противорѣчатъ указаннымъ законамъ Sandhi.

въ греческомъ, гдѣ рядомъ съ δῶ находимъ форму δῶμ въ выраженіяхъ Одиссеи и Иліады: δῶμ Ὀδυσῆος, δῶμ Ἀΐδαο (Meringer. 10)[1]). Do изъ Acc. Sing. *dom пріобрѣло значеніе указанія направленія при глаголахъ движенія, а свой отвлеченный смыслъ (какой развился, напр., въ новопольскомъ языкѣ) онъ пріобрѣталъ постепенно, по мѣрѣ забвенія конкретнаго значенія.

6. **Nekt-, nokt** — ночь. Подобно тому, какъ уже на почвѣ индо-европейскаго праязыка, основа dem, dŏm, сохраняя свой согласный исходъ, могла переходить и въ разрядъ основъ на гласный звукъ, откуда уже въ праязыкѣ развились Nom. Sing. domos, domus и domā, такъ и основы nekt-, nokt- отчасти переходили въ систему именъ на ĭ женскаго рода или на -*о* средняго, отчасти сохранялись въ Nom. Sing. въ своемъ архаистическомъ видѣ. Поэтому рядомъ съ формой *nokt, удержавшейся въ Nom. Sing. ведійскаго языка nák и надежныхъ формахъ гр. νυκτ-, литов. Gen. Plur. naktú, гот. nahtam[2]), уже праязыкъ выработалъ Nom. Sing. *noktis, откуда др.-инд. náktis, др.-ир. innocht (hac nocte), лат. Gen. Sing. noktis, гот. nahts, алб. natε, лит. naktìs и слав. ношть, и Nom. Sing. *noktom, откуда др.-инд. naktam. Кромѣ этого вида основы, праязыкъ зналъ слабую степень ея, соотвѣтствующую dem при dom: изъ этой основы nekt-, сохранившейся въ такой формѣ только въ праславянскомъ языкѣ, развилось n̥kt, а отсюда греч. ἀκτίς(лучъ), др.-инд. aktā́, гот. ūhtwō (изъ *unhtwō, сумерки), лит. ankstì(рано)[3]). Словинское nеcój (при nocój — сегодня ночью) представляетъ образованіе отъ основы *nekt-. Въ славянскихъ языкахъ основа *nekt удержалась въ нѣсколькихъ словахъ и въ такой формѣ сложенія, которая указываетъ на

---

[1]) *н* въ до него и т. д. нельзя придавать значенія: это, можетъ быть, аналогичныя образованія.

[2]) *I. Schmidt*. Pluralbildungen 254.

[3]) *I. Schmidt*. Kritik der Sonantentheorie. 1895, стр. 152—133. *Hirt*. Der indogermanische Ablaut. 1900, стр. 130.

употребленіе этой основы безъ гласнаго именно въ такомъ видѣ и въ праязыкѣ. Такъ, отъ основы *net(*nekt) образованы слѣдующія простыя слова: 1) названія растеній *a*) пол. nietota (Genista tinctoria, дрокъ) съ суф. -ota (ср. работа, сухота, мокрота, слѣпота и др.) или изъ *netáta (въ значеніи ночная съ суф. -атый); второе предположеніе представляется наиболѣе вѣроятнымъ въ виду того, что одно изъ растеній, носящихъ въ польскомъ языкѣ названіе nietota, именно Iuniperus sabina (казацкій можжевельникъ), и въ чешскомъ называется netáta (Bartoš. II. 504, netata Arch. pro lex. I. 324. Majewski. II. 415 приводитъ изъ ст.-чеш. netata. Ср. Iungmann. II. 703), а въ словацкомъ netata (Loos. 295). *b*) Съ суф. -упа (о немъ см. выше, стр. 165) образовано пол. nietupa (дикій ленъ); *c*) съ суф. -ькъ и -ьчье образованы словин. netę̂k (барвинокъ, могильница) и netę̂čje (брусника. Pleteršnik. 703). Я не рѣшаюсь сюда отнести рус. неталá(тальникъ) и нéкленъ(черноклёнъ), хотя отрицаніе не- въ этихъ названіяхъ чрезвычайно странно [1]), такъ какъ неталá именно тальникъ, а некленъ одна изъ породъ кленовъ; во всякомъ случаѣ, изъ *нет + талá образовалось бы несталá, что и устраняетъ возможность этимологіи первой части въ указанномъ смыслѣ *nekt, но нéкленъ могъ бы соотвѣтствовать и фонетически соединенію *net-klenъ; однако образованіе здѣсь то же, что въ неталá, такъ что оба эти слова слѣдуетъ выдѣлить изъ группы названій растеній, образованныхъ отъ основы *nekt. Что вообще послѣднія могли существовать въ языкѣ, при чемъ современному человѣку порою и понять трудно, чѣмъ руководился народъ, окрестившій растеніе ночнымъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія: почему, напр., Solanum dulcamara (вороньи ягоды и др. Анненковъ 147) нѣмцы называютъ Nachtschatten? [2]).

---

[1]) Потебня (Къ ист. звук. III. 116) считаетъ возможнымъ видѣть здѣсь отрицаніе.

[2]) Если къ тому же корню можно отнести мрус. нетóя (Art.

2) Ночную бабочку было естественно назвать ночницей, ночнянкой, ночникомъ (Даль. II. 574), и мрус. нéтля (Жел. 525) — мотылекъ должно, конечно, относиться къ той же серіи названій. Съ основой *ne(k)t- и *ne(k)t-o- мы находимъ широко распространенное въ славянскихъ языкахъ названіе летучей мыши или ночной бабочки, которое восходитъ къ формамъ *непырь и нетопырь. Послѣдняя часть сложенія извѣстна во множествѣ названій летучей мыши, которыя сопоставилъ Э. Маевскій въ журналѣ Wisła (т. XIII. 2), и которыя весьма часто непонятны и въ первой своей части: gacopierz (при gacek), kacopierz, latopierz, mętopierz, mentopierz, nietopierz, niedopierz, szętoperz (также gacek, meczwet, nocek, łyłyk, wieciorek, а также gasopierz Spraw. IV. 355). Миклошичъ (Et. Wort. 214), который приводитъ еще кое-какія другія названія того-же типа, указываетъ и правильную на мой взглядъ этимологію слова нетопырь[1]), въ первой части котораго лежитъ основа *nekt; формы *летопырь (ср. морав. letopéř вм. netopýr. Bartoš. II. 337 и I. 321) и *метопырь являются, вѣроятно, искаженіями основной формы *нетопырь, изъ которыхъ, благодаря народно-этимологическимъ вліяніямъ, образовались пол. lato-pierz и mętopierz. Тѣ же измѣненія основное *н* потерпѣло и въ старомъ сложеніи *ne(k)t-pyгь, откуда серб. lȅpȋr(мотылекъ), болг. липи́ръ (мотылекъ. Дюв. 1124) лепи́ръ(вампиръ), словн. lepír(репейникъ). Изъ этихъ словъ, несомнѣнно, относятся къ группѣ названій бабочки и летучей мыши, восходящей къ формѣ нетопырь, только серб. лȅпȋр(мотылекъ) и болг. липи́ръ,

---

Pflanze. Желех. 525), то передъ нами весьма старое образованіе: ср. пол. dziewoja (хорошая служанка), серб. *djevoja. Почему этотъ суффиксъ вторичнаго происхожденія, и какъ онъ возникъ, этого Миклошичъ (Gram. II. 84) не объясняетъ.

[1]) Какъ уже ранѣе его Потебня (Къ ист. звук. II. 33 и Arch. f. Slav. Phil. III. 373).

тогда какъ болг. лепиръ (у Герова) употребляется рядомъ съ формами лемпиръ и вампиръ, а словн. lepír можетъ быть образовано отъ корня lěp — (лѣпить, какъ луж. lěpik-нѣм. kleber при глаголахъ lěpić — kleben). Наконецъ, мотыль(мотылекъ), если это слово не произведено отъ корня мот-въ мотаться, какъ полагалъ Потебня (Къ исторіи звуковъ русскаго языка. II. 1880, стр. 14), можетъ относиться сюда же и восходить къ *no(k)t-yl ь. М.-рус. метéлик при мотильок даетъ то же отношеніе основъ, что мы видѣли въ nekt-, nokt-, а это нѣсколько подкрѣпляетъ предположеніе о возможной связи ихъ съ разсмотрѣнной группой славянскихъ образованій отъ словъ, означающихъ ночь.

7. **Неводъ, невѣста, навь.** Кажется, ни одно изъ славянскихъ словъ не пользовалось такимъ постояннымъ и упорнымъ вниманіемъ со стороны лингвистовъ и не осталось все-же настолько темнымъ, не смотря на всѣ ихъ усилія разъяснить его, какъ слово невѣста. Вслѣдствіе этого разсмотрѣніе всѣхъ этимологій, предложенныхъ для его истолкованія, было бы дѣломъ и крайне труднымъ, и въ концѣ концовъ ненужнымъ. Но матеріалъ, собранный нѣкоторыми изъ изслѣдователей этой славянской лингвистической загадки, даетъ, по моему мнѣнію, не мало цѣннаго и заслуживающаго вниманія. Слово же это тѣмъ интереснѣе, что, повидимому, въ очень старыя времена оно проникло и къ осетинамъ въ формѣ nvostä или nostä. Миклошичъ (Et. Wort. 214) не могъ рѣшиться ни на какую этимологію этого слова: значеніе „неизвѣстная" (не-вѣста), удовлетворительное съ филологической точки зрѣнія, мало соотвѣтствовало реальному значенію этого слова, а сопоставленіе второй части его съ корнемъ ved въ лит. vesti (вести, жениться) и т. под. не годилось въ звуковомъ отношеніи. Проф. Брандтъ въ своемъ разборѣ этимологическаго словаря Миклошича рѣшительно высказался (Р. Ф. В. 23. 90) въ пользу перваго изъ предположеній этого ученаго, находя, что „такое толкованіе во всѣхъ отношеніяхъ возможно и естественно: похищенную — по древ-

нѣйшему способу брака [1]) у чужого племени дѣвушку легко могли назвать неизвѣстною, незнакомою". Не предполагая даже умыканія и допуская болѣе развитыя соціальныя отношенія, Зубатый считаетъ возможнымъ, что слово невѣста могло означать неизвѣстную: когда только родители брачущихся сносились между собой по вопросу о женидьбѣ, было естественно, что для жениха его будущая жена оставалась невѣстой (Arch. f. Slav. Phil. XVI. 406). Однако самъ Зубатый предлагаетъ другую этимологію, связывая корень вѣд съ др.-инд. vid (въ значеніи выискивать, жениться), откуда др.-инд. vēttar (супругъ), vēdanam (женитьба), avēdjā (non ducenda), такъ что невѣста значитъ „еще не замужняя".

Что слово невѣста, дѣйствительно, можетъ стоять въ связи съ глагольнымъ корнемъ вѣд-, это показываютъ и такія церк.-слав. слова, какъ невѣсть (невѣдущій) и извѣста (сознательная ср. Р. Ф. В. 33. 334—335), серб. očivesto (ochivezto- öffentlich. Kriztianovich. Grammatik der Kroatischen Mundart. Agram. 1837, стр. 131). Но, конечно, это еще не даетъ намъ права объяснять слово невѣста, какъ невѣдомая, потому что такое толкованіе семазіологически стояло бы совершенно одиноко, хотя по звукамъ это возможно (ср. латыш. nevēsta—невѣдомо или неслыханно: напр., nevēsta leels - необыкновенно большой). По тѣмъ же причинамъ семазіологическаго характера я не могу согласиться ни съ Прусикомъ (KZ. 33. 160—161), что невѣста образовано изъ *нево (=ново) вѣста (отъ вед- вести), ни съ г. Ильинскимъ, который разлагаетъ это слово на двѣ части: невѣ-ста (второе означаетъ состояніе, какъ въ староста и т. д.)[2]). Однако нельзя не признать, что фонетически тол-

---

[1]) Въ этомъ однако возможно усомниться: новѣйшія изслѣдованія въ области „первобытнаго" брака сильно подорвали вѣру въ древность брака умыканіемъ.

[2]) Къ сожалѣнію, не имѣя подъ руками замѣтки г. Ильинскаго, цитирую на память, а потому, можетъ быть, не вполнѣ точно.

кованіе первой части словъ, данное Прусскимъ, возможно: спорадически въ различныхъ славянскихъ языкахъ сохранились слѣды стараго чередованія основъ съ *e* и *o* (чеш. demů при domů, словн. necoj при nocoj), такъ что не трудно допустить, что и въ праслав. языкѣ рядомъ съ основой ново жила основа нево (гр. νέος)[1]), которая и удержалась какъ въ слав. *нево-вѣста, такъ и въ различныхъ мѣстныхъ чешскихъ названіяхъ (Nevosad, Nevosedly): поэтому этимологія Прусика принята и I. Шмидтомъ въ его сочиненіи „Kritik der Sonantentheorie“ (стр. 96)[2]).

Нѣсколько этимологій на выборъ предлагаетъ Бернекеръ (I. F. X. 166), который считаетъ возможнымъ сравнивать не- съ лит. nį и сопоставляетъ слав. невѣста съ несуществующимъ литовскимъ *nůvaista—sponsa (при vaizdas-[3]) Verlobung, nusivaizdůti sich verloben), а для тѣхъ, кто усомнился бы такъ объяснять слав. не-, г. Бернекеръ замѣняетъ эту этимологію другой, объясняя слово невѣста *neuoista черезъ „еще не оплодотворенная, дѣва“, такъ какъ въ литов. языкѣ pavaĩsti значитъ зачинать, vaisingas-плодородный и vaisà- плодородіе. Но въ этомъ случаѣ невѣста означало бы „еще не зачатую“ (Partic. Perf. Pas. vaistas отъ vaĩsti), а не „не зачавшую“. Наконецъ недавно остановился на этомъ вопросѣ и Видеманъ (B. B. 26. 216—217), который сопоставляетъ слав. невѣста *nevēdta

---

[1]) Что касается сохраненія *e* передъ *в*, то вообще законъ о переходѣ группы ev въ ov вызываетъ не мало сомнѣній: какъ сохранилось рус. нéвенный при гр. νε-νεο-κέναι (см. ниже); въ латышскомъ, какъ извѣстно, группа ev тоже сохраняется (Berneker. I. F. X. 167). Вліяетъ-ли качество слѣдующаго гласнаго на переходъ ev въ ov или качество самого *v* (напримѣръ, eu̯ переходитъ въ ov-, а ev- сохраняется), все это еще должно подлежать изслѣдованію.

[2]) Однако надо имѣть въ виду, что въ ст.-лит. только naujavedis (*Bezzenberger*. Beiträge. 302).

[3]) Это vaizdas нельзя отдѣлять отъ akyvaizdas (присутствіе); vaizdas должно значить просто смотрины; ср. vaizdaĩ-смотрины, vaizdus (ясный, яркій).

съ вѣно *vēdno (гр. ἔεδνα или ἕδνα- Brautgeschenke), такъ что невѣста означало бы „еще не проданная". Къ сожалѣнію, эта этимологія также весьма мало убѣдительна: если даже вѣно не соотвѣтствуетъ по звукамъ и по значенію др.-инд. vasná, гр. ὦνος, лат. vēnum (Fick. I[4]. 133. Соболевскій. Ж. М. Н. Пр. 1895. Май), то все-же гр. ἔδνα *ϝεδνα можетъ быть легко связано съ корнемъ ved- (въ смыслѣ женитьбы. Prellwitz. 83), и такимъ образомъ мы пришли бы къ тому же вопросу: какъ неведенная получило значеніе невѣсты. Что касается этимологіи невѣсты, какъ некупленной, то и она опирается на предположеніи брака куплей, какъ непремѣнной стадіи въ развитіи человѣческаго брака; т. е. исходитъ изъ предвзятой теоріи.

Если я останавливаюсь на этомъ сложномъ вопросѣ, то дѣлаю это потому, что тѣ звуковыя отношенія, пониманіе которыхъ необходимо для выясненія гласнаго въ корневой основѣ *nev-, лежащей въ словѣ неводъ, встрѣчаются и въ словѣ невѣста. Прежде всего, почему необходимо видѣть въ последнемъ сложеніе или образованіе съ отрицаніемъ не-, а не простое слово съ суф. -ѣста, какъ существуютъ суффиксы -астый, -истый, -устый (рус. золýста, болг. хлевýстъ), -ястый и др. Первая же часть слова встрѣчается въ формѣ *nāv- и съ тѣмъ же значеніемъ невѣсты въ нѣкоторыхъ изъ иранскихъ діалектовъ: такъ, афг. nāve (Geiger. Aphg. 16), сѣв.-белудж. nau(невѣста) восходятъ къ основной формѣ *nāvakā (Geiger. Grundr. d. iran. Phil. I, отд. 2, стр. 235). Суф. -ѣста въ славянскихъ языкахъ не представляется невозможнымъ: вѣдь, существуетъ же суф. ѣсть въ словѣ болѣсть (черног. bȍlijest, ц.-сл. болѣсть и др.), гдѣ онъ точно такъ же, какъ -ѣста въ словѣ невѣста, одинокъ. Отношеніе суффикса -ѣсть къ -ѣста то же, что въ -сла : сль (dziąsła : мысль). Поэтому я, не считая возможнымъ отдѣлять слова невѣста отъ иран. *nāvakā, раздѣляю первое на нев-ѣста и въ корнѣ нахожу степень чередованія гласнаго ĕ : ă (*nev-nāv).

Такое же отношеніе коренныхъ гласныхъ находимъ и въ

основѣ н а в-. Матеріалъ здѣсь слѣдующій: рус. н а в ь и др. (покойникъ. Даль. II. 397), о н а в и т ь с я (устать, утомиться, обезсилѣть)[1], олон. н е́ в е н н ы й (худой. Словарь Г. Куликовскаго. 64 стр.); болг. н а́ в и (разные виды злыхъ духовъ, которые живутъ гдѣ-то далеко за моремъ. Геровъ. III. 123) и н а́ в и к ъ (разныя дикія птицы, которыя кричатъ въ бурю по ночамъ, наводя страхъ на людей). Замѣчаніе Герова (III. 132: „вѣрятъ, что навяки души маленькихъ дѣтей, умершихъ некрещенными, и потому осужденныя скитаться, какъ грѣшники“) показываетъ, что основное значеніе двухъ вышеприведенныхъ болгарскихъ словъ — п о к о й н и к ъ. Послѣднее образовано съ тѣмъ же суффиксомъ, что м.-рус. н а в к(покойникъ) изъ *н а в ь к ъ, а образованіе безъ этого суффикса -к ъ, т. е. н а в ь сохранилось въ м.-рус. н а́ в с ь к и й в е л и́ к д е н ь (die Ostern der Verstorbenen). Далѣе, сюда относятся серб. n è v e n (die Todtenblume, calendula officinalis, луж. s m j e r t n i č k a), съ которымъ нельзя не сопоставить рус.-сиб. н е в я́ н к а (Gentiana altaica); хотя народная этимологія связала по созвучію слово n ȅ v e n съ кор. v e n (n e v ȅ n u t i — не вянуть), однако народъ вовсе не представляетъ n è v e n невянущимъ цвѣткомъ (Iv.-Broz. I. 806: ako ti n i k n e žut neven, uveni, dušo, za mnome), да и лужицкое и нѣмецкое названія того же цвѣтка указываютъ на его связь съ мертвецами: n ȅ v e n должно восходить къ *n e v-e n ъ (какъ рус. невенный), какъ и болг. н е в е́ н ъ (иммортель. Дюв. 1377. Miklosich. Etym. Wört. 214)[2]). Изъ зап.-славянскихъ языковъ только чешско-моравскій и словацкій сохранили глаголъ н а в-и т ь въ смыслѣ у д р у ч а т ь, у т о м л я т ь, з а м о р и т ь: сюда относятся словацк. u n o v a ť (belästigen, plagen), n a v i ť(ermüden), морав. u n o v a t (trápiti. Bartoš. I. 282), n a v i t s e (namá-

[1]) Родство между этими словами предполагаютъ и Даль (II. 695), и Брандтъ (Р. Ф. В. 23. 88), и Гебауэръ (Histor. Mluvn. I. 74). Дѣйствительно, не имѣется никакого основанія раздѣлять ихъ. Сюда же, конечно, и н ы-т ь *n ū-t i; ср. рус. у м о р и л с я въ смыслѣ у с т а л ъ.

[2]) Впрочемъ, если даже слово n e v e n сюда не относится, на дальнѣйшихъ разсужденіяхъ это не можетъ отразиться.

hati se. ibd. II. 347), чеш. unuvácia (утомленіе. Arch. pro lex. III. 358), jti do návi (умереть. Iungmann. II. 636), naviti se(утомляться).

Сопоставляя этотъ матеріалъ, мы получаемъ три вида основы съ согласнымъ исходомъ, которая означаетъ смерть или утомленіе: nĕv (рус. невенный), nŏv- (мор. u-nov-at) и nāv (общеслав. навь — покойникъ). Въ инославянскихъ языкахъ этому соотвѣтствуютъ лит. novı́ti (умерщвлять = латыш. nāvēt), латыш. nāve(смерть), nāvigs(смертный), nāv-cirksne (ядовитая змѣя), прус. nowis (туловище. Berneker. 310); гот. naus (Nom. Pl. naweis, Acc. nawins) изъ *nawi-s, nauths(мученіе) изъ *nau-ti-s (Grienberger. 164), др.-сѣв. nár(трупъ); ир. nóine, nuna(голодъ), кимвр. newyn (fames, esuries, inedia), ср.-брет. naffn, н.-брет. naon, которыя восходятъ къ *neveno- и *novenjâ (Hungersnoth, ср. Stokes. 193); арм. naut'i (голодный, трезвый) [1]; гр. Hesych. νενευκέναι: τεθνηκέναι (Hoffman. B.B. XXV. 107). Какъ видно изъ приведенной группы словъ, слав. навь никакъ нельзя считать заимствованіемъ изъ гот. *navi-s, какимъ оно только и можетъ быть, если германская семья словъ восходитъ къ *naγu̯-i (Brugman. Grund. I². 333) и родственна гр. νέκυς, лат. nex, др.-инд. náçyati(погибаетъ), ав. nasuš(трупъ), какъ полагаютъ Уленбекъ 145, Норэнъ 178, Бругманъ и др. Однако германскія слова никакъ нельзя отдѣлять отъ славянолитовскихъ и кельтскихъ, а греч. νέκυς и т. п. принадлежатъ къ другому лингвистическому „гнѣзду", также весьма распространенному въ индо-европейскихъ языкахъ.

Какъ нев- въ невѣста и въ невенный соотвѣтствуютъ нав- въ другой формѣ тѣхъ же основъ (иран. *nāvakā, латыш. nāv-ēt), такъ и въ словѣ неводъ мы находимъ чередованіе первой части. Сопоставляя это слово съ латыш. vads (большая сѣть) и ср.-в.-нѣм. wate (большая

---

[1]) *t'* изъ *t*, какъ eut'n = septem, au = инд.-евр. au (ср. hav = avis и avus). Hübschman. 407.

сѣть. Matzenauer. List. fil. XI. 186), мы должны придти къ убѣжденію, что здѣсь передъ нами сложеніе. Миклошичъ (Et. Wört. 214) весьма кратко замѣтилъ, что ne- можетъ быть частицей, но какого рода эта частица, отрицаніе или нѣтъ, объ этомъ онъ не проронилъ ни одного звука. Не выяснилъ онъ также, какого рода отношеніе существуетъ между ниж.-луж. nawod (сѣть. Zwahr. 224) и общеслав. неводъ[1]), а между тѣмъ этотъ вопросъ имѣетъ весьма существенное значеніе для выясненія этимологіи указаннаго слова. Если мы припомнимъ, что индоевропейское названіе ладьи, представляющее одну изъ корневыхъ основъ: nāu (др.-исл. naust— корабельный сарай изъ *nāu-sto, др.-ир. nau, гр. ναῦ-ς, др.-инд. nāú-ṣ, лат. naufragus) или nāv- (др.-инд. Acc. Sing. nā́v-am, гр.-гом. νῆ-α[2]), лат. nāv-em, др.-исл. nór), удержалось кое-гдѣ и въ славянскихъ языкахъ, то, я думаю, мы получимъ объясненіе какъ этимологическаго состава слова неводъ, такъ и отношенія формъ неводъ : наводъ. Какъ въ новошвед. говорахъ слово nō *nāṷ (Noreen. 70) имѣетъ значеніе „выдолбленнаго ствола дерева", которое является глубокимъ архаизмомъ по отношенію къ др.-исл. nór— корабль, такъ и м.-рус. нав (гробъ, колода. Желех. I. 465) является своего рода культурнымъ переживаніемъ, подобно серб. жа̀ра (урна. Nemanić. II. 21), пол. żgło(саванъ). Это слово соотвѣтствуетъ чеш. náva или náve (loď, Schiff. Iungmann. II. 636), пол. nawa(корабль), если только по-

---

[1]) Любопытныя формы этого слова сохранились въ полабскихъ документахъ: въ 1271 году упоминаются retia magna quae niwade vulgariter nuncupantur, въ 1275 г. majus rete, quod nyewede in vulgari vocatur. *Первольфъ*. Германизація балтійскихъ славянъ. 103. 113. Въ ст.-пол. newoth. Hube. Zbiór rot przysiąg sądowych. 1888, стр. 35 (отъ 1399 г.).

[2]) Іон. νεῦς у Иродіана отвлечено этимъ грамматикомъ, по мнѣнію Г. Мейера (Griech. Gr.³ 418), изъ формъ косвенныхъ падежей νεῶν и др. Но развѣ мы не имѣемъ право предположить, что существовала рядомъ съ ναῦς (*nāv-s) и форма nev- (въ νέες, νεῶν и др.)?

слѣднее не заимствовано изъ лат. navis (пол. nawa означаетъ также внутренность костела). Но, во всякомъ случаѣ, м.-рус. нав нельзя объяснить ни заимствованіемъ изъ латинскаго языка, ни словомъ нав к(покойникъ); оно соотвѣтствуетъ старому способу погребенія въ выдолбленномъ стволѣ дерева и относится къ нав—корабль, какъ ново-швед. nō къ др.-исл. nór. Такимъ образомъ, слово неводъ можно безъ труда разложить на *nev-vodъ, а н.-луж. nawod на *nāv-vodъ со значеніемъ большой рыболовной сѣти, которая закидывается съ лодки, въ отличіе отъ бредня, который тащутъ, бредя по дну.

8. Инд.-евр. *gōu—корова. Византійскіе писатели 6 вѣка разсказываютъ о значительномъ развитіи скотоводства у славянъ, выражавшемся въ ихъ обширныхъ стадахъ рогатаго и мелкаго скота. Да и въ настоящее время скотоводство является однимъ изъ главныхъ промысловъ славянскаго населенія Балканскаго полуострова: черногорцы разводятъ по преимуществу козъ и овецъ, сербы свиней, болгары буйволовъ, хотя при низкомъ культурномъ развитіи народныхъ массъ въ этихъ странахъ скотоводство, какъ утверждаютъ, ограничивается самымъ элементарнымъ разведеніемъ скота [1]). Такъ же первобытны и обычаи, связанные со скотоводствомъ: какъ въ странѣ Уганда доеніе коровъ составляетъ исключительную привиллегію мужчинъ, на которую не рѣшаются посягнуть женщины [2]), такъ и у сербовъ только мужчина имѣетъ право доить коровъ [3]) Глубокой древностью отзывается чисто религіозное почтеніе, которое питаютъ болгары къ упряжнымъ быкамъ: по словамъ Маринова [4]), „жената никогда нѣма да

---

[1]) Ср. *I. Hoić.* Slike iz obćega zemljopisa. Кн. V. Dio II. 1900, стр 62—63, 256, 431. *I. Mallat.* La Serbie contemporaine. II (1902). 163.

[2]) *К. Бюхеръ.* Четыре очерка изъ области народнаго хозяйства. С.-Пб. 1898, стр. 102.

[3]) *И. Н. Смирновъ.* Очеркъ культурной исторіи Южныхъ Славянъ. Казань. 1900. I. 111.

[4]) *Мариновъ.* Жива Старина. I. 114.

мине пѫть на воловетѣ, които се впрягатъ. Това уважение се распространило понадалечь: въ тоя край се счита за голѣмъ грѣхъ да се заколе и ѣде волъ, който е впрѣганъ".

Языкъ не могъ не отразить въ своемъ словарѣ той важной роли, какая принадлежала скотоводству въ первобытномъ строѣ славянской жизни, и въ названіяхъ домашнихъ животныхъ общеславянскій языкъ сохранилъ не только большую часть названій, восходящихъ къ индо-европейской эпохѣ, но имѣетъ и такія, которыя онъ раздѣляетъ лишь съ нѣкоторыми изъ языковъ этой группы. Термины, означающіе доеніе коровы, стрижку овецъ и т. п., также представляютъ много остатковъ глубокой старины [1]). Самое названіе одежды: р у б-ъ, р у б и щ е, р у б а х а, какъ доказывается остроумными соображеніями Э. Вадштейна о происхожденіи нѣм. R a u b, франц. r o b e, должно было означать первоначально шерстяную одежду и такимъ образомъ переноситъ насъ въ обстановку скотоводческаго быта [2]).

Общимъ словомъ въ различныхъ индоевропейскихъ языкахъ для означенія крупнаго рогатаго скота является *g ō u-, которое извѣстно въ слѣдующихъ формахъ основы:

a) g ō u-, др.-инд. g ā u-ş; ав. g ā u-ş̌; афг. γ v ā, белудж. g ō k, гр. β ο ῦ ς *β ω υ ς, лат. b ō s (заимствовано); ир. b o u, b ó и др.; др.-в.-нѣм. k u o, англ.-сакс. c û.

b) g o u- особенно обычно въ сложеніяхъ, каковы др.-инд. g ō-a j a n a — (пастушескій посохъ) = арм. g a v a z a n, ав. g a v ā z- (Hübschman. Pers. Stud. 90), др.-перс. G a u-

---

1) *А Будиловичъ*. Первобытные славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ по даннымъ лексикальнымъ. Изслѣдованіе въ области лингвистической палеонтологіи славянъ. Часть вторая, вып. I. 1882. § 253.

2) Ср. исл. r e y f i (*r a u b i-)—Wolle, die den Schaffen abgerissen wird; у Дюканжа подъ r a u b(a)—a Theutonico r o o f spolio seu lana detonsa de ovibus, анг.-сакс. r e a f—vestes mortuorum vel pelles ferarum и др. Wadstein. I. F., *14*. 402—403. Какъ постараюсь показать ниже, и слав. г у н я указываетъ на скотоводческій бытъ славянъ. О словѣ р у б ъ см. И. Н. Смирновъ. I. 153.

bruva (гр. Γωβρύας. Horn. 198), гр. βουκόλος(пастухъ), ир. buachail *bou-kali(пастухъ), др.-брет. boutig (стойло. Stokes. 178); отъ той же основы оссет. qūg Таг., γog Диг. (корова, Hübschman. Osset. 89); др.-кимвр. buch(juvenca) *boukka, ир. bós(скотъ) *bousso; др.-инд. goṇī́ (мѣшокъ, собств. бычачья шкура), ср.-инд. goṇo (быкъ); др.-инд. gopā́s(пастухъ).

c) gov- въ др.-инд. gávyas (состоящій изъ коровъ или имѣющій какое-либо отношеніе къ коровамъ), gavalas (дикій буйволъ), gavayás (bos gavaeus), gavīnī́ (das Schamleisten), gávyūtis (пастбище, область) изъ gav + yūti-s; н.-перс. gōg(теленокъ) изъ *gavaka (Horn. 198); арм. kogi изъ *govio—(масло), kov(корова); гр. βοός *βοϝός.

d) gōv въ латышскомъ gōvs(корова).

e) gō- въ нѣкоторыхъ формахъ склоненія: Acc. Sing. др.-инд. gām, гр. атт. βῶν, др.-исл. kú, др.-анг. cû, др.-в.-нѣм. chuo *gōm (Streitberg. 205).

f) go- въ гр. Βόσ-πορος, гдѣ, по мнѣнію Бругмана (Griech. Gram.[3] 44), кроется старый Gen. Sing. *gu̯os, тогда какъ G. Meyer (Griech. Gram.[3] 224) предполагаетъ, что βος- образовалось изъ βοος-, и въ подтвержденіе своего взгляда приводитъ изъ надписей формы Βοόσπορος и Βούσπορος, показывающія однако лишь то, что вмѣсто непонятнаго βος- языкъ хотѣлъ реконструировать предполагаемый Gen. Sing.

f) gu- въ др.-инд. çata-gu-, гр. ἑκατόμ-βη и Πόλυβ-ος.

Перейдемъ къ славяно-литовской семьѣ языковъ. Разсмотримъ основы въ томъ же порядкѣ:

a) и *b*) въ лит.-слав. семьѣ должны дать gau- и гу-, которыя мы можемъ найти въ образованіяхъ, подлежащихъ ниже нашему разсмотрѣнію; *c*) мы находимъ въ слав. говѧдо говьно (stercus) = арм. koy (не изъ gū-tha: др.-инд. gūtha-, ав. gūtha и т. д. Hübschman. Arm. 461. Uhlenbeck. 81); *d*) въ латышскомъ gōvs(корова); *e*) въ слав. га- и въ латышскихъ сложныхъ словахъ съ gō- и *f*) наконецъ, въ латыш. образованіяхъ на ga- и др.

Инд.-евр. g ō. Въ латыш. языкѣ Nom. Sing. g ō v s *g ō-v i-s представляетъ проведенную черезъ всю парадигму основу g ō v- [1]), но въ сложеніяхъ съ суффиксами мы находимъ основу g ō, какъ болѣе древнюю основу, уцѣлѣвшую въ какихъ-нибудь падежахъ и изъ нихъ по аналогіи проникшую и въ иныя образованія, или здѣсь, какъ предполагаетъ Зубатый, ō ų основы передъ согласнымъ перешло въ ō: отсюда пол. g a t k a (шляпка грибовъ) и лит.-лат. названіе гриба g ō t e-n a s (Arch. f. Slav. Phil. XVI. 393). Въ латыш. уменьшительныхъ со значеніемъ к о р о в к а: g o l i n'a (L. 432. 10), g o s n i n'a (L. 713. 716), g ot i n'a (L. 735) или g o t e n'a (L. 1839: treša goda goteniti), витеб. g ů t ę n'a (L. 4375) не для чего предполагать выпаденія *v* передъ суффиксомъ: такого образованія можетъ быть развѣ g o t i n'a, такъ какъ рядомъ съ этой формой встрѣчаемъ и g o v t i n'a (Rig. Rakstu Krājums. VII. 119), какъ g o m e l'a (видъ крупной земляники. Ульманъ): g o v m ē l e s (Ilster. Rig. Rak. Kr. II, 70); но формы g o v s n i n'a и т. п., насколько мнѣ извѣстно, не попадаются; къ тому же слово g o l i n'a вообще представляетъ уменьшительное образованіе не отъ g ō-, но отъ g ō l- съ суф. -i n'a (уменьш. суф. -l i n'a не встрѣчается); рядомъ съ *g ō-v i s надо предположить существ. *g ō l a, которое со слабымъ видомъ основы и сохранилось въ словѣ g a l a (говядина, мясо) *g ŏ l a. Отдѣлять это послѣднее слово отъ основы *g o(u) не представляется, по моему мнѣнію, никакой возможности: оно относится къ *g o(u) въ значеніи коровы, какъ слав. г о в-я д о къ *g o(u)(корова); поэтому, я думаю, что уже на пралитовской почвѣ произошло образованіе словъ g ō l a(корова) и g a l a(мясо) [2]).

---

[1]) Въ склоненіи этого слова въ народномъ языкѣ много интереснаго: отмѣчу Acc. Plur. витеб. g ů s (vinâ dzére raibas g ů s L. 5069) при g u v s (L. 4375) и Nom. Plur. g u v s (L. 5096[1], стр. 947), Gen. Pl. g u v u (L. 4886. 2); Nom. Pl. g o j e s (L. 4247), Acc. Pl. g o j u s (L. 4881), Gen. Plur. g o v j u (L. 3515, 3685), Acc. Plur. g o v e s (L. 1824).

[2]) Гр. β ό λ ι ν θ ο ς (дикій быкъ, въ Mirabilia Аристотеля) разлагается на β ό λ-ι ν θ ο ς *g o l-i n d h o s; g o l = латыш. g a l-a; тотъ же

Кромѣ пол. gatka, лит. gũtenės, лат. gōtenas и golin'a(коровка; ср. лит. bũlus: бы-къ *bū-kъ)[1]), отъ основы gō образованы, по моему, еще слѣдующія славянскія слова: 1) словн. gâča (Hodensack des Stieres. *Valjavec*. Rad *42*. 64, у Плетершника вообще: langer Hodensack eines Thieres) въ значеніи извѣстныхъ половыхъ органовъ быка, печенки (gača = jetra), зубца (der Zacken), двойной вѣтви на деревѣ, подштаниковъ. Среди этихъ разнообразныхъ значеній, которыя я не берусь связать между собой, извѣстную группу составляютъ, какъ мнѣ кажется, слѣдующія: яичникъ быка (потомъ и другихъ животныхъ съ длиннымъ, какъ у быка, яичникомъ); то, что прикрываетъ половые органы мужчины, штаны; внутренніе органы (печенка). Словинское слово сохранило основное значеніе слова гачи, которое въ другихъ славянскихъ языкахъ получило значеніе только штановъ, а также мохнатыхъ ногъ животныхъ (послѣднее есть метафорическое употребленіе перваго значенія). Въ сербскомъ gȁće (Akad. Riečn. III. 83—84) еще сохранилась память о признакѣ, по которому слово отъ значенія яичникъ перешло къ значенію штаны: въ словарѣ Бѣлостѣнича слово gaće переведено черезъ subligar, subligaculum quo pudendae partes obteguntur, succinctorium, femorale, у Стулли gaće—foemoralia; и въ настоящее время въ извѣстной части сербской территоріи gȁće не длинныя полотняныя штаны (какъ у Вука), но короткія штаны отъ пояса до колѣнъ. Съ этимъ отлично согласуется то, что византійцы 6 вѣка повѣствуютъ объ одеждѣ славянъ. Далѣе сюда относятся болг. гащи(штаны), ст.-чеш. háćě, hacě (н.-чеш. hác, hac, hací) въ значеніи не только штановъ, но и въ

суффиксъ въ гр. λέβινθος при λόβιον; о слав. суф. -ад- см. *I. I. Mikkola*. Baltisches und Slavisches. Helsingfors. 1903, стр. 40.

[1]) Обычная этимологія быкъ: ц.-сл. бучати, др.-инд. bukkāra(ревъ), гр. βύκτης(heulend), βυκάνη(труба) и т. д. *E. Zupitza*. Die germanischen Gutturale. 1896, стр. 24—25 раздѣляетъ лит. bũlus и быкъ, но по смыслу они такъ тѣсно связаны, что ихъ раздѣленіе сомнительно.

болѣе древнемъ — пояса, опояски чреслъ (Gebauer. Sl. 396): напр., haczie lněné budú na jich ledvích (feminalia linea), kázal haczie skrýti (lumbare) и т. д. Въ пол. gacie (при gaty и gatki) означаетъ подштаники, но въ говорахъ также „шерсть, покрывающую ноги медвѣдя". Въ м.-рус. къ этому значенію (= ногавиці) присоединяется другое, въ которомъ, по моему мнѣнію, видна связь съ основнымъ значеніемъ слова *gatja (яичникъ быка). Другимъ животнымъ, обладающимъ такимъ же развитіемъ половыхъ органовъ, какъ быкъ, является конь, почему въ м.-рус. лошадь называется гáча. Что это вполнѣ вѣроятно, доказывается литов. названіемъ жеребца eržilas, которое сопоставляется съ гр. ὄρχις (Hode), арм. miorji(μόνορχις), алб. herδε (Hode), ав. ərəzi (Brugman. I². 565).

Отъ слова гача(лошадь) образовано гáчур въ значеніи жеребенка съ суф. -ур (какъ лобур : лобоз Werchratski. Arch. XVI. 3), слово, проникшее и въ словацкій языкъ. Въ вел.-рус. гáча или гáчи (ляшки, бедра и части ногъ отъ колѣнъ до таза, съ ягодицами; шаровары, брюки, портки; мохнатая одежда на ляшкахъ ловчихъ и вообще хищныхъ и др. птицъ; у собаки—черныя мясá, ляшки), также гати (пск. = гачи), гачень (вор. поясъ). Ворон. гáчи (верхняя часть заднихъ ногъ у скота. Дополненіе 1858 г. стр. 32) показываетъ, что значеніе яичника перешло и на всѣ прилегающія части тѣла. Ср. также перм. гáчи (подвязки. Сборн. Ак. Н. 130). Такимъ образомъ, исходя изъ основного значенія слова гача · *gō·tjā или гата *gōtā (яичникъ быка), можно намѣтить слѣдующіе пути въ дальнѣйшемъ развитіи этого значенія: 1*a*) животное съ большимъ яичникомъ (словн. мрус.) и 1*b*) прилежащія къ яичнику части тѣла; 2) то, что прикрываетъ послѣднія: опояска, штаны или мѣхъ на ногахъ звѣрей и птицъ. Изъ этого значенія и изъ гача(= яичникъ) объясняются такія слова, какъ серб. gȁćeša (gaćasta kokoš; gaćasta golubica), gáća (ime kokoši, ср. мрус. гáча— жеребецъ), gáćȃn (golub i pijetao, u kojijeh je perje po nogama kao gaće); пол. gaciak (прозвище вола), слово, чрез-

вычайно важное для этимологическаго разъясненія и основного значенія общеслав. гача, гăħа и др.; пол. gacek (летучая мышь) стоитъ въ связи со значеніемъ гачи — штаны, шерсть на ногахъ. Что касается гачника, то во всѣхъ славянскихъ языкахъ онъ употребляется въ смыслѣ пояса, придерживающаго гачи, но ст.-чеш. hacník (Iungman. I. 644 = hace, Beinkleider, lumbale въ Mater Verborum и др. ср. Gebauer. Sl. 396) показываетъ, что первоначальное значеніе этого слова иное, именно: штаны, прикрывающія гачи. Отъ той же основы gŏ могутъ быть произведены пол. gajno (стадо. Spraw. V. 355) и общесл. *gŏvornъ (пол. gawron, чеш. havran, серб. гавран, болг. гавран).

Основа go-, которую необходимо видѣть въ лат. gala (мясо), сохранилась, я думаю, въ слав. господь, вторая часть котораго (та же, что въ подь—пѣга) удовлетворительно объяснена уже *Мелльe* (Mém. X. 137—139)[1]. Что касается первой, то единственно возможное выясненіе ея я нахожу въ сопоставленіи gos- съ гр. Βος- въ Βόςπορος, при чемъ

[1] *Леонтовичъ* въ статьѣ „Арійскія основы общественнаго быта древнихъ славянъ“ (Варшав. Унив. Изв. 1897. № 6) сопоставляетъ со слав. господа др.-инд. gôshpada („собственно, стоянка пастуховъ, пастбище“) и остается увѣренъ, что это слово „доселѣ дословно воспроизводится въ славянской господѣ то въ смыслѣ жилья, то власти, dominium“. Въ примѣч. (на стр. 56—57) онъ указываетъ уже gôsphada отъ gôs (стадо!) и pada, pad (stare etc.) и вед. ghaspati (хозяинъ). Это сплошное недоразумѣніе: др.-инд. gōṣpada— состоитъ изъ Gen. Sing. gōṣ (отъ gāuṣ—корова) и pada—(шагъ, нога) и означаетъ: „коровій слѣдъ, лужица“ (Sanskr.-Wört. in kürz. Fassung. II. 185), не имѣя ничего общаго со слав. господа. Можетъ быть также, что др. инд. gōṣpada въ первой своей части имѣетъ основу *gous-, которую Stokes предполагаетъ въ ир. bos, др.-сѣв. kussa (корова и т. д. Stokes. 178). Никакого ghaspati въ ведійскомъ или классическомъ санскритѣ нѣтъ: очевидно, что Леонтовичъ неправильно понялъ вед. jāspati (Herr der Familie, Hausvater. *Grassman*. Wört. 486), о которомъ у насъ уже была рѣчь выше.

Къ сожалѣнію, И. Н. Смирновъ (loc. cit. 110, прим. 2), повидимому, съ полной вѣрой цитируетъ приведенныя заблужденія Леонтовича.

въ этомъ случаѣ гр. Βοϛ надо возстановить не въ формѣ *gᵘu̯os, но въ видѣ *gᵘo-s, такъ какъ слав. праязыкъ сохранялъ начальное сочетаніе gv- (gvizdati- чеш. hvízdati, *gvězda- чеш. hvězda). Возводить слав. *gos къ *gods-, на которое какъ будто указываетъ литов. діалект. gatspadà (Iurkschat. 105)=пол. gospoda, невозможно по двумъ причинамъ: во первыхъ, сочетаніе gŏds- привело бы къ образованію формы gōs-, откуда на слав. почвѣ было бы гас-, а, во вторыхъ, вставка *t* передъ *s* въ данномъ литовскомъ словѣ такъ же не имѣетъ этимологическаго значенія, какъ и въ діал. šikšnótsparnis (летучая мышь) вмѣсто šikšnósparnis[1]). Основа *gŏ-, уцѣлѣвшая въ лат. gala, съ окончаніемъ -*s* Gen. Sing. (своего рода параллельная форма къ др.-инд. gōs *gau-s) дала форму *gos (быка, вообще скота), такъ что господь пріобрѣло значеніе хозяина стада, господина[2]).

Основа *gou-, которую мы находимъ въ безчисленномъ множествѣ др.-инд. сложныхъ словъ, естественныхъ въ быту скотоводческаго населенія, лежитъ и въ одномъ чрезвычайно интересномъ для насъ словѣ: др.-инд. gōna—(быкъ), gōnā—(изв. трава), gōnī (корова, мѣшокъ; рваное платье); отсюда gōnikā—(родъ шерстяного плаща) (Sanskr.-Wört. II. 179). На славянской почвѣ это образованіе превратится въ гуна, гунька, гуня. Всѣ эти слова, дѣйствительно, и существу-

---

[1]) *A. Bezzenberger*. Litauische Forschungen. Göttingen. 1882, стр. 182.

[2]) Позволю себѣ высказать догадку о происхожденіи слова погостъ. Какъ извѣстно, др.-инд. gōṣṭha- *gaustha- имѣетъ значеніе не только стойла для коровъ и скотнаго двора (такъ въ Ригъ-Ведѣ. Grassman. 414), но и сборнаго пункта вообще (Sanskr.-Wörterb. II. 184). Предполагая, что въ слав. здѣсь основа не *gou-, но *go-, получаемъ *gostha- или слав. (по-) гостъ. Что касается послѣдняго -стъ, то эту же часть мы находимъ въ слав. простъ, лит. atstùs (отдаленный), гр. δύστος *δυσ-στος и др. См. I. Schmidt. Bildung. 346. Osthoff. Parerga. 196.

ютъ здѣсь, какъ названія извѣстнаго рода одежды, состоявшей первоначально, вѣроятно, изъ коровьей шкуры; по мнѣнію Уленбека (Etym. Wört. 82), др.-инд. gōnī (мѣшокъ) должно было означать въ сущности только коровью шкуру. Какъ и слѣдуетъ ожидать, гуня въ различныхъ славянскихъ языкахъ имѣетъ значеніе именно самой грубой одежды, покрывала: такъ, въ бѣлорус. гуня и гунька—чапракъ; въ в.-рус. гуна или гуня имѣетъ много значеній, указывающихъ по большей части на старое плохое платье; въ твр. прм. гуна, гуня—ветхій полушубокъ или армякъ, крытый простымъ холстомъ, удержалось, кажется, основное употребленіе слова *gounā въ смыслѣ теплой накидки, а представленіе, которое соединялось съ вытертой коровьей шкурой, отразилось въ словахъ гунавый, гунявый (лысый, плѣшивый, облѣзлый и т. д.); наконецъ, соотвѣтствіе др.-инд. gōnā (извѣстная трава) мы находимъ въ рус. гу́ньба, названіи нѣсколькихъ дикихъ растеній (Даль. I. 419), которое извѣстно и въ м.-рус. нарѣчіи (серб. guniva сомнительнаго происхожденія: ср. Akad. Rječnik. III. 501) Въ серб. русскому гуня соотвѣтствуетъ gȗńˊ (въ ст.-серб. памятникахъ гунь) въ значеніи кожуха, крестьянской одежды; болг. гуна (плащъ. Дюв. 432; кожухъ, шуба. Геровъ. I. 260), словн. gúnj или gúnja (покрывало, толстое одѣяло и т. п.); ст.-чеш. húně, н.-чеш. houně (tkanina kosmatá, Kotze = словн. gúnja), словацк. huňa (Kotze, Kotzenkleid); пол. gunia (плащъ изъ грубой домашней матеріи и др. Karłowicz. Sł. II. 146—147). Какъ видимъ, первоначальное значеніе слова гуня (коровья шкура) перешло по легко установимымъ семазіологическимъ отношеніямъ въ плащъ и покрывало, потомъ въ кожухъ. Хотя Миклошичъ (Et. Wört. 81), а за нимъ и другіе (Дюверну, Плетершникъ) признали слав. слово заимствованіемъ изъ ср.-латин. gunna, ср.-греч. γοῦνα, однако для такого предположенія слишкомъ мало основаній: напротивъ, скорѣе средневѣковое латинское слово gunna (Pelz, als Gewand. Georges. 7 изд. стр. 2761), для котораго, равно какъ и для возникшихъ изъ него романскихъ словъ, не указано, кажется,

удовлетворительной этимологіи (Körting. 375), можетъ быть заимствованіемъ изъ славянскихъ языковъ, сдѣланнымъ еще въ ту пору, когда основное значеніе слова гуна не было забыто, а находилось въ употребленіи. Про греч. γοῦνα нечего и говорить: оно безъ труда можетъ быть признано за славянское заимствованіе [1]).

---

[1]) Въ виду значенія этого вопроса приведу примѣры. *Forcinelli* Totius Latinitatis Lexicon t. III. p. 247 замѣчаетъ, что слово gunna (guna) vox prolapsae Latinitatis, itemque Graecitatis; seu potius vulgi propria, qua significatur vestis quaedam pellicea; unde Italicum gonna. *Auct. Epigr.* in *Anthol. Lat. n. 1132 Meyer.* Regius est Abcar servus... pulicis ex corio te gunna profusa. Судя по многочисленнымъ примѣрамъ, приведеннымъ Дю-Канжемъ въ Glossarium mediae et infimae Latinitatis (III 595—596), у средневѣковыхъ писателей, хронистовъ и дѣятелей церкви, слово gunna довольно обычно для означенія мѣховой одежды: въ письмахъ епископа Майнцскаго, Бонифація (8 в.) gunnam brevem nostro more consutam или gunnam de pellibus lutrarum factam и др. Въ греческомъ яз. γοῦνα встрѣчается нерѣдко въ средніе вѣка: у Цецеса σισύρα, τὸ ἐκ δέρματος ἔντριχον, ὅπερ καὶ γούνναν καλοῦσι; въ глоссахъ къ Аристофановымъ Облакамъ: διφθέραν—γοῦναν и мн. др. Рядомъ съ этимъ и γουνάρις (выдѣлыватель или продавецъ гунъ; ср. словн. gunjár—der Kotzenverfertiger) уже въ 7 в. въ Chronicon Alexandrinum ἦλθον αὐτοὶ... εἰς μέσον τῆς βασιλικῆς τῆς γουναρίων и др. Du Cange. Glossarium ad scriptores Mediae et Infimae Graecitatis. I (1588). 264. Такимъ образомъ, слово гуна появляется у средневѣковыхъ писателей уже послѣ разселенія славянъ по Европѣ и употребляется въ томъ смыслѣ одежды изъ шкуръ, который восходитъ къ слав. этимологическому значенію разсматриваемаго слова. Изъ послѣдняго легко вывести какъ бѣлорус. гуня (чепракъ), такъ и другія славянскія формы, но, предположивъ, что слав. гуна, гуня заимствованіе изъ лат. или греч. guna, трудно понять, какъ значеніе одежды перешло въ значеніе накидки, покрывала и т. п. Семазіологическія основанія, какъ и позднее появленіе слова въ Западной и Южной Европѣ, заставляютъ думать объ его славянскомъ происхожденіи. Но, если бы даже слово guna появилось и ранѣе распространенія славянъ въ Германіи и на Балканскомъ полуостровѣ, это все-таки не говорило бы противъ его славянства, потому что славянскіе мѣха, шкуры и т. п. могли проникнуть на Западъ и Югъ путемъ торговымъ сравнительно рано. Да и славяне, слу-

Въ м.-рус. нарѣчіи слово гуня употребляется еще въ значеніи тетеревинаго выводка, а выраженіе гýнев лї̈тати переводится въ словарѣ Желеховскаго черезъ scharenweise. Этимологически это слово связывается съ лит. gaujà (стая: напр. у Доналейтиса IV. 72 vilkaí gaujóms susibė́go — волки сбѣжались стаями), которое Leskien (Ablaut. 35) соединяетъ, хотя и нерѣшительно, въ одну группу съ лит. gù̄iti (nachjagen), лат. gūt (haschen, fangen), лит. apgaulė̀ (Betrug), užgaulis (Beute) и др. Въ какомъ бы отношеніи эта группа словъ не стояла къ основѣ *gou(корова), м.-рус. гу-ня(стая) и лит. gaujà несомнѣнно родственны; соединеніе ихъ съ глаголами, означающими погоню, преслѣдованіе, охоту, не вызывается никакой необходимостью.

Растеніе Antirrhinum, которое у сербовъ называется teleća glava, teleći nos, а у поляковъ cielęca główka, носитъ въ болгарскомъ языкѣ названіе гýра, которому правильно соотвѣтствуетъ др.-инд. gōla- (инд.-евр. *goura-), имѣющее весьма много значеній, въ томъ числѣ означающее и нѣкоторыя растенія. Лит. gaũras (обычно gauraĩ—короткіе волосы на кожѣ, отчего эта послѣдняя становится шершавой; ср. gaurutìnė. Iuškev. 1382, gaurũtas—шершавый) также можетъ восходить къ основѣ *gou-ro-.

Первобытный способъ молотьбы при помощи скота, который гоняютъ по разостланному хлѣбу, отразился въ словѣ гумьно, которое едва-ли не надо разложить на гу-мьно, въ первой части котораго скрывается основа *gou, находящаяся въ такомъ множествѣ древне-индійскихъ сложныхъ словъ; вторую часть этого образованія составляетъ, по моему мнѣнію, мьно *mīnas, существительное отъ мьн-ж(мять)=minù.

жившіе въ войскахъ Имперіи уже въ 1—2 в. по Р. Х. (ср. мою замѣтку „Эпиграфическіе слѣды славянства“ въ Сборникѣ статей), могли бы занести это слово въ Римъ, гдѣ оно впервые, кажется, и попадается. Торговля же велась едва-ли не черезъ евреевъ, жившихъ въ черноморскихъ городахъ уже въ 5—4 в. до Р. Х. Ср. мою замѣтку „Евреи въ Босфорскомъ царствѣ по греческимъ надписямъ“ (Восходъ. 1902. № 8).

что это сущ. *mīna,—дѣйствительно, могло жить въ языкѣ общеславянскаго періода, подтверждается латыш. -mina (въ pamina или paminis, подножка въ экипажѣ, коловоротъ въ веретенѣ, педаль въ музыкальномъ инструментѣ; ādminis—кожемяка; ср. также лат. mīne или mīnis, мѣсто, гдѣ разминаютъ глину); такимъ образомъ, безъ всякаго нарушенія фонетическихъ законовъ можно допустить, что славяне назвали гумномъ то мѣсто, гдѣ коровы мяли (хлѣбъ). Въ толкованіи Mater Verborum ст.-чешскаго humno (area dicitur, proprie locus vacuus, ubi triturantur annonae) находимъ важное указаніе на то, что гумно должно было первоначально находиться подъ открытымъ небомъ, быть по-просту пустыремъ, по которому гоняли въ разныхъ направленіяхъ коровъ. Отсюда словин. gúna *gumna (ср. gúno или gúmno) „свободное мѣсто въ деревнѣ, гдѣ скрещиваются два пути". Какъ показываетъ луж. huna (при huno изъ humno) „садикъ за службами", можно думать, что въ праслав. рядомъ съ формой гумьно жила форма гумьна; значеніе же перваго, какъ свободнаго, открытаго мѣста около дворовыхъ службъ, сохранилось почти во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ рядомъ съ новымъ болѣе спеціальнымъ значеніемъ опредѣленнаго зданія, гдѣ происходитъ молотьба. Польское gumno (przestrzeń między zabudowaniami gospodarskiemi, podwórze gospodarskie; budowla do składania i młócenia zboża), луж. huno (свободное мѣсто на дворѣ; гумно) и др. подтверждаютъ вышесказанное.

Таковы всѣ славянскія образованія, которыя я могу связать съ основами *gō, *gŏ, *gou и *gov (гов-ѧдо[1]), гдѣ суф. ѧдо напоминаетъ гр. ινθο-ς въ гр. βόλινθος дикій

---

[1]) Относятся-ли болг. гáведина (звѣрь. Сборн. за нар. умотв. V. 220), гаведь (гадина. Дюв. 334), пол. областное gáwiednik (bydło), gawiedź (wszelki drobiazg w domu a więc dzieci, kury, kurczęta и др.) къ той же основѣ, но въ формѣ *gŏv-, при чемъ тогда значеніе этого слова было бы „мелкій скотъ", или же они принадлежатъ къ совсѣмъ другой семьѣ словъ,—этотъ вопросъ при настоящемъ уровнѣ нашихъ знаній, кажется, не разрѣшимъ.

быкъ, у Аристотеля: см. выше). Но рядомъ съ ними нельзя отдѣлить отъ основы *g o u двухъ словъ, въ которыхъ эта основа приняла форму *g ə u (ср. авест. g ə̄ u š, гдѣ ə̄ u изъ ə u. Brugmann. Grundriss. I². 194). Какъ показалъ Бернекеръ на большомъ числѣ примѣровъ (IF. X. 145—167), инд.-евр. ĕ u на славянской почвѣ дастъ одинъ звукъ *ю*, происходящій изъ *j a u (ср. др.-инд. j ō ṣ ṭ a r- при греч. γευστήριον). Передъ этой группой звуковъ *g* подвергается смягченію и переходитъ въ *ж*, такъ что основа g ĕ u получитъ на славянской почвѣ форму жю-(жу-), которую можно найти въ трехъ словахъ: **ж у к ъ**, **ж у н а** и **ж у п а**. Остановимся сначала на первомъ, которое распредѣлено въ слав. языкахъ такъ: рус. ж у к ъ, м.-рус. ж у к и д ж у к (какъ д ж а́ р и т и : ж а́ р и т и, д ж е р е л о́ : ж е р е л о́, д ж о́ н в а : ж о́ в н а и др.), болг. ж у к ъ (жукъ), полаб. z e u k (Schleicher. 352), т. е. ж ю к ъ; чеш. ž u k a t i (жужжать); пол. ż u k; отношеніе его къ основѣ *g ĕ u можетъ быть двоякаго рода: 1) ж у к ъ могъ быть названъ б ы ч к о м ъ въ такомъ же шутливомъ тонѣ, въ какомъ его называютъ, напр., въ Моравіи k o z a, j e l e ň, r o h a l, r o h á č, v ů ł (Bartoš. I. 322) или въ Болгаріи — р о г ч е (Дюв. 636) или въ русской загадкѣ: ч е р н ы й в о р о н ъ с ъ р о г о м ъ, а н е б ы к ъ; п о-б ы ч ь и м ы ч и т ъ, по-медвѣжьи рычитъ; и у ж у к а р о г ъ, да пѣтушьяго бодня не стоитъ и т. под.; 2) ж у к ъ (ср. общеслав. g o v n o v a l или g o v n i v a l, напр. ст.-чеш. h o w n y w a l atalabus. Mistkäfer. Gebauer. Sl. 479, серб. g ȍ v n o v â l j) могъ получить свое названіе отъ образа жизни нѣкоторыхъ видовъ этого рода, пользующихся навозомъ для сохраненія своихъ яичекъ въ сдѣланныхъ изъ него шарикахъ: отсюда русскія поговорки о жукѣ, гласящія: только ж у к ъ, в ъ н а в о з ѣ живучи, да чисто обихаживается; подлѣ пчелки въ медокъ, а подлѣ ж у к а — в ъ н а в о з ъ; зарылся, к а к ъ ж у к ъ в ъ н а в о з ѣ и др. Въ обоихъ случаяхъ мы можемъ понять отношеніе слова ж у к ъ *g ē u k o s къ основѣ *g ē u (корова, быкъ, скотъ) [1].

[1]) Ср. др.-инд. g ō p a l a k a — пастухъ, g ō p a l a k ā — 1) жена пастуха, 2) видъ навозныхъ жуковъ.

Болг. жю́ка или жю́па (губа, уста), не смотря на одинокое положеніе этого слова въ славянскихъ языкахъ, нельзя, по моему мнѣнію, отдѣлять отъ основы *gēu, развитой суффиксами -kā и -nā въ значеніи толстой коровьей губы (потомъ губы вообще).

Наконецъ, очень старое сложеніе представляетъ собою общеслав. жупа, которое означаетъ какъ мелкій округъ, такъ и опредѣленныя мѣстности. Въ виду важности этого слова, какъ для лингвистической палеонтологіи славянъ, такъ и для славянскаго языковѣдѣнія необходимо возстановить первоначальное значеніе его, тѣмъ болѣе, что въ недавнее время была сдѣлана неудачная на мой взглядъ попытка произвести слав. жупа отъ корня *gup—(скрывать), попытка, совершенно упустившая изъ виду связь словъ жупа и жупанъ. Между тѣмъ юридическое значеніе этихъ терминовъ въ настоящее время уже настолько выяснилось, что именно въ этомъ случаѣ лингвистика и исторія могутъ дѣйствовать соединенными силами [1]).

Начнемъ съ Польши [2]). Еще въ 14 в. въ Мишнѣ суще-

---

[1]) Какъ въ жупа, жупанъ, такъ и въ простомъ панъ лежитъ основа корень pā, отъ которой образованы и лат. pāter и родственныя ему слова въ другихъ языкахъ. По замѣчанію проф. Бодуэна-де-Куртенэ (Лингвистическія замѣтки и афоризмы. Журн. Мин. Нар. Просв. 1903. № 5, отд. 2, стр. 21), „къ подобному же существительному, отъ того же корня, восходятъ деноминативные глаголы пол. patrzyć, чеш. patřiti и т. п.“. Если бы это было справедливо (возбуждаетъ сомнѣніе количество гласнаго въ слав. patr, которое должно восходить къ pātr-, тогда какъ инд.-евр. группа словъ заключаетъ въ себѣ очень краткій гласный ə), то съ этимъ можно было бы сопоставить и слав. мотрѣти (серб. mȍtriti, словн. mótriti, рус. обл. мотрѣть) изъ mā-ter. Другими словами, слѣдуетъ предположить pāter, māter, какъ разъ обратное тому, что даютъ другіе инд.-евр. языки. Съ глагольными образованіями *патр-ити, *мотр-ѣти или *мотр-ити ср. болг. па́стрѫ (сохраняю, берегу. Дюв. 1603) отъ *paster (ср. пол. pasterz).

[2]) Ср. *A. Szelągowski.* Chłopi dziedzice we wsiach na prawie polskiem do końca XIII wieku. Lwów. 1899 (Studya nad historyą prawa

ствовали seniores villarum, quos lingua sua suppanos vocant, но въ самой Польшѣ 12—13 в. нѣтъ уже и рѣчи о высшемъ классѣ деревенскаго населенія, носящемъ названіе жупановъ (Szel. 18), хотя терминъ suppani, supanarii, supparii или zupparii встрѣчается довольно часто (Balzer. 27—28) въ примѣненіи къ княжескому чиновнику, завѣдующему той или иной отраслью народнаго хозяйства и управленія. Жупанъ по исконному употребленію этого слова стоитъ надъ жупой, а такъ какъ первый можетъ имѣть въ зависимости отъ княжеской воли разныя функціи, то и слово жупа пріобрѣтаетъ рядъ новыхъ значеній: оно получаетъ даже самое общее значеніе служебной обязанности вообще (supas seu officia), далѣе—и въ разъясненіи этого заключается большая заслуга Бальцера передъ лингвистикой, не умѣвшей понять связи жупы, какъ селенія, съ пол. żupa solna—значеніе рудниковъ (salis suppam sive officium)[1] и т. д. Среди значеній жупы въ средневѣковой Польшѣ особенно интересны два: какъ ст.-рус. погостъ имѣло значеніе административнаго центра округа и вмѣстѣ съ тѣмъ мѣста остановки князя во время его разъѣздовъ по странѣ, такъ и пол. żupa употреблялось въ послѣднемъ смыслѣ, который позволяетъ предполагать, что она имѣла и первое значеніе, т. е. характеръ административнаго пункта: въ документѣ 1238 г. говорится (Balzer. 28) „utrum Prandochin zupam, que stan vulgo dicitur, in annona solvere deberet (an argento)“. Другое

---

polskiego, tom I, zeszyt 2). *O. Balzer.* O zadrudzie słowiańskiej. Uwagi i polemika (отд. отт. изъ Kwartalnika Historycznego XIII. 1899). Здѣсь разборъ статьи Пейскера о жупѣ (Zur Socialgeschichte Böhmens. II. Die altslavische župa. Weimar. 1897).

[1]) Ср. Balzer 28: „pierwotnie żupa solna znaczyła tedy urząd (władzę) zarządzającego kopalniami, w dalszem zaś następstwie same kopalnie, jako przedmiot tej władzy, otrzymały nazwę żupy, podobnie, jak południowo-słowiańska rodzina (ród), jako przedmiot władzy swego naczelnika nazwaną została żupą“. Послѣднее врядъ-ли справедливо: не жупа отъ жупана, а наоборотъ.

употребленіе слова *župa* указываетъ также на ея первоначальное территоріальное значеніе: *župa* — подать (beneficium): „wiadomo zaś, iż daniny bardzo często biorą swe nazwy od terytorijum, tak naprzykład *opole*, *przesieka*“ (Szelągowski. 18).

Въ Чехіи 13—14 в. *župa* употребляется въ значеніи *officium*, какъ это происходило въ ту же пору и въ Польшѣ; сходство должно объясняться, вѣроятно, не только культурными воздѣйствіями, но и одинаковымъ развитіемъ понятія. Такъ, въ 1323 г. король Янъ пишетъ: promittimus nulli alienigenae aliquam munitionem regalem vel castrum aliquod *suppe* nomine committere aut purgravium facere [1]), въ 1311 году онъ говоритъ объ *officium suppae*, а *župa*, какъ княжескій городъ, упоминается въ грамотѣ 1146 года: villam meam, Ssupam *nomine*, juxta Rokezan, episcopo tradidi. Согласно съ польскимъ правомъ, чешское стало употреблять слово *жупанъ* въ широкомъ значеніи княжескаго чиновника: это — comes civitatis, praefectus provinciae, castellanus, suppanus, творящій судъ и расправу надъ княжескими подданными въ своемъ городѣ на т. наз. жупныхъ судахъ [2]), хотя уже въ 12 в. этотъ терминъ употребляется для означенія всевозможныхъ придворныхъ чиновъ и административныхъ лицъ: каммергера, трухзесса, мундшенка, маршала и бургграфа [3]). Отсюда становится весьма вѣроятнымъ, что нѣкогда и чешскій народъ зналъ жупу въ смыслѣ мелкой территоріальной единицы, и, мнѣ кажется, не имѣется основанія думать, что этимъ именемъ назывался только племенной городъ, по которому

---

[1]) Эта и другія цитаты изъ чешскихъ памятниковъ въ статьѣ H. Jireček'a: „Ješte slovo o výrazech *župa* a *župan*“ (Časopis Musea Král. Českého. 1878, стр. 321—329), написанной въ опровержение взгляда Шемберы, по которому слово *župa* никогда не употреблялось въ Чехіи для означенія земельнаго района.

[2]) О нихъ ср. H. Jireček. O soudech župních neboli cudách (Časopis Mus. Kr. Česk. 1856, кн. 4, стр. 79—111).

[3]) *J. Lippert.* Socialgeschichte Böhmens in vorhussitischer Zeit I. 1896, стр. 246.

„území kmenem osazené a pomocí jeho hradu ovládané" называлось župou, vlastí, zemí [1]). Напротивъ, именно извѣстная территорія называлась сначала жупой и лишь съ развитіемъ общественныхъ отношеній это названіе было перенесено на центръ жупы, городъ или селенье. Это доказывается какъ старосербскимъ правомъ, такъ и сравнительной этнографіей.

Какъ извѣстно, границы, въ которыхъ племя имѣетъ право охотиться, бываютъ опредѣлены съ большой точностью, и хотя междуплеменныя отношенія могутъ поддерживаться весьма бойко и среди „низшихъ охотниковъ" [2]) (по терминологіи Гроссе), однако переходъ на чужую территорію разсматривается, какъ проявленіе непріязненныхъ отношеній. Еще большаго развитія достигаетъ это международное право у племенъ скотоводческихъ, живущихъ по большей части родовымъ бытомъ и уже въ силу этого обособленныхъ другъ отъ друга [3]). При этомъ естественно, что каждая изъ родовыхъ группъ имѣетъ собственное мѣсто погребенія: такъ, въ перуанскомъ царствѣ Инковъ, гдѣ территоріальныя единицы возникали путемъ заселенія земель родовыми группами, ayllu, каждая изъ этихъ послѣднихъ обладала собственнымъ кладбищемъ [4]). Славянское право представляетъ весьма сходное явленіе; црк.-слав. жоупиште могила (Миклошичъ. Lexicon 202), которое, казалось, не имѣетъ никакой связи со словомъ жупа(край), легко объясняется, какъ родовое кладбище, и рус. погостъ представляетъ аналогію этому явленію. А экономическія отношенія среди жупы характеризуются проф. И. Н. Смирновымъ въ слѣдующихъ словахъ (Очеркъ II.

---

[1]) J. Čelakovský. Čechy. 480 (изъ Ottův naučný slovník).

[2]) Ср. живое описаніе Штейнена: „Unter den Völkern Central-Brasiliens" 110: „Im Auetodorf herrschte reger Fremdenverkehr. Wir trafen dort... Vertreter fast aller Hauptstämme" и т. д.

[3]) Ср. *А. Погодинъ.* Сборникъ статей по археологіи и этнографіи. 1902, стр. 38.

[4]) *A. Post.* Grundriss der ethnologischen Jurisprudenz. 1894. I. 328—329.

221—224): „(они) напоминаютъ отношенія внутри современныхъ племенъ: у жупъ были общія пастбища, которыми, какъ пастбищами племени, пользовались всѣ села, находившіяся на ея территоріи; были, какъ теперь, и забраны (забели, ливады). Какъ теперь одно племя не можетъ пользоваться пастбищами другого, такъ въ 14 в. жупа пастбищами и угодьями другой жупы" (въ Законникѣ Душана: жоупа жоупѣ да не попаса добиткомь ништа). Жупа, какъ въ Польшѣ, такъ и въ Сербіи, получила значеніе центра, гдѣ останавливался князь: трудно иначе понять слова Стефанова Законника: „цара вьсакы да прати, куде камо поиде: градь вьсакы до жоупе, и жоупа до жоупе, и накы жоупа до града" (ср. также Зак. § 37, 41). Но рядомъ съ этимъ жупа сохраняла во всей своей неприкосновенности значеніе земельной территоріи: „жоупа, що есть прѣдѣль того града", „село оу ѡноизи жоупѣ", „ако боуде брьдо поусто междоу жоупами" и др. выраженія того же рода (ср. Даничић. Рјечник из кньижевних старина српских I. 344—346) подтверждаютъ это значеніе. Хорватское право заявляетъ, что put obćeni veliki kroz župu ima biti širok jednu rozgu (St. Poljicki. § 201. Ср. Jireček. Časop. mus. 1878, стр. 327). Въ томъ же территоріальномъ значеніи слово жупа употребляется и въ другихъ славянскихъ земляхъ [1]): словацк. župa(приходъ), луж. župa(община), черн. župa(округъ, на границѣ Черногоріи жупа Никшицкая или жупа Грачаница) и др. Ср. греч. ὄια, ὄα изъ *ὀϝιᾱ (Schafweide) „κώμη, φυλή" Danielsson I. F. XIV. 384. Meister. KZ. *36*. 458.

Съ другой стороны существуютъ весьма вѣскія доказательства въ пользу того, что понятіе жупа обнимало первоначально и родъ: въ Далмаціи жу̑па означаетъ домаћа чељад (напр. тај човјек има много жупе у кући. Караджић. 161), въ словинскомъ яз. этимъ словомъ называется собраніе прихожанъ, міръ; обращеніе Статута Полицкаго: „prisvitla

---

[1]) Ср. H. Jireček. Slovanské právo v Cechách a na Moravě. 1863. I. 69—70.

gospoda i poštena župa Poljička“ указываетъ опять таки на юридическое значенiе слова жупа, какъ собранiя гражданъ извѣстной мѣстности[1]). Сограждане эти первоначально сородичи. Такимъ образомъ, выражаясь словами Рачкаго[2]), „жупа означаетъ племя и родъ, затѣмъ страну, которую занимаетъ племя въ землѣ, наконецъ общину племени и рода въ этой странѣ. Первое значенiе жупы генетическое, второе географическое, третье юридическое. Чѣмъ глубже уходишъ въ даль вѣковъ, тѣмъ яснѣе раскрываются въ словѣ жупа эти три значенiя; дѣло въ томъ, что славяне въ первое время заселяли землю по племенамъ, при чемъ одно племя жило въ однихъ установленныхъ границахъ, другое въ другихъ и всякое пользовалось своими вождями изъ своего рода... Распредѣленiе жупъ по племенамъ подтверждается и ихъ малымъ иногда протяженiемъ“. Уже при Константинѣ Багрянородномъ вся Сербiя раздѣлялась на жупанiи, во главѣ которыхъ стояли вожди; по словамъ этого писателя „князей эти народы не имѣютъ, кромѣ старцевъ, называемыхъ жупанами“, и Липпертъ (ibd. 120—121) справедливо замѣчаетъ, что несомнѣнно подъ этими старцами подразумѣваются родовыя старшины (die Gentilvorstände), при чемъ необходимо допустить, что тогда племена (Gentes) жили еще родовыми общинами, потому что иначе значенiе домачиновъ не выступало бы такъ сильно, что чужестранецъ вообще могъ сравнить ихъ въ какомъ-либо отношенiи съ князьями другихъ народовъ.

---

[1]) Ср. въ Душановомъ хрисовулѣ „людие жоупьсцiи“, какъ совокупность свободныхъ крестьянъ въ жупѣ въ отличiе отъ церковныхъ. См. *Т. Флоринскаго* Памятники законодательной дѣятельности Душана. Кiевъ. 1888, стр. 149 (здѣсь находимъ указанiе всѣхъ мѣстъ въ законодательствѣ Душана, гдѣ идетъ рѣчь о жупѣ).

[2]) „Župa i grad“. Rad. *99*. 104—128. Хорватской жупѣ посвящены, кромѣ того, нѣсколько страницъ въ изслѣдованiи того же ученаго „Hrvatska prije XII vieka“ (Rad. *57*. 130—134) и статья *Брашнича* „Župe u hrvatskoj državi za narodne dinastije“ (Rad. *25*. 31—52), гдѣ разсматривается внутреннее устройство жупы въ ея отличiи отъ града.

Выяснивъ, что жупа предполагаетъ родовой бытъ славянъ, который въ настоящее время вообще, насколько мнѣ извѣстно, приписывается нашимъ предкамъ, и зная, что родовой бытъ особенно поддерживается скотоводческимъ образомъ жизни народа, мы должны, кажется, придать важное значеніе вышеприведенному запрещенію Законника Стефана Душана, имѣвшее въ виду точное разграниченіе пастбищъ двухъ сосѣднихъ жупъ: въ этомъ запрещеніи отразились исконныя воззрѣнія скотоводческаго племени, которыя и были вновь подтверждены закономъ, какъ особо важныя и близкія народному духу юридическія отношенія. Естественно думать, что и самое слово жупа можетъ означать землю, занятую родомъ скотоводческаго племени, другими словами, предѣлы, въ которыхъ онъ имѣетъ право пасти свои стада. Этимологія этого слова, разлагающая его на жу- и па (въ смыслѣ коровье пастбище), удовлетворительно объясняетъ его значеніе и въ звуковомъ отношеніи удовлетворяетъ требованіямъ филологіи, потому что, какъ мы видѣли на примѣрѣ словъ жукъ и жуна, рядомъ съ основой *gōu можно предположить для праславянской эпохи основу *gĕu. Др.-инд. gōpa- (Nom. Sing. gōpas), означающее пастуха и стража вообще, имѣетъ, кромѣ того, значеніе „надзирателя надъ нѣсколькими деревнями, начальника округа“ и наконецъ „князя, царя“ (Sanskrit-Wört. II. 181). Развитіе значенія, стало быть, здѣсь совершенно тоже, что и въ слав. жупанъ, рядомъ съ которымъ для означенія его жены существовало слово *жупани, которое мы находимъ въ словин. župȃnja (Valjavec. Rad. *42.* 24). Эта форма словъ *žūpānas, *žūpānē въ сравненіи съ н.-перс. gōbān *goupānas(пастухъ) или афг. γōba (Kuhhirte. Geiger. 10) представляется вполнѣ правильно развитымъ сложнымъ словомъ, во второй части котораго лежитъ слово панъ. Др.-инд. pāna— (стражъ, защитникъ), употреблявшееся какъ самостоятельно, такъ и въ сложеніяхъ съ tanū(тѣло, личность), откуда tanūpāna- или tanīpā— (защитникъ, хранитель тѣла и жизни), и vāta—(вѣтеръ, воздухъ), откуда vātapāna — (wohl ein best. Theil des Gewan-

des,—собственно хранитель отъ вѣтра), встрѣчается, какъ послѣдняя часть сложенія въ ав. rānapāna — (набедренникъ), Nom. Pl. shōithrō-pānō (правители страны, сатрапы), Nom. Du. peshu-pāna (стражи моста), въ арм. — pan (paštpan заимствованіе изъ др.-пер. parštipāna? Hübschman. Arm. 221), въ пехл. — pan и въ новоперс. — bān или — wān въ сложныхъ словахъ (pāsban, šuturwān и др. Horn. 41), а также въ афг.—bå (pl. bāna) въ сложеніяхъ γōbå, pl. γōbāna- (Kuhhirte), ūṣ̌bå (Kamelhüter), mālγbå (a collector of salt. Geiger. 7), въ белудж. šipānk (пастухъ = ср.-перс. šapān, н.-перс. šabān - чабанъ. Geiger. Aphg. 36) и др. На основаніи всего этого матеріала индоиранское pānas въ значеніи хранителя, пастыря, пастуха можетъ быть установлено съ большой достовѣрностью, а что касается его происхожденія, то производство I. Шмидта (Kritik der Sonantentheorie 106, съ чѣмъ соглашается и Hübschman. Arm. 513) pān- изъ *pāvn, *pāun- только потому, что рядомъ съ ав. shōitrōpǝ̄nō извѣстна др.-перс. форма khshathrapāvā (сатрапъ), представляется весьма мало убѣдительнымъ. Во всякомъ случаѣ, при такомъ взглядѣ на происхожденіе *суффикса* -pān (др.-инд. pāna-, какъ самостоятельное слово, I. Шмидтъ не принимаетъ въ расчетъ) странно сопоставлять его со слав. панъ, такъ какъ pāun- (не pāvn-) дастъ на славянской почвѣ -пунъ. Однако взглядъ названнаго ученаго обоснованъ такъ слабо, что, по моему мнѣнію, нѣтъ рѣшительно никакого основанія отдѣлять какъ pāna-, такъ и pati- отъ корня pā (сторожить, хранить), и Остгофъ (Et. Parerga 225—227) съ полнымъ правомъ возстановляетъ для инд.-евр. эпохи параллельныя формы *pk͡u-pāno- (др.-перс. *fšupāna, сохранившееся въ н.-перс. šubān) и *pk͡u-patis (не pk͡u-potis? Вѣроятно, здѣсь простая описка) въ арм. špet (*др.-перс. fšupatiš). Въ связь съ корневой основой pā ставитъ индоиранское pāna- Бартоломэ [1]), а Уленбекъ (Etym.

---

[1]) Нельзя только согласиться съ нимъ, что авест. shōithrapānō, peshupāna и др. предполагаютъ Nom. Sing. на -pā (*pān). K. Z.

Wört. 163) на рядѣ примѣровъ показываетъ тѣсную связь др.-инд. pāna- (pānam- защита, pānás защитникъ) съ другими образованіями отъ корня pā (pátā- хранитель, pāyúš- стражъ, páti- онъ хранитъ, стережетъ). Поэтому какъ др.-инд. gōpā-, такъ и слав. жупанъ, въ которомъ несомнѣнно заключается то же слово -панъ, которое такъ широко распространено въ арійской семьѣ языковъ, нельзя отдѣлять отъ основы *gŏu, *gĕu. Изъ того, что рядомъ съ этой основой инд.-евр. языкъ зналъ корень *gup, отъ котораго образованы ав. gufrō (скрытый, глубокій), гр. γύπη (пещера), др.-сѣв. kofe (хижина) и т. д., еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы др.-инд. gōpás было также произведено отъ этого корня, и чтобы къ нему же восходило слав. жупа. Бругманъ, высказавшій этотъ взглядъ (Indog. Forsch. XI. 111—112), долженъ былъ признать основнымъ значеніемъ слова жупа—охрана (die Hut; dann das, was in Hut und Pflege genommen ist), при чемъ жупа сольная, жупиште, образованія поздняго происхожденія, служили для него исходнымъ пунктомъ. Слав. жупа значила первоначально „пастьба скота, пастбище, пастухи", жупанъ — „владѣлецъ пастбищъ, хранитель скота, пастухъ, панъ надъ пастухами"; пастбища, принадлежа всему роду, находились въ управленіи старшаго въ родѣ, жупана. Таковы выводы, къ которымъ приводитъ изученіе какъ юридическаго быта, такъ и языка славянъ.

Надо отмѣтить, что русскій языкъ, повидимому, не знаетъ теперь и вообще уже не зналъ въ историческія времена слова жупа: приводимое Далемъ жупа въ значеніи селенія возбуждаетъ большое сомнѣніе, а мрус. жýпа (соляныя копи) представляется заимствованіемъ изъ польскаго языка [1]. Причина изчезновенія этого общеславянскаго слова въ русскомъ

---

29. 496. Др.-инд. формы, равно какъ и слав. панъ показываютъ, что здѣсь надо исходить изъ Nom. Sing. -pāna. Ср. I. Schmidt. Kritik der Sonantentheorie. 122. прим. 1.

[1]) *Leskien.* Untersuchungen über Quantität und Betonung in den slavischen Sprachen. II. (1893) 16.

языкѣ заключалась, повидимому, въ томъ, что на мѣсто этого термина вторгся новый, погостъ, который принялъ на себя всѣ функціи старой жупы. Сходство доходитъ до такой степени, что, какъ въ польскомъ žира получила значеніе опредѣленной дани, такъ и въ русскихъ юридическихъ памятникахъ найдено выраженіе: „погоста имъ не платити“ [1]). Какъ жупный центръ противопоставляется въ законникѣ Душана граду, такъ и въ Церковномъ Уставѣ св. Владиміра погостъ противопоставляется городу и слободѣ (по всѣмъ городамъ и по погостамъ и по свободамъ), и наконецъ, какъ жупа пріобрѣла въ результатѣ развитія этого термина значеніе церковнаго прихода (съ кладбищемъ, *жупищемъ*, если послѣднее не отражаетъ болѣе древнихъ отношеній родоваго быта), такъ и погостъ-приходъ составлялъ въ административномъ управленіи Московской Руси наименьшую территоріальную единицу.

Прежде чѣмъ разстаться съ вопросомъ о слав. жупѣ, остановлюсь на соотвѣтствующихъ словахъ въ балтійскихъ языкахъ. Д-ръ Бассановичъ написалъ цѣлое изслѣдованіе изъ древнѣйшей исторіи Литвы подъ названіемъ „Žiuponas ir žiuponė“ (жупанъ и жупанья), но откуда онъ взялъ эти слова, я рѣшительно недоумѣваю, такъ какъ ни въ одномъ изъ старолитовскихъ текстовъ или современныхъ говоровъ я не встрѣчалъ перваго изъ этихъ словъ; одежда жупанъ (пол. żupan) изъ *juppa-, дѣйствительно, заимствована литовцами подъ именемъ žiuponas (уже въ словарѣ Ширвида, такъ же у Юшкевича въ пѣсняхъ: напр. № 1061.3 Kad tu buvaj žiuponůtas, rejkė žiurėt pažibůtą), но званіе того же имени въ литовскомъ языкѣ, повидимому, совершенно неизвѣстно. Fem. žiupõnė однако приводится Куршатомъ (eine Herrin, eine vornehme Dame), и если въ данномъ случаѣ на него можно положиться, то передъ нами, конечно, очень старое

---

[1]) Эта и другія цитаты о погостѣ извлекаю изъ статьи *А. Панкова* „Погосты въ значеніи правительственныхъ округовъ и сельскихъ приходовъ въ Сѣверной Россіи“. (Рус. Вѣстн. 1898, ноябрь, стр. 55—85).

заимствованіе: съ мягкостью ž (жюпа) и со старымъ ē, откуда въ слав. произошло *и* (мати-motē, пани-ponē, суф. -ыни въ рабыни и т. п. и лит. -ūnē въ pataikū́nė- праздная, ašarū́nė- Thränenkrüglein и др.) [1]); но все же, разумѣется, это заимствованіе, такъ какъ въ лит. славянскому županē должно было бы соотвѣтствовать *giauponē. Тоже можно сказать о др.-прус. supūni или supana (хозяйка), гдѣ ū послѣ губного согласнаго не имѣетъ особаго значенія (ср. Berneker. 150).

Этими образованіями, какъ я полагаю, ограничиваются славяно-литовскія формы, произведенныя отъ основъ gŏu, gŏv, gŏ, gĕu. Если сюда присоединить *жаворонокъ* *gē-vornъ (gē:gēu=gŏ:gŏu), то мы получимъ еще одинъ видъ этой основы.

9. Инд.-евр. sŭ̄, suv — свинья. Др.-инд. sūs (erzeuger, f. gabärerin), sūkarás (свинья, боровъ), ав. hū- (боровъ); н.-перс. xūk (свинья), гр. σῦς и ὗς, лат. sūs, кимвр. hweh корн. hoch, др.-сѣв. sýr, анг.-с. sū, др.-в.-нѣм. sū; основа sŭ, sv- передъ гласнымъ ī въ лат. suinus, гот. swein, др.-сѣв. svín, агс. swín, др.-в.-нѣм. swīn (свинья), слав. свинъ и свинья (Uhlenbeck. 339—340). Отношеніе гр. и лат. sŭ къ sū см. у Остгофа Morphol. Untersuchungen. IV. 219—220.

Литов. языкъ, повидимому, совершенно утратилъ названіе свиньи отъ этой основы, замѣнивъ его словомъ paršas, но въ латышскомъ языкѣ мы находимъ два соотвѣтствующія названія. Здѣсь поросенокъ называется sivenis, поросая свинья sivenice (у Ульмана только такъ); въ говорахъ извѣстна однако болѣе древняя форма этого слова: такъ, L. 2886 dod, māmin'a suven'am, L. 1572: lai gul, lai rukst, kà suvenin'is. Какъ показываютъ многіе примѣры, *i* и *u* въ латышскихъ корняхъ нерѣдко замѣняютъ другъ друга (о какомъ-нибудь чередованіи тутъ, конечно, не можетъ быть и

---

[1]) *Leskien*. Bildung. 395—396 безъ достаточнаго, по моему мнѣнію, основанія признаетъ суф. ūnas заимствованіемъ изъ слав. языка.

рѣчи): L. 2384 pa slidenu ezarin'u. L. 2385 pasludenu ezarin'u (основа slid- гладкій, лит. slidùs); dibens (глубокій, лит. dubùs, основа dub-) и dubens; druva (нива, изъ витебскаго говора. L. 3356.3 driva, L. 4507 вар. drivin'àm, осн. -druv-); L. 1825.2. krista māte, 1825.3 krūsta māte (осн. krist- изъ слав. кръст-); L. 3426 timsâ (въ темнотѣ, вар. tumsâ naktî, осн. tims-); L. 2426 kan'upejas (при L. 2521.2. kan'ip', основную форму опредѣлить не берусь); лат. zivs (рыба при лит. žuvìs, осн. zuv-) и др. [1]). Ср. лит. sudoklys (=sidoklys оселокъ), sudabrəs (=sidabrəs. Явнисъ. Поневѣж. гов. II. 29). Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что въ латышскомъ языкѣ какъ новое *i* можетъ замѣнять старое *u*, такъ и обратно: на примѣрахъ driv-*druv-, *ziv-*zuv, *dib-*dub-, можно убѣдиться, что и изъ двухъ формъ sivens, suvens послѣдняя, единственно подтверждаемая этимологіей, должна быть основной. Она произведена съ суф. уменьшительнымъ -en (откуда слав. -ѧ въ телѧ и др.) [2]) отъ основы suv, къ которой восходитъ и лат. suum (Gen. Pl.) *suu̯-om (Stolz. 166). Къ suu̯ō восходитъ и агс. sugu, нов.-шв. sugga (свинья Noreen. 153, 162) [3]). Уже инд.-евр. эпохѣ принадлежитъ образованіе sū̆ka-(свинья), которую мы находимъ въ н.-перс. xūk, афг. xūg, бел. hīk, оссет. xui или xu (Horn. 113), въ ир. socc-sail и др. (Stokes 305 возводитъ ихъ къ основѣ sukku-). Отъ этой основы произведено съ тѣмъ же уменьшительнымъ суффиксомъ названіе поросенка suik'ens (L. 2887.1. Suik'ens teva

---

[1]) Латыш. bika (большой баранъ) сопоставляется М. Нидерманномъ въ Berlin. Philolog. Wochenschr. 1903. № 41, стр. 1305 съ лит. bukė(овца), арм. buc(ягненокъ), ав. būza, др.-в.-нѣм. boc, ир. bocc. Ав. buza съ $\widehat{g}$ сюда едва-ли относится непосредственно.

[2]) Ср. латыш. L. 2283 ezenini(еженка), L. 2938.1. telens(теленокъ) и др. Ср. *Bielenstein.* Lett. Sprache 281—282 (уже онъ производитъ sivens отъ корня su).

[3]) Иначе Schrader. Reallex. 745, который соединяетъ ихъ, повидимому, съ осн. *suk-.

gal'u deva) или suik'is. Ульманъ приводитъ и основную форму этого слова suk'is (или suik'is- ein Halbschwein; однако aitu-suik'is- ein halberwachsenes Schaf) [1]). Такимъ образомъ, въ латыш. языкѣ названія поросенка произведены отъ основъ suv- и suk-, которыя, вѣроятно, обѣ восходятъ къ индоевропейскому времени.

Но есть въ латыш. языкѣ еще одно очень загадочное названіе свиньи: cūka. Хотя, какъ мы знаемъ, есть случаи, гдѣ въ латыш. *c* стоитъ вмѣсто *s* или обратно (напр. sērmaukši или cērmauksis, черемуха; secen или cecen — рядомъ, при), такъ что и здѣсь можно было бы предполагать, что cūka развилось при благопріятныхъ обстоятельствахъ изъ *sĭka: напр., сначала въ уменьш. cūcin'š, cūcin'a, cūcens, потомъ отсюда и въ cūka; однако противъ этого говоритъ какъ сохраненіе *s* въ suvens, suk'is, вслѣдствіе чего эти слова и cūka чувствуются совершенно различными по происхожденію, такъ и распространеніе сходнаго слова въ другихъ языкахъ Европы. Еще въ 1828 г. I. L. Parrot въ сочиненіи „Versuch einer Entwickelung der Sprache, Abstammung, Geschichte, Mythologie und bürgerlichen Verhältnisse der Liwen, Lätten, Eesten et cet.“ указывалъ на связь эст. sigga(свинья) съ кавказскими названіями этого животнаго. „Авторъ, широко образованный, но необыкновенно слабый въ смыслѣ метода и критическаго сужденія“, замѣчаетъ Мункачи [2]): „послѣдовательно перебираетъ, преслѣдуя свою тенденцію, матеріалъ, представляемый (арійской и кавказской) языковыми семьями, и съ поразительной легкостью открываетъ въ послѣднихъ всевозможные, главнымъ образомъ кельтскіе и эстонскіе элементы. Естественно, что между множествомъ совершенно ненаучныхъ сопоставленій, попадаются тамъ и сямъ допустимыя, болѣе или менѣе

[1]) *Sunk'is* (ein mittelgrosses Schwein) у него же — результатъ какихъ-нибудь позднѣйшихъ процессовъ.

[2]) *Muncácsi Bernat.* 'Arja és kaukázusi elemek a finn-magyar nyelvekben. Budapest. 1901, стр. 18.

выдерживающія критику замѣчанія, особенно въ тѣхъ табличкахъ, гдѣ онъ сопоставляетъ сходныя слова въ финноугорскихъ, кавказскихъ и арійскихъ языкахъ". Среди примѣровъ этой группы, приводимыхъ Мункачи изъ названнаго сочиненія Парро, фигурируетъ и эст. sigga (ф. sika — свинья), которая сопоставляется съ лезг. dshaka, dshaga (свинья). Къ той же группѣ относятся и другія кавказскія названія свиньи: kubacsi džika, kaitach džaka, varkun. žaka, avar cuka (Munkácsi. 18).

Хотя въ настоящее время признается, что фин. sika въ звуковомъ отношеніи совпадаетъ съ морд. tuvo (свинья)[1]), такъ что для финно-мордовскаго надо предположить, вѣроятно, форму *tuγa, однако и эта послѣдняя можетъ стоять въ какомъ-нибудь отношеніи заимствованія къ кавказскимъ и иранскимъ словамъ. Во всякомъ случаѣ авар. цукà поразительно сходно съ латыш. cūka[2]), и не только съ нимъ, но и съ словин. cúka (ime svinji. Valjavec Rad. *42*. 13, у Плетершника нѣтъ). Возможно, что сюда относится и рус. обл. чýшка, чуха (свинья), если это слово не произведено отъ чухъ (при чу-яти) „рыло, носъ, свиное хрюкало". Словин. и латыш. cūka, какъ и авар. cuká, могутъ восходить къ одному оригиналу, который пока намъ неизвѣстенъ. Аналогичное явленіе находимъ въ названіи собаки: лат. kun'a (сука) вмѣсто ожидаемаго sun'a (лит. šů, suñs) извѣстно также въ формѣ kuca или kuce (L. 2292. 3. Lapsa, kuce, brīnejàs), а также въ уменьшительныхъ kucens и kucenin'š (L. 2283 augs kun'ai kucenini); лат. kuca нельзя отдѣлять отъ серб.

---

[1]) *H. Paasonen.* Kiellelisiä lisiä Suomalaisten sivistyshistoriaan. 1896, стр. 31 (Ср. Журн. Мин. Нар. Просв. 1897. № 6. Отд. 2, стр. 425). *E. N. Setälä.* I. N. Smirnow's Untersuchungen über die Ostfinnen. 1900, стр. 13.

[2]) На что я указывалъ и въ замѣткѣ: „Къ вопросу о вліяніи индо-европейскихъ языковъ на кавказскіе", помѣщенной въ 31 выпускѣ „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа".

кӯчка(сука), но еще ближе къ латыш. kuca серб. кӯца (Вук² 318: не лаје куца села ради, него себе ради), которому въ болг. соотвѣтствуетъ кӯчя (собака вообще) и кӯчка(сука), словн. kûček(собака) и др. Какъ показываетъ Мункачи (loc. cit. 430—433) это слово весьма широко распространено не только въ кавказскихъ (авар. khuča, лак. khučča, осет. khuγ и мн. др.), но и въ различныхъ финскихъ языкахъ (зыр. kîči, перм. kićka, морд. kiśka и мн. др.), такъ что иностранное происхожденіе латыш. kuce, kuca не можетъ подлежать сомнѣнію. Что касается kun'a, то это контаминація изъ sun'a, существованіе котораго слѣдуетъ предположить (см. ниже), и kuca, давшая въ результатѣ указанную форму.

Вотъ почему я считаю наиболѣе соотвѣтствующимъ научной истинѣ признать латыш. названіе свиньи cūka заимствованіе изъ какого-то восточнаго оригинала, давшаго и въ слов. яз. слово cúka и въ фин.-морд. *tuγa (или что, по моему мнѣнію, болѣе вѣроятно самостоятельно въ фин. sika, въ морд. tuva)[1]).

---

[1]) Такимъ же заимствованіемъ является латыш. kūja(cunnus), словн. kúca (die Weibliche Scham, при kúja—сука, съ которымъ ср. чеш. kujonka, kujonstvo, kujony) и т. под. Ср. оссет. khui, khuj (несъ. Hübschman. Et. Oss. 127, у него и литература). Съ латыш. kūse, лит. kušys (die Weibliche Scham) ср. многочисленныя названія собаки отъ той же основы съ -š (мадьяр. kusa, вогул. kuša, кавказ. khiś, морд. k'iśka и др.). Вѣроятно, отъ латыш. заимствованнаго kūja нельзя отдѣлять и извѣстное русское названіе penis.

Какъ показываетъ W. Meyer (Etym. Alb. 218—229), названіе собаки kuc, kuč широко распространено и въ языкахъ Западной Европы: сюда относится ит. cuccio, фрц. gousso, баск.-цыг. kotshoa, фріул. cizze (алб. kutš) и др. Юсти признаетъ за словомъ кавказское происхожденіе, что, во всякомъ случаѣ, вѣроятнѣе, чѣмъ предположеніе самого Мейера, „что оно несомнѣнно междометнаго происхожденія". Почему это междометіе и только оно получило такое распространеніе, Мейеръ не объясняетъ. Эстон. kuć, kuća и др. Миккола (Berühr. 133) склоненъ объяснять заимствованіемъ изъ латыш. kūca, но противъ этого можно замѣтить, что 1) формы kut'sik, kut'sikas заключаютъ въ себѣ элементы суффиксовъ, которыхъ нѣтъ въ латыш-

Что касается славянскихъ языковъ, то я не могу указать ни одного слова, которое восходило бы къ основѣ sŭ- въ значеніи свиньи. Эта основа дала бы на слав. почвѣ съ-, сы или хъ-, хи- *хы-, но ничего подходящаго къ этому я не нахожу въ славянскихъ словаряхъ (ср. впрочемъ chebzd). Развѣ только названіе птицы сычь (в.-рус. сычь, м.-рус. сич, пол. syczek, чеш. sýc, sýček), если оно восходитъ къ *sū-kis, а не *sūtjos (Miklos. Et. Wört. 336), можетъ по какимъ-нибудь ассоціаціямъ представленій происходить отъ слова поросенокъ *sūk-is (латыш. sükis), да м.-рус. непонятное бранное слово сицюга, если оно развилось изъ сыцуга, имѣетъ отношеніе къ слову *sūka(свинья). Но, конечно, подтвердить это предположеніе какими-нибудь вѣскими данными нѣтъ никакой возможности, потому что, во всякомъ случаѣ, этимологическое значеніе этихъ словъ давнымъ давно забыто.

10. Инд.-евр. **nepot**—племянникъ, внукъ. Уже на почвѣ инд.-евр. праязыка рядомъ съ формой корневой основы *nepŏt (др.-инд. nápat, ав. napā̊, лат. nepōs, др.-сѣв. nefe и др. Uhlenbeck. 142) существовала форма основы, развитая суффиксомъ ijo, откуда *neptijos (какъ и въ первой основѣ ō выпадаетъ или *еще* отсутствуетъ въ такихъ падежахъ, какъ др.-инд. nádbhyas, ав. nafshū. Ср. I. Schmidt. Kritik. 60). Эта форма *neptijos, изъ которой образовалось гр. ἀνεψιός (Geschwistersohn, *sm̥neptijo-), извѣстна и въ славянскихъ языкахъ въ видѣ нетій (племянникъ, црк.-слав. др.-рус.) изъ *ne(p)tijos. Ср. болг. собственное *имя* муж. Нéто (Геровъ. III. 267).

Рядомъ съ этой формой *neptijos, давшей нѣкоторыя славянскія, въ эпоху славяно-литовскаго языка, кажется, нужно предположить сохраненіе еще корневой основы nept-, уживавшееся съ переходомъ ея въ систему склоненія основъ на ĭ-. Отсюда уже слав.-лит. *neptis, сохранившееся въ ст.-

---

скомъ оригиналѣ, 2) установить пути и источникъ распространенія данной группы словъ пока совершенно невозможно.

лит. neptis (Bezzenberger. Beitr. 304), ст.-пол. nieć [1]), тогда какъ старое nept- удержалось въ сложеніи со словомъ dcera(пол.). Изъ праслав. *nept + dъktera должно образоваться уже на праслав. почвѣ *nestera, которое мы находимъ въ др.-серб. нестера (сестрична нестера глаголеть се. Миклошичъ. Lex. 442), въ ст.-пол. nesczora (neptis, filia sororis въ рукописи начала 15 в. Malinowski. Pr. Fil. I. 496. 511), nyesczora (neptis. Nehring. Altpol. Spr. 33)= nieścóra. Чешскій языкъ едва-ли зналъ когда-либо слова *neptis и *nestera: въ Пресбургскомъ словарѣ, гдѣ глава 36 посвящена подробному перечисленію именъ родни, находимъ для neptis-wnuka, filiaster-sinovecz, avunculus-vgecz.

Миклошичъ (Et. Wört. 214) объясняетъ др.-серб. нестера (польскаго слова онъ не приводитъ, хотя оно могло бы быть ему извѣстно) такъ: nestera ist wahrscheinlich nep(s)tera: vergl. nsl. tep(s)ti, p. grześć, nsl. greb(s)ti. Но, сравнивая величины совершенно неизмѣримыя, Миклошичъ не объясняетъ, почему уцѣлѣло хотя бы словн. tepsti, grebsti (и церк.-слав. гребсти. Wondrack. 124), а въ nepstera (съ весьма странной вставкой *s*) *p* выпало. Думаю, что иного объясненія, кромѣ предложеннаго мною, въ данномъ случаѣ нельзя дать, и что по значенію nestera (дочь племянника-родственника, внучатная племянница, вообще племянница, родственница, какъ гот. nithjis и др. герм.) вполнѣ удовлетворяетъ моему толкованію происхожденія этого слова изъ *nept-dъktera.

Латинскому nepōt- соотвѣтствуютъ ст.-лит. nepotis и nepůtis (Bezzenberger. Beitr. 304), а основа *nept-jo, можетъ быть уже въ индо-европ. эпоху давшая *netjo- [2]), откуда

---

[1]) Nyecz—nepos въ латин.-пол. словарѣ 1437 г. *Nehring*. Altpolnische Sprachdenkmäler. 1887, стр. 33.

[2]) *I. Schmidt*. Kritik. 60. *V. Michels*. Indog. Forsch. XIV. 225. Иначе Grienberger. 167, который на основаніи анг.-сакс. nidhdhas

гот. nithjis (Verwandter, Vetter), др.-сѣв. nidhr (pl. nidhjar Abkömmling), анг.-сакс. nidhdhas(люди), извѣстна и въ славянскихъ языкахъ, гдѣ она дала серб. нѐħâк (ex sorore nepos), словн. nečák(племянникъ), nečákinja(племянница) *nečákyni. Эти формы восходятъ къ *net-j-akъ.

Таковы славянскія формы, которыя указываютъ, что въ праслав. языкѣ еще находилась въ употребленіи корневая основа nept (или net), и что рядомъ съ ней употреблялись унаслѣдованныя отъ старыхъ временъ формы этой основы, развитыя суффиксами: netijos (откуда нетий) и netjos (откуда съ новымъ суффиксомъ нѐħак); литов.-слав. новообразованіемъ надо признать перенесеніе этой корневой основы въ разрядъ склоненія на *i*- (лит. neptis, пол. nieć), но это новообразованіе не сразу вытѣснило старину, т. е. архаизмъ nept и nepōt (лит. nepût-is).

Кромѣ приведенныхъ довольно понятныхъ формъ, серб. языкъ представляетъ и кое-что оригинальное, не поддающееся объясненію изъ основъ nept и тому подобныхъ. Уже Миклошичъ указываетъ на серб. nepuča, nebuča(племянница) (fremd sind—), я прибавлю къ этому чакав. nevód (nepos ex sorore, e fratre), nevòda (fratris vel sororis filia. Nemanić. I. 41. II. 40). Не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію, что это заимствованія изъ романскихъ языковъ: такъ, серб. nebuča соотвѣтствуетъ венец. neboda, серб. nepuča—рум. nepoată, наконецъ чакав. формы могли быть заимствованы изъ ломбардскаго діалекта игальян. языка, гдѣ лат. *p* между гласными переходитъ въ *v* (riva *ripa, pever *piper, scova *scopa и др.) [1]. Романское *o* во множествѣ серб-

---

заключаетъ, что ассимиляція pt произошла уже на германской почвѣ; но примѣръ др.-инд. nad- показываетъ, что гот. nithjis и др. могутъ восходить къ основѣ *net-, гдѣ ассимиляція уже завершилась.

[1]) *W. Meyer Lübke.* Grammatik der romanischen Sprache. 1890. I. 358. *G. Körting.* Lateinisch-romanisches Wörterbuch. 1891, стр. 516 (лат. nĕpōtă).

скихъ заимствованныхъ словъ переходитъ въ *u*[1]): gardun *cardone, kukumar *cocomero (lubenica. Kurelac), kular *collare, kumin *comino, murina *morena, puč *pozzo (studenac), skapulati *scapolare (učuvati, ohraniti, spasti) и мн. др. Такимъ образомъ *u* въ peruča и др. понятно; остается неяснымъ только č, но оно можетъ быть приспособленіемъ къ слав. суффиксамъ съ -č или передавать какой-нибудь романскій звукъ (ср. выше puč).

11. Инд.-евр. dru—дерево. Въ своемъ послѣднемъ сочиненіи „Etymologische Parerga" (I. Teil. Leipzig. 1901) H. Osthoff подвергъ весьма обстоятельному изслѣдованію индоевропейскія слова, произведенныя отъ различныхъ формъ основы dru(дерево). Въ виду этого я не стану разсматривать относящіяся сюда слова слав.-литов. семьи языковъ, а остановлюсь лишь на одномъ весьма любопытномъ образованіи, имъ не указанномъ, но проливающемъ яркій свѣтъ на праславянскія формы рѣчи, и еще на нѣсколькихъ словахъ.

Др.-инд. su-drú-s (starker Holz, tüchtiger Balken. Osthoff. 153) состоитъ изъ двухъ частей: su(хорошій) и dru—(дерево); отъ послѣдняго происходятъ слова со значеніемъ крѣпкій, здоровый: лит. drútas (fest, stark), др.-инд. dhruvá-s (fest, feststehend, beständig, dauernd, bleibend, bestimmt, sicher, gewiss), гр δροόν· ἰσχυρόν Hesych. (Osthoff. 117. 119. 121. 129. 138) и наконецъ слав. здравъ изъ *sŭdorv-ъ[2]) (съ этимъ словомъ сравниваетъ др.-инд. ní-dhruviṣ и Meillet. Mém. IX. 51). Однако, ставя слав. здравъ въ связь съ инд.-евр. образованіями отъ основы dru- въ значеніи крѣпкій, могучій, ни Остгофъ, ни Мелье не остановились на томъ, что же собственно значитъ первая часть этого сложенія, и не обратили вниманія на лит. sudrus (пышный,

[1]) Очень большой матеріалъ въ статьѣ Курельца. Rad. XX. 93—137, также въ Грамматикѣ Маретича.

[2]) Форма основы dorv- одинъ изъ видовъ основы *dereu̯- (hartholz, eiche). Osthoff 117. 121. Hirt Ablaut. 150—151. Ср. съ dorv- derv въ дерево гр. δόρυ, δόρατος (изъ *dorv-).

роскошный — о ростѣ и цвѣтѣ растеній Geitler. Lit. Stud. 112. Межинисъ 231). Это слово нельзя отдѣлять съ одной стороны отъ др.-инд. sudrus, съ которымъ оно совпадаетъ по формѣ и, вѣроятно, совпадало по значенію, а съ другой отъ слав. *съдравъ*, въ значеніи котораго много общаго съ лит. sudrus (нѣтъ уже только спеціальнаго оттѣнка послѣдняго, примѣненія къ силѣ цвѣта). Однако до сихъ поръ слово здоровый имѣетъ значеніе плотный, дюжій, крѣпкій (болг. здравъ мѫжь, здравъ камъкъ, здравъ шаръ — крѣпкая краска; рус. здоровъ дубъ, т. е. великъ, толстъ, да дуплястъ; серб. здра̏в — лонац, чаша и т. д.).

Сопоставляя др.-инд. sudrus съ лит. sudrus и слав. *съдорвъ и зная, что др.-инд. слово распадается на двѣ части: su (ав. hu) добрый, хорошій [1]) и dru-s(дерево), мы получаемъ и для слав.-лит. эпохи слово su въ томъ же значеніи. Образованіе, вѣроятно, получено отъ индоевропейскаго времени уже готовымъ и это сложеніе не послужило, насколько извѣстно, къ дальнѣйшимъ аналогичнымъ образованіямъ въ славянскихъ или балтійскихъ языкахъ. Причиной этого явленія было какъ отсутствіе самостоятельнаго употребленія слова su(хорошій), такъ и развитіе предлога su(съ), рядомъ съ которымъ это сложеніе не могло нормально развиваться и жить.

Болг. дръжгъ (палка, шестъ. Дюв. 577). пол. drąg (pręt długi i gruby. Sł. I. 553), чеш. drauh, drúh (дубина, шестъ; stojí jak drauh- стоитъ, какъ пень. Jungmann. I. 469), словин. drôg (шестъ. Pleterš. 176), серб. дру̏га (Вук² 141: дрво, као велико вретено, што жене конце препредаjу на њега и плетиво преду) восходятъ къ праслав. *drungos. Нельзя отдѣлять отсюда рус. друкъ, гдѣ исходное г сдѣлалось глухимъ, при чемъ отсутствіе этимологической связи съ другими словами утвердило это слово въ русскомъ словарѣ именно въ такой формѣ, и отъ него образовались уменьшительныя и т. под.

---

[1]) Др.-инд. сложенія съ su- перечислены, между прочимъ, Реутеромъ K.Z. *31*, 222.

существительныя. Между тѣмъ по значенію рус. друкъ, дручокъ [1]) и т. д. (жердь, рычагъ, слега, гнетъ, притугъ. Даль. I. 511) совпадаетъ съ приведенной группой словъ, къ которой надо отнести и друзгъ(моск.) *drong-gos (какъ kk даютъ ск: полоскать при пол. płókać, верещáть—лит. veřkti) [2]).

Всѣ эти слова едва-ли можно отдѣлять отъ основы dru-(дерево), которая развита суффиксомъ -ng- (ср. пол. pstrąg-чеш. pstruh, рус. пестругъ), или отъ основы dr- (ср. греч. τὰ δρία, δρίος Meringer. 23), развитой суффиксомъ -ong. Тогда съ другимъ видомъ суффикса -eng въ слав. могла образоваться форма *dr-eng-a, откуда рус. *дряга. Сюда я отношу смол. дрягва, бѣлорус. дрегвá изъ *дрягвá (трясина въ болотѣ) [3]), а также не совсѣмъ ясныя по своему образованію ст.-рус. дрязга, дрязда, дрязна(лѣсъ); болг. драздáкъ (лѣсъ. Геровъ I. 376), ст.-чеш. dřiezha (Span, Splitter. Gebauer. Hist. 335), пол. drzézga, drzyzga, drzazga (mały kawałek drzewa. Karłow. Sł. 381), изъ которыхъ первыя два слова могутъ восходить къ drenzga, а послѣднее представляетъ заимствованіе изъ языка, гдѣ *я* изъ *en (рус. дрязга, дрязгъ), хотя въ мрус. этого слова нѣтъ, и польскій языкъ передалъ бы мрус *г* черезъ *h*. Происхожденіе пол. drzazga, которое издатели большого польскаго словаря производятъ изъ drzęzga, для меня такимъ образомъ неясно.

Врус. дромъ (лѣсная трущоба, ломъ, чаща съ валежникомъ и буреломомъ; сушь, хворостъ), которое народно-этимологическимъ путемъ было превращено въ дремъ (дремучій

---

[1]) Ср. пол. drączek=kij, drążek (Karłowicz. Sł. gw. I. 368).

[2]) *G*+*g* даютъ zg: *дрозги, откуда дрожжи, др.-сѣв. dregg, прус. dragios; брѣзгъ *brēg-gъ, ср. лит. brėkšta *brēg-šta и др.

[3]) Обл. дрягва дрегва (студень. Даль. I. 569 и Доп. 1858 г., стр. 43) нельзя производить отъ корня дрог-(дрожать), а вѣроятнѣе всего слѣдуетъ сопоставить съ приведеннымъ выше словомъ; эволюція значенія такова: дрягва, болото въ лѣсу; трясина; то, что трясется, студень.

лѣсъ), едва-ли не восходитъ къ дръмъ = гр. plur. δρῦμά (лѣсъ), др.-инд. drumas(дерево), какъ на это указываетъ и словн. dŕma (срѣзанные вѣтки на кормъ козамъ и др.), болг. дръмка(кустъ). Курс. друмъ(= дромъ) неясно: какъ *у* относится здѣсь къ *о*?

Можно думать, что такія образованія, какъ съдравъ, дръмъ, восходятъ въ слав. яз. къ готовымъ индоевропейскимъ формамъ, но дръ въ дръколіе или одръ (болг. óдъръ досчатый полъ, лавка, кровать. Дюв. 1468) предполагаютъ, что въ праславянскомъ языкѣ еще была въ употребленіи старая корневая основа *dru (въ Nom. Sing. можетъ быть *drūs), и отъ нея уже на славянской почвѣ возникли образованія въ родѣ дрѫгъ (шестъ, деревцо).

12. Инд.-евр. ĝhu — рыба. Для обозначенія рыбы индоевр. языкъ, какъ утверждаютъ до сихъ поръ (напр. Schrader. Reallex. 243), хотя въ новѣйшее время поднимаются справедливыя сомнѣнія относительно этого (напр. M. Niedermann loc. cit.), не зналъ общаго слова; однако въ армянскомъ, греческомъ, германскихъ и литовскихъ языкахъ такой общій терминъ для означенія рыбы существуетъ и восходитъ къ основѣ ĝhu, отъ которой произведено гр. ἰχθύς (при ἰχθύ-διον рыбка и ἰχθῦ въ сложныхъ словахъ: ἰχθυ-βόλος, ἰχθυ-μέδων и др. Osthoff Morphol. Unters. IV. 211) [1]), гдѣ χθ можетъ быть такого же происхожденія, какъ въ χθών, χθές, и соотвѣтствовать др.-инд. kš, лит. ž [2]), а *i* такой же приставной звукъ, какъ въ ἰκτῖνος, ἰκτίς рядомъ съ κτίς(хорекъ) [3]) и др.; какъ χθών = др.-инд. kšām, такъ греч. *χθῦ- вполнѣ правильно можетъ соотвѣтствовать др.-инд. kšú(пища). Если эта этимологія Уленбека (Et. Wört. 71) правильна, то древность общаго названія рыбы восходитъ къ индоевропейской эпохѣ. Безъ всякаго сомнѣнія, та же основа (можетъ быть, только съ другимъ началомъ) лежитъ въ литов. žuvìs(рыба), латыш.

---

[1]) Brugmann Gr. Gram.[3] 49 приводитъ ἰχθύδιον изъ *ἰχθυΐδιον.

[2]) G. Meyer. Gr. Gram.[3] 344—345. Brugmann. Grundriss. I.[2] 794.

[3]) G. Meyer. Gr. Gram.[3] 176. Brugmann. Grundriss. I.[2] 825.

zivs(id.) и лит. žvýnė (рыбья чешуя), žvěti или žvejůti (ловить рыбу), латыш. zvīni или zvīnas (рыбья чешуя), zveijōt (ловить рыбу), zveija (рыбная ловля), а также въ др.-швед. gyus, ново-шв. gös (извѣстная порода рыбы) [1]). Основа, распространенная (суффиксомъ?) *k*, встрѣчается въ лит. žukmistras (Fischmeister), прус. suckis (рыба), арм. jukn (n.-Stamm). Такимъ образомъ въ балтійской группѣ языковъ находимъ слѣдующія формы этой основы: žŭ- (въ žu-ger-tas eine Fischerstange, žuklys—рыбакъ, žuk-mistras, латыш. zušauklis—eine Aalhautschnur), žū- (žústu- ловлю рыбу, латыш. zūss при zivs или zuvs), žuv- (лит. žuvėdra, Fischfresserin, см. Juškev. 219.6, žuvìs, лат. zuvs), žv- (въ лат. žvýnė, лат. zvīni—чешуя). Принадлежность этой основы къ числу старыхъ корневыхъ доказывается какъ соотвѣтствующими формами родственныхъ языковъ и сложеніемъ žu-gertas, такъ и Gen. Pl. z'uwu у Ширвида (*40*. 24. *151*. 13: žuwawimas dušiu kaip žuwu kokiu) [2]), при Gen. Sing. žuvės (у Довконта Bud. Senowęs 28 żówījs).

Странно было бы, если бы, при такомъ распространеніи разсматриваемой основы въ балтійскихъ языкахъ, она совершенно и безслѣдно вымерла въ славянскихъ, гдѣ, вообще говоря, ее замѣнили образованія отъ основы рыб- (рыба *rūba, нѣм. Aalraupe). Поэтому я считаю методически правильнымъ обратиться къ такимъ словамъ, въ которыхъ можетъ находиться основа зв (=лит. žv- и žuv-), зы (=лит. žū). Въ польскомъ языкѣ одинъ изъ видовъ фасоли (Dolichos) носитъ названіе, которое, какъ можно предположить съ большой вѣроятностью, сложнаго происхожденія. Это слово zwiłupa

[1]) Prellwitz (Et. Wört. 132—133) предполагаетъ для этихъ словъ праформу gjus, а для индоевроп. эпохи γhjús. Ср. Uhlenbeck. 71 и Hübschmann. Arm. 471.

[2]) Но, по словамъ Universitas Linguarum. 10. żuwis склоняется, какъ ausis (Gen. Pl. ausiů); тамъ же указано, что dàntis (зубъ) склоняется, какъ leżuwis (Gen. Pl. leżuwiu), а между тѣмъ Куршатъ въ своей грамматикѣ (стр. 193) замѣчаетъ, что dantìs имѣетъ въ Gen. Pl. *исключительно* несмягченное *u*: dantŭ.

(Majewski II. 287. I. 514. Rostafiński 253), которое я хотѣлъ бы разложить на двѣ части: zwi (Gen. Sing. *zъvi= лит. žuvẽs) и łupa (съ послѣднимъ ср. łupka — drobna wysypka na głowie, wyrzut; шелуха, кора на головѣ, ст.-чеш. lupina-squama. Menčik. 14), такъ что все срощеніе могло бы значить первоначально рыбья шелуха, чешуя, названіе, которое метафорическимъ путемъ не трудно было перенести на растеніе съ шелухой, какая бываетъ у бобовыхъ. Среди нѣсколькихъ названій ящерицы одно zwinka (Majewski II. 418. I. 514) едва-ли не уменьшительное отъ основы *zvin- (ср. svin-ka при *suv, *sv), восходящее въ концѣ концовъ къ корневой основѣ *zv или *zuv-. Если мы вспомнимъ, какъ часто въ названіяхъ растеній встрѣчаются производныя отъ основы рыб- (напр., въ пол. rybnik—diospyros, rybitrutka, rybołówka, rybotruj Rostaf. 760, въ серб. ribica, ribica mala, ribica široka, riboslip и др. Šulek. 332), то мы не удивимся, что и старое названіе рыбы могло оставить слѣды своего существованія въ названіяхъ растенія. Такъ, думаю, нельзя отдѣлять отъ основы zv- чеш. zva (названіе растенія Teucrium Chamaepithys. Jungmann. V. 796), въ которомъ я вижу вообще сохраненіе слова *zъv-a(рыба). Рядомъ съ формой *zъvь, Gen. *zъvī (въ пол. zwiłupa) могла развиться уже на праславянской почвѣ форма *zъv-ā, откуда чеш. zva (рыба—растеніе Schlagkraut). Изъ другихъ словъ, которыя можно связать съ разсматриваемой основой, назову словн. zvȋnjak или zvȋnjenik (названіе растенія lythrum salicaria), ст.-чеш. zvina (bibio. Menčik 22: de nominibus vermium). Въ прочихъ славянскихъ языкахъ я не нахожу ничего, что можно было бы съ извѣстной долей достовѣрности признать за производныя отъ основы *zv или *zuv-. Интересно, что какъ въ балтійскихъ языкахъ основа žū- встрѣчается лишь въ образованіяхъ сомнительнаго происхожденія (древняя ли долгота въ žústu, въ zūss при žùvs?), такъ и въ славянскихъ я не могу найти ни одного слова, которое могъ бы смѣло произвести отъ основы zū(рыба). Названіе одной изъ породъ Aquila—zyz или zys (Majewski I.

515) для меня совершенно неясно, и хотя въ польскомъ же языкѣ другой видъ этого рода называется Rybołów (какъ и рядъ другихъ птицъ), однако этимологическое происхожденіе приведенныхъ словъ и ихъ отношеніе другъ къ другу (*zū-z-is?) представляются мнѣ совершенно неразрѣшимой пока загадкой [1]).

На основаніи вышеизложеннаго можно, кажется, сдѣлать выводъ, что въ праславянскую эпоху корневая основа zu еще жила въ языкѣ, при чемъ рядомъ съ ней уже на славянолитовской почвѣ развилась форма, вошедшая въ разрядъ основъ на *i*-, лит.-латыш. žuv-i-s, слав. zъv-ь-s. Она уцѣлѣла въ Gen. Sing. *zъv-i въ томъ языкѣ, который больше, чѣмъ другіе, сохранилъ положеніе Gen. передъ дополняемымъ словомъ и тѣмъ самымъ способствовалъ развитію срощеній, именно въ польскомъ языкѣ, гдѣ изъ срощенія словъ zъvi и łupa(чешуя) образовалось сложное слово zwiłupa. Основа zu въ этомъ видѣ не могла однако удержаться въ славянскомъ языкѣ и перешла въ разрядъ основъ на ā-: *zuv-ā, откуда *zъva, чеш. zva. И наконецъ форма *žuvīno-, *žvīno- (уже на славяно-литовской почвѣ [2]) дала слав. zvina, zvinjak и др.

13. Инд.-евр. ber—мелкій рогатый скотъ. Цсл. баранъ и боранъ (Miklos. Lex. 12), др.-рус. баранъ и боранъ Срезневскій. Мат. I. 41. 151), н.-рус. только бара́нъ (Даль. I. 47), но, по заключенію проф. Соболевскаго (Лекціи². 84), „слово баранъ имѣетъ древнее *а*, точно также, какъ боранъ (очень часто въ великорусскихъ и бѣлорусскихъ памятникахъ разнаго времени) имѣетъ древнее *о*". Далѣе, находимъ это слово въ мрусс. бара́н, въ серб. baran (только у Рельковича Rječnik I. 182) и, вѣроятно, въ собственномъ имени Bȁran (ibd. и Даничиħ Рјечник I. 27); словн. baran указано Миклошичемъ (Et. Wört. 7); ст.-чеш. beran(обычно)

---

[1]) Также не понятно пол. zydżan (Sł. Wileń. 1260), названіе извѣстной породы рыбы — Amphacantus. Разлагается-ли это слово на zy-dz'an *zū-dьg-ēn-ъ?

[2]) Leskien. Bildung. 411. о словѣ žvynas.

и baran (діал. Gebauer. Slovn. 40), н.-чеш. beran, морав. и словацк. baran Gebauer. Hist. Mluvn. I. 122), пол. baran, н.-луж. baran (Zwahr. 6), в.-луж. boran (Pfuhl. 40). Уменьшит. отъ этого слова, кромѣ обычныхъ образованій съ суф. -ьчикъ и т. п., слѣд.: пол. baraś, barasiek (Karłowicz. Sł. gw. I. 48) и рус. барашекъ. Обѣ эти формы восходятъ къ bar-aš-ek-ъ и представляютъ образованіе отъ основы bar-, къ которой восходитъ и серб.-болг. баракъ въ значеніи животнаго съ длинной шерстью, какъ у овцы: отсюда болг. бара́къ (нѣчто косматое; собака съ длинной шерстью Геровъ I. 25 пудель Дюв. 57), серб. ба̀рак (canis pili longi Караджичъ[2]. 15). Ту же основу, но съ гласнымъ другого ряда чередованія băr-(боранъ), видимъ въ латыш. barenin (барашекъ. Ульманъ 26) и греч. βάριχοι· ἄρνες, βάριον· πρόβατον у Гезихія (Schrader. Reallex. 707). Наконецъ основа ber (чеш. beran) лежитъ въ алб. berr(овца) и, по мнѣнію Г. Мейера (Etym. Alb. 33), въ итал. bero, berr и др. (баранъ). Уже эти отношенія основъ заставляютъ предполагать, что передъ нами въ данномъ случаѣ старая корневая основа, и это предположеніе подтверждается тѣмъ, что, развитая суффиксомъ -vo-, она встрѣчается еще въ цѣломъ рядѣ словъ какъ славянскихъ, такъ и германскихъ. Первоначальное значеніе слова боровъ *borvъ не заключаетъ въ себѣ спеціальнаго указанія на свинью. Въ церк.-слав. оно означаетъ мелкій домашній скотъ вообще: идѣте вь стадо и поимѣте три брави, пастоухъ ищетъ остатка брава (Lex. Pal. 41—42), закоди бравы (= отъ скота), смр҃тию говядомъ ибравомъ (boves aut oves. Срезневскій. I. 152. 163). То же значеніе это слово имѣетъ въ чеш. ст.-чеш. brav—dobytek, zvláště dobytek menší, někdy stado dobytka. Gebauer. 98), серб. brâv (1 баранъ, козелъ—ovčji i kozji brav. 2 въ нѣкоторыхъ мѣстахъ холощенный боровъ. Rječnik I. 610—611), словн. brâv (1. das Schafvieh. 2. das Schwein), болг. бра́ва (штука, голова рогатаго скота), рус. (боровча́къ, сиб.-вят. годовалый теленокъ; боровъ- холощенный вепрь). Это сходство значенія между словами баранъ и

боровъ ставитъ внѣ всякаго сомнѣнія ихъ этимологическую связь; переходъ значенія, который долженъ былъ совершиться въ праславянскую эпоху, какъ показываютъ словн. brâv, серб brâv, рус. боровъ, былъ основанъ на слѣдующемъ: при обычаѣ кастрировать домашнихъ животныхъ, слово borvъ могло получить значеніе какъ холощенного борова, такъ и холощеннаго барана и другого рогатаго скота (ср. рус. боровча́къ, еще молодой бычокъ). Съ суффиксомъ герм. *h*, -uγ- или γ (-ka?) образованы др.-исл. bǫrgr, др.-в.-нѣм. barah, barug, barg, агл.-сакс. bearγ(боровъ), а съ суф. *s*- шв. bär-se, bar-re(баранъ), др.-исл. brusi(козелъ) [1]).

На основаніи нѣкоторыхъ случаевъ мы знаемъ, что рядомъ съ группой -er-, -el- (чередующейся съ -or-, -ol-) развивалось въ условіяхъ, врядъ-ли теперь еще опредѣлимыхъ, сочетаніе ьr, ьl: такъ, напр., пол.-обл. piárgi (usypiska kamieni w górach. Dembowski. Spraw. Kom. Język. V. 391) восходитъ къ ьrg-, а къ perg- цсл. прѣгыни, ст.-пол. Pregina, Przegyna, Przegynya и др. (Hanusz. Spraw. Kom. Jęz. IV. 166. 218. А. Погодинъ. Р. Ф. В. *32*. 123); наконецъ, основа porg- въ цсл. прагъ, рус. порогъ и др. Рядомъ съ основой delb-to (серб. dlijeto и др.), dolb-to (рус. долото) находимъ основу dьlb- (цсл. длъбѫ, мрус. делбем. Miklos. Et. Wört. 40). Уже самое очень обычное чередованіе группъ -ьr-, -ьl- съ -or-, -ol- (серб. svrbjeti--svrab или словн. srâb. Valjavec. Rad. *45*. 42; мерзнуть-морозъ и мн. др.) показываетъ, что ъ въ данномъ случаѣ возникло изъ *e*. Такимъ же образомъ праслав. *bьr-logъ мы можемъ, какъ я полагаю, возвести къ *ber-log-ъ(хлѣвъ), съ чѣмъ хорошо согласуются значенія этого слова въ славянскихъ языкахъ. Я думаю, что *bьrlogъ слово сложное, а не состоитъ изъ основы bьrl- и суффикса -ogъ или даже основы bьr- и суффикса -logъ [2]). Именно, значеніе серб. bŕlog

---

[1]) Per Person. 164. Noreen. 87. 131. Klnge. 29.

[2]) Даничић. Основе. 366. въ словахъ вр̑тлог(водоворотъ) и бр̑лог находитъ суф. -logъ (изъ lo-gъ) Ср. Broz-Ivekoвić. Rječnik.

(свиной хлѣвъ) заставляетъ не отдѣлять этого слова отъ разсмотрѣнной сейчасъ основы. Праслав. bьr-logъ значило логовище не только дикаго звѣря, но и домашняго скота, птицы; наконецъ уже на праславянской почвѣ оно пріобрѣло значеніе вообще сора и всякой нечистоты хлѣва. Посмотримъ ближе на значенія этого слова (краткое перечисленіе ихъ у Миклошича Et. Wört. 10 и Будиловича II. 98).

Akad. Rječnik I. 661—662 перечисляетъ рядъ значеній серб. bŕlog: 1) мѣсто, гдѣ валяются свиньи, чаще всего лужа; 2) мѣсто, гдѣ лежатъ звѣри и рыбы; 3) нечистое мѣсто вообще или въ аду, или нравственная грязь, оскверненное ложе и т. п.; 4) грязь, грязный поступокъ и т. д. въ этическомъ смыслѣ. У Неманича (I. 35—36) brlȍg (такъ и у старыхъ дубровницкихъ писателей, по мнѣнію Маретича. Rad. *70*. 108) значитъ leporis, gallinae ova parientis etc. cubile. Болг. бры́ло́къ (ср. общеслав. држкъ при држгъ) имѣетъ значеніе только сора, грязи (Геровъ I. 78: нечисто нѣчто като сметъ, мѫтнѫ водѫ отъ омыто, помыѭ и пр. Дюв. 159: соръ), словн. brlȏg спеціализировалось на значеніи логовища звѣря, а отсюда развилось новое значеніе этого слова *пещера* и наконецъ *плохое жилое помѣщеніе* (Valjavec. Rad. *46*. 42: brlȍg lustrum ferae); пол. barłog въ литературномъ языкѣ издревле обозначаетъ логовище дикаго звѣря: напр., въ Псалт. Флор. *103*. 23 (sczenyфta albo dzyeczy lwow) w barlodzyech swogych se skladф; въ Kaz. Gniezn.: szukagфcz ony gnaszda szobe a sverzфtha barloga. Но рядомъ съ этимъ языкъ сохранилъ и старое значеніе слова: подстилка для скота (podesłać krowom barłogu); старая, грязная солома; всякая нечистота, бѣдность, грязная жизнь (Sł. I. 99). Отсюда и глаголъ barłożyć (=словн.

---

104 находятъ здѣсь суф. -og. Сходныя сербскія слова bȑljûg (лужа, въ которой валяются свиньи), bȑljaga (лужа) врядъ-ли имѣютъ что общаго съ bŕlog: въ первомъ изъ нихъ можно видѣть сложеніе br (bȁra — болото) + ljug (ср. kaljuga), во второмъ сложный суффиксъ lja-ga.

brlóžiti- жить въ берлогѣ): 1) wyściełać barłogiem, robić podściółkę; 2) śmiecić; 3) przen. rub. bajać, pleść и т. под. Въ говорахъ barłog означаетъ не только солому грязную и негодную болѣе къ употребленію, но даже навозъ; въ этомъ послѣднемъ значеніи слова barłog едва-ли не кроется слѣдъ его первоначальнаго значенія. Ст.-чеш. brloh (Miluje Hospodin brány Sion nade vše brlohy Jakubovy—хижины Іаковли), brlóžek (tugurium) передаетъ уже болѣе общее значеніе этого слова: жилище (не только звѣря, но и человѣка), но у Юнгмана указаны еще слѣд. значенія: 1) логовище звѣря, 2) нищенская будка, 3) каждая бѣдная хижина, 4) ложе, 5) нравственная нечистота, лѣность и 6) бѣдность (то есть, въ сущности, тѣ же значенія, что въ серб. и польск., указаніе на глубокую древность эволюціи значеній этого слова). Словацк. brloh значитъ, кромѣ того, еще закоулокъ; нравственнаго характера значеній это слово здѣсь не имѣетъ. Въ лужиц. сохранилось чрезвычайно интересное названіе растенія swinjace borło, указывающее на то, что и здѣсь слово borło (нынѣ Bucht, Streu, elendes Lager; der untere durchbrochene Theil der Flachsbreche) [1]), нѣкогда имѣло значеніе подстилки для свиней, ихъ хлѣва. Это подтверждается и мрус. (заимствованнымъ) барлі̑г (Lager von Wirrstroh, schlechtes Unterlager) и барлóжити ся (sich lagern-von Schweinen); то же значеніе имѣетъ и оригинальное мрус. слово берлóга, которое въ великорус. значитъ только—медвѣжья берлога.

Однако, если бы таково было первоначальное значеніе этого слова, было бы совершенно непонятно, почему оно получило смыслъ подстилки для скота, старой соломы, навоза, нечистоты въ конкретномъ и абстрактномъ употребленіи этого понятія. Медвѣжья берлога не настолько близкій и знакомый всѣмъ предметъ (даже въ ту пору, когда человѣкъ живетъ

[1]) Вѣроятно, эта часть льна шла на подстилку скоту, какъ и солома; отсюда такое странное соединеніе этихъ двухъ значеній въ одномъ словѣ.

ѐще въ дремучихъ лѣсахъ, изобилующихъ звѣрями), чтобы изъ этого значенія могли развиться всѣ приведенныя послѣдующія, до лужи, въ которой валяются свиньи. Исходнымъ пунктомъ для этого развитія слова могло быть только значеніе логовища домашнихъ животныхъ, той подстилки изъ соломы, на которой лежатъ свиньи, стоятъ коровы, и которая затѣмъ въ видѣ навоза идетъ на удобреніе полей. Логовище домашнихъ животныхъ—таково первое значеніе слова берлога, изъ котораго весьма просто развивается значеніе: логовище дикаго звѣря, прежде всего медвѣдя (и зайца), который устраиваетъ на зиму мягкое ложе изъ хвороста и т. п. На основаніи этого я считаю совершенно ненаучнымъ отдѣлять *bьr-logъ отъ *ber (овца, мелкія домашнія животныя). Это сложное слово образовано безъ соединительнаго гласнаго потому, что въ первой его части лежитъ корневая основа [1]), которая развита (при различныхъ видахъ чередованія гласнаго) съ помощью суффиксовъ -апъ, -акъ, аѣкъ, -vъ.

14. **Бузина**. При сравненіи названій бузины въ различныхъ славянскихъ языкахъ мы находимъ очень интересныя явленія: повидимому, въ формѣ bъz-, bouz-, перешедшей въ разрядъ основъ на *-o*, но еще прежде развитой суффиксами -gъ, -dъ, мы имѣемъ дѣло со старой корневой основой. Матеріалъ сопоставленъ Шулекомъ (Rad. *39*. 15) и вкратцѣ Миклошичемъ (Et. W. 26).

Его можно распредѣлить по слѣдующимъ группамъ.

А) bъz-ъ въ обл. рус. бозъ(бузина), бозня́къ, бо́зовая роща (Даль I. 109), серб. baz (Šulek. Rječn. 11),

---

[1]) Крушевскій, разсматривая весьма странную этимологію Остгофа (бръ, что въ бровь; берлога—пещера съ берегами, похожими на брови), высказываетъ такое предположеніе: przypuszczam, że brъlogъ jest w związku z bra-vъ „dziki zwierz" i znaczy legowisko zwierza. Prace Fil. I. 97. Но bravъ ни въ одномъ изъ славянскихъ языковъ не означаетъ дикаго звѣря, а восходитъ по формѣ къ bor-vъ. По Крушевскому, brъ краткая форма, а bra—полная, тогда какъ факты заставляютъ исходить изъ *ber- : *bor-.

словн. bё̈z (Valjavec. Rad. *45*. 80), чеш. bez, пол. bez, луж. boz. Ранѣе, чѣмъ эта основа перешла въ разрядъ склоненія основъ на *o*-, она по закону Sandhi измѣнялась въ извѣстныхъ случаяхъ въ bъs, откуда кашуб. bes (при bez Berka. 362), пол. област. bez, besu, na besie, besowe и др. (Karłowicz. I. 67).

B) bъz-ā въ серб. baza.

C) bъz- въ пол. bziák (Karłowicz. 67), рус. бзи́ка (Solanum nigrum, дерево со сладкими ягодами), мрус. бзина́(бузина), бзюк или бжур (Sambucus edulus), бозина́ (=бзина́), бозни́к (кусты бузины), бѣлорус. бзовый(цвѣтъ), бзо́вникъ (бузинный кустарникъ), серб. bzóva, zóva (далѣе zovina, zobovina, ovzovina, abzov и др.), bazovina, bazika; чеш. bzina, bzoví или bezoví (кусты бузины), bzový или bezový(бузинный).

D) bouz- въ серб. buzika, рус. бузина.

E) bъz-g-ъ въ серб. bazg, bazgovina, словн. bё̈zg (или съ развитіемъ новаго *ъ:* bъzъg въ серб. bazag, словн. bezё̈g).

F) bъz-d-ъ въ серб. bazdov, bazdovina, словн. bezdjina, пол. *bezd, откуда лит. bezdas, пол. обл. bestek. Въ соединеніи съ непонятной частицей he или ha образуются формы he-bъzdъ, habъzdъ, которыя, подвергаясь всевозможнымъ искаженіямъ, даютъ самыя разнообразныя формы: м.-рус. хабзина, чеш. chebd, морав. chebz и chbez, словацк. chabzda, пол. chebzina, серб. hebet или habat и мн. др. (Majewski. II. 686—687. Karłowicz. Słownik wyrazów 208—209 безъ объясненія этихъ странныхъ формъ).

G) bāz-ъ въ луж. baz, мрус. базни́к (кусты бузины).

H) băz-ъ въ серб. boza, bozovina.

Въ какомъ отношеніи одна къ другой находятся перечисленныя формы, сказать весьма трудно: особенно неясно отношеніе формъ съ ă въ основѣ къ формамъ съ ŭ, ou. Что касается отношенія *bъzgъ къ *bъzdъ, то аналогичное

явленіе представляетъ серб. drozd при drozak, црк.-слав. дрозгъ, которыя восходятъ однако къ дроздъ(turdus).

Несомнѣнно, что передъ нами очень старое и сложное явленіе, въ разъясненіи котораго едва-ли возможно придти къ вполнѣ положительнымъ результатамъ. Я полагаю однако, что въ данномъ случаѣ произошло сліяніе значеній двухъ первоначально совершенно различныхъ словъ: băzъ и bŭz-, bouz-(старой корневой основы). Первая соотвѣтствуетъ гр. φηγός, лат. fāgus, др.-в.-нѣм. buohha (ср. Silva bacenis), которые означаютъ дубъ или каштанъ, но восходятъ къ формѣ *bhāĝos, произведенный отъ корня bhaĝ (питать Prellwitz. 342 ср. Uhlenbeck 198). Какъ дерево, дающее съѣдобныя ягоды, бузина могла получить названіе, которое раньше носило какое-то другое дерево со съѣдобными плодами (можетъ быть, дубъ). Другое слово bъzъ можетъ восходить къ корню *bhuĝ—(гнуться, быть гибкимъ), отъ котораго образованы др.-инд. bhuja—(рука, хоботъ, вѣтка, длина тѣни), bhujā (извивъ, сгибъ, рука), bhujaga—(змѣя, собств. ходящій извивами. Uhlenbeck. 262), bhujagā (змѣя; извѣстный кустарникъ) = bhujaṁga-. То же значеніе какого-то растенія bhujaga- имѣетъ во многихъ сложныхъ ботаническихъ названіяхъ: bhujaṁgakhātinī, bhujaṁgadamanī, bhujaṁgaparṇinī и др., что позволяетъ думать, что и простое bhuja- въ смыслѣ вѣтка, изгибъ вѣтви, гибкое деревцо могло сохраниться въ слав. бъзъ. А что это была первоначально корневая основа, доказывается также др.-инд. bhuj въ tribhuj (dreifältig, dreifach) при tribhuja (dreiarmig, dreiseitig). Это bhuj(изгибъ) соотвѣтствуетъ слав. bъz, отъ котораго образована форма bъzg-; происхожденіе этой послѣдней можетъ восходить къ инд.-евр. времени, когда корневыя основы получали нерѣдко дальнѣйшее развитіе съ помощью суффикса или корневаго опредѣлителя *-g:* ср. др.-инд. suargá(небо), çṛṅga при лат. cornu, áṣṛg при лат. assir(кровь), др.-сѣв. askr при лат. ornus(osinus) и др.

(Meringer. 6—8. I. Schmidt. Bildung 174. 176 и др.). Какъ инд.-евр. o s-g o- (въ a s k-r) встрѣчается рядомъ съ o s-d o- (гр. ὄζος—вѣтвь) и o s- (лат. o r n u s), такъ и отъ основы b u z уже на инд.-евр. почвѣ могли образоваться b u z o (др. b h u j a), b u z g o, b u z d o (можетъ быть, лишь одна изъ этихъ двухъ формъ, ср. выше д р о з г ъ—д р о з д ъ). Что касается формы *h a-b ъ z d ъ (словац. c h a b z d a), то она можетъ лишь въ томъ случаѣ правильно (т. е. не въ заимствованномъ и при томъ искаженномъ словѣ) соотвѣтствовать формамъ съ h e въ первой части, если эти послѣднія восходятъ къ h ъ-b ъ z ъ или h ъ b ъ z d ъ (пол. c h e b z i n a). Связать эти части: h a и h ъ возможно лишь при предположеніи, что обѣ онѣ восходятъ къ s a m- (откуда s a-). Напомню, что этимологически неясное лат. s a m b ū c u s (бузина) имѣетъ другую форму s a-b ū c u s (Stolz. 523). Было бы весьма соблазнительно сопоставить эти формы со славянскими, что, мнѣ кажется, и возможно, но для этого именно слѣдуетъ допустить, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ корневой основой (ср. др.-инд. t r i b h u j). Инд.-евр. b h ŭ ĝ перешло въ извѣстныхъ случаяхъ въ b h ŭ k, откуда лат. -b ū c u s, лит. b u k a s (Sambucus nigra), въ другихъ оно сохранилось въ своей старой формѣ; такимъ образомъ, лат. s a m b ū c u s соотвѣтствуетъ праслав. *h ъ b ъ z ъ, а s a b ū c u s праслав. *h o b ъ z ъ, отѣуда съ чередованіемъ первой и второй частей сложенія пол. c h a b u z и др. (важно, что это слово имѣетъ, кромѣ своего спеціальнаго значенія б у з и н ы, еще болѣе общее к у с т а р н и к а, х в о р о с т а. Ср. у Карловича Sł. wyrazów 208—209 и др.-инд. b h u j). Какъ всѣ подобныя слав. формы могутъ восходить къ лат. a p t a, a v-t a (Miklosich. Et. Wört. 3), я совершенно не понимаю. Матценауэръ въ List. fil. VII. 217 сравниваетъ чеш. c h e b d í и др. со ср.-в.-нѣм. s e b e d e, котораго однако я не нахожу ни у Лексера, ни у Шаде, да и само по себѣ это сравненіе невозможно, ибо изъ праслав. h e- уже въ общеслав. должно было образоваться š e-. Мы, всего вѣроятнѣе, должны исходить изъ формъ s a m-b u ĝ и s ā-b u ĝ, которыя уже на почвѣ отдѣльныхъ славянскихъ языковъ подверглись различнымъ искаженіямъ и

скрещеніямъ, какъ многія слова, не имѣющія этимологическихъ связей въ словарѣ.

15. Инд.-евр. **Eln** — олень и другія корневыя основы. Названіе о л е н я въ инд.-евр. языкѣ принадлежало также къ числу корневыхъ основъ; слѣды этого происхожденія основы замѣтны въ славянскихъ языкахъ какъ въ склоненіи ея, такъ и въ видахъ чередованія суффикса. Рядомъ съ e l n, которое уже на славяно-литовской почвѣ перешло въ разрядъ основъ на *i*- (e l n i s, откуда a l n i s — слав. л а н ь), здѣсь жили формы e l e n и e l ē n. Отъ первой образовались какъ об.-слав. j e l e n ь и рус. о л е н ь, такъ и цсл. формы склоненія Gen. Sing. ѥ л е н е и Nom. Pl. ѥ л е н е [1]), восходящія къ Nom. Sing. *e l ę; вторая сохранилась въ серб. *j e l ĕ n, откуда въ сербскихъ говорахъ формы j е л и н и j е л j е н [2]). Въ общеславянскомъ языкѣ основа *e l n (арм. g a ŕ n, гр. ἐ λ λ ό ς и др. Pedersen. K. Z. *38*. 217) должна была гласить *e l ę(ѥ л ѧ). Какъ при рус. к о р е н ь находимъ ц.-сл к о р ѧ, и какъ рядомъ съ *e l e n (рус. о л е н ь) жила форма основы *e l ē n (серб. j e л j е н), такъ и при *k o r e n — (корень) возникла основа *k o r ē n, откуда серб. к ȍ р и j е н (Даничић. Основе. 146) и уже ст.-серб. к о р ѣ н ь (Сав. 4) и к о р и н (Н. Рань. 14), Gen. Sing. к о р е н е (М. 71. 121) и к о р ѣ н е (М. 72. 317; также к о р ѣ н а, к о р и н а, к о р и j е н а), Loc. Sing. к о р ѣ н и (Стеф. 12. Дом. 25) и к о р и н в (Пос. 20) и т. д. (Даничић. Историjа 11. 55 и др.) [3]). Слабый

[1]) См. статью Лескина Spuren der stammabstufenden Declination im Slavischen und Litauischen. Arch. f. Slav. Phil. III. 108—111. То же и въ ст.-чеш. j e l e n e (Gen. Sing.), j e l e n i (Dat. Sing.). Gebauer. Hist. Mluvn. III. 1. 408.

[2]) *Maretić*. Gram. § 104 (для него это фактъ необъяснимый). *Даничић*. Основе 146, прим. 3: „по западном говору j е л и н у Микаље, у Делабеле и у Стулића". *Даничић*. Историjа облика. 66 j е л и н и (Стар. Писци I. 13), 128 j е л и н м и (Банд. 215). *Maretić* (Rad. *71*. 68) j e l j é n у старыхъ далматинскихъ поэтовъ.

[3]) Здѣсь произошло, конечно, выравненіе основъ, которыя сна-

видъ основы *k o r n̥ сохранился и въ серб. уменьшительномъ к о р е́ ч а к(к о р ѧ ч ь к ъ) и въ рус. к о р я г а, а другіе слѣды склоненія этихъ носовыхъ основъ съ чередованіемъ гласнаго можно видѣть въ различныхъ формахъ Nom. Sing.: какъ лит. p ë m ũ: гр. π ο ι μ ή ν восходятъ къ *p o i m ō n : p o i- m ē n, такъ при к о р ѧ находимъ ст.-чеш. k o r i(*к о р ы), при *к а м ѧ (въ серб. к а м е́ ч а к. Дан. Осн. 280) к а м ы— ст.-серб. k a m í (Star. Pisci V. 35. Maretić. Rad. 71. 69), при *к р е м ѧ—*к р е м ы (серб. к р е м е́ ч а к : к р е м и́ ч а к) и др. Какъ видимъ, склоненіе слова ј ѐ л е н вполнѣ входитъ въ систему склоненія носовыхъ основъ, что позволяетъ съ полной достовѣрностью возстановить праформу e l n, которая и представляетъ корневую основу, болѣе древній видъ этого слова, чѣмъ уже слав.-лит. e l n-i s.

Разсмотримъ въ связи съ этимъ другія корневыя основы съ согласнымъ исходомъ въ слав.-литовскихъ языкахъ, которые, вообще говоря, сохранили лишь слабые слѣды ихъ. Какъ уже было указано проф. Брандтомъ [1]), слово н о с ъ должно было принадлежать къ числу корневыхъ основъ, но съ предположенной имъ парадигмой праславянскаго склоненія этого слова я согласиться не могу. Приравнивъ склоненіе его къ инд.-евр. склоненію, получаемъ для слав.-лит. періода слѣд.: Nom. Sing. n ā́ s (не *н о изъ n ā s, какъ возстановляетъ Брандтъ), Acc. S. n ā́ s-o m (откуда слав. *n a s ъ), Gen. S. n ă s-é s (откуда слав. *н о ш е, по мнѣнію Брандта, или вѣрнѣе n o s é), Dat. S. n ă s-o í (=*н о ш и у Брандта или, какъ я полагаю, *n o s í), Inst. S. n ă s-m ĭ (=н о с м ь у Брандта), Loc. n a s-í (? н о ш ь у Брандта); Nom. Pl. n ā́ s-e s (=н á с е, не н о ш е, какъ у Брандта), Acc. Pl. n ă s n̥ s (н о с ѧ=н о ш ѧ́, у Брандта), Gen. Pl. n ă s-ó m (=носъ), Dat. Pl. n ă s-m ũ s (=н о с м ъ, какъ у Брандта), Instr. Pl. n ă s-m ī s (=н о с м и, какъ у Бранд-

---

чала распредѣлялись по падежамъ, какъ въ языкахъ др.-индійскомъ и др.-иранскихъ.

[1]) Грамматическія замѣтки. Варшава. 1882—1884, стр. 64—65.

та), Loc. Pl. nă s-sŭ́ (=н о с ъ, какъ у Брандта). Переходъ *s* въ *h* и смягченіе послѣдняго передъ *e* и *i* явленія общеславянскія, но хронологическія отношенія ихъ къ другимъ явленіямъ общеславянской фонетики еще совершенно неясны: поэтому, я считаю наиболѣе удобнымъ говорить лишь о томъ, что въ слав.-литовскій періодъ языкъ зналъ двѣ формы основы разсматриваемаго слова: n ā s въ однихъ падежахъ и n ă s въ другихъ; по языкамъ распредѣленіе ихъ произошло такъ, что основа n ā s утвердилась въ прус., литов. и латышскомъ: прус. n o z y(носъ), лит. n ó s i s—носъ (съ переходомъ въ разрядъ основъ на *-i*, обычное явленіе въ корневыхъ основахъ), латыш. n ā s i s (ноздри, носъ), ё n ā š i (сопли; насморкъ. Bezzenberger. Lett. Dial.-Stud. 77, прим. 1); тогда какъ въ славянскихъ языкахъ получила общее распространеніе слабая основа n ă s= н о с-ъ. Другими словами, литов. языкъ присоединилъ окончаніе -i s къ старому Nom. Sing. безъ окончанія n ā́ s (откуда n ó s i s, а не n o s ì s), въ славянскомъ же изъ n ā́ s должно было образоваться н а, которое совершенно не согласовалось съ другими падежами, гдѣ находилась слабая основа н о с-ъ, преобладавшая въ склоненіи, а потому проведенная впослѣдствіи черезъ всю парадигму. Она же вошла и въ слово н о з д р и, въ которомъ однако видѣть сложеніе изъ n o s- и д р ь (отъ глагола д ь р а т и. Брандтъ 65) нельзя, потому что это слово вполнѣ соотвѣтствуетъ лит. n a s r a i (пасть, у духовныхъ писателей 16—17 в. р о т ъ, у с т а : n a s r a s у Даукши Вольтеръ 91, у Ширвида 25 n a s r u o s e—въ устахъ), т. е. здѣсь съ суф. -r o отъ основы n ă s образуется имя сущ. n a s r a s[1]) (чаще Pl. n a s r a í, морда животнаго у Межиниса). Со вставкой *t* между *s* и *r* находимъ это слово ужъ въ старину: n a s t r a i (ротъ. Bezzenberger. Beiträge 302) и въ современныхъ говорахъ: n a s t r a i (около Ковна Geitler. Lit. Stud. 97). Вѣроятно, контаминаціей стараго Dualis *n ă s t r ī(ноздри) съ Pl. n a s t r a i (отъ основы на *-o*) объясняется діалект.

---

[1]) Отсюда глаголъ n a s r i ó t i (кричать) Bezzenberger. Lit. Forsch. 145.

nastriai въ мѣстномъ названіи vilkanastrei[1]). Эта послѣдняя форма показываетъ, что слав. ноздри имѣетъ почти полное соотвѣтствіе въ лит. *nastr-j-ai=nastrei, и различіе этихъ формъ заключается лишь въ томъ, что вмѣсто ожидаемаго *t* между *s* и *r* мы находимъ здѣсь *д* или, можетъ быть, въ томъ, что *з* здѣсь замѣняетъ лит. *s*, единственно объясняемое этимологически. Но 1) нельзя забывать, что и въ другихъ случаяхъ мы находимъ *з* вмѣсто ожидаемаго *c*: напр. жи-знь при пѣ-снь, ба-снь, а 2) *з* въ словѣ ноз можетъ объясняться тѣмъ, что и эта форма, созданная законами Sandhi, существовала въ языкѣ[2]).

Въ качествѣ вывода изъ вышеизложенныхъ соображеній о судьбѣ слова носъ можно сказать, что въ слав.-лит. эпоху оно еще употреблялось, какъ корневая основа безъ окончанія въ Nom. Sing.: этимъ объясняются различный видъ основного гласнаго въ балтійскихъ и славянскихъ языкахъ ($\bar{a} : a$) и тотъ фактъ, что эта основа перешла въ первой группѣ языковъ въ разрядъ основъ на *-i*, а во второй попала въ число основъ на *o-* (латыш. nāsis, слав. năso-). Если бы уже въ слав.-лит. время основа nās потеряла свое древнее употребленіе безъ окончанія въ Nom. Sing. и съ чередованіемъ основного гласнаго въ склоненіи, то она уже тогда бы перешла въ склоненіе на *i-*, какъ это случилось съ цѣлымъ рядомъ другихъ словъ: лит. žuvis, слав. *zuv-is (въ пол. Gen.

---

[1]) Дер. Сувалкской губ. См. превосходное изданіе *Э. А. Вольтера*. Списки населенныхъ мѣстъ Сувалкской губ. 1901, стр. 80.

[2]) Ср. слѣд. аналогичныя явленія: въ чешско-моравскомъ говорѣ въ рѣчи одного лица sme и zme (tamsme, но chodili zme; byli zme tři, to zme přišli Hošek. 33. 84. 139. Ср. также Bartoš. I. 91 и Loriš. 16). Ср. у Loriš. 89: za šezd rokuv; въ галицкомъ говорѣ: po u̯ob'eće Gawin. Mat. i prac. I. 46 (вм. obiad возникло obiat). Въ каждомъ описаніи говоровъ можно найти множество соотвѣтствующихъ примѣровъ; обширный польскій матеріалъ изъ литературной рѣчи въ статьѣ *Benni* Z dziedziny akomodacyi międzywyrazowej (Mat. i prac. Kom. Ięz. I. 275—284). Ср. общеслав. држгъ при држкъ и лат. sambucus, лит. búkas при слав. *bug̃, а также bes при bez.

Sing. *zvi-) при сохраненіи и стараго zuv или zu (чеш. zva); лит. elnis, слав. ѥлень (при сохраненіи и стараго *eln въ *ѥлѧ-ѥлене); слав. мышь *mūs-is; слав. двьрь, лит. durìs; слав. ношть, лит. naktìs; слав. срьдь(це), лит. širdis (при Gen. Pl. širdu въ ст.-лит. Bezzenb. Beitr. 143—144); слав. звѣрь, лит. žvėrìs (при Gen. Pl. žveru Ширвидъ *39*. 13. *48*. 32. Барановскій Anÿkszczû szilēlys. vers. 11 : kuř žwêrũ ôłos); слав. гѫсь, лит. žansìs (при Gen. Pl. žansũ въ Шавел. уѣздѣ) и нѣк. др. Иначе, какъ съ переходомъ въ разрядъ тѣхъ или другихъ основъ на гласный звукъ, старыя корневыя основы не могли сохраниться въ славянскихъ языкахъ, тогда какъ балтійскіе языки допускаютъ въ этомъ отношеніи гораздо болѣе свободы. Такъ, инд.-евр. *k̂uōn, *kun-es сохранилось въ лит. šũ, šuñs, а въ латышскомъ оно перешло въ основы на ĭ- : suns(собака), sunitis (Demin.). Ничего подобнаго въ славянскомъ языкѣ нѣтъ: слова песъ, сука (врядъ-ли изъ псука или пьсука, какъ предлагаетъ Остгофъ Etym. Parerga; скорѣе ужъ отъ основы soụ, соотвѣтствующей лит. šuva), собака вытѣснили старое *sŭn-ь. Даже въ названіяхъ растеній, которыя, какъ извѣстно, очень часто создаются съ присоединеніемъ прилаг. собачій, песій и т. д. къ имени существительному для означенія негодности, ядовитости, зловонія и т. д. растенія (такихъ названій чрезвычайно много: см. у Маевскаго I. 341—343 и др.), даже здѣсь развѣ въ двухъ случаяхъ можно искать основу sŭn-. Это и вполнѣ естественно, потому что указанная основа должна была въ этимологически неясныхъ образованіяхъ смѣшиваться съ однозвучной основой sŭn-(сонъ), а въ началѣ сложеній съ предлогомъ сѫ, такъ какъ и sŭn должно было превратиться на общеславянской почвѣ въ съ или сѫ. Такъ, мы имѣемъ названіе растенія сонъ или сонъ-трава (Atropa belladona), которое иначе называется песьими вишнями (Даль. IV. 276). Послѣднее названіе показываетъ, что и въ первомъ имени растенія можетъ лежать не слово сонъ (=somnus), но сонь(песій). Однако это, во всякомъ случаѣ, не чувствуется, и указанное растеніе носитъ еще наиме-

нованія: сонная трава, сонная одурь, дурманъ, зелье. Однако, судя по аналогіи славянскихъ названій растеній съ песій, собачій въ первой части и такихъ литовскихъ, какъ šunrykas, šunёs rugštyne, šunёs petrošnas, šunlaiškei [1]), šungrybiai и др., или латышскихъ sun'upętersilije, sun'usénes, sun'ukumele, sun'uburkšis, sunišі (Bidens), sun'umēle и др. [2])—можно думать, что и въ славянскихъ ботаническихъ именахъ найдутся соотвѣтствія балтійскимъ названіямъ собаки. Сюда я отношу рус. суни́ка(земляника) или суница (Анненковъ № 609) и серб. sunice (земляника; малина. Šulek. 381), которыя восходятъ къ *сѫ-ника,-ница. Пол. sąkwiel (Vateria) не разлагается-ли на są и kwiel, которые находится въ близкомъ родствѣ съ глаг. kwilić(жалобить): тогда эта форма въ праслав. приняла-бы видъ *sun-kvьlь (собачьи слезы, ср. растенія серб. pasja smrt, пол. psiblиj и др., а также многочисленныя названія: слезы—кукушкины, зозулины и т. д.). Далѣе, пол. sącza (Cookia) можетъ восходить къ *sunkjā и значить собака, собачка, какъ называются, напр., многія русскія растенія (Анненковъ, 232 стр.). Основа sun передъ гласнымъ должна принять форму сън-, и если бы удалось выяснить отношеніе формъ снятъ, сныть, сниль, пол. śnieć, śnitka, snitka, серб. sniet, snit, чеш. snĕt, луж. sńeć и др. другъ къ другу, то и въ ихъ основѣ можно было бы искать корня сън=sun. Вѣроятно, первоначальной формой всѣхъ приведенныхъ словъ надо признать снѣть *sъn-ētis.

Латышскій языкъ сохранилъ одну изъ древнѣйшихъ корневыхъ основъ индоевропейскихъ языковъ, названіе крови asins, которому въ говорахъ соотвѣтствуетъ еще болѣе древняя форма ašni (Rig. Rak. Kr. II. 54) изъ asni. Др.-инд, ásr̥-k (Gen. Sing. asn-ás), гр. ἔαρ *esark, лат.

---

[1]) *Jacoby*. Litauische Pflanzennamen. Mitt. IX. 133—143.

[2]) Latvēšu botaniski nosaukumi, krati un sastāditi no *I. Ilstera.* Rig. Rak. Kr. II. 63—81. III. 68—73.

asser *asserg, assir (J. Schmidt. Bildung. 173) восходятъ къ инд.-евр. *asr̥-g (по Мерингеру 6 : Nom. S. ésr̥ или esr̥g, Gen. S. *asnes). Съ проведеніомъ *n* черезъ всю систему склоненія слова (ср. предполагаемое Грасманомъ 153 на основаніи Inst. S. asnā, Gen. Abl. asnás – Nom. Sing. asán) возникаетъ новый Nom. Sing. asni (латыш. ašni), которое однако стоитъ слишкомъ одиноко въ языкѣ и приспособляется къ обычнымъ формамъ на -ins или на -nis, откуда asins, asnis. Но рядомъ съ основой asn— мы нигдѣ не находимъ āsn- и не можемъ предполагать ее, потому что въ склоненіи основъ съ чередованіемъ гласнаго мы получили бы форму asān, но не āsn. Уже поэтому нельзя согласиться съ мнѣніемъ I. Карловича, что въ непонятномъ asyn народной пѣсни: „Ciece ś niego (Jezusa) asyn drogi, Ciece ś niego ślicná zdraja“ можетъ скрываться слав. соотвѣтствіе приведенной инд.-евр. группѣ словъ, не говоря уже объ окончаніи yn [1]), которое не соотвѣтствуетъ латышскому -in-.

Разсмотрю въ заключеніе еще одну основу, которая какъ я полагаю, должна быть также причислена къ числу корневыхъ основъ, но съ гласнымъ исходомъ. Именно, сравнивая между собою слова слѣдующей группы: церк.-сл. жила(vena), жица(тетива), серб. žȉla, žȉca(нить); словн. žíca (der Draht), žíla(vena), žíma (конскій волосъ. Valjavec. Rad. *42*. 12), žínja (=žíma ibd. *42*. 56); болг. жи́ла(vena), жи́ца(нитка); пол. żyła(vena); чеш. žíla(vena), žíně (конскій волосъ); луж. žíła(vena); рус. жи́ла, жи́ца(пряжа),—мы видимъ здѣсь рядъ образованій отъ корня žī съ суффиксами -la, ma, ca, nja. Въ то время, какъ отъ глагольнаго корня жи(жить) образованы существительныя жиръ (общесл.—пища, потомъ пища для свиней и жолуди въ серб. и болгар.), жи-знь и др., отъ именной основы жи- образованы вышеперечислен-

---

[1]) Ср. Prace Fil. I. 131—133. Не отказывается Карловичъ отъ своего взгляда (понять его иначе, кажется, невозможно, какъ ни осторожно выражается авторъ) и въ Sł. wyraz. 19. Sł. gw. I. 22.

ныя имена. Эта основа должна восходить къ праслав. *gī, и ближайшимъ образомъ ей соотвѣтствуютъ латыш. dzīja(нить) или dzī въ сложеніи dzīpari (жица, цвѣтная шерстяная пряжа), тогда какъ лит. gijà(нитка), лат. dzija восходятъ къ краткому виду той же основы gĭ. Въ другихъ инд.-евр. языкахъ это слово также распространено: сюда относятся др.-инд. jyā или jiyā (тетива лука), ав. jya, гр. βιός(лукъ), кимвр. gi(струна), которыя отчасти представляютъ переходъ корневой основы gĭ въ разрядъ основъ на -ā. Въ лит. gý-sla(жила), слав. жи-ла, -ма, -ня и др., латыш. dzīja находимъ основу gī, въ сложномъ латышскомъ dzīpari ту же основу, а въ лит. gi-ja, латыш. dzija ея краткую форму gĭ. По какому-то семазіологическому побужденію эта основа употребляется и въ названіяхъ растеній: жилки-ли на листьяхъ, нити въ стеблѣ или другія причины сыграли здѣсь свою роль, сказать трудно, но только и самое слово жица, жима и др. и сложенія съ основой gī не представляются рѣдкостью среди названій растеній. Я отнесъ бы къ этой группѣ явленій слѣдующее: пол. życica (Lolium), мрус. жи́мок (Malaxis monophyllos), рус. жилочница (Byssus) и др., лит. gyslapis *gysl-lapis (ranunculus, пол. żylieniec), рус. жибзни́ка (тамб.=бзника. Даль. I. 87), жимолость (происхожденіе этого слова неясно: искать-ли здѣсь жи или жимо, ср. пол. zymalza и symalza, żymulka, чеш. zimoléz), ожипалка (=о-жи-палка=палка, палочникъ — typha latifolia. Анненковъ 1490); пол. żychwota[1]) (Strumpfia, ср. chwat. Majewski. I. 523. 40).

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Разсмотрѣвъ довольно значительное число корневыхъ основъ, которыя были извѣстны въ инд.-евр. праязыкѣ, и кото-

[1]) Иного происхожденія и значенія лит. gýnages=лат. dzivnags (чувствительное, живое мясо въ томъ мѣстѣ, гдѣ начинаютъ расти ногти или копыта) Bezzenberger. Lit. Forsch. 113.

рыя такъ или иначе должны были отразиться и въ славянскихъ языкахъ, я хочу сдѣлать нѣсколько выводовъ изъ вышеизложеннаго.

1. Можно думать, что въ славяно-литовскую эпоху и даже въ праславянскій періодъ корневыя основы находились въ употребленіи въ живомъ языкѣ, по крайней мѣрѣ, въ Nom. Sing. Здѣсь онѣ обладали всѣми тѣми особенностями, которыя характеризуютъ ихъ въ праязыкѣ: именно, чередованіемъ гласнаго въ падежныхъ формахъ и въ словообразованіи, архаистическими окончаніями (Gen. Sing. -*s*) и т. д. Ср. склоненіе слова *nă̄s, pod, gŏ-.

2. Подобно другимъ индо-европейскимъ языкамъ, и славяно-литовскіе пріурочивали склоненіе этихъ основъ къ флексіи различныхъ основъ на гласный, по преимуществу же основъ на i-. При этомъ однако, какъ и въ другихъ индоевропейскихъ языкахъ, рядомъ съ Nom. Sing. новаго типа во многихъ, хотя не во всѣхъ случаяхъ, жилъ и старый Nom. Sing. безъ окончанія.

3. Изъ того, что инд.-евр. gīr (др.-инд. gīr—хвала) перешло въ литовскомъ языкѣ въ форму gyrà, а въ славянскихъ въ *-gīro—(*жиръ* въ собственныхъ именахъ); что лит. nósis соотвѣтствуетъ слав. *nṓs-os(носъ), лит. žemė—слав. зем-ja и др., можно заключить, что славяно-литовскій праязыкъ еще не выработалъ перехода данныхъ корневыхъ основъ nă̄s, zem(žem), gīr въ систему основъ на гласный.

4. Балтійскіе языки, такъ же какъ славянскіе, не сохранили корневыхъ основъ въ томъ видѣ, какъ древне-индійскій и древне-иранскіе, но они удержали ихъ первоначальную форму въ сложныхъ словахъ, первая часть которыхъ, старая корневая основа, сохраняетъ этимологическую связь съ той же основой въ склоненіи: такъ, напр., рядомъ съ žemė встрѣчается въ сложеніяхъ žem(-patis, berīs, -lindīs, -skirė и др.), и это послѣднее чувствуется этимологически тожественнымъ первому, такъ что и въ сложенія уже въ старолитовскомъ языкѣ проникаетъ слово žeme (откуда žemepatis въ Вольфенбюттельской постиллѣ).

5. Въ славянскихъ языкахъ этого не могло быть: между корневой основой въ сложеніяхъ и словообразованіи и той же основой въ склоненіи была утеряна всякая этимологическая связь, такъ какъ, по законамъ славянскихъ языковъ, нагроможденіе согласныхъ внутри слова приводило къ значительнымъ измѣненіямъ внутри группы согласныхъ: и такъ *zem превратилось въ сложеніяхъ въ *zę, *pod въ pos-, po-, *net въ nes и т. д., вслѣдствіе чего связь ихъ основъ со словами земля, подъ, неть была утрачена. Это привело къ тому, что указанныя выше сложенія сдѣлались этимологически непонятными, и только съ помощью сравнительнаго языкознанія можно иногда съ извѣстной долей достовѣрности выяснить ихъ происхожденіе. Но старый типъ склоненія корневыхъ основъ съ переходомъ ударенія съ основы на окончаніе въ извѣстныхъ падежахъ оставилъ свои слѣды, по остроумному наблюденію Маретича (Slavenski nominalni akcenat. Rad. *102*. 44—45), въ склоненіи основъ на -ъ и ь [1]).

---

[1]) „U padežima se slaže ruski jezik s grčkijem i staro-indijskijem, ali se ne slaže u deklinacijama, jer navedeno skakańe akcenta u ova dva jezika biva samo pri konsonantskijem osnovama, a nikako pri osnovama na ĭ i na ŭ, kako je u slavenskom. Valja nam dakle reći: dok je praslavenski jezik imao jednosložnijeh konsonantskijeh osnova (kakve su grčke θηρ, νοκτ, staroind. vā̆c, pad), akcentovano je ńihove padeže onako, kako biva u grčkom i u st.-ind. jeziku; to je mijeńańe praslavenskomu jeziku tako bilo omiljelo, da ga je prenio u *i* i *u* deklinaciju, koje su imale već prije toga posve sročne oblike, a valjada i akcentuaciju. Svi su slavenski jezici već odavna izgubili deklinaciju jednosložnijeh konsonantskijeh osnova, tako da joj nema traga ni u staroslav. jeziku (это не совсѣмъ справедливо: напомню клене), ali akcentuacija te deklinacije bivši prenesena na *u* i na *i*- osnove sačuvana je do danas“.

ДОПОЛНЕНІЯ.

Къ стр. 144. Въ моравскихъ говорахъ (Bartoš. I. 88) встрѣчается и форма skos вмѣсто kos, которая лежитъ въ основаніи сложнаго слова *sko-vornъ и соотвѣтствуетъ латышскому skōsa (skos- : skōs).

Къ стр. 184. Ст.-пол. миѳолог. Dziecilela, которое, по мнѣнію А. Брюкнера (Literatura religijna w Polsce średniowiecznej. I. 44), жило, дѣйствительно, въ устахъ народа, разлагается на Gen. Plur. dzieci и Nom. Sing. lela и представляетъ одно изъ ст.-пол. сроцепій.

Къ стр. 194. Точно соотвѣтствовало бы въ литов. языкѣ слав. *зѫбьрь не žemberis, но žembiris; повидимому, эту форму можно предположить на основаніи лит. глагола byru, birti(сыпать) рядомъ съ berti.

Къ стр. 217. Въ своемъ послѣднемъ трудѣ объ осетинскомъ языкѣ проф. В. Миллеръ (Die Sprache der Osseten. Grundriss der iranischen Philologie. Anhang zum ersten Band. Strassburg. 1903. 41) признаетъ, повидимому, оссет. nostä, nvostä(невѣстка) словомъ заимствованнымъ, но откуда совершенно заимствованіе, онъ не указываетъ.

Къ стр. 231. Въ Prac. Fil. III. 111 проф. Бодуэнъ-де-Куртенэ предлагаетъ слѣд. этимологію пол. gospoda: „wyraz gościniec od gość (por. łać. hostis obok hospes) oznacza drogę, którą przybywali goście, t. j. ludzie obcy, pozazagrodowi; a wyraz gos-poda (Herberge) miejsce i pomieszkanie, przeznaczone dla gości". Однако этимологически раздѣлять слова господь и господа, мнѣ кажется, невозможно (повидимому, такъ же думаетъ теперь и авторъ приведенной этимологіи; см. Журн. Мин. Нар. Просв. 1903. № 5. Отд. 2, стр. 21), а между тѣмъ въ словѣ господь трудно видѣть какое-нибудь отношеніе къ гостю.

Къ стр. 247. Прус. supūni восходитъ къ пол. *župani, какъ справедливо указываетъ проф. Миккола. Baltisches und slavisches. 14.

Списокъ главныхъ словарныхъ источниковъ.

А) Балтійскіе языки.

C. Szyrwid. Dictionarium trium linguarum. 5 изд. Vilnae. 1713.

Fr. Kurschat. Littauisch-Deutsches Wörterbuch. Halle. 1883.

М. Межинисъ Литовско - латышско - польско - русскій словарь. Тильзитъ. 1894.

А. Юшкевичъ. Литовскій словарь. С.-Петербургъ. 1897. Выпускъ I (A-Dżiúti).

L. Geitler. Litauische studien. Prag. 1875.

L. Geitler. Beiträge zur litauischen Dialektologie. Wien. 1885.

A. Bezzenberger. Beiträge zur Geschichte der litauischen Sprache. Göttingen. 1877.

A. Bezenberger. Litauische Forschungen. Göttingen. 1882.

A. Leskien. Der Ablaut der Wurzelsilben im Litauischen. Leipzig. 1884.

A. Leskien. Die Bildung der Nomina im Litauischen. Leipzig. 1891.

Mitteilungen der Litauischen Litterarischen Gesellschaft. Heidelberg. 1—26 вып.

C. Ulmann. Lettischer Wörterbuch. Riga. 1872.

A. Bezzenberger. Lettische Dialekt-Studien. Göttingen. 1885.

Rakstu krájums izdots no Rigas Latweeșu Beedribas Zinibu Kommisijas. 1—13 вып.

E. Berneker. Die preussische Sprache. Strassburg. 1896.

В) Славянскіе языки.

F. Miklosich. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien. 1886.

А. Будиловичъ. Первобытные славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ по даннымъ лексикальнымъ. Ч. I. 2 вып., ч. II. вып. I. Кіевъ. 1882.

E. Majewski. Słownik nazwisk zoologicznych i botanicznych polskich. I. Słownik polsko-łaciński. Warszawa. 1889. II. Słownik łacińsko-polski. Warszawa. 1898.

J. Rostafiński. Słownik polskich imion rodzajów, oraz wyższych skupień roślin. Kraków. 1900.

B. Šulek. Jugoslavenski imenik bilja. U Zagrebu. 1879.

И. Анненковъ. Ботаническій словарь или собраніе названій какъ русскихъ, такъ и многихъ иностранныхъ растеній. Москва. 1859.

Słownik języka polskiego, ułożony pod redakcją J. Karłowicza, A. Kryńskiego i Wł. Niedźwiedzkiego. Tom I—II (A—Mżytek). Warszawa. 1900.

Słownik języka polskiego, wydany staraniem i kosztem M. Orgelbranda. Wilno. 1861.

J. Karłowicz. Słownik gwar polskich, ułożył J. Karłowicz. I—II. (A—Kyś). Kraków. 1901.

J. Karłowicz. Słownik wyrazów obcego a mniej jasnego pochodzenia, używanych w języku polskim. I-II. (A—Kyrpce). Kraków. 1897.

R. Lubicz. Przyczynki do nowego słownika języka polskiego. (Prace Filologiczne. IV. 173—279).

H. Łopaciński. Przyczynki do nowego słownika języka polskiego. (Prace Filologiczne. V. 681—976).

St. Ramult. Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego. Kraków. 1893.

G. Pobłocki. Słownik kaszubski. Chełmno. 1888.

A. Berka. Słownik kaszubski porównawczy. (Prace Filolog. III. 357—442. 585—690).

J. Jungmann. Slownik česko-německý. I—V. W Praze. 1839.

Jan Gebauer. Slovník staročeský. Sešit I—VIII. (A — jězdec). V Praze. 1902.

F. Menčík. Prešpurský slovník. Vocabularium latino - bohemicum Posoniense. V Praze. 1892.

Archiv pro lexikografii a dialektologii. Čislo I. Příspěvky k česko-německému slovníku zvláště grammaticko-fraseologickému. 1896—1897. Čislo III. Druhý příspěvek... V Praze. 1901.

J. Zoriš. Rozbor podřečí Hornoostravského ve Slezsku. V Praze. 1899.

J. Hošek. Nářečí českomoravské. I. Podřečí polenské. V Praze. 1900.

V. Dušek. Hláskosloví nářečí jihočeských. I. Consonantismus. II. Vocalismus. V Praze. 1894—1898.

Fr. Bartoš. Dialektologie moravská. I—II. V Brně. 1886—1895.

Łoos. Slowník slowenskej, madjarskej a nemeckej reči. Pest. 1871.

Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika na svijet izdaje Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti. I—III. (A—Isprekrájati). U Zagrebu. 1880—1891.

Dj. Даничић. Рјечник из књижевних старина српских. I—III. У Биограду. 1863—1864.

Вук Караджић. Српски Рјечник. У Бечу. 1852.

F. Iveković i Iv. Broz. Rječnik hrvatskoga jezika. I—II. U Zagrebu. 1901.

Dj. Даничић. Основе српскога или хрватскога језика. У Биограду. 1876.

Nemanić. Čakavisch-Kroatische Studien. I—III. Wien. 1883—1885.

Dj. Даничић. Историја облика српскога или хрватскога језика до свршетка XVII вијека. У Биограду. 1874.

А. Дювернуа. Словарь болгарскаго языка. I—II. Москва. 1889.

Н. Геровъ. Рѣчникъ на блъгарскый языкъ. I—IV. (А—Пять). Пловдивъ. 1895—1901.

M. Pleteršnik. Slovensko - nemški slovar. I—II. V Ljubljani. 1894—1895.

Вальявца собранія въ различныхъ томахъ Rada Jugoslav. Akademje.

Pfuhl. Lausitzisch Wendisches Wörterbuch. Budissin. 1866.

J. Zwahr. Niederlausitz - wendisch - deutsches Handwörterbuch. Spremberg. 1847.

K. Mucke. Historische und vergleichende Laut-und Formenlehre der Niedersorbischen Sprache. Leipzig. 1891.

A. Schleicher. Laut-und Formenlehre der polabischen Sprache. S.-Petersburg. 1871.

В. Даль. Толковый словарь живого великорусскаго языка. 2 изд. I—IV. С.-Петерб. 1880—1882.

Дополненіе къ опыту областнаго великорусскаго словаря. С.-Петербургъ. 1858.

И. Срезневскій. Матеріалы для словаря древнерусскаго языка. С.-Петерб. 1890—1902. (А П.)

Г. Куликовскій. Словарь областного Олонецкаго нарѣчія. С.-Петербургъ. 1898.

А. Подвысоцкій. Словарь областного Архангельскаго нарѣчія. С.-Петерб. 1885.

И. Носовичъ. Словарь Бѣлорусскаго нарѣчія. С.-Петерб. 1870.

Е. Желеховскій. Малоруско-нïмецкій словар. Львів. I—II. 1886.

М. Уманецъ і А. Спілка. Словарь росийсько - украïнський. I. (А.-К.). Львів. 1893.

Fr. Miklosich. Lexicon palaeoslovenico-graecolatinum. Vindobonae. 1862—1865.

C) Другіе индоевропейскіе языки.

O. Böhtlingk. Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung. I—VII. S.-Petersb. 1879.

H. Grassmann. Wörterbuch zum Rig-Veda. I—VI. Leipzig. 1873—1875.

G. Uhlenbeck. Kurzgefasstes Etymologisches Wörterbuch der altindischen Sprache. Amsterdam. 1898—1899.

P. Horn. Grundriss der neupersischen Etymologie. Strassburg. 1893.

H. Hübschmann. Persische Studien. Strassburg. 1895.

H. Hübschmann. Etymologie und Lautlehre der ossetischau Sprache. Strassburg. 1887.

W. Geiger. Etymologie und Lautlehre des Afghānischen. München. 1893.

W. Geiger. Lautlehre des Balūčī. München. 1893.

H. Hübschmann. Armenische Grammatik. I. Armenische Etymologie. Leipzig. 1895—1897.

W. Prellwitz. Etymölogisches Wörterbuch der griechischen Sprache. Göttingen. 1892.

O. Schade. Altdeutsches Wörterbuch. Halle. 1872—1882.

F. Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 5 изд. Strassburg. 1894.

S. Feist. Grundriss der gotischen Etymologie. Strassburg. 1888.

A. Noreen. Abriss der urgermanischen Lautlehre. Strassburg. 1895.

v. Grienberger. Untersuchungen zur gotischen Wortkunde (Sitzungsber. d. Kais. Ak. Wien. 142 томъ).

M. Lexer. Mittelhochdeutsches Taschen Wörterbuch. 4 Auflage. Leipzig. 1891.

Wh. Stokes und A. Bezzenberger. Wortschatz der Keltischen Spracheinheit. Göttingen. 1894.

G. Meyer. Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache. Strassburg. 1791.

A. Fick. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. 4 изд. Göttingen. 1891.

C. Uhlenbeck. Die lexicalische Urverwandtschaft des Baltoslavischen und germanischen. Leiden Leipzig. 1890.

O. Schrader. Reallexicon der indogermanischen Alterthumskunde. Strassburg. 1901.

K. Brugmann. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprache. I. Einleitung und Lautlehre. Strassburg. 1897.

Указатель авторовъ.

(Цифра при фамиліи указываетъ на страницу, гдѣ сочиненіе названо полностью; поэтому при одной фамиліи можетъ быть нѣсколько одинаковыхъ цифръ).

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВЪ.

---

1. Литовскій языкъ.

2. Латышскій языкъ.

3. *Прусскій языкъ.*

4. *Вел.-русскій языкъ.*

5. *Мал.-русскій языкъ.*

6. *Бѣл.-русскій языкъ.*

7. *Польскій языкъ.*

8. *Кашубскій языкъ.*

9. *Чешскій языкъ.*

10. *Моравскій языкъ.*

15. Словинскій языкъ.

18. Др.-индійскій яз.

19. *Иранскіе языки* [1]).

[1]) *ав.*—авеста, *др.-перс.*—древне-персидскій, *пехл.*—пехлевійскій, *н.-перс.*—новоперсидскій, *афг.*—афганскій, *бел.* — белуджистанскій, *курд.*—курдскій, *оссет.*—оссетинскій.

20. *Армянскій языкъ.*

21. *Греческій языкъ.*

22. *Италійскіе и романскіе языки* [1]).

[1]) *фр.* — французскій, *ит.*—итальянскій, *латинскій*—не означается, *умбр.* —умбрійскій.

23. *Кельтскіе языки*[1]).

[1]) *Гал.*—галльскій, *ир.* — ирійскій, *брет.* — бретонскій, *корн.* — корнваллійскій, *ким.* — кимврійскій, *др.* — древне, *ср.* — средне.

24. *Германскіе языки*[1])

[1]) *Гот.*—готскій, *др.-в.-нѣм.* — древне-верхне-нѣмецкій, *др.-исл.* — древне-исландскій, *др. - сѣверный*, *англо - саксонскій*, *древне-саксонскій*. Ново-нѣмецкій не означается.

25. *Албанскій языкъ.*

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

стр.:	*строка:*	*вмѣсто:*	*нужно:*
2	13 снизу	*языгамъ*	*языкамъ*
15	2 сверху	дѣнтельность". Иное...	дѣятельность. „Иное...
15	6 „	безформеино	безформенно
20	4 и 5 снизу	агглюцинація	агглютинація
23	19 „	сношеніе	отношеніе
29	4 „	латинскихъ и христіа-скихъ	латинскихъ христіан-скихъ
35	17 сверху	аналогія	аналогіи
46	21 „	boït-tout	boit-tout
49	13 снизу	amari	amavi
54	7 сверху	язъ	изъ
61	17 „	Есперсеномъ	Есперсенъ
63	2 снизу	amari	amavi
85	2 сверху	g + el + j + l	g + e + j + l
85	15 „	суффиксы	суффикса
116	6 „	ą̧cva	açva
120	12 „	камендалски	камендолски
121	18 „	воучинга	воучиюга
124	17 „	возовозъ	водовозъ
128	11 „	незна̀божацъ	незна̀божац
129	20 „	глаголяной	глагольной
136	22 „	dẽnādarżys, pirmagalŷs	dẽnādarbys, pirmagulŷs
144	3 „	dagagayidis	dagagaydis
144	5 „	alkskanke	abkskaude
147	23 „	kâvarnis	kāvārnis
148	15 „	éla	éba
152	8 „	aṡictras	aṡietras

стр.:	*строка:*	*вмѣсто:*	*нужно:*
153	28 „	др.-пр.	др.-ир.
159	13 „	лохмоника	лохмонина
160	5 снизу	člověkъ	č̥lověkъ
161	2 сверху	слюдующимъ	слѣдующимъ
169	7 снизу	wstanije	wstanÿe
173	5 сверху	sádaspátī	sádaspáti
179	примѣчаніе сильно искажено опечатками. Слѣдуетъ читать: „Litauische Märchen und Erzählungen. Aus dem Volke gesammelt und in verschiedenen Dialekten, besonders in der Galbraster Mundart mitgeteilt von C. Jurkschat, Pf. Heidelberg. 1898.		
180	8 снизу	fpleteršnik	Pleteršnik
181	3 сверху	vųecyménu	vųecyḿeńu
197	1 снизу	wurżelerw.	wurzelerw.
206	13 „	здѣсь	сюда
208	11 сверху	деть	demъ
257	4 снизу	д р о г-	д р ъ г-

